

Н. МОСКВИН

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

ЗА НАШУ
СОВЕТСКУЮ
РОДИНУ

Н. МОСКВИН

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ ★ МОСКВА — 1971

Николай Иванович Москвин — секретарь Смоленского обкома КПСС. В начале Великой Отечественной войны был политруком батареи артиллерийского полка. Западнее Витебска полк попал в окружение. Долго сражались артиллеристы в тылу врага, но прорваться к своим войскам смогли далеко не все. Н. И. Москвин, раненный при попытке прорваться через боевые порядки первого эшелона фашистских войск, остался на оккупированной территории.

Тягостные недели выздоровления в приютившей его крестьянской семье, безрезультатные попытки снова прорваться через стабилизировавшийся фронт, мучительные поиски связей с партизанскими отрядами, закончившиеся успешно, беспощадные удары народных мстителей по врагу в его

глубоком тылу, встреча с нашими войсками летом 1944 года — об этом рассказывает Н. И. Москвин в предлагаемом вниманию читателя повествовании. Оно раскрывает замечательные морально-политические черты советских людей, воспитанных Коммунистической партией, — беспредельную преданность социалистическому Отечеству, героизм и самоотверженность в борьбе с его врагами.

Первоначально книга вышла в Смоленске, в 1967 году она выпущена издательством «Московский рабочий». Это издание книги автором переработано и значительно дополнено.

Посвящается друзьям
боевой, тревожной,
полной суровых испытаний,
но все-таки трижды благословенной
молодости.

ВСТУПЛЕНИЕ

ойна пришла внезапно, грозная, беспощадная.

В моей памяти лето 1941 года наполнено истошным ревом моторов и визгом пикирующих «мессершмиттов», гулом и скрежетом танков, тягачей, машин.

От дыма и пыли, от испарений бензина, копоты оружейных залпов и разрывов бомб над полями Белоруссии, над зреющими хлебами, над лесами и перелесками стоял удушливый смрад. Земля горела.

Молодые воспринимают эти слова как образ. Мы, участники тех событий, помним их буквальный смысл: пылали города и деревни, аэродромы и склады, дымился торф, горели хлеба и леса.

Более четырех миллионов чудовищно обнаглевших от безнаказанности своих «европейских успехов» гитлеровцев по-бандитски напали на нашу страну, на совет-

ских людей, занятых мирным трудом. Применяя тактику танковых таранов, глубоких обходов наших войск, массированных налетов авиации, они рвались вперед, на восток.

Пока шла мобилизация и советский народ вставал под ружье, кадровая Красная Армия приняла на себя напор сильного, коварного и обстрелянного противника. В неравной схватке с ним истекали кровью войска вынужденного отступить Западного фронта.

Полки и дивизии Красной Армии героически обороняли каждый рубеж, истребляя живую силу и технику захватчиков. Но многие наши части попадали в окружение и оказывались в тылу обошедших их фашистских войск.

Окружение... Прошли годы, и ветераны партизанского движения с гордостью вспоминают, как не раз удавалось им, ловко обманув фрицев, прорываться и выходить из самых невероятных «котлов» и «колец», замкнутых вокруг них фашистами. Но для этого потребовался опыт и новая тактика. А тогда, в начале войны, слово «окружение» воспринималось как нечто роковое и безнадежное. Оно воспринималось как трагический отрыв от своих, одиночество, обреченность. Врагу такие настроения были на руку, и он всячески старался их культивировать.

Спустя много лет, когда была завоевана победа и подведены итоги утрат и успехов, мир узнал о подвигах бессмертного гарнизона Брестской крепости, защитников Могилева; мир изумился эпопеей Смоленского сражения, в котором враг, по его собственному признанию, потерял четверть миллиона своих солдат и офицеров и которое на два с половиной месяца застопорило рвавшиеся к Москве танковые группы генералов Гудериана и Гота.

Но сколько было еще других, маленьких островков сопротивления, где оставшиеся в окружении полки и дивизии, небольшие подразделения — батальоны, роты, взводы — стояли насмерть, перемалывая живую силу и технику немцев, или прорывали стены немецких «котлов» и с боями шли на соединение со своими частями.

К чести советских людей, немного оказалось таких, которые в трудное время отступления дрогнули и пошли на сделку с собственной совестью.

Воинские уставы и наставления, так же как и все наши гражданские законы, предоставляли командирам широкую самостоятельность; они исходили из основного правила нашей жизни — доверять советскому человеку. Тысячи наших командиров, воспитанных на этих уставах, проявляли изумительную находчивость, попадая в сложные перипетии войны. Для сильного волей, тактически грамотного и преданного народу командира окружение было суровой школой воинского мастерства, проверкой духовных качеств и гражданского патриотизма.

Фашисты, несмотря на большие потери, упивались победами. Все, что оставалось позади танковых колонн, как бы сбрасывалось ими со счетов. Части, попадавшие в окружение, в хвастливых сводках именовались пленными советскими войсками. Но оценки, может быть, справедливые для маршей гитлеровцев по Западной Европе, не подходили к войне с советским народом. Немецкие сводки далеко не во всем соответствовали действительности.

Вероятно, даже военным историкам не удастся установить числа вышедших из окружения и соединившихся с Красной Армией бойцов и командиров. Но если бы человеческий взор мог окинуть обширные пространства, занятые немецкими войсками в 1941 году, перед ним открылась бы не агония частей, попавших в окружение, а то, что в Европе и Америке называли «русским чудом».

По глухим ночным дорогам Белоруссии и Смоленщины, по горьким полям отступлений, через луга, леса и перелески на восток, к сражающимся армиям, двигались наши воины, поредевшие в боях дивизии, полки, подразделения... Шли мелкие группы и одиночки. Шли изнуренные, уставшие, но не бросившие своего оружия, верившие в победу над врагом, а потому непобежденные. Шли легкораненные и больные, и среди них те, кто испытал ужасы плена и сумел вырваться из него, чтобы вновь встать в ряды защитников Родины.

Шли... В ночных схватках они уничтожали гарнизоны и заслоны противника, с боями прорывались через фронт, и этот прорыв был тем успешнее, чем больше была группа или часть, его осуществлявшая. Так говорил опыт, рожденный обстановкой. Но далеко не все еще обладали этим опытом.

Те же, кому не удавалось пройти через фронт и соединиться со своими войсками, оставались на занятой врагом земле. Оставались и пополняли ряды партизанских отрядов. Для них особенно ясна была смертельная опасность, нависшая над страной. Не из газет и листовок узнавали эти люди звериный облик завоевателей, подлость врага, всю мерзость его разбойных дел. Они видели все это своими глазами, и потому в дыму пожаров, в пыли военных дорог созревала и крепла решимость этих людей драться не на живот, а на смерть, рождалась ненависть, которую могла утолить только победа. Сама жизнь подсказывала им новые методы борьбы. И они сражались там, где им повелевала сражаться сама война.

Борьбу советских людей возглавляло и направляло партийное подполье. Народный гнев рос и ширился. Неудержимый поток народного патриотизма вылился в массовое партизанское движение. В партизанские отряды шло местное население, шли вооруженные окруженцы и вырвавшиеся из-за колючей проволоки военнопленные. Соединение этих сил не толькополнило ряды борцов народного сопротивления, но и придало им военную организованность. Обученные общим законам ведения войны и воинскому мастерству, командиры, политработники и красноармейцы внесли в партизанское движение новые качества: армейскую выучку, железную дисциплину.

Прежде чем приступить к рассказу о войне на партизанских тропах, я попытаюсь поведать о короткой, но, на мой взгляд, характерной для многих частей Красной Армии судьбе артиллерийского полка Резерва Главного Командования, в котором мне пришлось служить в канун сорок первого года. С этим полком я прошел первые дни по пылающим дорогам Белоруссии, по горьким дорогам отступления, по клубящимся дымом и пылью высотам и зеленым опушкам лесов. Убитыми, которых мы не успевали даже хоронить, отмечены в памяти рубежи наших схваток с врагом, и рубежи эти с годами не стираются, пожалуй, даже наоборот: с расстояния в тридцать лет многое видится более четко, чем в те дни, и многое оценивается более глубоко и точно.

В первые часы вторжения мы действительно не имели

сплошной линии фронта: слишком неравным было соотношение сил. Но как до Смоленского сражения, так и в ходе его продолжалось невиданное до того в истории войн очаговое сопротивление наших войск, оставшихся за боевыми порядками передовых колонн врага. Сотни частей и подразделений, обойденных противником, стояли насмерть, перемалывая живую силу и военную технику захватчиков. Думаю, что примером этому может служить и судьба артиллерийского полка, о котором пойдет мой рассказ.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Начало войны застало нас в армейском лагере Дретунь. Как большинство частей Западного военного округа, полк занимался боевой подготовкой по плану мирного времени. О начале войны не только рядовые, но и командование узнало лишь из правительственного сообщения, так как с утра 22 июня связи со штабом округа не было и никаких распоряжений не поступало. Но уже двадцать третьего полк двинулся походной колонной навстречу врагу.

Однако когда мы находились западнее Полоцка, поступил приказ изменить маршрут и занять оборону под Витебском.

Не считая многочисленных бомбежек, первое боевое крещение эта часть получила 3 июля. А надо сказать, что накануне войны полк находился в процессе формирования, и один из дивизионов еще не имел пушек, хотя личный состав его был полностью укомплектован.

В тот день к обороне полка, проходившей по реке Улла, приблизились танки противника. Они разорвали жиденькую цепочку стрелкового подразделения, и пер-

вый свой бой артиллеристам пришлось вести с прямой наводки. Я не участвовал в этом бою. По приказу командира мне надлежало обеспечивать эвакуацию семей командного состава, которые остались на зимних квартирах. Но пятого июля я пришел в свой дивизион, и ребята показали мне шесть обгоревших танков. Артиллеристы выдержали свой первый огневой экзамен. Не напрасно умный и очень энергичный командир полка подполковник Никитин с первого дня формирования части обучал командиров и красноармейцев стрельбе с прямой наводки и стрельбе на рикошетах. Какой молодец был этот командир полка! Батареи были так искусно замаскированы, что, несмотря на господство авиации противника в воздухе, ни одно орудие не вышло из строя. Но при отражении танковой атаки погибли два пушечных расчета. Их тут же заменили подготовленными артиллеристами из четвертого дивизиона — того, который еще не имел пушек.

На несколько дней на нашем участке обороны установилось что-то вроде позиционной войны. Очевидно, прорвавшиеся передовые части врага, получив хорошую взбучку, ожидали, когда подтянутся основные силы. Реденькие цепи пехоты отбивали попытки немцев вновь переправиться через реку, а когда стрелковым подразделениям становилось туго, они просили огня наших пушек и, как говорили пехотинцы, немцам становилось тошно от наших батарей.

Пожары в Витебске начались еще в тот день, когда на двадцати пяти автомашинах, нагруженных снарядами в военном городке, мы возвращались из Полоцка в полк. С шестого июля город буквально пылал, и зловещая туча протянулась над ним на много десятков километров, а где-то на востоке сливалась с горизонтом, затягивая дымом весь небосклон.

Волна за волной, над нашими батареями шли самолеты и безжалостно добивали горящий город. Долго потом перед глазами стояли растерянные и плачущие женщины и дети, обреченные уходить из своих жилищ в сторону местечка Городок. Это было в день, когда мост через Двину еще не был взорван.

Седьмого июля крупные силы немцев форсировали Уллу и при поддержке танков смяли наши стрелковые подразделения. Небольшими группами красноармейцы

отходили на позиции наших дивизионов, несколько орудий ПТО, стоявшие впереди нас, героически отбивались, но и они были подавлены. Полку вновь пришлось вступить в единоборство с танками и автоматчиками. В каждой батарее одно орудие стреляло с рикошетов, а остальные били врага с прямой наводки. Для наших бойцов это была уже вторая танковая атака. Для меня — первый серьезный бой. И ощущение было жуткое. Схватка с собственным чувством страха далась нелегко. Но когда полк уничтожил шесть вражеских машин, страх отступил. Немцы не выдержали губительного огня батарей, атака захлебнулась, рассеялись дым и пыль, и перед нами открылась панорама с четырнадцатью горящими танками. Здесь я впервые увидел опрокинутые взрывом тяжелых снарядов машины. Они находились в двухстах-трехстах метрах от позиций. Мы потеряли много людей, пушки уцелели все.

Это был поистине героический бой, но особенно отличились в нем наводчик Алексей Баделин и ставший к панораме орудия заместитель политрука Хачатуров. Каждый из них уничтожил по две немецкие машины. А на счету Алексея было к этому дню три танка!

Остаток дня авиация противника словно вымещала на нас злобу за неудавшийся прорыв. Бомбежка продолжалась и весь день восьмого июля. Врагу потребовались десятки тонн бомб, чтобы вывести из строя четыре наших орудия.

За две недели войны мы почти не видели в воздухе советских самолетов. И это удручало. Было совершенно непонятно, что же произошло с нашей авиацией? Куда она отозвана? На каком фронте сосредоточена? Никем не преследуемые, немецкие воздушные пираты настолько обнаглели, что гонялись буквально за одиночными бойцами.

Тогда мы еще не знали, что в первую ночь войны на аэродромах были уничтожены сотни наших самолетов.

Девятого июля нещадно палило солнце. На небе — ни облачка. И только над Витебском, все разрастаясь, плыла исполинская туча дыма. Даже не верилось, что в городе есть чему гореть. Западный ветер приносил на батареи трупный запах, от которого мутило и кружилась голова.

К середине дня было установлено, что немцы ушли с захваченного ими плацдарма на восточном берегу реки. Кое-кто истолковал это как отвод фашистских сил под ударами Красной Армии где-то на других участках фронта. Многие с радостным возбуждением говорили о разгроме немецкой группировки. Однако в тот же вечер эти оптимистические предположения разбились о горькую реальность: оказалось, что обходом с севера Витебск захвачен противником, а в тылу у нас уже стоят его войска.

Прекратилась связь со штабом дивизии, которой был придан наш полк. На юго-востоке слышалась артиллерийская канонада, кругом горели деревни и посевы, авиация фашистов безнаказанно свирепствовала в воздухе.

Это было окружение.

С наступлением темноты подполковник Никитин отдал приказ сняться с позиций и проселочными дорогами повел полк на юго-восток, в направлении местечка Сенно. Разведка у немцев, очевидно, действовала. Едва мы снялись с позиций, как по колонне был нанесен бомбовый удар. И хотя особого урона он не дал, но и без того неважное настроение людей резко упало. Каждый понимал, что захват врагом Витебска означает его переход через Западную Двину. А на этот рубеж возлагались большие надежды. Мы считали, что уж его-то врагу не одолеть.

Всю ночь мы шли через притихшие, частично выжженные, а то еще и не тронутые бомбежками деревни. Молча провожали нас женщины, старики и дети, и в их глазах читался немой упрек армии, оставлявшей врагу родную землю. Это было мучительно горько и стыдно. Что объяснишь им, если и сам-то не можешь понять, что происходит вокруг, и почему врагу удалось в столь короткое время вторгнуться в глубь нашей страны.

Вспоминается один ночной разговор. Это было в деревне Шевцово, кажется, Лепельского района. С политруком Василием Розовым мы подошли к группе женщин, стоявших у крылечка дома. Попросили попить. Женщина, видимо хозяйка дома, метнулась в сени и вынесла крынку молока; но не успел Василий поднести ее ко рту, как откуда-то со двора появился старик с протезом вместо одной ноги и со злостью сказал: «За что им мо-

лока? Бегут! Мы голодные, босые отстояли Советскую власть, а они нас германцу оставляют!»

Розов растерянно держал перед собой крынку, не смея притронуться к молоку. А женщины накинулись на старика, стали ругать его сумасшедшим, бессовестным, психопатом...

— Нет, пусть слушают, пусть слушают, что о них думает старый солдат,— продолжал старик.— Проворонили Белоруссию? Отступаете? А ведь наступать-то придется! Каждую версту кровью польете... Эх, какие махины тянете,— указывая на трактора и пушки, кричал дед.— А где же те соколы-летчики, что выше, дальше и быстрее всех летают? Ай только на парадах горазды красоваться?!. Теперь товарищ Сталин призывает организовать партизанские отряды. Ну что ж, пойдем партизанить! Вот и я,— указывая на деревянный протез, продолжал как из пулемета палить словами дед,— и я пойду с одной ногой. А уж вам-то стыдно с таким оружием отступать!

— Чего ты, дед, кричишь! И без тебя тошно,— сказал Розов, возвращая женщине полную крынку.

— Тошно? — словно обрадовался старик.— Вот это хорошо, если тошно! Стало быть, есть еще совесть,— уже беззлобно закончил он и, махнув рукой, захромал прочь.

Ошарашенные горестными и злыми словами, мы сказали что-то стандартное и ничего не значащее о том, что победа все равно за нами, и пошли догонять свои подразделения. А женщины глядели нам вслед и плакали. Не мы с ними, а старик с нами провел такую «политбеседу», забыть которую и по сей час невозможно, она запомнилась на долгие годы.

На рассвете наша колонна вышла на какой-то большак. Здесь царил полная неразбериха. Толпы людей, повозки, автомашины — все двигалось на восток. Беженцы заполнили дорогу. А военных было немного. Отдельные группы бойцов, шедшие преимущественно с младшими и средними командирами, просились принять их в часть; многие из них шли от самой границы по тылам врага, грязные от пота и пыли, изможденные, истощенные. Увидев организованную колонну полка, они решили, что вышли, наконец, к своим.

О том, что здесь, отступая, прошли наши части, свидетельствовала беспорядочно брошенная вдоль доро-

ги техника. В кюветах лежали трупы беженцев, мертвые лошади, разбитые повозки. Кое-кто копал на обочине дороги могилы, чтобы схоронить погибших от недавней бомбежки родственников, другие терпеливо и скорбно дожидались лопат... Люди были морально раздавлены, они надеялись на помощь, совет, сообщали друг другу слухи о десантах, о шпионах, о предательстве. И эти настроения передавались даже военным. Пришлось, не дожидаясь остановки, прямо на марше, собирать коммунистов и комсомольцев, разъяснять им жизненную необходимость поднять настроение бойцов.

Предоставленный самому себе, командир полка повел колонну по проселку и приказал занять оборону по западной опушке леса, через который к востоку тянулся большак. По нему шли и шли беженцы.

Наступал новый день, и вот-вот могла появиться авиация противника. Батареи стали быстро оборудовать огневые позиции, прикрывающие большак. Комиссар полка Орлов, несколько лейтенантов и политруков собирали и отводили в лес группы солдат. Из них формировались роты и тут же определялись участки для обороны.

Судя по всему, мы попали на спокойный участок. Наступление шло где-то стороной, и потому день десятого июля мы вели разведку, создали две роты из оставших от своих частей солдат. Батареи хорошо окопались, замаскировали технику — трактора и автомашины; над орудиями растянули маскировочные сетки.

Время от времени откуда-то уже с востока появлялись самолеты и огнем пулеметов прочесывали опушку леса. Перед нами не было никаких частей или подразделений Красной Армии, не было и противника; большак очистился, на нем уже не было движения, и местность теперь хорошо просматривалась на несколько километров.

Под вечер в штаб полка возвратился лейтенант Молодых, уезжавший утром на восток для связи с частями у шоссе Витебск — Орша. Он привез обнадеживающую весть: за линией большака сосредоточиваются наши войска. Командир какой-то стрелковой дивизии вместе с лейтенантом Молодых прислал своего офицера связи, через которого приказал оставаться на месте — ждать подхода стрелковых частей. В штабе полка, куда нас,

политруков батареи, пригласил батальонный комиссар Орлов, ходили слухи, что где-то недалеко, чуть на восток от нас, уже сосредоточены механизированные корпуса, и с часу на час начнется сокрушительная атака наших войск по всему фронту. В этой контратаке нашему полку, поскольку он расположен западнее других частей, отводится важная роль.

Но все это были пока лишь слухи. На совещании же комиссар о контрнаступлении не говорил. Он разъяснил, что на рубеже Днепра и Западной Двины сосредоточено такое количество войск, какого хватит, чтобы повернуть фашистов вспять и разбить их вдребезги. И добавил, что нашему полку уже определена боевая задача — орудийным огнем поддержать стрелковую или кавалерийскую дивизию, которая будет наступать в нашей полосе. Обнадежила также весть, что наше правительство достигло соглашения с Англией о совместных действиях против гитлеризма. Это создавало уверенность, что объединенными силами фашистская Германия скоро будет сокрушена.

Мы были тогда еще слишком наивны и возлагали на Черчилля и его правительство серьезные надежды. Нам казалось, что и Америка вступит в войну со дня на день и, следовательно, на территории Франции не сегодня-завтра откроется второй фронт. Во все это хотелось верить — и мы верили.

Комиссар призвал нас к беспощадной борьбе с трусами и паникерами, к воспитанию в личном составе бесстрашия, особенно в борьбе с танками врага. За уничтожение в прошедших боях двадцати немецких танков он обещал представить к правительственным наградам большую группу отличившихся артиллеристов.

Мы ушли с этого совещания окрыленные хорошими вестями, рассказали о беседе и тем, кто на нем не присутствовал. И настроение у людей заметно поднялось, бойцы и командиры были готовы драться не щадя жизни, до полного изгнания врага с нашей земли.

Этой ночью впервые в жизни — тогда еще все было впервые! — мне пришлось с лейтенантом Поздняковым и группой бойцов отправиться в дальнюю разведку. Оказалось, что в деревнях, расположенных от полка в двенадцати-пятнадцати километрах, противник еще не появлялся. Никаких иных данных мы не сумели добыть.

«Не справились со своей задачей», — коротко сказал командир полка. Он ждал от нас «языка», а мы вернулись с пустыми руками.

В наше отсутствие полк пополнился новым стрелковым батальоном с запоминающимся номером: шестьсот шестьдесят шесть. Почему-то это число считалось счастливым. Шутя, ребята пророчили пехотинцам большую удачу. И удача действительно сопутствовала нам в этот день.

Часов в десять утра на дороге появилась большая колонна мотоциклистов и автомашин с живой силой противника. Последовала команда: «К бою!». Расчеты заняли свои места у орудий, две стрелковые роты прибывшего батальона и вновь сформированный батальон из разрозненных подразделений окопались впереди дивизиона. Колонна противника вышла из-за дальней высоты и длинной, в несколько километров, змеей вытянулась по открытому со всех сторон большаку, перехваченному нашими позициями.

Три мотоциклиста и одна небольшая автомашина на полном ходу приблизились к лесу. Немцы открыли по опушке и обочинам дороги плотный слепой пулеметный огонь. Разведку врага нам приказали пропустить и ни одного выстрела не последовало, пока она не скрылась в лесу. Вслед за ней, маскируясь в кустарнике, устремились два взвода третьей роты стрелкового батальона.

Пока командиры батарей готовили визуальные данные для артналета, немцы приблизились. Сейчас они были от нас примерно в полукилометре, так что не было даже необходимости вести пристрелку. Орудия сразу открыли беглый огонь, и немцам пришлось пожать обильные плоды собственной самоуверенности. В считанные минуты примерно с двух километров большака все было сметено. Не длительный, но плотный, а главное, прицельный огонь не позволил гитлеровцам развернуться.

Когда рассеялись дым и пыль, взору предстало пылающее нагромождение машин и орудий. Только одиночные фигурки уцелевших солдат, убежавших назад по сторонам большака, маячили на фоне огня и дыма. А тем временем стрелковые взводы без потерь уничтожили разведку, повернувшую назад, едва батареи открыли огонь.

Разгром той части немецкой колонны, которая была в поле нашего зрения, необычайно воодушевил нас. И хотя это был уже не первый удачный бой полка, но легкость, с какой удалось уничтожить столько людей и техники, не потеряв ни одного своего человека, воспринималась как счастливое предзнаменование. Ребята плясали, а кое-кто плакал от радости. Мы словно утвердились в собственной полноценности, в своем воинском достоинстве. Невозможно жить, когда в душе скапливается одна лишь боль неудач. А трагических неудач было слишком много!

Зная, что враг захочет взять реванш, комбаты пытались отрезвить солдат, восстановить в частях уравновешенную, деловую атмосферу. Впрочем, во второй половине дня она восстановилась сама собой: под прикрытием трех штурмовиков, прочесавших опушку и сбросивших мелкие бомбы, вдали, по обе стороны большака, появились четыре танка и развернутая цепь автоматчиков. Несколько орудий противника открыли огонь откуда-то с закрытых позиций. Попав под обстрел наших пушек, танки скрылись в складках местности, автоматчики залегли. Перестрелка продолжалась до вечера, и мы уже стали подумывать об экономии снарядов. Однако новой атаки не последовало. Очевидно, на этом участке у противника было немного сил. Не всюду он мог быть сильным.

До наступления темноты звено самолетов еще дважды бомбило наши позиции, но тяжелые бомбардировщики в этот день не появлялись. В какой-то степени это облегчило положение наших подразделений.

Ночью в радиусе пятнадцати километров немцев опять не оказалось. Это становилось их обычным тактическим приемом: когда не удавалась атака в лоб, они искали обходных путей. Фашисты ушли, даже не подобрав раненых. И трех из них, наименее пострадавших, разведчики привели в штаб.

Впервые я присутствовал при допросе. Немцы вели себя нагло, твердили о непобедимости немецкой армии, о том, что Смоленску и Москве «капут», возвеличивали фюрера. И невольно возникал вопрос: как все-таки удалось фашизму привить эту слепую веру молодым солдатам Германии? Кажется, эти подбитые молодчики искренне полагают, что пришли освободить нас от евреев

и комиссаров! Кажется, даже не сомневаются, что добьются этого, и очень скоро!

В первые дни войны командиры и политруки батарей слишком мало знали об общей обстановке, но то, что она была тяжелой, понимал каждый. Мы оставались на занятых позициях еще двое суток, так как командование считало, что вместе с армией, которая где-то сосредоточивается, полк двинется на запад. Мы ждали, непрерывно подвергаясь ударам с воздуха, несли немалые потери, но, несмотря на близость занятого немцами Витебска, наземные войска не появлялись. А у нас не было зенитного прикрытия. Нам оставалось надеяться лишь на две пулеметные установки и умелую маскировку.

Убитых тут же хоронили, раненых отправляли: где-то за магистралью Витебск — Орша действовал развернутый в школе госпиталь.

Признаков нашего контрнаступления не было и в ночь на тринадцатое июля, и тогда, по приказу ли свыше или по инициативе самого командира полка, мы оставили надолго запомнившуюся опушку леса, совершили небольшой переход, пересекли пустынное шоссе и заняли новую оборону — по берегу небольшой речки Лучеса, что юго-восточнее Витебска.

Здесь еще стояли какие-то наши части, но обстановка не прояснилась. В штабе полка я услышал сводку о положении на фронтах. В ней говорилось о Минском и Витебском направлениях, о контратаках наших частей, но о том, что Витебск уже пять дней находится в руках противника, не было сказано ни слова. Как же нам разговаривать с бойцами? Как отвечать на множество вопросов, которые они задают, если и сам теряешься в догадках?

Неудачи на фронте, почти непрерывный отход при абсолютном господстве в воздухе самолетов противника — все это действовало угнетающе. Успехи полка временами окрыляли, создавали большую уверенность, но новое отступление возвращало к мучительным раздумьям.

Конечно, речь И. В. Сталина 3 июля внесла некоторую ясность в причины наших неудач, а слова о неизбежности нашей победы, в которую и мы все тоже верили, морально поддерживали народ. Однако всепоглощающее чувство огромной национальной беды, которая

может перерасти в катастрофу, не покидало. Слова были почти бессильны перед реальностью.

На последнем переходе я шел с головной походной заставой, прислушивался к шорохам ночи, к гулу наших тракторов и машин на дороге отступления, улавливал далекие взрывы на северо-востоке и юго-востоке. Создавалось впечатление, что мы находимся в огромном мешке, и от этого настроение еще более падало. Шел мучительный процесс становления души солдата на войне.

...На рассвете батареи спешно занимали огневые позиции на господствующих над западным берегом реки высотах, поросших редкими соснами. Уставшие, не спавшие ночь бойцы, обливаясь потом, копали землю, устанавливали пушки и готовили капониры для тракторов. И вдруг, как-то сразу, над верхушками деревьев появилось десятка полтора немецких бомбовозов. Выстроившись в круг и образовав гигантскую карусель, они стали пикировать на еще не полностью замаскированные батареи полка. Под разрывами бомб и пулеметным обстрелом бойцы, еще не вырывшие щелей для укрытия, метались между сосен. Падали убитые и раненые, слышались стоны...

Вблизи нашей батареи вспыхнула автомашина со снарядами. Над кабиной и капотом взметнулся столб пламени. Каждую минуту снаряды могли начать рваться.

Командир дивизиона Анисин первым увидел машину, грозящую катастрофой. Он кинулся к ней, увлекая за собой всех, кто был поблизости. Под сумасшедшим обстрелом штурмовиков, которые пришли на смену бомбардировщикам, мы облепили кузов горящей автомашины и стали выкатывать ее к обрыву над рекой. Но передние колеса разворачивались не туда, куда нужно. Вывести машину никак не удавалось. Тогда командир батареи, старший лейтенант Хрутский, орудуя у разгоравшегося пламени, стал выправлять колеса попавшей под руку жердью. Машина вначале тихо, а затем все быстрее пошла под уклон и загрохотала, падая с обрывистого берега. Снаряды, словно гигантские кегли, рассыпались по прибрежной траве.

Взрыв у самых орудий был предотвращен. Но пока мы толкали автомашину, очередью со штурмовика были ранены пятеро бойцов и убит лейтенант Владимир Безруков. Только что они были рядом со мной!

Никогда еще мне не приходилось испытывать такого душевного и физического напряжения, как в эти минуты. Самолеты исчезли так же внезапно, как появились, и в воздухе словно что-то оборвалось. Так всегда бывает, когда после оглушающего грома наступает тишина.

Подавленный всем происшедшим, я машинально направился в глубь леса. Каждый нерв был натянут, как тетива. К тому же я стал понимать, что слегка контужен и плохо слышу. И вдруг в ушах словно отодвинулись заслонки: рядом проигрывали пластинку. Звонкий, такой неестественный в этой обстановке, радостный голос певицы донес слова знакомой песни: «Кончилась зимняя стужа, даль голубая ясна...»

В густых зарослях молодого ельника, окружив ящик патефона, сидела группа бойцов. Теперь можно восхищаться спокойствием этих людей, но тогда на меня вдруг нахлынул безотчетный гнев. Подскочив к ребятам, я отшвырнул патефон в кусты.

Песня оборвалась, рассыпались осколки пластинки, и в наступившей тишине, при молчаливом недоумении, а может, и возмущении бойцов, один из них, медленно выговаривая слова, совершенно беззлобно произнес убийственную фразу:

— С такими нервами, товарищ политрук, Гитлера не одолеешь.

Спокойный голос пожилого солдата словно ударил меня по щеке, я ощутил всю постыдность своего необдуманного поступка и не чувствовал сейчас ничего, кроме жгучего стыда. Мне и сегодня тягостно вспоминать об этом. Упрек солдата дал мне, быть может, больше, чем сумели дать все мои педагоги и наставники. И когда случайно где-то я слышу ту давнюю песню, краска заливает лицо до самых седи.

Именно в этот день меня вместо погибшего под бомбежкой моего хорошего друга, Васи Розова, назначили инструктором пропаганды полка. Если бы они только знали о недостойной сцене в лесу! Однако исполнять эту новую должность мне почти не пришлось.

Мы простояли на занятых позициях по Лучесе до семнадцатого июля. Накануне немцы ворвались в южную часть Смоленска. Мы оказались в тылу у врага, за 120 километров от передовой. Первоначальная задача полка состояла в том, чтобы не допустить использова-

ние противником дороги Орша — Витебск. И до последнего дня эту задачу полк выполнял, мне кажется, с честью. Все попытки противника овладеть этой дорогой кончались для него плачевно.

Семнадцатого июля полк нанес поражение танковой части врага. Это был очень жаркий день. Наши тяжелые орудия прямой наводкой отбили несколько танковых атак. Но погибло много наших бойцов и командиров, а командир полка подполковник Никитин был ранен.

Большая часть орудий и тракторов вышла из строя. Кончались снаряды...

Под вечер, когда противник вынужден был прекратить атаки, на поле перед позициями батарей дымились, догорая, двенадцать немецких танков. Комиссар полка Орлов принял решение: пока еще осталось немного снарядов, в ночь на 18 июля нанести удар по Витебскому аэродрому. Стало известно, что на нем немцы разместили до ста бомбардировщиков и много истребителей.

Для удара по аэродрому была сведена группа из двенадцати орудий. Командовать ею поручили капитану Анисину, а меня на время операции назначили комиссаром группы.

Для корректировки огня к самому аэродрому пробрался командир батареи лейтенант Молодых. От населенного пункта Коопати вслед за ним протянули проволочную связь. Используя лесистую местность, бойцы скрытно доставили орудия на намеченные позиции, командиры подготовили расчетные данные, и в час ночи был нанесен удар. Каждое орудие выпустило по шестьдесят-восемьдесят снарядов — полный боекомплект, собранный со всех дивизионов полка.

Об эффективности артналета я мог судить по тому, что слышал, сидя у телефонной трубки, которую держал у своего уха Анисин. В словах лейтенанта Молодых звучали волнение и восторг: «...Аэродром рядом... Снаряды разорвались хорошо. Давать так! Беглый огонь!.. Загорелось в двух местах... Самолеты горят! Хорошо вижу бомбовозы, светло, как днем... «Юнкерсы», «юнкерсы» — их много! Огонь четырех орудий — левее 0,2, минус 0,1... Горит много машин — все горит!.. Взлетают штурмовики, нет — истребители... По полю мечутся

люди... В воздухе столкнулись две машины — пытались взлететь. Горят! Всеми орудиями прибавить прицел плюс 0,2, правее 0,1... Самолеты не поднимаются — море огня, сильные взрывы. Победа, капитан, победа — ура!»

Я больше никогда не видел лейтенанта Молодых, не мог выслушать его рассказ о результатах артиллерийского налета, но, несмотря на трагические события, начавшиеся спустя полчаса после того, как раскаленные орудия были подцеплены к тракторам, я долго находился под впечатлением энтузиазма командира батареи. У меня сохранился маленький блокнотик, который я пронес через всю войну. По свежей памяти в нем было занесено то, что передавал Молодых.

Спустя год в партизанском отряде я встретил пулеметчика Петра Федосеева. В первые дни войны он попал в плен и работал на аэродроме в Витебске — разгружал бомбы. Он-то и рассказал мне, чего стоил немцам обстрел аэродрома в ночь на 18 июля 1941 года. Гитлеровцы потеряли тогда, как заявил Федосеев, более пятидесяти самолетов, убито было много солдат и летчиков.

Выполнив приказ, мы должны были вернуться на сборный пункт — в лес севернее деревни Высочаны. Но только мы сняли орудия с позиции и начали втягиваться в лесок, как со стороны Орши или Борисова появились бомбардировщики. Они повесили над нами осветительные снаряды и начали сильную бомбежку. Волна за волной налетали самолеты и били по нашей колонне. Лес нас не спасал: в нем было светло, как в солнечный день. На сборный пункт полка мы возвратились только следующей ночью, из двенадцати орудий привезли пять. Остальные были разбиты. Много погибло наших товарищей.

В надежде связаться со штабом полка мы вошли в лес, замаскировали орудия, трактора, две оставшиеся автомашины и стали вести разведку. Положение складывалось очень тяжелое — мы остались одни, есть было нечего, кругом в деревнях — противник.

К концу второго дня наших поисков и стоянки в лесу произошло два обнадеживающих события: невдалеке в кустах был обнаружен склад, в котором оказались снаряды нашего калибра, заряды к ним, немного хлеба, ящики с галетами, несколько бочек горючего и обмун-

дирование. В другой стороне леса разведчики встретили роту из 155-й стрелковой дивизии. Пехотинцы по ночам почти в течение месяца шли на восток от самой границы. Командовал ротой лейтенант Белов. Решили действовать вместе. Люди подкрепились твердыми, как доски, галетами, запивая их болотной водой, и настроение немного поднялось.

Теперь в нашей группе опять было около трехсот бойцов — рядовые, сержанты и человек двадцать среднего состава. Сам Белов до войны несколько лет служил в армии, остальной же командный состав — выпускники сорокового и сорок первого года, зеленая молодежь! К ней, кстати сказать, принадлежал и я.

Самым старшим из нас и самым «обстрелянным» был капитан Анисин — человек лет пятидесяти, участвовавший в боях на Халхин-Голе и в Финляндии. Белову сравнялось тридцать, мне — двадцать пять.

Затаившись в лесу, мы двое суток подряд безрезультатно рассылали людей во всех направлениях — они возвращались ни с чем: полк разыскать не удалось. Тогда Анисин принял решение — разместить раненых по деревьям, не занятым немцами, а самим идти на выход, никого и ничего не дожидаясь. Однако осуществить этот план не удалось.

С самого утра вездесущая «рама», как называли немецкий разведывательный самолет «фокке-вульф», обнаружила нашу стоянку, обстреляла из пулеметов, подожгла автомашину и скрылась. Затем, уже во второй половине дня, на дороге к лесу, в котором мы стояли, появилось шесть танков и до полсотни автоматчиков.

Анисин был опытным и смелым командиром. Еще в первый день прихода в лес он приказал подготовить на опушке огневую позицию для каждого орудия. Принимать или не принимать бой — для него такого вопроса не было, и едва только сообщили о появлении противника, как он объявил тревогу, и пушки были немедленно выдвинуты на свои места.

Команда к бою застала нас с Беловым за составлением приказа о формировании сводной группы для выхода через фронт. Это задание нам дал Анисин. Но теперь, бросив все, мы поспешили к опушке. Ломая молодой кустарник, трактора уже тянули орудия, перед ними бежали боевые расчеты, а сзади двигалась машина

со снарядами. Пехотинцы Белова торопились занять щели, отрытые метрах в ста впереди артиллерийских капониров.

Орудия были быстро развернуты, трактора уходили в глубь леса, а немецкие танки и пехота скрылись в ложине. Когда я подбежал к пушкам, Анисин стоял у среднего орудия с биноклем, а красноармейцы лихорадочно разбирали снаряды с автомашины.

Мы думали, что танки из-под пригорка появятся колонной, но они шли развернутым строем. Сверкали на солнце каски автоматчиков. Итак, шесть танковых стволов на пять тяжелых малоповоротливых орудий!

Мне показалось, что Анисин слишком медлит подавать команду. И все же, огонь открыли мы. Правда, наш залп не задел ни одну машину, но поединок начался, поединок неравный, потому что у нас не было орудий, приспособленных для стрельбы по движущимся целям.

Снаряды немцев то пролетали в лес, то рвались впереди орудий. Кто-то был ранен, кто-то убит, а темно-зеленые машины, выплевывая огонь, надвигались все ближе и ближе.

Первую машину врага подбил наводчик Алексей Баделин. Снаряд угодил в башню и снес ее с корпуса. Замполитрук Хачатуров подбил вторую машину, но тут же вместе с расчетом был накрыт прямым попаданием снаряда из танка. От взрыва орудие опрокинулось. Почти одновременно была разбита еще одна наша пушка, а пехотинцы, отсекавшие автоматчиков, подорвали танк, и он крутился на месте, пока не был добит одним из уцелевших орудий.

Три немецких танка рванулись в сторону и стали уходить. По ним били три оставшиеся у нас пушки. И именно в этот момент над нами вновь появилась ненавистная «рама».

Первыми же очередями с воздуха были убиты капитан Анисин и младший политрук Марушкин. Очевидно, полностью был выведен из строя расчет левого орудия. «Рама» делала очередной заход, когда я услышал крик: — «Танки слева на опушке!..»

Я находился у самого правого орудия Баделина. Подав команду развернуть его вдоль опушки леса, откуда вот-вот должны были появиться танки, я судорожно вцепился в тяжелую станину и вместе с оставшимися

в живых бойцами расчета мы стали разворачивать пушку. А когда я поднял голову, то увидел нечто страшное: на соседнее орудие, у которого уже не осталось ни одного живого бойца, надвигалась громада танка, и, задирая ствол, орудие, как мне показалось, медленно заваливалось набок, в нашу сторону. С расстояния каких-нибудь пятидесяти метров — почти в упор — Баделин выстрелил. Танк окутался дымом и замер у раздавленной им пушки, объятый с нею одним и тем же пламенем. Это была теперь бесформенная груда дымящегося металла.

Но где-то оставались еще два танка. Где же они?..

«Рама» вновь обрушила огонь на то, что еще недавно называлось артиллерийскими позициями. Я упал в щель и увидел Колю Баличева. В руке его была противотанковая граната.

— Есть еще? — выдохнул я.

— Нет, пехотинцы вот дали...

...Два уцелевших танка так и не появились. А «рама», сделав еще несколько заходов, тоже улетела.

Кончился этот короткий, но дорогостоящий для обеих сторон поединок. Стало совсем тихо. Только слышался треск огня на танке, и мне казалось, что с минуты на минуту там начнут рваться снаряды.

Это был наш последний бой.

Едва мы успели похоронить убитых и унести раненых, как лес вновь дрогнул от грохота рвущихся бомб. Противник, очевидно, считал, что имеет дело с крупной воинской частью, иначе не направил бы сюда, в лес у деревни Высочаны, девять бомбовозов.

Ночью из этого леса нас вышло сорок человек. Мы прошли километров двенадцать по карте погибшего капитана Анисина и дневали южнее станции Выдрея, в лесу близ озера Шелохово. На этом обрывался лист карты. Дальше мы шли уже по географической карте, снятой со стены в одной из опустевших школ.

Ровно через месяц мы подошли к стабилизировавшемуся тогда на Смоленщине фронту. В лесах юго-восточнее Демидова группа вновь выросла до ста сорока человек, и двадцатого августа мы двинулись на переход линии фронта.

Нас вел местный житель. Он сказал, что уже не первую группу переводит через фронт. И мы сравнительно

легко миновали боевые порядки врага. Впереди оставались последние траншеи. Вот здесь-то мы и были встречены огнем в упор. Я получил ранение в бедро. Кто-то погиб в немецких окопах, но большинство, видимо, провалилось — ведь за рекою были наши части.

Меня товарищи не бросили, и к утру вчетвером мы оказались северо-восточнее Духовщины, на территории, занятой врагом.

Потянулись томительные дни выздоровления, сначала в лесу, а затем в деревне Лосево. Пришлось переодеться в гражданскую одежду: кругом кишели войска первого эшелона немцев.

Своим спасением я, как и многие тысячи советских людей, попавших в подобное положение, обязан населению смоленских деревень. По всей нашей необъятной Родине живут бывшие военнослужащие, которые до конца дней своих не забудут женщин и стариков, рисковавших собственной жизнью, чтобы укрыть нас. Они перевязывали наши раны, делили последний кусок хлеба, лишь бы поставить нас на ноги, дать возможность продолжать борьбу с ненавистным фашизмом. Я уверен: те, кто пользовался гостеприимством смолян в ту тяжелую годину, всегда будут носить в своем сердце глубокую признательность им. Но пусть же и дети, и внуки наши при случае поклонятся смоленским женщинам, спасшим от врагов их отцов и дедов. Безвестные патриоты нашей Родины заслуживают всенародного уважения: они тоже совершали подвиг.

Через месяц я стал на ноги. В конце сентября мы сделали еще одну, и тоже тщетную, попытку перейти через фронт, теперь уже на юго-востоке Смоленщины, близ Ельни. Пришлось возвратиться в Касплянский район, на северо-восток области. В сущности только здесь я впервые не то, чтобы понял, но примирился с мыслью, что отныне мы будем воевать совсем не теми методами, каким нас обучали, а так, как подскажет обстановка. В моем понятии партизанское движение всегда было борьбой, которую ведут заранее организованные отряды под руководством местных партийных органов и Советов, не призванных в армию ополченцев или особо доверенных военнослужащих, специально засланных в тыл врага. Ведь ни в речи Сталина, которую я хорошо знал, ни в других документах ни слова не было

сказано о возможности перехода на партизанские методы борьбы людей, дававших военную присягу.

Однако суть не в том, давала ли нам Родина право воевать в тылу врага. Важно другое: военнослужащие сыграли немалую роль в партизанском движении в нашей стране и движении сопротивления в ряде европейских стран. В те месяцы логика наших рассуждений была проста: любой ценой перейти через фронт. «Иначе,— говорили мы себе,— почему бы небольшим подразделениям, оказавшимся в глубоком тылу врага в первые недели войны, не стать партизанами?» А ведь этого почти не было в начале войны! Присяга звала нас на фронт, к своим частям. Только в этом мы видели свое назначение.

Однажды старый председатель колхоза в деревне Герчики покормил нас и сказал:

— Что вы блукаете по ночам? Так рано или поздно попадете к немцам в лапы и погибнете ни за грош. Шли бы в лес, партизанить.

Вроде и прав был председатель, но у меня в кармане лежала свежая листовка. «Надо помнить,— говорилось в ней,— что группа бойцов и каждая часть Красной Армии, оказавшаяся в тылу противника, должны... проби- ваться к своим по тылам вражеских войск». Значит, нет, неправ старик! Надо продолжать поиски выхода через фронт, чего бы это ни стоило.

Только впоследствии мы поняли, что заблуждались, но заблуждение это было свойственно в ту пору многим.

Обстоятельства сами раскрыли нам глаза на истину — жизнь оказалась убедительнее теории.

В конце октября мы, двенадцать окруженцев, возвратились почти к тому месту, где в начале месяца переправлялись через Днепр. Переправляться вторично решили восточнее деревни Борок, зеленевшей своими высокими липами по правую сторону реки. Нам казалось, что Смоленск остался далеко в стороне, и именно в этом районе мы сумели сравнительно легко переправиться, а затем преодолеть две шоссейные и две железные дороги, чтобы вновь выйти в сравнительно глухой, бездорожный Касплянский район. Там мы надеялись передохнуть и предпринять новую попытку соединиться со своими частями, но уже под Невелем.

Такова хроника одной из частей Красной Армии —

полка Резерва Главного Командования, вынужденного с первых дней войны действовать как обыкновенная линейная часть. Полк подчинялся любому вышестоящему общевойсковому начальнику, на участке которого оказывался. Погибли многие люди полка, погибла его артиллерия, но это не были напрасные жертвы: более тридцати уничтоженных фашистских танков, выведенные из строя самолеты, гитлеровцы, которые уже не встали с нашей земли,— вот цена, какой заплатил враг за наши потери.

Однако история полка на этом не закончилась. После войны стало известно, что основной его состав во главе с командиром, раненым подполковником Никитиным, вырвался из окружения. Переправившись через Днепр восточнее Орши, штаб полка сохранил знамя, вывел людей в район Кричева и вновь получил материальную часть. Заново укомплектованный полк в составе 32-й армии героически дрался с шестого по тринадцатое октября в Вяземском окружении, пока создавался новый Можайский рубеж обороны под Москвой. Но больше он уже не возродился.

Думаю, что история этой части отнюдь не говорит о «неорганизованном сопротивлении» наших войск, попавших в окружение в первые дни войны. А таких частей на Западном фронте было много.

Пройдут годы, и в «Истории Отечественной войны 1941—1945 гг.» мы прочитаем:

«Стойкость войск в каждой армии, в каждом корпусе и дивизии складывалась из сотен и тысяч подвигов отдельных бойцов, командиров и политработников, из героических действий подразделений и частей».

Это действительно так. И хотя до сих пор мы не имеем полной картины борьбы наших разрозненных частей с танковыми колоннами Гудериана и Гота, можно с уверенностью сказать: помимо тех очагов сопротивления, роль которых стала известна во всем своем героическом величии уже после войны, были и другие участки обороны — сотни участков, где советские бойцы, командиры и политработники дрались с врагом до последнего снаряда, до последнего патрона, до последнего вздоха.

...Мы пошли на Ельню, нас тянула туда найденная в поле листовка, хоть и без даты, но свежая, в которой говорилось об успехах наших войск в этом районе. На-

деялись, что почти сплошные леса и болота, а также то, что это не было главным направлением немецкого наступления, позволят нам, наконец, выйти к своим войскам.

В одной из деревень достали лодку и километра три несли ее к реке на плечах. Переправились спокойно, лодку затопили у берега и двинулись на север. Оказалось, что дорога Смоленск — Витебск — рядом, всего в трехстах метрах от Днепра, однако наступил рассвет, и мы решили дождаться темноты в малюсеньком болоте с высокими кочками, покрытыми жесткой травой и кустарником.

Изможденные до крайности, мы тем не менее не могли уснуть: не оставляла мысль о том, что мы оказались буквально в западне, отрезанные от всего мира с одной стороны дорогой, по которой беспрерывно шли немецкие войска, а с другой — Днепром, где гитлеровцы целый день глушили рыбу и возились с каким-то катером или моторкой. Хлопья удушливого дыма от проходивших поездов оседали на кустах, стлались по болоту. Затаившись меж кочками, мы сидели, как на вулкане. Вокруг не только гудели вражеские машины, но и слышалась немецкая речь. И где-то совсем рядом весь день методически стреляли то короткими очередями, то одиночными патронами. Казалось, в лесу было стрельбище или тир.

Теперь мне часто приходится ездить по этой дороге. Лес, в котором мы слушали тогда методическую стрельбу, называется «Козьими горами». А немцы назвали его Катынским лесом. Стоит в нем памятник польским офицерам, расстрелянным фашистами осенью 1941 года. Подолгу стоя у обелиска, я возвращаюсь памятью к тем дням, и кажется, что, быть может, мы были свидетелями международной провокации, которую здесь устроили гитлеровцы: они уничтожили тысячи польских офицеров, интернированных Красной Армией в сентябре 1939 года. Их не успели эвакуировать, когда под Ярцевом был высажен десант, а левобережную часть Смоленска заняли танки Гота.

Совершив эту чудовищную провокацию, немцы весной 1942 года собрали со всей оккупированной Европы «экспертов», разрыли гигантские могилы расстрелянных и на весь мир объявили, что это «дело рук большеви-

ков». Не знаю, в те ли дни было совершено злодеяние в «Козьих горах», но характерная стрельба и какие-то неясные крики, заглушаемые шумом ветра в верхушках березок, возникают в моих ушах постоянно, когда я думаю об этой подлости гитлеровских палачей.

...Дождавшись, наконец, темноты, мы приблизились к дороге. В обе стороны по ней непрерывным потоком шли автомашины, танки, тягачи, повозки, большие и малые колонны войск. Мы долго лежали в кюветах, но движение не ослабевало. Лишь в полночь меж кустов болота мы стали пробираться на запад. Вскоре на пути возникла деревня, забитая войсками. Она как бы перехватывала весь узкий коридор, а свернуть было некуда, так как на востоке по-прежнему продолжалась непонятная стрельба.

Оставалось одно — извлечь из воды лодку и, пока не наступит рассвет, переправиться через Днепр. Но, на наше несчастье, лодки не оказалось: ее либо унесло течением, либо обнаружили немецкие «рыболовы».

Положение становилось просто отчаянным. Казалось, выхода уже нет. Мои товарищи ни словом не попрекнули меня, но я чувствовал — они думают, что это я привел их к неминуемой гибели. Конечно, в самом крайнем случае мы бы не продешевили свою жизнь — немцам пришлось бы дорого за нее заплатить. Но не о смерти мы думали, а только о жизни, о том, чтобы любой ценой перейти линию фронта и оказаться среди своих.

И вот уже наступило второе наше «болотное» октябрьское утро. Движение по магистрали не прекращалось. Все это время, кроме Коли Баличева, никто не смыкал глаз — нервы начинали сдавать. Я ловил себя на ощущении какого-то усталого безразличия, и это было самым опасным.

Мы опять лежали на сырых кочках, и этот день казался бесконечным. Порошил легкий снежок. Вжавшись в землю, мы молчали, мы не смели поднять головы и не вполне отчетливо понимали: дремлем или бодрствуем, на яву или во сне слышим гул большака и все ту же назойливую, близкую стрельбу в лесу.

Но вот наступил еще один вечер. Дорога стала постепенно затихать, и подойдя к ней, мы убедились, что сумеем быстро перебежать через исковерканный гусеницами танков асфальт. Десять, двадцать, тридцать мет-

ров — и мы уже на насыпи железной дороги. Перешли полотно, за которым расстилалась сырая, поросшая кустами равнина. За нею пролегалла еще одна железная дорога и необычайно широкая, но тоже сильно побитая магистраль Москва — Минск.

Не было сил двигаться. Ноги отказывались повиноваться, каждый метр казался последним, который ты сумеешь преодолеть. Очевидно, сказался не только голод, но и бессонница, и чудовищное нервное напряжение...

Немного отойдя от магистрали, мы остановились в первом попавшемся на пути сосновом лесу и, поплотнее прижавшись друг к другу, пренебрегая далеко еще не миновавшей опасностью, уснули. Благо, что потеплело, стояла тишина, и даже небо спряталось от нас за густыми хвойными ветвями.

Вот тут-то, в этом лесу, и произошло событие, которое, по крайней мере для меня, стало поворотным во всей моей военной судьбе.

Сон наш был, конечно, зыбким, тревожным. Преследовали кошмары, чудилось, что мы все еще отрезаны от мира дорогой и рекой, и нет нам выхода, и больше уже не будет... Мучительное чувство голода не покидало даже в минуты полного забытья, сны и явь сменялись, незаметно переходя друг в друга, но даже когда я отчетливо понимал, что проснулся, не было сил пошевелиться, не хотелось открывать глаза. Хотелось всего лишь одного — забыться, не думать о том, что тебя ждет впереди...

Когда рассвело, я открыл глаза и, не поднимаясь, убедился, что мы со всех сторон хорошо прикрыты. Надо бы, конечно, выставить часового, да жалко будить — все спят, разметавшись в траве.

На магистрали опять слышался приглушенный расстоянием шум моторов. Сознание мое вновь погасло.

Окончательно я очнулся от ужасного сна. Я видел, будто лежу на асфальте дороги и не могу пошевелиться, скованный холодом и страхом, а на меня надвигается какая-то гигантская машина с огромными катками вместо колес. Машина гудит и движется так медленно, что у меня есть время представить себе, как, расплющенный ее тяжестью, я остаюсь лежать на дороге, и по мне, плоскому, как изображение, катят и катят немецкие танки.

Ребята растолкали меня — я вскрикнул во сне и всех разбудил.

Они сидели на земле, напряженно во что-то вслушиваясь и явно к чему-то готовясь. В ушах у меня на той же зловещей ноте негромко гудел мотор. И вдруг сквозь стволы и сухие ветки ельника пробила маленькая легковая автомашинка. Она медленно продвигалась по просеке, которую ночью мы не разглядели, и, поравнявшись с нами, остановилась. Первой мыслью было — бежать. Но куда? Сознание подсказало: нас выследили и обложили. Открылась дверца, из машины вышел улыбающийся немец-шофер, потянулся, что-то весело прокричал. Затем в эти же дверцы шоферу стали подавать гусей — одного, другого, третьего... Он принимал их и бросал на землю, и, связанные, они так трепыхались под елочками, так бились, что опавшая хвоя летела нам в лицо.

Из машины вылезли еще два немца.

...Только потом, когда прошло какое-то время, и мы осознали случившееся, ребята утверждали, что я командовал: «Не стрелять! Взять бесшумно!» Я этого не помню. И я не знаю, откуда у нас взялись силы, откуда возник этот единый порыв.

В короткой свалке — именно в свалке, а не в схватке — с немцами было покончено. Обалдевшие, они не успели даже крикнуть.

Все это было настолько неожиданным для нас самих, что, даже не заглянув в машину, мы стали уходить по лесу на север, удаляясь от шумевшей позади магистрали. Вскоре лес кончился, перед нами оказалась обезлюдевшая деревня. И тут мы вспомнили о трофеях, быстро вернулись назад, обшарили машину, взяли две винтовки и автомат, подобрали притихших гусей, в ранцах нашли консервы, хлеб, сигареты, соль. Поджечь машину мы побоялись — дым могли заметить с магистрали — и, порвав провода на моторе, снова двинулись в путь.

При свете дня, держась кустов и низинок, мы достигли Волоковского леса, километрах в шести от нашего ночлега. Хлеб по дороге был съеден, а за консервы взялись уже в чаще. Гусей жарили на костре поздним вечером.

Это были дни, типичные для «судьбы солдат, выхо-

дивших из окружения». Они не выглядели героически, и не для того я рассказываю этот эпизод, чтобы подчеркнуть какие-то особые наши моральные качества. Гораздо важнее понять, каким образом непредвиденное, неожиданное уничтожение трех оккупантов заставило всех нас как бы пересмотреть свое единственное стремление во что бы то ни стало попасть на фронт! Теперь совет старика-председателя казался нам более убедительным и мудрым.

Насытившись первыми в жизни трофейными продуктами, мы долго сидели у догоравших углей костра. Страх прошел, но нервное возбуждение еще оставалось. Наперебой мы делились впечатлениями от столь неожиданной удачи, непрерывно пересказывая друг другу, как все это было: кто душил, кто колол, кому вывихнули палец, а кому немец чуть не откусил нос. Дневная «баталня» заслонила все, что каждый из нас пережил за последние четыре месяца и за трое суток, проведенные между рекой и дорогами.

Итак, мы пришли к выводу, что воевать можно и нужно здесь. Простая истина: в немецкой армии сегодня стало на три солдата меньше! И эти трое уже не убьют ни одного советского человека!

Условившись о встречах, к утру мы с Баличевым, Унжаковым и Свиридовым были в деревне Семехи. Остальные пошли в Стригино, Орловку и Зарубенки.

Но с чего же ее начать, эту партизанскую войну?

Для меня начался период мучительного поиска связей с подпольем. Однако прежде всего нужно было раздобыть оружие для тех людей, которые скрывались по деревням от немцев и не имели его.

В нашей деревне Семехи проживало двенадцать красноармейцев, и не все из них были вооружены.

Мы взялись за дело, и уже к концу октября припрятали винтовки, пулемет и три миномета с хорошим комплектом боеприпасов. Живя на полулегальном положении, мы упорно нащупывали связи с подпольем, но до весны 1942 года в Южной части Каспийского района его практически не было.

Как и везде, в деревне появился староста — Елисейкин Прохор, порядочный мерзавец и отчаянный трус. Однажды он предупредил Константина Шуплякова, старика, у которого я приютился: если его солдат не

прекратит будоражить «военнопленных» (так немцы называли скрывавшихся по деревням советских военнослужащих) и расхаживать по ночам с другими солдатами, то он, Прохор, сдаст его Касплянской комендатуре. Перепуганный старик со слезами на глазах рассказал мне об этом и решил добыть самогону, чтобы задобрить Прохора.

Вечером мы с Александром Смуровым и Сергеем Унжаковым пошли на квартиру немецкого прислужника и поговорили с ним «по душам». Он понял, что если хотя бы один из проживающих в деревне красноармейцев будет взят немцами, то сам Прохор будет и под землей найден и уничтожен как продажная тварь. С тех пор староста не только не чинил нам никаких препятствий, но часто и предупреждал об опасности.

В конце ноября наши самолеты сбросили листовки — доклад И. В. Сталина на немецком языке, сделанный на торжественном заседании 6 ноября. Перед этим я познакомился в деревне Бородавки с Анатолием Сверщевским. Он был учителем из Белостока. С женой и грудным ребенком шли они до поздней осени на восток, надеясь попасть в Калинин, откуда были родом. Зима захватила их на Смоленщине, и они остановились в заброшенной избенке этой деревни. Перебивались на заработки жены, которая немного умела шить.

Целую неделю сидел Анатолий в своей холодной хате и переводил доклад. Потом несколько раз переписал его на обойной бумаге, и доклад читали в деревнях Зарубенки, Орловка, Стригино, Заборье и других.

В декабре с большим трудом нам удалось достать радиоприемник. Сверщевский, оказавшийся радиолюбителем, привел его в порядок, но не было питания. У ветфельдшера на станции Голынки ребята достали снятый с немецкой машины аккумулятор, ночью на санках привезли его к Сверщевскому. С тех пор мы записывали сводки Совинформбюро. Появилась возможность не только разъяснять народу всякого рода приказы и распоряжения оккупантов, показывая их звериный, бесчеловечный смысл, но и сообщать о том, как борется с врагами Родины Красная Армия и как работает для разгрома фашистских захватчиков советский народ.

В конце декабря была организована первая диверсия. На большаке Каспля — Смоленск наши товарищи

Баличев, Свиридов и Унжаков спилили семнадцать телеграфных столбов, проволоку порезали ножницами, прихваченными в колхозной кузнице. После этой операции, которая казалась нам чуть ли не равной выигранному сражению, мы долго обсуждали в пустой дедовой хате дальнейшие действия и решили усилить поиски связи с партизанами. О них сообщалось почти в каждой передаче советского радио. Баличева и Иммерсанова направили на север Касплянского района, в лесные деревни, чтобы там они попытались найти партизан.

А утром пришел к Смурову староста Прохор и попросил его съездить в лес, привезти дров в Волоковскую волость. Александр сказал, что не в чем ехать, а сам прибежал ко мне.

Это был удачный повод побывать в лесных деревнях. Я пошел к Прохору. Оказалось, что у него есть два односторонних пропуска, и мы можем ехать вдвоем — я и Смуров. Так и рубить сподручнее, и, кроме того, у моего деда Костика совершенно нет дров.

И вот мы в лесной деревеньке Жарь. Прежде чем ехать на делянку, решили остановиться в первой же хате — «погреться». Попытки выяснить у хозяйки, не беспокоят ли деревню партизаны и ищут ли их немцы, ничего не дали. «Мы никуда не ходим, ничего не слышим», — скупно твердила женщина.

Возвращаясь с дровами из лесу, мы вновь заехали «погреться», но уже в другой дом, где хозяином был старик. Он, кажется, принял нас за полицейских и, не желая попасть впросак, начал нести околесицу о том, как еще летом ходили слухи, что всех партизан побили и взяты им неоткуда. Так, не солоно хлебавши, и вернулись мы восвояси.

Ребята были разочарованы не меньше нас со Смуровым. Решили продолжать поиски, распространять сводки Информбюро и подпиливать телеграфные столбы.

В следующую неделю были подрезаны телеграфные столбы между станцией Лелеквинская и деревней Волоковая, а затем между Волоковой и Касплем. Через несколько дней Унжаков, Свиридов и Иммерсанов сожгли деревянный мост на реке Угре. Но все это, конечно, было не то. Нас мучило сознание своей беспомощности и неполноценности. В глазах ребят, казалось мне, стоял постоянный вопрос: что делать? Но при самом горячем

желании принести пользу Родине мне тоже не хватало ни практического опыта, ни организационных навыков, ни совета старших... Необходима была хоть тоненькая ниточка, которая связала бы нас с жизнью, кипевшей там, за линией фронта.

И такая нить неожиданно нашлась.

В деревню «мимоходом» заглянули двое новых людей: молодой мужчина и пожилая женщина. Они переночевали в хате Акулины Семеновой, назвали матерью и сыном, пробирающимися из Белоруссии на родину. Тогда много бродило всякого люда.

На второй день Акулина позвала меня к себе в дом. Мы познакомились, разговорились. Оказалось, что «беженцы» — из партизанского отряда. Трудно передать волнение, охватившее меня. Наверное, утопающий, поймав брошенный ему спасательный круг, переживает такие же мгновения. О том, что это разведчики Слободского отряда, мы узнали позже, но в тот момент меня окрылила сама встреча со своими людьми.

Где-то кто-то интересовался работой железной дороги: сколько ежедневно проходит эшелонов, с чем они идут к фронту и что везут на запад, какие части останавливаются в Куприне, Голынках, Лелеквинской. Условились о встречах и передаче данных, которые мы должны собирать систематически. В деревне Перегорше наших связных будут ожидать доверенные люди и отправлять по цепочке все, что мы будем передавать.

Мужчина назвался Николаем Синяковым. На мой вопрос, когда мы можем влиться в отряд, сказал, что не раньше весны. «Главное для вас — разведка железной дороги, — сказал он. — Здесь вы сейчас нужнее...»

Так с января по апрель мы передавали партизанам все, что удавалось установить самим и через своих людей, которые появились у нас на станциях и в гарнизонах.

Но в эту зиму мне пришлось пережить еще одну трагедию.

Во второй половине января 1942 года в деревне Тетери, куда мне теперь приходилось ходить каждую неделю за сведениями о числе проходивших поездов, я попал в облаву. Немцы забирали поголовно всех мужчин. Схватили и меня.

Вблизи деревни на большом торфяном болоте Гранки

немцы устроили «рабочий лагерь». Фактически это был концлагерь. Вот сюда нас и пригнали. И эти злосчастные Гранки едва не стоили мне жизни.

Шесть дней грузили торф на болоте, получая за каждый каторжный день по сто граммов хлеба и по литровой банке баланды. Ежедневно умирали десятки людей. На седьмой день группа, с которой я работал, была переведена на разгрузку вагонеток с кусковым торфом, доставляемым мотовозом с болота на станцию. Отсюда я пытался бежать.

Когда была разгружена последняя, задняя вагонетка, Трофим Цыганов, схваченный вместе со мной, укрыл меня в ней. Перед этим мы договорились, как организовать побег. Я должен был опробовать придуманный способ первым. Он заключался в следующем: когда состав окажется между станцией и болотом, на ходу выпрыгнуть в поле. План был неплохой, но мерзавец полицай, едва отошел мотовоз, заметил, что меня не стало, и доложил немцам.

Мелькали последние станционные постройки, когда слышались выстрелы, и через щель в стенке вагонетки я увидел бегущих за поездом двух немцев и полицая. Фашисты стреляли, подавая сигнал мотористу к остановке. Поезд стал притормаживать, и мне ничего не оставалось, как распахнуть дверцы и, спрыгнув, бежать.

Я не рассчитал своих сил. Немцы и полицай пытались по-иному. Пробежав километра три, я упал и уже не мог подняться. Меня схватили и привезли к месту работы. На глазах работавших на погрузке военнопленных и местных жителей раздели. Два немецких солдата и тот же полицай протолкнули меня между колесами двух стоявших на станции эшелонов и повели к насыпи расстреливать. В это время у места погрузки появился помощник начальника лагеря, он же комендант Брикман. Он что-то крикнул солдатам. Те остановились, затем повернули меня назад и заставили одеться. Неужели решили просто пострадать? Нет, это было не так. Комендант отложил казнь до утра, до возвращения из Смоленска начальника лагеря, обер-палача Рудика.

Вместе с заподозренными в содействии побегу Трофимом Цыгановым и Григорием Трубиным нас заставили без малейшей передышки бегом таскать большие корзины торфа на платформы. Десять или двадцать

человек заполняли эти корзины, а мы уносили. И если кто-то из нас спотыкался, специально приставленные два здоровенных гитлеровца поднимали упавшего пинками и прикладами.

Перед окончанием работ все занятые на погрузке, не исключая и женщин, проживавших на станции, были построены. Офицер зачитал приказ о нашей казни через повешение. Фашисты хотели, чтобы при этом присутствовали все узники лагеря, то есть и те, кто был занят в этот день на болоте.

В колонне нас троих поставили впереди, и когда она двинулась, чья-то рука опустила мне в валенок какой-то железный предмет.

При подходе к баракам нас отделили от остальных и закрыли в холодном помещении. Впотьмах я достал из валенка короткий ломик, расплющенный и раздвоенный с одного конца. Всю ночь мы расковыривали им еще свежую кирпичную кладку оконных проемов и под утро бежали. Нам помогла выюга, заматавшая следы, а затем спасли советские люди из деревень Зарубенки и Орловки, спрятавшие нас от преследователей. Они знали, что рискуют своей жизнью, и все-таки не оставили нас в беде.

Через день я вновь был в Семехах. Ребята радовались моему возвращению, а старенький дед Костик, пока я рассказывал о злоключениях, плакал и не переставал повторять, что бог услышал его молитву и помог мне удрать от неминуемой смерти.

После этого мы с Унжаковым, Баличевым и, кажется, Смуровым сожгли у деревни Гвоздевицы две торфодобывающие машины, подготовленные оккупантами к летнему сезону.

Так шло время, пока не появился в юго-западной части Каспьянского района партизанский отряд Сергея Владимировича Гришина, известный под названием — отряд «Тринадцать». С первым появлением партизан мы забрали оружие, боеприпасы и присоединились к ним. Этот боевой коллектив на протяжении двух с половиной лет был для меня семьей, домом и местом солдатской службы. Нас воодушевляло сознание того, что мы снова в рядах советских воинов. Нам предстояло повседневно смотреть смерти в глаза, но ради истребления ненавистного врага можно пережить любые испытания.

ОТРЯД «ТРИНАДЦАТЬ»

ладшего лейтенанта Гришина война застала в Белостоке в должности командира танкового взвода. Его часть отступала, прикрывая отходящие войска. Под Минском танк Гришина был подбит, он вместе с экипажем оказался в тылу врага. Небольшая группа советских воинов шла на восток все с той же заветной мыслью — добраться до фронта и соединиться с частями Красной Армии.

Но фронт откатывался все дальше и дальше. Пробираясь по белорусским лесам, группа Гришина устраивала на дорогах засады, подбила три немецкие автомашины, уничтожила пятнадцать гитлеровцев. Эти первые боевые столкновения в тылу противника пригодились потом для выработки новой, партизанской тактики. А пока ни Гришин, ни его товарищи еще ничего не слышали о партизанах, хотя фактически уже стали партизанами.

В конце октября 1941 года Сергей Владимирович Гришин пришел в родную деревню Фомино Дорогобужского района. Враг рвался к Москве, а здесь, в его тылу, каждый мог «ждать, что у родной избы чужой окликнет часовой», а то и без оклика ни за что ни про что расстреляет.

Беспартийный учитель, Гришин ни на минуту не допускал мысли, что в Дорогобужском районе не осталось партийной организации. Начались поиски партийного подполья.

А тем временем к Сергею Владимировичу стали приходить за советом односельчане, ведь до ухода в армию он учил их детей, руководил сельскими комсомольцами.

«Что будем делать?» — спрашивали его земляки и те красноармейцы, вместе с которыми он пытался пробиться к своим.

На вопрос этот ответил Центральный Комитет партии:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Листовка была прочитана населением.

Связь с партийным подпольем удалось наладить через Дусю Симонову — секретаря райкома комсомола. На квартире у Сергея Владимировича по вечерам собирались односельчане и спасавшиеся от гитлеровцев окруженцы: обсуждали положение, прикидывали, как действовать.

Оккупанты начали устанавливать «новый порядок». Деревня должна иметь своего старосту — первое звено оккупационного аппарата. Грозный приказ захватчиков требовал от населения собирать по полям и сдавать новым властям оружие.

Этот приказ мог пригодиться.

Старостой деревни поставили своего человека — Алексея Буханова, и он рьяно приступил к сбору оружия, втянув в это дело местную молодежь и окруженцев. Отысканное в лесах, извлеченное из рек, оно поступало в распоряжение подпольной группы Гришина, и лишь самое бросовое, никуда не годное, для отвода глаз сдавалось в комендатуру.

Знание обстановки (у отца С. В. Гришина был спрятан радиоприемник), тесная связь с людьми подняли авторитет группы. В нее приходили все новые добровольцы, желавшие активно бороться с оккупантами. Создались условия для организации партизанского отряда.

Группа Гришина не была единственной в районе. В результате работы партийного подполья организовывались и другие партизанские отряды. Одним из первых был создан отряд под руководством члена бюро райкома начальника районного отдела милиции Деменкова; в другом конце района возник отряд под руководством

«Дедушки» — московского ополченца Василия Исаевича Воронченко, попавшего в окружение под Вязьмой, пожилого инженера одного из центральных проектных учреждений.

В середине ноября состоялось первое собрание группы Гришина. На нем официально было оформлено создание партизанского отряда. Командиром стал Гришин, комиссаром — Николай Иванович Вельмесов. Гришину шел тогда двадцать третий год, Вельмесову — двадцать пятый, но у него за плечами было шесть лет службы в Красной Армии, и он уже имел звание батальонного комиссара.

— С самого начала, как только Гришина назначили командиром отряда, — вспоминал впоследствии один из его сподвижников по организации отряда и будущий командир батальона, Петр Иванович Звездаев, — партизаны убедились, что он решителен и настойчив, что, если нужно, он сам ляжет за пулемет и первым поднимется в атаку. А личный героизм — это немаловажное качество для партизанского командира, да еще если он моложе многих своих подчиненных.

Как-то вечером собрались у приемника Вельмесов, Звездаев, Скворцов, Кустов, Шамоу, Узлов, Иванов — боевое ядро отряда. Прослушали последние известия и начали обсуждать дела отряда, заговорили о его названии. Кто-то сказал:

— Помните кинокартину, в которой тринадцать советских красноармейцев в глухой пустыне Туркестана насмерть стоят против басмачей? Помните? Они героически гибнут, но остаются непобежденными. Я предлагаю в честь этих мужественных бойцов Красной Армии назвать наш отряд именем Тринадцати.

Многие помнили эту картину. Предложение было принято, и отряд с тех пор носил имя тринадцати героев, погибших за власть Советов в далеких песках Туркестана. Так в названии отряда отразилась преемственность борьбы советских людей разных поколений за революционные идеалы, за свое социалистическое Отечество. Новое поколение приняло героическую эстафету своих отцов, завоевавших власть Советов. Отряд «Тринадцать» стал полком «Тринадцать», а потом соединением «Тринадцать».

Вскоре Гришину удалось установить связь с коман-

диром партизанского отряда «Дедушка» — В. И. Воронченко, а в конце декабря в деревне Фомино, на квартире Сергея Владимировича, которая теперь стала фактически штабом отряда, состоялась встреча Гришина и командиров других отрядов с «Дедушкой».

На совещании по поручению подпольного райкома присутствовала Дуся Симонова — вожак комсомольцев района, член бюро подпольного райкома партии, организатор борьбы с гитлеровскими захватчиками. На этом совещании были решены организационные вопросы. Прежде всего командиры договорились, что все отряды должны входить в систему партизанской организации Дорогобужского района. Каждая деревня становилась взводом, а несколько смежных деревень — «кустом» — партизанским отрядом. Возглавляли каждый такой отряд командир и комиссар. Младшему лейтенанту Гришину было поручено командовать «кустом» — отрядом, включившим партизан из деревень Фомино, Выползово, Ректы, Павлово, Лебедево, Выгорь.

Приняли также решение перейти от пассивного саботажа приказов оккупантов к активным действиям и, в частности, к уничтожению немецких ставленников.

На этот раз еще не произошло объединения партизанских отрядов под единым командованием, но установленные контакты положили начало осуществлению этой цели.

Одним из первых приказов гитлеровцев, против которого решительно выступили партизаны, был приказ о регистрации военнообязанных. Целью оккупантов было выявить военнообязанных в каждом районе, а затем уничтожить их. Чтобы сорвать этот кровавый замысел фашистских властей, гришинцы беседовали с жителями деревень, разъясняли им суть приказа. Одновременно, что было не менее важным, партизаны заявили о своем существовании языком оружия. Они выставили в деревнях и на дорогах вооруженные засады, которые вступили в схватки с подвижными группами карателей. В немецкие комендатуры пошли единицы: трусы и предатели. А отряд Гришина вырос до ста восьмидесяти человек.

В декабре у деревни Быково отряд нанес из засады свой первый удар по оккупантам. Впоследствии товарищи, вспоминая этот бой, шутили, что громить врага шли на энтузиазме, и хотя оружия было достаточно, действо-

вали кто во что горазд: о партизанской тактике и методах борьбы все имели очень смутное представление.

И все же оккупанты были разгромлены, и захвачены первые трофеи.

Вскоре произошел бой в деревне Выползово. В этом бою партизаны потеряли четырнадцать человек — всю группу Ермакова, председателя Каськовского сельского Совета. Их подвела беспечность, и из тяжелого урока нужно было делать выводы. Но победа окрыляла. Вскоре отряд вырос до двухсот пятидесяти человек. Люди рвались в бой. Действовать, драться за Родину — что могло быть важнее!

В метельную февральскую ночь в деревне Артюшино состоялось второе совещание районного подполья и командиров партизанских отрядов. На нем было принято решение о штурме Дорогобужа. Разработали план взятия города. Каждому отряду ставилась задача: кому порвать связь и уничтожить мосты, кому не допустить подхода подкрепления, кому пробраться в город и взрывом артскладов посеять панику в стане врага и дать сигнал к штурму.

Гришинцы были в числе тех, кто выполнял эту операцию.

Бои шли целые сутки. В ночь на 15 февраля Дорогобуж был освобожден. Этому способствовало и то, что на подступах к городу уже находился конный корпус генерала Белова, рейдировавший тогда по тылам врага.

На второй день после взятия Дорогобужа райком партии, вышедший из подполья, принял решение о восстановлении в районе Советской власти. А все партизанские отряды и группы были объединены под общим командованием. Командиром объединенного отряда, впоследствии 1-й Смоленской партизанской дивизии, был утвержден Василий Исаевич Воронченко. За отрядом, как и за дивизией, было оставлено название «Дедушка» — по кличке его командира и названию отряда, которым командовал Воронченко. Был создан главный штаб объединенных отрядов. Комиссаром назначен Деменков. Гришинцы входили в новое партизанское формирование на правах отдельного отряда.

Освобождение Дорогобужа и восстановление в рай-

оне Советской власти население встретило с восторгом. Молодежь рвалась в партизанские отряды, люди всячески старались помочь народным мстителям. Так в горниле войны крепла и закалялась дружба партизан и населения, дружба, без которой немыслимы были бы все последующие успехи партизанского движения. Активность его с освобождением целого края заметно усилилась. Уже через несколько дней была освобождена Глинка — районный центр и железнодорожная станция. Движение фашистских эшелонов по железной дороге Смоленск — Калуга прекратилось. Чтобы еще более эффективно помочь Красной Армии, командование отряда «Дедушка» решило нанести удар по основной железнодорожной магистрали Смоленск — Москва. Ставилась задача захватить станцию Сафоново, разрушить железнодорожное хозяйство, уничтожить средства связи и таким образом прервать подвоз военных материалов и живой силы к фронту.

20 февраля Гришин привел свой отряд к деревне Петрово. Здесь была назначена встреча с другими отрядами. Отсюда им предстояло нанести удар по станции.

Но накануне вечером Петрово заняли немцы. Оккупантов предупредил предатель — староста одной из деревень, и они приняли контрмеры против развития партизанской операции.

Рассчитывая на скорый подход отрядов, Гришин все же атаковал деревню и выбил немцев. До утра партизаны не спали, ожидая помощи. Но помощь не пришла, так как обстановка в ряде секторов освобожденного района менялась.

Утром немцы повели наступление на занятую партизанами деревню. По железной дороге они подтянули бронепоезд, и он открыл артиллерийский обстрел. Начался кровопролитный бой. Отряд героически отбивал атаки. Целый день удерживал деревню. Многие были убиты и ранены. Врагу удалось занять часть домов, расположенных за рвом.

Этим закончился первый день. Небольшая деревенька разделилась на две части: одну удерживали партизаны, другую заняли фашисты.

На второй день бой разгорелся с новым ожесточе-

нием. Гитлеровцы во что бы то ни стало хотели овладеть партизанской частью деревни. Партизаны мужественно и упорно отстаивали каждый дом, каждый сарай. Немцам не удалось продвинуться ни на шаг.

Это продолжалось в течение шести суток. Истекая кровью, партизаны изматывали силы врага.

В этих изнурительных боях большую отвагу проявил пулеметчик Сергей Скворцов, будущий начальник штаба первого батальона, а затем начальник штаба полка. С напарником и вторым номером — Дмитрием Архиповым они меняли позиции, уничтожая десятки врагов. Их пулемет был кочующей снайперской огневой точкой. Враги не знали, из-за какого угла, с какого чердака брызнет на них новый ливень пуль.

Сергей Скворцов не был новичком в жарких схватках с врагом. Летом 1941 года его часть отходила от западных границ, и ему довелось участвовать во многих боях. В начале войны Сергей, служивший писарем в штабе одной из частей, проявил удивительную находчивость и распорядительность на переправе через реку западнее Смоленска.

В тот день на переправе создалась пробка. Здесь были обозы с военным имуществом, санитарные батальоны, отставшие от своих подразделений группы красноармейцев и бежавшие от врага жители. Немецкие самолеты на бреющем полете расстреливали скопившихся у моста людей. А западнее переправы наши части вели тяжелые бои с наземными силами гитлеровцев. Несколько командиров безуспешно пытались навести порядок в напавшей на мост массе повозок, машин и людей. Над переправой стоял гул моторов, ржание лошадей, стоны, крики и ругань людей.

Скворцов подъехал со штабной машиной, когда только что улетели немецкие штурмовики. Царила страшная неразбериха. Самый старший из командиров, капитан, бегал у моста, кричал, суетился, но никто уже не обращал на него внимания. На настиле моста дымила подбитая полуторка, путь ей преграждали убитые лошади и опрокинувшаяся повозка.

Оставив машину на пригорке, Сергей подошел к капитану, попытался заговорить с ним, но тот лишь безнадежно махнул рукой.

Сергей вернулся в машину, и вскоре оттуда вышел

молодой генерал-майор. Голосом, не допускавшим возражений, он стал отдавать распоряжения напавшим на переправу людям с машинами и повозками, пешим группам, одиночным красноармейцам.

Появление генерала обнадеживающе действовало на отчаявшихся людей. Вокруг него немедленно собрались командиры и рядовые.

Загоревшуюся полуторку быстро столкнули под мост, убитых лошадей сбросили с настила в реку, а повозку, в которую они были впряжены, выкатили на противоположный берег. Вскоре пробка на мосту была ликвидирована, поток отступавших без задержки устремился на восточный берег. Генерал и его добровольные помощники дотемна руководили переправой, пока не стали подходить пехотные и танковые части, сдерживавшие врага на подступах к реке.

Только тогда штабная машина переехала мост и отрулила в сторону. Генерал передал команду над переправой подъехавшему в танке подполковнику, откозырял, прошел через мост и снова скрылся в машине. А через минуту из нее выпрыгнул... Сергей Скворцов!

Так мундир погибшего накануне командира дивизии помог находчивому молодому бойцу спасти тысячи людей и много военного имущества.

Когда товарищи по партизанскому отряду напоминали Сергею об этом «маскараде», он заговаривал о чем-нибудь другом, так как все еще не был уверен, правильно ли поступил тогда на переправе, облачившись в генеральский мундир.

На шестую ночь боя отряд Гришина получил приказ покинуть деревню и возвратиться в Дорогобуж. В живых осталась половина состава. Многие были ранены. Противник опередил партизан, и наступление на Сафоново не состоялось. Но бои в Петрове не прошли даром. Командиру стало ясно, что в тылу врага нужна не армейская тактика, а особая, именно партизанская.

Остатки отряда были отведены в партизанскую зону и несколько дней отдыхали. А 8 марта «Дедушка» поставил Гришину новую задачу: выйти в северо-западную часть Смоленщины, связаться с другими партизанскими отрядами, а там, где их нет, разжечь пламя народной войны.

Тридцать три человека повел Гришин на выполнение

новой задачи. И только тринадцать партизан из отряда, созданного в Фомине осенью сорок первого года, уцелели.

«Дедушка» провожал и напутствовал молодых ребят. Последними его словами были:

— Мы ждем от вас сообщений о ваших боевых делах. Тринадцать из вас прошли суровую школу партизанской войны. Пусть ваш отряд и впредь называется «Тринадцать». — Он улыбнулся и добавил: — Докажем, что это число — счастливое!

ПЕРВЫЙ РЕЙД

заяв направление на северо-запад, отряд вышел из Дорогобужского района. Путь лежал через железные дороги и магистрали, по территории с большой концентрацией немецких гарнизонов, полицейских управ и комендатур.

Оккупанты к этому времени из всякого отребья, из изменников и уголовников, стали создавать для борьбы с партизанами специальные формирования. Этот сброд также стоял на пути маленького отряда.

В первую же ночь, где-то у исторической Соловьевой переправы через Днепр, гришинцы пересекли славный боевой путь, по которому ровно сто тридцать лет назад, изматывая силы отступавшей из Москвы армии Наполеона, проходил знаменитый партизан и земляк смолян Денис Васильевич Давыдов. В ту ночь никто из шагавших за своим командиром партизан еще не знал, что на путях войны, на пространстве от Дорогобужа до Березины, их дорога не раз будет перекрещиваться с дорогой их славных предков.

Отряд шел ночами. По пути разбивал небольшие немецкие гарнизоны, громил волости и управы, уничто-

жал наиболее ревностных прислужников оккупантов. Взлетали в воздух мосты, падали столбы и рвались кабели телефонной и телеграфной связи. Партизаны уничтожали или раздавали населению припасенный немцами хлеб и другие продукты, а также отобранные оккупантами в деревнях валенки, шубы и прочие теплые вещи, которыми гитлеровцы пытались спастись от русской зимы. Почти в каждой деревне, через которую проходил отряд, были развешаны приказы и объявления. «Новый порядок» давал о себе знать в любой их строке: «Ввиду появления бандитской деятельности запрещено ходить в лес без надлежащих документов, в противном случае к лицам, замеченным в лесу в любое время (днем и ночью), будет применено оружие». И тому подобные угрозы...

На кратковременных остановках партизаны рассказывали людям, томившимся в оккупации, о разгроме немцев под Москвой, о восстановлении Советской власти в Дорогобужском и других районах, о своих боях с захватчиками.

В деревне Свинцово удалось уничтожить пять немецких мародеров, пришедших отбирать у населения последнее; у деревни Николаево подкараулили вражескую колонну и из засады расстреляли ее. Много «завоевателей восточного пространства» осталось на снегу. Это уже была не та чисто армейская тактика, которой придерживались партизаны в бою у деревни Петрово. Теперь каждый понимал, что значит бить врага по-партизански. Наверное, никто из этих молодых людей не читал записок Дениса Давыдова и тем более не пытался формулировать партизанскую тактику, но внутренне мы понимали, что она «должна состоять в том, чтобы теснить, беспокоить, томить, вырывать, что по силам, и, так сказать, жечь малым огнем неприятеля без уговона и неотступно».

Впрочем, и знаменитый Денис дошел до этого не в первый день боев в тылу врага.

Почти полтора месяца рейдировал небольшой отряд «Тринадцать» по Ярцевскому, Духовщинскому, Батури-нскому, Пречистенскому и Слободскому районам. Нигде не задерживаясь надолго, выбирая наиболее выгодные маршруты, запутывая немцев непрерывным движением, отряд практически отрабатывал тактику активного ма-

невра и боевого рейдирования, которая потом была положена в основу жизни и борьбы полка, а затем соединения «Тринадцать».

В апреле, когда отряд пришел в Демидовский район, он уже вырос в пять раз — в его составе теперь было четыре взвода. К этому времени в северо-западных районах Смоленщины действовали и другие партизанские отряды. Их организаторами здесь были секретарь Слободского райкома ВКП(б) М. Н. Шульц и Н. З. Коляда, известный по сводкам Совинформбюро как смоленский «Батя». К лету под командованием «Бати» находилось пять партизанских бригад — четыре с лишним тысячи бойцов. Соединение удерживало в это время ворота через фронт на стыке Западного и Калининского фронтов и способствовало занятию выгодных рубежей 4-й ударной и 43-й армиями.

В районе расположения соединения «Бати» отряду Гришина практически делать было нечего. Поэтому, переведя дух в деревне Шуровщине, отряд перешел в Касплянский район, ближе к железным и шоссейным дорогам.

ПОЛК «ТРИНАДЦАТЬ»

моленщина. Она стала для меня, сибиряка, второй родиной. В первые месяцы войны, оказавшись ареной ожесточенных боев, смоленская земля много выстрадала. Но не покорилась захватчикам. Весной 1942 года в большинстве ее районов гремели партизанские выстрелы, на большаках и проселочных дорогах горели автомашины, все чаще и чаще на перегонах железных дорог слышались взрывы, и поезда с живой силой и военной техникой

гитлеровцев летели под откос.

Партизанские отряды находились здесь в особенно трудных условиях. Это был ближайший тыл централь-

ного участка Восточного фронта. На площади в пятьдесят тысяч квадратных километров, составлявшей территорию области, было сосредоточено пятьдесят семь вражеских дивизий. Тринадцать из них стояло в резерве. Недалеко от Смоленска размещался штаб группы армий «Центр», в городе — штаб охранных войск. В Смоленске и других городах области обосновались штабы трех армий, четыре штаба корпусов, десять аэродромов стратегического значения и до полусотни крупных армейских складов.

Фашисты тщательно охраняли свои тылы. Города и крупные населенные пункты они опоясали кольцом траншей, колючей проволокой и дзотами. Вдоль железных дорог, шоссейных магистралей и большаков на сотни метров вырубали лес и кустарник, возвышенности превращали в мощные, нередко бетонированные узлы сопротивления. Вокруг крупных лесных массивов в деревнях были размещены гарнизоны, леса часто прочесывались войсками. К выполнению полицейских и жандармских функций немцы привлекали армейские части резерва, а также части, находившиеся на переформировании и отдыхе.

В этих условиях действия партизанских отрядов были до предела осложнены. В борьбу приходилось вступать часто на боевых порядках немецких дивизий и корпусов. Это требовало и героических усилий, и смелых тактических расчетов.

Но ни обилие вражеских гарнизонов и громадная концентрация войск, ни карательные меры оккупантов и чудовищные зверства войск СА и гестапо не могли потушить пламя партизанской борьбы.

Подпольные райкомы партии, оставленные на территории Смоленщины, неустанно поднимали население на борьбу с врагом. С каждым днем росла численность народных мстителей, все новые и новые отряды сливались в бригады, полки и соединения.

Боевая деятельность патриотов привела к тому, что к началу 1942 года на территории области возникли три партизанских края: Дорогобужский, Северо-западный и Вадинский. Они охватили полностью или частично двадцать один район области.

Когда Гришин пришел в Касплянский район, в отряде было уже три роты. Организовались разведывательное, хозяйственное подразделения и санитарная часть.

Штаб Гришина расположился в деревне Бакшеева — на кромке больших лесов при впадении речки Ольши в Касплю.

Партизаны вели разведку железных и шоссейных дорог, громили немецкие гарнизоны, очищали район от оккупантов и их приспешников. Руднянский и Касплянский райкомы партии вышли из подполья. Были восстановлены сельские Советы и колхозы. В населенных пунктах организовали истребительные отряды, которые охраняли население от немецких мародеров и мелких карательных отрядов.

С приходом Гришина в партизанскую зону отрядов «Бати» Н. З. Коляда издал приказ, потребовав подчинения отряда.

В партизанской литературе не раз уже было замечено, что в тылу врага, особенно в начальный период борьбы, старшим становился тот, у кого имелась связь с Большой землей, то есть радиостанция. Без нее отряд не мог действовать самостоятельно и рано или поздно вынужден был искать, кому подчиниться.

У гришинцев радиостанции не было.

К этому времени партизанская дивизия «Дедушка», в составе которой формально оставался отряд «Тринадцать», перестала существовать. На дивизию было брошено два корпуса гитлеровских войск. Вместе с конным корпусом генерала Белова дивизия героически сражалась с пехотой и танками врага, обеспечила отход регулярных войск из немецкого тыла. В. И. Воронченко был тяжело ранен и вывезен за линию фронта. А отряды дивизии передислоцировались в другие места. Они вышли на крайний юг Смоленщины, в Брянщину, Белоруссию и там продолжали громить немецких захватчиков до полного очищения советской земли от фашистской нечисти.

Подчинившись «Бате», отчитываясь перед его штабом в боевой деятельности, командир отряда Гришин отправил через «коридор» в Москву, в находившийся там Смоленский обком партии, группу товарищей. В донесении обкому и Западному штабу партизанского движения был представлен отчет о боевой деятельности

отряда, а также ставился вопрос о выделении для отряда радиостанции.

К концу июня с Большой земли возвратились товарищи, посланные в Москву. Вместе с начальником разведки отряда Яковом Дулькиным через фронт перешел радист Данила Ершов с радиостанцией, посланной командованием из Москвы. Одновременно был доставлен приказ за подписью первого секретаря Смоленского обкома партии и начальника Западного штаба партизанского движения Дмитрия Михайловича Попова. В нем отряду Гришина присваивалось название «Особый партизанский полк «Тринадцать».

С июньских дней 1942 года и начинается история особого партизанского полка «Тринадцать».

В ходе боев в новом районе на базе рот были сформированы три батальона, каждый по две роты. Комбатами стали Николай Шерстнев, Семен Иванов и Петр Звездаев. Вместо выбывшего по болезни в советский тыл Николая Ивановича Вельмесо́ва комиссаром полка стал Иван Арсентьевич Стрелков. Начальником штаба полка — Ларион Узлов. При штабе созданы отдел разведки, контрразведки, санитарная служба и хозяйственная часть. Подразделения полка укомплектованы командным и политическим составом. Оформлены партийная и комсомольская организации.

Роты первого батальона, которыми командовали лейтенант Николай Мельник и старший сержант Александр Шамов, вышли к железной дороге Смоленск — Витебск и расположились в деревнях Иньково, Рокот, Заборье, стоящих в пяти-шести километрах от железной дороги. Подрывная группа лейтенанта Бухалло пустила восточнее Рудни под откос первый эшелон врага. Полк приступил к разгрому крупных немецких гарнизонов.

В этих операциях особенно проявил себя первый батальон. Полку достались большие трофеи: пулеметы, автоматы, винтовки. Впервые у нас на вооружении появились отбитые у врага две 76-миллиметровые пушки.

Численный рост полка шел беспрерывно. Принять всех желающих было невозможно, поэтому мы переправляли через фронт на пополнение Красной Армии тысячи военнообязанных, по разным причинам оставшихся на оккупированной врагом территории и спасавшихся от немецкого рабства. В советский тыл партизаны от-

правляли и гурты общественного скота спасенного колхозниками от немцев.

Партийная организация и политсостав полка поддерживали связь с населением. Партизаны, уходившие на боевые задания, разносили по селам и деревням отпечатанные на машинке листовки с призывом к всенародному сопротивлению врагу. Каждая листовка проходила через сотни рук и зачитывалась до дыр. Жители деревень собирали деньги в фонд обороны Родины — на строительство танковых колонн и эскадрилий самолетов.

«Комсомольская правда» направила в отряды «Бати» и в полк Гришина выездную редакцию во главе с журналистом Карлом Непомнящим. Малоформатная газета «Малютка» о многом рассказывала партизанам и населению. В ней печатались статьи о боевых подвигах, обобщался опыт лучших подразделений, сообщалось о зверствах немецко-фашистских захватчиков...

В эти месяцы вырабатывался своеобразный боевой почерк полка, рождалась его слава. В боях по разгрому гарнизонов, в проведении операций на большаках и магистралях мужали люди полка, росла боевая выучка его командиров, отрабатывалась железная дисциплина, особая партизанская сноровка и тактика, заключавшаяся в тщательной разведке, в использовании моментов скрытности и внезапности при нанесении ударов. Все чаще и чаще в сообщениях Совинформбюро упоминался полк «Тринадцать» и его командир товарищ Гришин.

Одной из главных забот командиров и политработников на протяжении всего боевого пути полка оставалась забота об уважительном отношении партизан к населению. Высокая сознательность, помощь людям, временно попавшим под ярмо гитлеровских поработителей, — все это снискало партизанам благодарность и поддержку местных жителей.

Все необходимое для своего существования, от вооружения и боеприпасов до папирос, партизаны брали в бою. Они жили за счет врага. Но были периоды, когда приходилось обращаться за питанием, одеждой и обувью к жителям деревень. Однако только на добровольных началах. За малейшее нарушение принципа доброволь-

ности каждому, независимо от положения, грозил суровый приговор.

Дружба с населением стала одной из главных традиций полка. Этому немало способствовали комиссары Н. И. Вельмесов, а затем И. А. Стрелков. Население не только делилось последним, когда в том нуждались партизаны, но и охотно помогало в разведывательной работе. Сотни патриотов, особенно женщин, девушек, подростков, пробирались в гарнизоны, на железнодорожные станции, в Смоленск, Витебск и выполняли там задания партизан.

Пожилой колхозник деревни Семехи Касплянского района Владимир Шестиловский и два его юных сына — Виктор и Влас — под предлогом продажи яиц, картофеля и других продуктов выезжали в Смоленск, Голынки, Рудню, привозили оттуда ценные данные о численности и намерениях немцев. Они распространяли листовки, устанавливали нужные связи, организовывали явки, переправляли в полк десятки советских патриотов, бежавших из плена воинов Красной Армии.

Участник первой мировой войны Шестиловский стал отличным разведчиком. Иной раз мы часами говорили с ним о положении на фронтах, о сопротивлении гитлеровцам. Он был участником первой мировой войны, с оружием в руках завоевывал Советскую власть. Осенью 1942 года фашистские мерзавцы казнили Владимира Шестиловского и его сыновей за связь с партизанами. Для нас это было большим ударом.

По заданию партизан нашего полка молодая патриотка из деревни Черняны Соня Кирпиченкова устроилась работать на Руднянский молокозавод, проникла в комендатуру, к начальнику полиции палачу Жвирблису. Она похищала чистые бланки удостоверений личности, связалась с работниками железнодорожной станции и через них организовала установку магнитных мин под цистерны с горючим, на паровозы и пассажирские вагоны.

Впоследствии, когда начались аресты подпольщиков, Соня ушла в полк и стала разведчицей. Она много раз ходила на связь с подпольем в Смоленск, Витебск. Удивительно смелая девушка погибла в 1943 году.

Смоленские партизаны помнят, вероятно, и курянина Василия Павловича Белова. Человек лет сорока пяти,

суровый на вид, немногословный, он не уступал молодым ни в смелости, ни в выносливости на маршах. В далекие и опасные разведки, когда особенно необходимо было получить точные данные о противнике, о его огневых средствах или передвижениях, всегда шел «дядя Вася»: он не очень доверял молодым. Когда преследовали врага, бежал впереди других, а в обороне тщательно окапывался, устраивался так, чтобы наверняка разить наступающих фашистов. И лишь при отходах Белов был последним: огнем своего автомата он прикрывал товарищей. И сердился, когда его хвалили.

Силами своих агентурных и полевых разведчиков полк снабжал командование Калининского фронта ценными разведданными.

С каждым днем активность партизан усиливалась. Как растревоженные осинные гнезда, всполошились немецкие захватчики в гарнизонах Каспли, Рудни, Голынок и Демидова. В бессильной злобе вымещали горечь своих неудач на мирных жителях — женщинах, детях и стариках. В июне они бросили несколько карательных отрядов на полк, но в бою под деревней Баркашни колонна противника была разбита ротой первого батальона под командой Александра Шамова. Побросав убитых и раненых, каратели отступили в Демидов и стали укрепляться.

Через несколько дней два эскадрона конницы, подерживаемой бронемашинами, пытались овладеть деревнями Холмец, Лойно, Романенки. Напоровшись на партизанские засады, они понесли большие потери. В руки партизан попало семьдесят лошадей со сбруей и амуницией.

Враг убедился, что имеет дело с боевыми подразделениями, а отнюдь не с «ордой бандитов», как пренебрежительно именовали партизан фашистские газеты, выходившие в Смоленске.

В непрерывных боях с противником героически сражались не только «старые», имевшие за плечами боевой опыт партизаны, но и вливавшаяся в полк, еще не воевавшая молодежь. В первом батальоне особенно отличались мужеством и сметливостью двое пареньков — пятнадцатилетний Вася Скворцов и четырнадцатилетний Ваня Кривченко. Вместе с родителями они остались на оккупированной территории Касплян-

ского района и разом лишились детства, школы, отцов. Оккупантов они ненавидели — из-за них голодно стало жить, нельзя было выйти из деревни, сходить в лес. И мальчишки стали вредить гитлеровцам. Вася Скворцов однажды, когда в их деревне остановилась колонна немцев, схватил доску, набил в нее гвоздей и убежал на противоположный конец деревни, где проходила дорога на Касплю. Он замаскировал «гребенку» в пыли. Расчет оказался верным: первая же автомашина наехала на «гребенку» и долго простояла, пока не сменили резину.

А один раз мальчик долго вертелся около немецкой кухни, которая дымила на прицепе автомашины у соседнего двора. Немец повар попросил у него соли, которая с приходом оккупантов стала цениться на вес золота. Во дворе в ящике давно лежало какое-то удобрение. Паренек соскреб верхний слой мусора и грязи, захватил пригоршню, а гитлеровец высыпал эту «соль» в суп. Плохо пришлось бы Василию и его семье, если бы он не спрятал настоящую соль и не насыпал в солонку того же удобрения. Рассвирепевший повар, у которого суп оказался горьким, как хинин, бросился в дом и стал искать соль. На полочке в большой деревянной солонке он обнаружил тот же порошок. Отчаянно ругаясь, фриц решил, что русские варвары вместо соли употребляют черт знает какую гадость. А мальчик в душе ликовал: малый, но все-таки урон врагу!

Осенью 1941 года большая немецкая часть расположилась в деревне Романенки. В доме, где жил с матерью Ваня Кривченко, разместилось одиннадцать немецких солдат и один офицер. Они заставили мать Вани жарко натопить печь. Сначала жарили кур и гусей, а нажравшись, развалились на свежей соломе, разостланной на полу. Мать Вани ушла ночевать к соседям, у которых болели дети и куда немцы не входили, опасаясь тифа. Ваня остался один и продолжал подкладывать в печь сухие дубовые чурки, напленные по приказу немцев из разобранного колхозного сарая. Когда последние поленья превратились в тлеющие угли, он закрыл трубу и, разбудив одного немца, сказал, что уходит к матери. Тот замахнулся на него сапогом, перевернулся и снова захрапел.

На рассвете немцы подняли гвалт на всю деревню. Оказалось, что вошедший в дом Кривченковых началь-

ник караула не смог поднять очередную смену караула, так как нашел солдат полуживыми от угара.

Эта первая диверсия едва не стоила жизни Ване и его матери. Их забрали в гестапо и долго держали, допытываясь, не замыслили ли они погубить немецких солдат. Ваня мужественно переносил побои и уверял, что, уходя из дому, разбудил одного из немцев. Так как немецкий солдат это подтвердил, Ваню и его мать выпустили. А когда в деревне появились партизаны, юный патриот пришел в отряд.

Деревенские мальчишки, неожиданно ставшие воинами, не раз поражали партизан своей смелостью и находчивостью.

В бою с немецкими конниками у деревни Холмец Вася Скворцов и Миша Громаков ползком пробрались к кустам, за которыми немцы оставили лошадей с коноводами. В тылу спешенной и ведущей наступление на партизан немецкой цепи они открыли внезапный огонь. Оставив лошадей, растерявшиеся от неожиданности коноводы бросились врассыпную, а молодые партизаны вскочили в седла и погнали захваченных лошадей в другую деревню, занятую партизанами. Так подростки «обезлошаднили» гитлеровцев.

Наступавшие немцы слышали стрельбу у себя в тылу и стали поспешно отходить под натиском развернувшихся для контратаки партизан.

С этого дня ребята были зачислены в конную разведку батальона и с законной гордостью разъезжали на трофейных лошадях с поскрипывавшими седлами из желтой кожи.

Боевые действия партизан не прекращались ни днем, ни ночью. Немцы почти не могли воспользоваться дорогой Рудня — Демидов, по которой они снабжали фронтовые части, стоявшие на линии Ильино — Велиж. Теперь, если проходила колонна, ее сопровождали танки, тут же шли саперы, восстанавливая разрушенные партизанами мосты.

Все чаще и чаще горели немецкие автоколонны на магистрали Москва — Минск. Жители деревень Чабуры и Буда не раз видели, как после перестрелки на магистрали поднимались черные клубы дыма от горевших машин, рвались бензобаки с горючим.

Ежедневно вспыхивали короткие жаркие схватки на

шоссейной дороге Витебск — Смоленск, между Рудней и станцией Плоская.

В оперативных сводках полка, рассылаемых по всем разбросанным по трем районам подразделениям, все чаще и чаще упоминались имена лихих партизан Зайцева и Фаязова, подрывников Майорова и Степанова, пулеметчика Алексея Баделина и многих других бесстрашных патриотов.

Стоило фашистам, двигавшимся к фронту, скопиться в каком-либо населенном пункте, как туда вылетали советские самолеты.

В конце июля разведчики полка сообщили, что в Рудне стоят два эшелона с техникой. По радио об этом передали в Москву, и эшелоны были разбиты нашей авиацией. Обычно на этих перегонах воинские маршруты не задерживались, но организованное накануне партизанами крушение поезда в районе станции Лелеквинская вынудило гитлеровцев ожидать восстановления пути. До фронта не дошло много орудий, восемнадцать танков и другая военная техника.

В июне командующий Калининским фронтом поставил перед полком задачу: охватить партизанской разведкой большой и важный в стратегическом отношении район, так называемый «треугольник» — территорию, замкнутую между железными и шоссевыми дорогами Смоленск — Витебск — Орша — Смоленск. Этот участок представлял большой интерес для командования Красной Армии. Здесь была сеть гарнизонов, в которых перестраивались разбитые на фронте фашистские дивизии и формировались из всякого сброда первые части предателя Власова. Три железные дороги, автомагистрали имели большое стратегическое значение для центрального направления фронта. Нужны были данные о работе этих коммуникаций.

До предела насыщенный немецкими войсками «треугольник» был малодоступен партизанским отрядам. В полку знали, что в этом районе действовала партизанская бригада К. С. Заслонова. Но там ли она теперь?

Для разведки в «треугольнике» Гришин сформировал небольшой, но хорошо вооруженный отряд особого назначения. Командовать им было поручено лейтенанту

Николаю Ивановичу Мельнику, меня назначили комиссаром. Практически это была вторая рота первого батальона.

Душной июньской ночью отряд вышел из расположения батальона и намеревался перейти параллельно идущие железную и шоссейную дороги Витебск — Смоленск. Бесперывные диверсии полка на коммуникациях вынудили немцев быть начеку и держать многочисленную охрану. Нужно было скрытно пересечь дороги. Конечно, мы могли прорваться с боем, но это сделало бы выполнение задачи более трудным и рискованным.

Рассвет застал нас у самой железной дороги. Мы замаскировались в небольшом болотце с низенькими кустиками, чтобы, дождавшись сумерек, перескочить в заданный район.

В шесть часов утра летнее солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Через переезд железной дороги, в двухстах метрах от нас, потянулась колонна немцев и полицейских с повозками. Обоз двигался со стороны Каспли. Не спавшие ночью солдаты едва плелись за парными фурами. Здоровенные битюги, смешно помахивая куцыми хвостами, лениво тащили поклажу. Кругом стояла тишина, лишь постукивали на ухабах повозки.

Решение созрело внезапно. Я не помню, кто первый, кажется, командир взвода Фаязов, подал эту дерзкую мысль: пристроиться в хвост обоза. Партизаны поднялись и кустами пробрались к дороге, выходившей на переезд. Последние повозки вражеского обоза и шедшие за ними группы солдат проходили мимо нас буквально в двадцати-тридцати метрах. Когда они миновали кусты, мы вышли на дорогу и также тихо побрели за ними через насыпь и полотно железной дороги, соблюдая ради предосторожности небольшую дистанцию. Никто не обратил на нас внимания. Охрана, видимо, приняла нас за полицейских, которые и должны идти позади обоза.

Колонна противника прошла с полкилометра между «железкой» и шоссе и вытянулась по магистрали. А мы, шестьдесят человек, свернули в кусты.

Полусонные немцы-обозники только теперь подозрительно засуетились и принялись усиленно нахлестывать лошадей. Когда расстояние между нами и обозом увеличилось, осмелевшие гитлеровцы послали несколько автоматных очередей в нашу сторону. Фаязов быстро выхва-

тил у партизана Данилова пулемет и, стоя, с руки, послал им вслед длинную, на полдиска, очередь.

Когда на очередном привале Мельник журил Фаязова за его выходку, я поддержал Мельника.

Я познакомился с ними обоими в день прихода в полк Гришина. Они вступили в отряд несколько раньше и в моих глазах выглядели «старыми» партизанами — подтянутые, одетые в поношенное, но все же комсоставское обмундирование. Мельник уже командовал взводом, а Фаязов был у него командиром отделения, и в петлицах у него, за отсутствием покрытых эмалью знаков различия, было вышито красными нитками по два кубика, а на фуражке такая же пятиконечная звезда. Порыжевшие от времени сапоги были вконец изношены, на одном из них подошву пришлось прикрутить проволокой.

В группе, которая пришла со мной в отряд, было восемнадцать человек.

Я доложил командиру роты Шерстневу о ее составе, подчеркнув, что большинство бойцов — артиллеристы. Командир роты сказал:

— Артиллеристы пока нам не нужны, а вот не разучились ли вы стрелять из винтовок — посмотрим. Лейтенанту Мельнику приказываю принять группу политрука в свой взвод, накормить, проверить исправность оружия и направить в засаду на магистраль. Старшим назначаю лейтенанта Фаязова. Ставлю задачу: в районе Холм — Ольша уничтожить не менее четырех-пяти автомашин. Группу усилить двумя пулеметными расчетами.

Так нас включили в дело. Это была своего рода проверка. Словам тогда не очень верили. Прошлые заслуги и воинское звание не принимались в расчет, пока не подкреплялись новыми боевыми делами.

Сияющий от удовольствия Фаязов сразу приступил к исполнению своих обязанностей. Он проверил пулемет Алексея Баделина, сделал замечание, что на кожухе и дисках не отчищена ржавчина, приказал снять излишнюю смазку с затвора и канала ствола. Николая Баличева похвалил за образцовое состояние карабина, но, увидев на бойце расплзшиеся ботинки, сказал:

— Твоя должна брать у фрица два пара обуви.— И поднял ногу, продемонстрировал свой обмотанный проволокой сапог.

Шерстнев ушел, а Мельник стоял в стороне в выстиранном, но не отглаженном обмундировании без знаков различия и улыбался. Потом нас накормили, дали отдохнуть.

Перед вечером мы вышли на боевое задание. Я шел рядом с Фаязовым впереди группы, и он с пафосом рассказывал мне о своем участии в разгроме немецкого гарнизона в деревне Щекуны. Это была его первая партизанская операция. Узбек, родом из-под Ферганы, наш командир по окончании десятилетки работал в Осоавиахиме, был призван в армию, окончил шестимесячные курсы младших лейтенантов. На фронте попал в окружение, до прихода отряда скрывался в деревне.

Несколько смешная мальчишеская строгость и одновременно общительность Фаязова невольно располагали к нему. И вдруг совершенно неожиданно он сказал:

— Твоя политрук еще не командир, моя командир, отдай мне кубики, петлица нитках нехорошо.

Мое самолюбие, и без того задетое недоверием Шерстнева, назначившего Фаязова командиром и не сказавшего ни слова мне, хотя я ему представился и был одет по форме, было вторично уязвлено. Я наотрез отказался снять с себя знаки различия. Фаязов замкнулся и приказал мне стать в строй. Разговор наш прервался.

У деревни Стригино мы должны были перейти вброд речушку Клец. В крепкой обуви ее можно было перескочить, не промочив ноги. Но фаязовские сапоги разваливались на глазах.

Обиженный моим отказом и желая, видимо, дать почувствовать свое положение командира, Фаязов подошел ко мне и предложил перенести его через речку. На мне были порядком поношенные, но еще крепкие кирзовые сапоги, однако самолюбие заставило меня заколебаться.

Кто-то из ребят подставил Фаязову свою спину.

Не следовало спорить из-за такой мелочи.

Я перенес Фаязова на другой берег, но на меня и моих товарищей этот эпизод произвел неприятное впечатление. Приданные нам пулеметчики из «старых» иронически посмеивались.

Рано утром на следующий день мы замаскировались в кустах у магистрали между деревней Холм и крупным немецким гарнизоном Тишина. Стали ждать. Вначале беспрерывно шли большие колонны автомашин, танке-

ток. Фаязов не давал команды стрелять. Он решил взять трофеи, а обстрел большой колонны исключил бы такую возможность: немцы могли начать преследовать нашу группу. Когда же магистраль очистилась и появились две легковые машины, мы ударили им в лоб из трех пулеметов и винтовок с расстояния в сто пятьдесят-двести метров. Одна из машин завалилась и опрокинулась в кювет в двадцати метрах от нас, другая, загоревшись от первого залпа — в двух пулеметах диски были набиты бронезажигательными патронами, — проскочила засаду и перевернулась на противоположной стороне шоссе. Фаязов, Баличев и другие партизаны бросились к первой машине: она лежала на боку, и по ней расползалось пламя.

Через минуту мы отходили по болоту, покрытому кустарником. Фаязов с трудом тащил два немецких автомата, блестящие глянцем офицерские сапоги, а за поясом у него торчали три парабеллума без кобур — ремни снимать было некогда. Минометный обстрел из гарнизона не причинил нам вреда.

Пробежав два-три километра, уставшие, еле переводя дыхание, мы остановились передохнуть, подсчитали трофеи. Кроме автоматов, было взято три карабина, четыре пистолета. У всех было приподнятое настроение: уничтожили немцев и не потеряли своих. Но какая детская радость светилась на лице Фаязова! Сбросив свои опорки, он тут же стал натягивать сапоги. Лицо со следами перенесенной в детстве оспы и небольшим шрамом от немецкой пули (он был ранен в начале войны) сияло.

Напряженность и неловкость в отношениях между нами как рукой сняло.

— Зачем твоя опоздала стрелять? — Журил Фаязов пулеметчика Смурова, который бил по второй машине. — Пуля должна бить шофер, после бить мотор.

— Но ведь машина-то сгорела, — оправдывался пулеметчик.

— Сгорела — хорошо, трофей нет — плохо! Партизан воевать без трофеев нельзя. Как жить без трофеев?

Я не участвовал в захвате трофеев и Фаязов подарил мне немецкий автомат и парабеллум, а при обратном переходе через злополучную речушку сказал, что сам перенесет меня на противоположный берег.

Это было началом моей партизанской дружбы с Фая-

зовым, которого по его просьбе партизаны называли русским именем — Николай.

А с тезкой моим, Николаем Ивановичем Мельником, я близко познакомился, когда по возвращении из первой операции был назначен политруком в его роту.

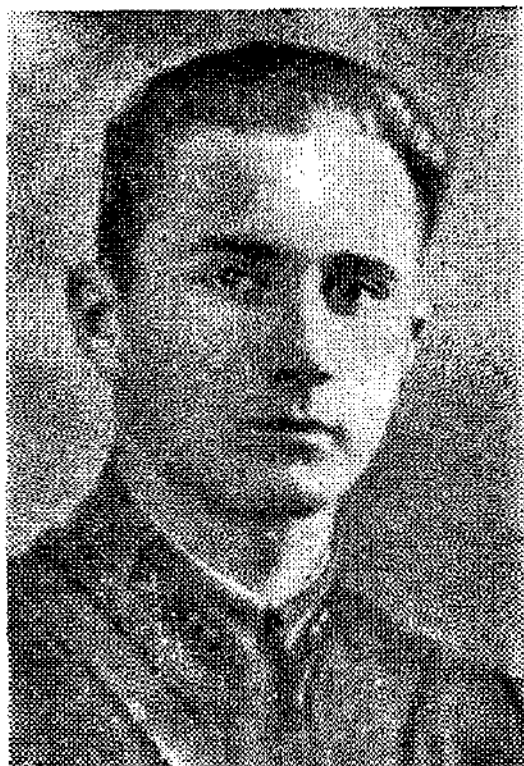
Отряд тогда переформировывался в полк, роты становились батальонами, а взводы — ротами.

Из Романенок, где остались только что созданный штаб батальона и первая рота Саши Шамова, мы вышли и разместились в деревне Холодилы, поближе к железной дороге и гарнизону Рудни. Знакомились с людьми, подбирали командиров отделений, подолгу беседовали друг с другом.

Мы с Мельником во многом были людьми одной судьбы. Его призвали в армию из украинской деревни Гушценцы Винницкой области. За два года до войны он окончил восемь или девять классов средней школы, служил в городе Калинине, затем учился в военном училище, был выпущен досрочно. Часть, с которой он попал на фронт, оказалась в окружении. После тяжелых боев остатки личного состава получили приказ выходить небольшими группами к своим. Долго блуждали по лесам и болотам Белоруссии. Где-то под Полоцком попали в засаду. Мельник был ранен и взят в плен. Четырех его товарищей, тоже раненых, немцы расстреляли. Николая спасла его украинская фамилия. Немцы тогда надеялись посеять национальную рознь между нашими народами и искали предателей среди пленных нерусской национальности. Мельника привезли в витебский лагерь военнопленных. Здесь русские врачи в тяжелейших условиях залечили его рану и в ноябре 1941 года помогли бежать.

Он пошел на восток, к фронту, надеясь перейти к своим. В районе Демидова предатель — староста деревни — приказал полицейским доставить его в комендатуру. Так он вновь оказался в лагере. В марте совершенно чужая женщина «опознала» в нем племянника, сына своей сестры, которая жила на Украине. Это произошло во время работ по возведению укреплений. За хорошую взятку бургомистр Демидова предатель и палач Гневушев¹ упросил немцев освободить военнопленного. Оккупанты

¹ По приговору военного трибунала расстрелян в 1964 году. До тех пор скрывался.

Командир роты Николай Мельник.

пошли навстречу просьбе своего верного пса, тем более, что тот брал пленного на пополнение отряда полиции.

Через неделю Николай Мельник был в партизанском отряде Гришина.

— Хотел бы я в жизни своей сделать три вещи,— сказал он мне однажды, когда мы отдыхали в сарае на сеновале.— Дожить и своими глазами увидеть нашу победу, повидать родных и отблагодарить чужую мать, которая, рискуя собой, извлекла меня, голодного и открытого вшами, из демидовской ямы.

В свои двадцать два года он был очень рассудителен, серьезен и потому казался малообщительным. Но душа у него была удивительно добрая. Партизаны тянулись к нему и уважали его как человека. Мягкие и правильные черты лица, светлые волнистые волосы, спокойные, уверенные движения, немногословность, постоянная, слегка застенчивая улыбка... Весь он словно светился. Я был на пять лет старше Николая, в это время разница в возрасте сильно чувствуется, но и меня тянуло к нему.

Вот с этими людьми и с другими товарищами, о которых тоже можно было бы многое сказать, и довелось мне выполнять специальное задание командования в «треугольнике».

Отряд усиленно вел разведку, широко используя для этой цели и население. Много сведений передавали нам местные партизаны. Разведданные мы посылали в полк. Оттуда они сообщались по радио Западному штабу партизанского движения и командованию фронта.

Запрещение ввязываться в открытые бои, принимать в отряд новых людей теперь теряло смысл, так как здесь до нашего прихода уже действовали мелкие партизанские отряды. Мы с Мельником решили, что было бы нерасчетливо пренебрегать подходящей для боевых дел обстановкой.

На перегоне Красное — Осиновка прежде не было крушений поездов, и немцы считали это место безопасным. Почти полное отсутствие охраны непосредственно у дороги помогло нам удачно пустить под откос один поезд с военными грузами, шедший на Смоленск, и второй — с обломками самолетов и другим металлоломом, который немцы везли на переплавку в Германию.

Немцы почти всегда быстро убрали разбитые вагоны и заметали следы крушений поездов. Но груды металлолома, оставшиеся после этого крушения, лежали под откосом до прихода Красной Армии. В 1944 году наши организации по заготовке лома металлов стали разбирать эту грудку исковерканных остатков самолетов, орудий, танковых башен, решеток, церковных оград. Тогда-то среди побитой техники и был обнаружен бронзовый бюст великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова.

Оккупанты сняли его с пьедестала в кутузовском садике Смоленска. Бюст хорошо сохранился, расколота была только чугунная доска с мемориальной надписью. Теперь памятник снова стоит на месте, где он был воздвигнут в 1912 году, в дни столетия победы над Наполеоном.

Для разгрома гарнизонов у нас не хватало силенок, тем более, что часть людей пришлось послать к Орше, Витебску, Богушевску и на Осинторф. Но кое-что мы все-таки предприняли.

На пути подхода наших разведчиков к станциям Рудня и Лиозно стоял полицейский гарнизон села Любавичи, как раз на границе Смоленской области и Белоруссии. Любавичские полицейские подкарауливали и уничтожали малочисленные группы партизан и на этом основании внушали населению, что они усвоили партизанскую тактику и не дадут партизанам житья.

Командиры взводов Фаязов и Самкаев с самого начала заявили нам с Мельником, что у них «зуб» на полицейских «вояк» этого гарнизона. Действительно, гарнизон этот нам очень мешал, однако, не выполнив главной задачи, мы вынуждены были терпеть. Кроме того, было известно, что в Любавичах имеется несколько пулеметов и два миномета.

Однажды разведгруппа Николая Баличева возвращалась с задания из-под Лиозно. Полицейские из Любавич

устроили засаду на лесной дороге. Два партизана погибли. Раненного в ногу Баличева товарищи еле спасли. Терпение наше лопнуло. Ночью сорок партизан при старшем Самкаеве вышли на Любавичи. Оказалось, что «храбрые вояки» не ночуют в школе, превращенной ими в своеобразное укрепление. Прослышав о близости партизан, они каждый вечер уходят в поле и отсиживаются в кустах или во ржи.

Пришлось бы партизанам возвращаться ни с чем обратно, но, верные люди сказали, что рано утром полицейские возвращаются в свою «казарму». И Самкаев решил проникнуть в нее и ждать. Не трогая замка на дверях, партизаны открыли окно, влезли в школу; остальные во главе с Фаязовым расположились в ближайших постройках.

На рассвете полицейши стали подходить к школе. Ничто не выдавало присутствия партизан: на дверях висел здоровенный замок, окна были целы и закрыты.

Полицейские шли группами по два-три человека — недаром говорится, что подлость всегда живет рядом с трусостью. Только вчера, потрясая винтовками и сапогами двух убитых партизан, они похвалялись своими «подвигами» перед населением Любавич, а теперь довольно робко приблизились к школе и, убедившись, что все спокойно, никаких изменений не произошло, двое отперли двери и вошли в коридор.

Из темного угла поднялись дула автоматов.

— Спасетесь, если будете молчать! Руки вверх! — скомандовал Самкаев.

Опешившие полицейши подняли над головами винтовки. Предателей быстро обезоружили и завели в класс.

Затем таким же образом взяли еще две группы. Остальные пошли гуртом. Когда в коридор ввалилось сразу до десятка человек, тут уже без шума не обошлось. Услышав команду и увидев нацеленные на них автоматы, полицейши, как овцы, бросились к двери и образовали пробку. Пришлось пустить поверх голов очередь. Некоторые, бросив оружие, тут же присели, подняв руки, другие вывалились на крыльцо и под дулами партизанских автоматов прижались к земле.

Автоматчики Фаязова выскочили из сараев и бросились обезоруживать группу, которая только еще приближалась к школе; здесь был и начальник полиции некто

Кочергин. Не сразу поняв, что случилось, он крикнул: «Спасайтесь!» — и пустился наутек. Но убежать никому не удалось. Из тридцати пяти человек девять было убито, остальные взяты в плен.

Партизаны собрали оружие и боеприпасы. Построили перед школой трясущихся полицаев. Затем сняли с них ремни, отрезали на штанах пуговицы и, взвалив им на плечи разряженные, с вытащенными затворами винтовки и другие трофеи, повели через село.

Женщины села Любавичи видели, как понуро шагали нагруженные оружием «защитники нового порядка», придерживая одной рукой сползавшие брюки. Жалких и перепуганных, покрытых потом и пылью, их привели в расположение отряда.

Что было делать с этими погаными выродками, переметнувшимися на сторону ненавистного врага?

Прежде чем принять решение, мы обратились за советом к честным советским людям, местным жителям. Они рассказали нам о каждом из этих выродков. Приговор народа был справедлив: особенно ревностных немецких холуев расстрелять, а двадцати двум позволить искупить свою вину — кровью врагов смыть позор.

Я думаю, что мы тогда поступили правильно.

Выполнив задание, отряд готовился к возвращению в полк, но тут дороги войны на коротенькое время совершенно случайно свели нас с человеком, который, как легендарные Чапаев и Котовский, всегда будет жить в сердцах советских людей. В одной из маленьких белорусских деревень, вблизи немецкого гарнизона, расположенного в местечке Бабиновичи, мы встретились с прославленным уже тогда вожаком оршанских партизан, подпольщиком и боевым командиром Константином Заслоновым.

Произошло это так. Разведка уже не раз доносила, что к нашему отряду проявляет большой интерес неизвестная женщина. Она выдает себя то за сброшенную с советского самолета и отставшую от своих товарищей парашютистку, то говорит, что живет в Доме инвалидов. Вблизи станции Плоское действительно был Дом инвалидов, немцы его разграбили, и больные люди, в большинстве старые, лишившись крова и пищи, вынуждены были нищенствовать. Выдавая и себя за инвалида, женщина эта, не возбуждала подозрений, могла свободно

ходить из деревни в деревню. Но в одной из деревень, ночуя у колхозницы, она вдруг отрекомендовала себя как связную, посланную к партизанам по поручению ЦК Компартии Белоруссии.

Перед этим мы с Мельником встретились с комиссаром армейской разведгруппы П. Л. Червинским. Она выполняла спецзадание нашего командования, и комиссар предупредил нас, что по «треугольнику» кочует одна «дама», которой поставлена задача открыть местонахождение их группы. Так не является ли эта «инвалидка» и «связная» именно той, которой заинтересовалась группа Шпилевого?

Командир взвода Фаязов, присутствовавший при разговоре, загорелся мыслью — поймать и привести женщину в отряд. Пока мы ожидали одну из разведгрупп, уходившую к Витебску по заданию, Фаязов с шестью конниками в течение четырех дней рыскал чуть ли не по всему «треугольнику». Наконец, врач, проживавшая в Любавичах, сказала разведчикам, что «инвалидка с Плоского» ночевала у нее и ушла рано утром. Женщина разыгрывала из себя душевнобольную, страшно ругала Гитлера и просила указать ей, как пройти на Махночи, где якобы живет ее дальняя родственница.

Послав двух конников на Махночи, сам Фаязов поехал в деревню Казимирово, куда по еще не известной нам причине немцы часто приезжали на двух бронемашинах, останавливались у околицы и затем возвращались в Рудню.

Когда Фаязов въехал в деревню, местные жители предупредили его, что на другом конце Казимирово стоят только что приехавшие бронемшины. С разведчиком Романовским Фаязов, прижимаясь к домам, выехал на противоположный край деревни. Скрываясь в облаке пыли, машины уже уходили, а навстречу конникам шла высокая молодая женщина, повязанная по-деревенски белым платком, в юбке из армейского габардина.

Наш Фаязов был хорошим разведчиком. Чутье подсказало ему, что это и есть женщина, которую он без устали ищет четверо суток.

Убедившись, что она не является жительницей деревни Казимирово, Фаязов приказал ей следовать впереди себя. Проявляя внешнее спокойствие, женщина пошла. За деревней Фаязов обыскал ее, но ничего особенного

при ней не обнаружил. Разыгрывая возмущение, обзывая Фаязова «полицейским бандитом», незнакомка потребовала доставить ее «к сестре в Любавичи».

— Кто твой сестра? — спросил Фаязов.

— Моя сестра врач, она живет в Любавичах. Я иду к ней из Гусина. Вы за все ответите, когда придет Красная Армия!

Когда ее привели в отряд, она сделала вид, что несканно обрадовалась, увидев на мне и Мельнике форму командиров Красной Армии. Мы решили передать ее Шпилевому, который, имея больше опыта, лучше нас мог разоблачить ее.

Но тут в деревне появились разведчики бригады Заслонова, только что прибывшие из района Сенно. Услышав от ребят, что поймана подозрительная женщина, они просили нас передать ее им, так как тоже давно охотились за ней. Но мы не стали менять своего решения. Оршанцы быстро уехали. А через два-три часа, когда отряд готовился к построению, на взмыленных конях в деревню прискакал Заслонов. С ним были начальник особого отдела бригады и несколько конников.

Накоротке произошло наше знакомство. Их очень интересовала задержанная. Они рассказали, что, по имеющимся данным, в этих краях действует немецкая шпионка Лидия Ковальчук, уроженка Смоленска, дочь бывшего жандармского ротмистра. Работая на оршанское гестапо, она предала не одного подпольщика из железнодорожных рабочих.

— По вашему описанию, это, видимо, она, — заключил Заслонов.

— Давайте посмотрим, — нетерпеливо сказал начальник особого отдела бригады.

Мы вошли в дом, где под охраной двух партизан сидела, расплетая косу, задержанная. Увидев пропущенного вперед Заслонова, она как-то сжалась вся, на мгновение выпустила из рук косу. Но лицо ее не выдало волнения.

— Вот мы встретились опять, — сказал Заслонов, еще от порога комнаты.

— Где вы встречали меня? Я вас не помню, — твердо возразила она, быстро справившись с замешательством.

— В Орше. Помните машиниста (Заслонов назвал

фамилию), которого после вашего предательства повесили?

— Я никогда не была в Орше,— изображая на лице удивленную улыбку, проговорила она.— Вы меня с кем-то путаете.

— Может быть, хватит играть и начнем разговор на чистоту? — жестко предложил начальник особого отдела.

— Я не понимаю, чего от меня хотят? Зачем меня задержали? Кто вы такие? — крикливо сыпала вопросы терявшая самообладание женщина.

В избу стали набиваться наши и заслоновские партизаны. Пришлось всех любопытных попросить выйти, остался Заслонов с начальником особого отдела, мы с Мельником и Фаязов с часовым.

— Снимите ботинки,— приказал чекист задержанной.

Женщина побледнела. Мы не понимали — причем тут ее стоптанные, покрытые пылью ботинки?

— Насильники! Грабители! По какому праву вы так поступаете с женщиной? — казалось, непритворно зарыдала она, закрывая лицо ладонями.

— Снимите ботинки,— спокойно повторил чекист.

Фаязов подал знак часовому, и два полуизношенных женских ботинка были переданы начальнику особого отдела. Он достал перочинный ножик и крючковатым концом консервника оторвал в одном, а затем в другом башмаке стельки. В руках оказалась маленькая фотография Гитлера в каком-то прозрачном пакетике. На обратной стороне портрета стояла печать с хищным крылатым орлом.

— Знакомая вещь! Но как все это однообразно! — сказал чекист, показывая нам пароль шпионки.— Ну, что вы скажете теперь? — обратился к женщине.

Она молчала. И больше уже не плакала.

Мы вышли из дома, оставив ее наедине с разведчиком.

Заслонов был доволен и хвалил расплывавшегося в улыбке Фаязова.

Пообедали, поговорили о делах. Заслонов сообщил о намерениях немцев любой ценой очистить «треугольник» от партизан. Мы доложили о своей задаче, рассказали о полке.

— Мне близка Смоленщина, я работал в Рославле, в тыл меня посылал Смоленский обком партии, там я дал присягу смоленского партизана,— сказал Заслонов.

— Одно дело делаем, товарищ комбриг,— мягко улыбаясь, заметил Мельник.

— О вашем полку идет хорошая слава,— продолжал Заслонов.— К нам попали документы, которые говорят о вас, как о серьезной силе. И теперь я вижу, опасения немцев не случайны. Ну, передавайте привет Гришину,— заключил он.— Скажите, что белорусы, мол, кланяются. И, может, мы еще с вами встретимся.

Тогда никто, конечно, не мог предполагать, что Гришину и Заслонову одним Указом будет присвоено звание Героя Советского Союза. Но о бригаде Заслонова слава уже гремела, и похвала этого отважного человека была нам приятна.

Через сутки мы подошли к железной дороге, которую предстояло перейти. С запада, грохоча колесами, приближался состав. Мы залегли на высотке, поросшей кустарником, в пятидесяти метрах от полотна. Поезд шел тихо.

— Давай обстреляем,— предложил я Мельнику.

— А как же тогда перейдем?

— Уйдем назад, в лес, а завтра перейдем в другом месте.

Искушение было велико. Ведь целый состав проходил рядом, везя на фронт то, чем будут убивать наших отцов и братьев под Москвой и Воронежем. Столько боли скопилось в душе каждого, что, если бы мы пропустили эшелон, совесть, вероятно, долго не давала бы нам покоя.

Быстро расставили людей для обстрела. Бронебойщик Михаил Шкарин, положив противотанковое ружье на вилку раздвоенной березки, застыл в ожидании на левом фланге.

— Бей, сколько будет возможно, по котлу паровоза. Если цистерны — бей по ним,— предупредил я Михаила, посылая обойму бронезажигательных патронов в полуавтоматическую винтовку Миши Громакова, который залег с трофейным пулеметом.

— Знаю,— прошептал Шкарин.

Полицейские, которые шли с нами (затворы мы им не вернули, но пуговицы к штанам разрешили пришить), изъявили желание принять участие в обстреле поезда.

— Сидеть смирно,— приказал охранявший их Михаил Чередняков.— Побежите — перестреляю.

Паровоз поравнялся с левым флангом партизан.

В ночной тишине резко ухнул выстрел противотанкового ружья. Звонким, пронзительным свистом вырвавшегося из котла пара ответил паровоз. Белая струя хлестала в обочину дороги и теплыми мелкими брызгами долетала до партизан. По кабине паровозной бригады и по надвигавшимся вагонам застрочили пулеметы и автоматы. На стенах вагонов метались, вспыхивали и гасли огненные пятна: от зажигательных пуль дерево не загоралось. Шкарин тем временем один за другим посылал по котлу бронебойные снаряды. Теперь уже несколько белых струй пара с воем вырывались из него. Однако поезд не останавливался и не снижал скорости; все новые и новые вагоны подставляли свои правые борта под огонь нашей засады. Со сторожевых вышек в нашу сторону ударили пулеметы, разрывные пули рвались где-то недалеко в кустах. С тормозных площадок начался робкий ответный обстрел. С правого бункера, где засела охрана, прошуршали в воздухе крупные мины и разорвались далеко за нашей цепью, в болоте, а огоньки все плясали по вагонам, плясали и гасли, не зажигая их.

Последние вагоны проходили мимо нас. Кого-то перевязывала медсестра Зина Кондратович. И тут раздалась команда Мельника:

— Вперед, на переход!

Правофланговые, не прекращая огня, выскочили на насыпь. Хвост поезда еще тянулся в двух-трех метрах от них. Поезд уходил, а мы, беспомощные, не в силах поджечь огнеупорный состав, зря расстреливали патроны, не причиняя, казалось, никакого ущерба противнику.

Отряд соскочил с насыпи и под обстрелом левой сторожевой вышки пошел на север.

Я проклинал себя за то, что у нас не оказалось ни одной бутылки с горючей смесью или термитных шашек. От них бы эшелону не спастись. Но вдруг отходивший рядом со мной партизан Иммерсанов закричал:

— Политрук, посмотри, что делается!

Я оглянулся и увидел, как белое пламя просачива-

лось в узкие окна у крыш и растекалось по двум вагонам. Эшелон запылал с обоих концов. Затем кругом все осветилось, что-то надрывно лопнуло, большие огненные лохмотья рассыпались в стороны, и гигантским факелом взметнулись ввысь языки пламени. Взорвалось какое-то горючее вещество — не наше, а то, что было в вагонах.

Мы видели, как локомотив остановился, поезд замер, потом медленно стал двигаться назад под уклон, все более охватываемый пламенем. Это было удивительное зрелище. Мириады искр разлетались во все стороны, загорались и рвались все новые и новые вагоны, а наклонная плоскость железной дороги тянула состав к месту отправления. Гитлеровцы сумели остановить его в километре от станции Плоское и спасти станцию от пожара. Но спасти эшелон они не смогли.

Под утро наш отряд занял деревню Иньково, в шести-семи километрах от железной дороги. Но и отсюда видны были черные клубы дыма, поднимавшиеся от догорающего немецкого эшелона.

Связные доложили Гришину о приходе отряда. К вечеру командир полка и командир первого батальона Николай Шерстнев приехали в Иньково. Выслушав наш доклад о выполнении задания, в котором были подробные данные о гарнизонах врага, о числе проходящих ежедневно эшелонов из Минска на Смоленск, о количестве базирующихся на Витебском аэродроме самолетов, а также о проведенных боевых действиях, в результате которых спущено под откос и сожжено три эшелона и разгромлен гарнизон в Любавичах, Гришин сказал:

— Спасибо, хлопцы, что действовали по обстановке и не спрятались за приказ.

Это была моя вторая встреча с С. В. Гришиным.

Два месяца назад в Романенках я коротко изложил ему историю своих мытарств. Мне казалось тогда, что слушал он рассеянно и не проявил никакого интереса к моей судьбе. Теперь мне было понятно, что моя история и не могла удивить Гришина. За те месяцы, что он стал командиром, сотни раз являлись к нему голодные, оборванные, жаждущие действия, борьбы люди и вручали ему свою судьбу.

При второй встрече я имел возможность ближе познакомиться с Сергеем Владимировичем не только как с командиром, но и как с человеком. Я уже знал, что партизаны уважали и любили своего командира. И не только потому, что он создал этот полк, был его душой, но потому, что знали его способность решать все вопросы быстро и справедливо. Не встречая командира полка со времени прихода в отряд, я тоже, хоть и заочно, проникся уважением к нему.

Теперь мы сидели за столом в крестьянской хате, и я рассматривал этого молодого человека, плотного, коренастого, с лицом приветливым и добрым, подкупающим своей искренностью, веселым смехом.

Таким он остался в памяти однополчан и теперь, хотя годы и наложили свой отпечаток на каждого из нас.

Полк продолжал наносить удары по противнику. Батальоны Звездаева и Иванова ежедневно вели бои на территории, прилегающей к дорогам Рудня — Демидов, Смоленск — Каспля.

В район действия полка вышла и часто взаимодействовала с нашими подразделениями пятая бригада «Бати» под командованием Ивана Романовича Шлапакова.

Из советского тыла с группой командного состава в район действия гришинцев пришел подполковник Садчиков. Ему было поручено сформировать новый партизанский полк. Гришинцы передали ему ядро обстрелянных и испытанных во многих боях партизан. В числе их находился и Михаил Егоров, будущий Герой Советского Союза, одним из первых водрузивший вместе с Контария знамя Победы над рейхстагом.

Численно росли и истребительные отряды Руднянского и Касплянского районов. Секретари райкомов Елисеев и Волков часто бывали в наших подразделениях. Они постоянно общались с населением своих районов, помогали советским гражданам, оказавшимся в оккупации, организовывали отправку в тыл детей и молодежи, которую немцы стали увозить в Германию.

Не удивительно поэтому, что немцы начали стягивать войска вокруг партизанского района. Прежде всего они укрепляли опорные пункты, оставляли в них значитель-

ные по численности и хорошо оснащенные огневыми средствами гарнизоны.

Разведка полка доносила из Смоленска и Витебска, что против партизанских отрядов формируется крупная карательная экспедиция. Противник ставил себе задачу одновременным наступлением своих войск со стороны Смоленска через Духовщину и от Витебска через Демидов отрезать партизанскую группировку от «северного коридора» через фронт и ударом с юга, от железной и шоссейной дорог, разгромить ее. Наступление было намечено на первые числа сентября.

Гришину пришлось отменить ранее принятое решение о рейде в новые районы, так как в сложившихся условиях уходить из этого района и оставлять на съедение противнику мелкие истребительные отряды, разведгруппы Красной Армии и формировавшийся полк Садчиково было нельзя. Гришинцы дорожили своей боевой славой и не хотели, чтобы кто-то заподозрил их в бегстве от опасности.

На совещании командно-политического состава и собрания партийной организации была высказана мысль, что хотя в этом районе партизанское движение организовано, то есть сделано основное, и полк подготовлен к выходу в другую местность, но без боя сдавать район врагу не следует.

Командир полка отдал приказ разгромить ряд опорных пунктов гитлеровцев.

В ночь на 23 августа наша рота вышла на разгром немецкого гарнизона в деревню Волоковую. Здесь на пути древнего волока «из варяг в греки» и пути движения наших групп к Смоленску и Красному Бору был размещен гарнизон, о котором сами же немцы распространили слух, что состоит он из отборных головорезов «берлинской жандармерии». Известно было, что с мирными жителями «столичные жандармы» ведут себя зверьем, а стойкость их в бою предстояло проверить нам.

Немцы укрепились на северо-западной окраине деревни, превратив естественную высоту у крайних домов «в неприступную крепость», как говорили побывавшие в Волоковой мирные жители из деревень Семехи и Зарубенки.

Под вечер мы двинулись из Иньково в направлении Волоковой. В деревне Заборье один из работников Кас-

плянского райкома партии попросил, чтобы мы взяли с собой его истребительный отряд, состоявший из юношей-комсомольцев шестнадцати-семнадцати лет.

— Они смелые ребята, рвутся в бой, но еще не обстрелянные,— просительным тоном сказал командир истребительного отряда.

— Веди свою гвардию, давай мы на нее посмотрим,— сказал Мельник.

— «Истребители» только помешают нам, неразберихи в бою наделают,— вмешался в разговор Фаязов.

— А ты в свое время не вносил неразбериху? — сурово осадил его Мельник.

Фаязов обиделся и замолчал.

Из деревни четким строем, стараясь не потерять равнение, вышли молоденькие, не бывшие еще в настоящем деле партизаны. Мы с улыбками наблюдали за «истребителями», старавшимися не ударить лицом в грязь перед бывалыми бойцами.

По виду эта зеленая молодежь напоминала пришедших в часть новобранцев в первые дни армейской жизни. Обычно прослужившие год-другой солдаты, забыв, что и они недавно были новичками, презрительно называют таких «картошкой».

Приняв команду «Равнение направо!», пареньки довольно четко остановились и выполнили другую команду — «Винтовку к ноге!»

— Вольно! — весело скомандовал Мельник и, подходя к шеренге, спросил: — Хотите воевать с немцами?

— Хотим, хотим! — хором ответили тридцать человек.

— Но немцы будут стрелять.

— Оны сабе,— громко ответил курносый мальчишка, росточком лишь на несколько вершков выше винтовки без штыка.

— Ха, оны сабе! — подошел к нему Мельник. — А если убьют или ранят?

— Ну, так уж и убьют! — возразил курносый.

— В бою все случается. А бой у нас сегодня будет жаркий, на укрепление пойдем. Боишься?

— Немножко боюсь, но это пройдет,— баском сказал маленький партизан.

— А что мы скажем вашим мамам, если потеряем кого-нибудь из вас в бою?

— А ничего пока не говорите. Кончится война — тогда скажете. — У нас ведь отца фрицы убили. Если мама узнает обо мне, тогда что будет?.. — И он отвел свои заметно повлажневшие детские глаза.

— Стрелять-то умеете?

— Умеем, умеем! — опять хором ответили ребята.

Фаязов подошел и стал рядом с командиром роты. Он словно пытался понять, что будет с каждым из них, когда засвистят пули.

— Ну, вот что, ребята, дела у нас сегодня будут очень опасные. Лучше мы в другой раз возьмем вас в засаду. Согласны?

Ребята разочарованно молчали.

— Так как же? — переспросил Мельник.

— Товарищ командир, возьмите нас сегодня, мы не подведем вас, — заговорил высокий, тоненький юноша, переминаясь с ноги на ногу.

— Возьмите, возьмите! — почти как ребята в классе, подхватили молодые партизаны.

По правде говоря, мне очень жалко было этих мальчишек. Но ведь не сегодня-завтра им все равно придется быть в бою, и кто знает, может, сегодняшней бой научит их не дрожать перед смертью, а она часто именно смелых обходит стороной. «Войне пока не видно конца, — рассуждал я, — враг рвется к Сталинграду, там наши люди стоят насмерть, а к походу на Берлин потребуются новые, конечно же, обстрелянные бойцы».

— Возьмем, — решил Мельник и скомандовал наблюдавшим за разговором партизанам роты: — Подъем!

— Пристраивайтесь в хвост роге, но помните: в бою слушать команду, не трусить. Трусов пуля ищет! Шагом марш!

И пополненная рота двинулась.

По данным разведки, гарнизон Волоковой был невелик. Здесь находилось до пятидесяти немцев и двадцать полицаев. На вооружении они имели два батальонных миномета, два станковых и четыре ручных пулемета. Половина состава гарнизона по ночам дежурила в окопах, меняясь через три-четыре часа.

В двух километрах от Волоковой — деревня Семехи. Сюда немцы не показывались, но часто обстреливали ее. В Семехи мы пришли часам к двенадцати ночи. Шел частый, по-осеннему нудный дождик. Вместе с молодежью

у нас было около ста тридцати человек. Три ротных миномета и восемь ручных пулеметов при удаче скрытного подхода могли дать нужную плотность огня. Но надо было, чтобы нас не обнаружили раньше времени, иначе неизбежны большие потери.

Людям была разъяснена задача: уничтожить гарнизон, захватить оружие и боеприпасы, взять «языка». Во главе двух взводов Мельник намеревался по чистому полю подползти к укреплениям. Взводу Фаязова, с которым шел я,— обойти деревню с севера, войти в нее по боковому переулку и, маскируясь постройками, сосредоточиться вблизи четырех домов, занятых немцами. Между домами и окопами расстояние пятьдесят-шестьдесят метров. Наша задача: отсечь огнем от окопов тех солдат противника, которые находятся в домах.

Стало быть, этот взвод должен начать бой первым и, отвлекая огонь из окопов на себя, обеспечить Мельнику подход к укреплениям на бросок гранаты. В случае, если Мельник будет обнаружен раньше, чем мы подойдем к домам, мы уславливаемся плотным огнем пулеметов, минометов и гранатами принудить немцев сосредоточить огонь на нас, а Мельник тем временем поднимет свои взводы и бросится на окопы. Дело должна решить рукопашная схватка.

Тридцать молодых ребят расположились в засаде по ложине на случай возможного бегства противника.

Когда задание было объяснено каждому бойцу, ко мне подошел Фаязов.

— Товарищ политрук,— сказал он,— иди ты со взводом, а моя пойдет с истребками, так будет лучше.

С предложением Фаязова согласился и Мельник.

Я не мог заподозрить Фаязова в желании остаться в более спокойном месте, но все же спросил:

— Но ведь ты можешь просидеть там зря?

— Не просижу.

И он попросил дать ему два десятка гранат.

— Не подсунь ребят под пулеметы,— сказал я.

— Что ты, политрук! — обиделся Фаязов.

Мы сверили часы, и группы пошли на исходные рубежи.

Мне предстоял далекий обход, поэтому начало боя было поставлено в зависимость от времени, необходимого нам для выхода к середине деревни.

Дождь усилился, зашумел ветер, темнота казалась особенно плотной. У немцев стояла подозрительная тишина. Не было поднято ни одной ракеты, что так необычно для них.

Мы прошли по лугу, затем по нескошенному овсу и подошли к огородам деревни. Проводники — и те еле отыскивали в темноте переулочек, ведущий к середине деревни.

Ночь была самая партизанская, дождь хлестал косыми струями, ветер рвал листву на березах, стоявших вдоль улицы, шелестел в соломенных крышах домов, заглушал чавканье грязи под ногами. Двумя цепочками с обеих сторон улицы мы все ближе и ближе подходили к укреплениям. Житель Волоковой, наш партизан, коммунист Василий Быцин шел со мной по одной стороне дороги и сообщал, сколько еще домов осталось пройти.

Наконец группы остановились. Перед нами — дома, где расположились солдаты противника; чуть левее — их окопы и огневые точки.

Иван Сафонов, кончивший перед самой войной минометное училище, снайпер по стрельбе из ротных минометов, направил свое оружие на окопы и поставил постоянный прицел, чтобы, стреляя, не поразить своих. Пулеметчики расположились за углами домов, в огородах. Огневых точек и окопов мы не видели, но они были близко перед нами. Мы ориентировались по еле заметному дереву, вокруг которого, как сказал Быцин, и сосредоточены окопы. Ветер доносил обрывки немецкой речи: в обороне не спали.

Время — 2 часа ночи. Можно начинать.

Но враг что-то заметил. Вверх взвивается осветительная ракета. Она повисает на парашютике, освещая окрестности. Все видно, как на ладони. Прижимаясь к земле, мы успеваем заметить прямо перед собой окопы, дома и несколько поблескивавших от дождя касок солдат в траншее.

Наши пулеметы одновременно открывают огонь по каскам, домам, окопам. Отделение Федора Буслаева бросается к помещениям, в которых расположены немцы, и забрасывает «лимонками» дома и траншею. Гитлеровцы отвечают длинными автоматными очередями. А ракета продолжает освещать пространство, медленно опускаясь вниз.

Справа заработали пулеметы Мельника. Немцы выскакивают из окон и кубарем катятся в окопы. Буслаев и его группа огнем автоматов пришивают их к земле. В траншее рвутся гранаты. Из окон домов, где еще осталась часть немцев, раздаются выстрелы. Ракета, позволившая нам сосредоточить наш огонь, гаснет, но уже загорается соломенная крыша одного из домов; из двух его окон немцы особенно ожесточенно стреляют из автоматов. Туда летят гранаты. За домами и окопами над группой Мельника взвивается одна, затем вторая красная ракета. Это сигнал для нас — не поразить своих. Пулеметчики переносят огонь на левый фланг, и в сплошном шуме боя слышится дружное «ура». Через минуту взводы Мельника окружают остальные, освещенные пожаром дома, забрасывают их гранатами. Мало кому из гитлеровцев удалось спастись.

С левого фланга укреплений, расположенных над оврагом, неистово захлебываются станковые пулеметы противника. Они стреляют по вспышкам наших пулеметов и автоматов. Мины Сафонова непрерывно рвутся там, откуда идет главный огонь, но эффект от них невелик — они не поражают противника, засевшего под накатом блиндажей.

Бой идет больше часа, появились раненые. Мельник разделался с немцами в домах, и теперь часть его людей спасает боеприпасы, таская в огороды ящики с патронами и батальонные мины. Он попытался проникнуть к блиндажам на высотке по траншее, идущей от домов, но вдоль нее немцы ведут сильный огонь. Нам ничего не остается, как бросить людей на штурм блиндажей. Это грозит большими потерями, но делать нечего. Своей группе я уже приказал подготовить гранаты, как вдруг через огороды, мокрый и грязный, ко мне подбегает один из «истребков» и передает просьбу Фаязова прекратить огонь по левому флангу укреплений. Фаязов, оказывается, оставил в засаде только половину людей, а сам с другой половиной сосредоточился под обрывом у самых блиндажей. Видя, что партизаны наносят удар по укреплению от деревни и с поля, противник перетащил пулеметы с обрыва и не ведет наблюдения за той стороной, как за безопасным местом. Огонь наших пулеметов и мины Сафонова не позволяют Фаязову ворваться в окопы и приблизиться к блиндажам.

Я немедленно послал Фаязову пять автоматчиков. Ведь его молодежь имела только винтовки и по десять — пятнадцать патронов на брата. Через несколько минут, когда автоматчики достигли обрыва, мы перенесли огонь в центр. Фаязов, забросав гранатами открытые со стороны обрыва блиндажи, ворвался с автоматчиками в укрепление. Огонь немецких пулеметов ослаб, а в укреплении слышались крики и стрельба автоматов.

Тогда обе наши группы — моя и Мельника — бросились в окопы и в короткой схватке заняли их.

Небольшой группе немцев удалось все же выскользнуть из деревни в поле. Они убегали на Касплю, но и их настигли и добились.

Бой, длившийся три часа, был закончен, гарнизон разгромлен. Каждый сделал свое дело. Не подвела и молодежь.

Оказалось, что полицейские не жили вместе с немцами в тех домах, которые стояли у оборонительных сооружений. Они разместились в двух других хатах, стоявших напротив, и когда начался бой, выскочили в огороды и побежали в деревню Орловку. Тут-то и напоролась полиция на засаду «истребков». Бросив двенадцать винтовок и потеряв двоих убитыми, пользуясь темнотой (пожар здесь почти не освещал местности), они разбежались.

Какая радость светилась в глазах молодых победителей! Они не только участвовали в бою, но и взяли трофеи: оружие, патроны.

Мы потеряли в этот день трех человек. Восемь было ранено. Погиб один юноша из молодежной группы Фаязова. А маленький курносый воин, просивший вечером не говорить маме, если его убьют, важно расхаживал с немецким автоматом, опоясанный пулеметными лентами.

Немцев погибло более тридцати человек, двое были взяты в качестве «языков». Все оружие и боеприпасы партизаны захватили, но громадный грузовик, заваленный нашими трофеями, пришлось снова разгрузить и сжечь: пуля пробила карбюратор. Одолжив у крестьян с десятков повозок, мы двинулись в обратный путь.

Так окончил свое существование гарнизон Волоковой, укомплектованный, как выяснилось, не «берлинской жандармерией», а охранным отрядом, только что переброшенным из Голландии.

В эти дни были разгромлены и другие гарнизоны, преграждавшие партизанам пути к магистрали. Со стороны Рудни немцы выдвинули свои гарнизоны в деревни Брюховщину и Пучики, от Демидова — в Кочкурино и Галицки. Все они были разгромлены ротами первого батальона. Второй и третий батальоны наносили удары по опорному пункту противника в Сыр-Липках, укомплектованному отъявленными предателями во главе с уголовником Болтуновым. На большаках и магистралях, по которым шло сосредоточение войск для наступления, партизаны из засад уничтожали живую силу и технику врага.

Я приведу содержание радиogramм, переданных Западному штабу партизанского движения за пять дней — с 21 по 25 августа 1942 года. Они характеризуют боевые будни полка.

«...Второй батальон (командир — лейтенант Иванов С. Д.) произвел артиллерийский и минометный налет на укрепленную точку в деревне Язвище. Противник, не приняв боя, оставил деревню».

«...Группа партизан первого батальона на большаке Рудня — Демидов обстреляла разведку противника, за которой двигалась пешая колонна немцев. Последние развернулись и атаковали нашу засаду. Партизаны отошли без потерь. Потери противника не установлены».

«...Группа Шабалина из вновь созданного отряда Никиты Камень в районе Титовщина — Лещики (большак Рудня — Демидов) с короткой дистанции обстреляла три автомашины противника и разбила их. Потери в живой силе не установлены, так как со стороны Демидова подошло подкрепление. Наша группа отошла без потерь».

«...Конный разъезд при старшем Шелудко столкнулся с противником, грабившим семьи партизан и красноармейцев в деревне Старый Дуб. Пятнадцать немцев, не приняв боя, сели в машину и удрали. Награбленное немцами имущество роздано пострадавшим».

«...Группа партизан первого батальона под командой Мищенко произвела налет на укрепленный гарнизон в деревне Шаровичи. Убито два немца, разбито пять автомашин, разрушена авторемонтная мастерская. Мы потерь не имели».

«...Две группы третьего батальона на большаке Рудня — Демидов при старших Иванове и Курносове из за-

сады сожгли девять машин. Убито семнадцать солдат противника».

«...Наступление ста солдат противника на деревню Заломой было разгромлено. Убито шестнадцать рядовых, два офицера. Взят в плен солдат охранного батальона. Последний показал: штаб 85-го батальона — в районе Смоленска, командует батальоном капитан Вернер».

«...Группа Максимова из первого батальона в районе деревни Селивоненки обстреляла из засады колонну автомашин. Три машины перевернулись в канаву. Партизаны с пяти-семи метров расстреливали выпрыгивавших из машин гитлеровцев, забрасывали гранатами. Потери противника до пятидесяти человек (уточняются), два партизана тяжело ранены».

«...Группа партизан третьего батальона из противотанкового ружья вблизи станции Голынки обстреляла поезд. Котел взорвался, убита паровозная бригада, повреждено четыре вагона. Эта же группа через день обстреляла из ПТР эшелон, стоявший на станции Гранки. Разбит паровоз, состав с неизвестным грузом сгорел. Пожар продолжался в течение шести часов».

«...Группа партизан первого батальона при старшем Самкаеве организовала засаду на большаке Рудня — Демидов. Колонна в сорок крытых машин с живой силой была встречена огнем восьми пулеметов, автоматным и винтовочным. Предположительно убито шестьдесят гитлеровцев, сгорело одиннадцать машин. Фашисты атаковали партизан и пытались окружить. Бой длился в течение трех часов. Наши потери: героически погибли пулеметчики Федор Черняк и Иван Нагаев. Тела их были вынесены с поля боя и похоронены в деревне Иньково».

«...Группа партизан под руководством Полбина внезапным налетом на немецкую группировку в деревне Лещенки уничтожила двадцать три солдата и одного офицера 480-го батальона 83-й дивизии. Унтер-офицер взят в плен. Взяты трофеи: пять винтовок, телефонные аппараты и средства связи, документы убитых. По показаниям пленного, 480-й батальон отозван на борьбу с партизанами из Великих Лук».

Из этого далеко не полного перечня боевых операций полка видно, как чувствовали себя оккупанты на захваченной земле. А ведь рядом с нашим действовали и другие партизанские отряды! За эти же дни на железную

дорогу нами было послано шестнадцать подрывных групп, три из них организовали крушение четырех эшелонов. Железная дорога Витебск — Смоленск работала с перебоями.

Как оценивали немцы состояние своих железных дорог в это время? Вот выписка из доклада шефа железнодорожного транспорта группы немецких армий «Центр» от 28 июля 1942 года: «Налеты партизан в течение июля месяца приняли столь угрожающий характер, что пропускная способность дорог не только снизилась и значительно отстает от установленных норм, но и вообще на ближайшее будущее положение вызывает самые серьезные опасения... При этом следует особенно учитывать, что за последнее время значительно возросла сила налетов и соответственно усугубились их последствия. Потери в людях и особенно в драгоценнейшей материальной части очень велики».

ОПЕРАЦИЯ «ЖЕЛТЫЙ СЛОН»

Обстановка, созданная партизанами вблизи Смоленска и на главных коммуникациях центрального фронта противника, вынудила врага организовать карательную экспедицию. Эту противопартизанскую акцию немцы называли «Spätlese». Они любили придумывать разного рода игровые наименования своим разбойным делам, при этом чем бесчеловечнее были цели, тем безобиднее называлась операция: «Эдельвейс», «Репейник», «Тетерев», «Дятел» и тому подобное.

В русском переводе «Шпетлезе» — это время сбора позднего винограда. Но не думаю, что стратеги, планировавшие эту операцию, предполагали, что она будет

столь же приятной и бескровной, как сбор винограда в бархатные дни южной осени. Действительно в те дни пролилось много крови — палачи сняли богатый урожай. Но, пожалуй, еще более чудовищной была при операции «Желтый слон» расправа с мирными жителями.

В то время мы еще не располагали документами врага, но в первых же боях каратели применили мадьярскую конницу и бронемашину, окрашенные в темно-зеленый цвет, с большим желтым слоном на бортовой броне. И партизаны окрестили это наступление в северо-западных районах Смоленщины операцией «Желтый слон». Так она и вошла в наш разговорный обиход, а после войны «Желтый слон» перекочевал на страницы печатных изданий, попал в книги воспоминаний участников борьбы с карателями и вызывал недоумение исследователей, не обнаруживших, естественно, в немецких документах подобного наименования.

Наступление развернулось в первых числах сентября. К этому времени партизанские силы района занимали следующую позицию.

На линии Лелеквинская — Рудня, в шести-десяти километрах севернее железной дороги, стояли подразделения нашего полка. Это, по существу, был форпост партизанских сил освобожденного района. Дальше в глубь района, на линии Лойно — Черняны, стоял полк Садчикова, некоторые местные отряды и специальные группы, которые во множестве переходили через «ворота» на линии фронта и выполняли различные поручения командования Красной Армии. А еще дальше на север начинался район, занимаемый бригадами «Бати». Там были большие леса, примыкавшие к позициям 4-й ударной и 43-й армий Калининского фронта. Здесь-то и находились так называемые «северные ворота». Партизаны «Бати» не позволяли немцам сомкнуть линию фронта. И пока эти «ворота» удерживались, через фронт свободно переходили наши группы и целые подразделения.

Небольшие истребительные отряды Касплянского и Демидовского районов в тактическом отношении не могли выполнять самостоятельной роли. В предвидении наступления карательной экспедиции они влились в полки Гришина, Садчикова и бригаду Шлапакова.

Перед карательной экспедицией немецкое командование поставило две задачи: уничтожить партизанскую

группировку на северо-западе Смоленщины и закрыть брешь, образовавшуюся в линии фронта.

С 4 сентября немцы повели наступление с юга от железной дороги по всей линии, занимаемой полком. Бои закипели одновременно на ряде участков. Жаркие схватки с отрядами мадьярской конницы, поддерживаемой танкетками и бронемашинами, вел первый батальон. Каратели хлебнули нашего огня. Мы захватили много кавалерийских лошадей и из противотанковых ружей подожгли несколько бронемашин.

Особенно в этот день отличилась группа партизан первого батальона под командованием В. Мищенко. У меня сохранилась запись рассказа участника этого боя Григория Трубина.

«Третьего сентября, когда стало известно, что в Рудню, Голынки, Лелеквинскую и другие пункты по железной дороге прибывают свежие части для наступления на партизан, нас с Мельником послали на железную дорогу. Мы должны были пустить под откос эшелон и взорвать в нескольких местах путь. К утру четвертого надо было возвратиться в батальон в Иньково или Заборье.

Пустить под откос эшелон в этот день не удалось. Огнем двух пулеметов и винтовок мы с близкого расстояния лишь обстреляли пассажирский состав из девятнадцати вагонов. Утром мы были в деревне Пожевское. Часов в восемь у деревни появилась колонна немцев. Мы подпустили их поближе и не пожалели огня. Патронов тогда было много.

Немцы высыпали из машин, под нашим огнем развернулись и атаковали деревню. Пришлось удирать — нас ведь было всего восемнадцать человек. До Зарубенок мы отступали, отстреливаясь, но фрицы преследовали нас развернутым фронтом. Счастье, что никого не ранило, огонь был — будь здоров!

В Зарубенках немцев встретили стрельбой из-за домов, а затем Мищенко приказал занять кладбище. Кладбище стоит на высотке, рядом с церковью. Тут уж завязался настоящий бой. Откуда-то появилась артиллерия, лупила — спасу нет. Наверное, в горячке боя мы и не заметили, как немцы обошли нас слева и оказались в нашем тылу. Деваться было некуда. Мищенко приказал занять церковь. Здесь нас оказалось только девять остальных не поняли команды и проскочили в кусты. На-

чалась осада. Фашистов было много. У нас только два пулемета. Пулеметчик Пыпарев занял звонницу и удачно косил немцев, напиравших со стороны деревни. Однако он не мог достать тех, которые были у самой церкви.

Немцы пытались несколько раз брать двери приступом. Но нам помогали гранаты. Тогда и они стали кидать гранаты в окна через решетки, но мы находились не в главном зале, что под куполом, — там были окна, — а в полутемной прихожей, отделенной от зала толстыми стенами.

Побили мы немцев много. Часов в двенадцать они отошли на кладбище, и тут по церкви начала лупить артиллерия. Осколком кирпича ранило в руку Пыпарева. Его перевязали, а я сел за пулемет.

Когда притихла артиллерия, немцы снова кинулись на приступ. Мы встретили их достойно. Я видел с колокольни, как они валились под нашим огнем. Возможно, они были пьяные — уж очень осатанело лезли.

Два или три орудия снова открыли огонь. Я с пулеметом спустился вниз, несколько снарядов угодило в колокольню, меня засыпало кирпичными осколками. Они думали, что всех нас побили, и прекратили стрельбу. Я — опять на колокольню. Но теперь они не лезли уже в открытую, зашли от алтаря и подняли крик: кто орет «хенде хох», кто ругается русским матом. Научились!

И вдруг — а дело было к вечеру — откуда-то из кустов, со стороны деревни Бородавки, застрочили пулеметы. Слышим: кричат «ура». Я ничего не понимаю, только вижу — немцы побежали от церкви и с кладбища. Тут я и проводил их длинными очередями автомата.

Оказалось, что нас выручил истребительный отряд Касплянского райкома, тот, что участвовал в бою в Волоковой. Наши ребята, кустарником вышедшие с кладбища, встретили его и сказали, что мы попали в ловушку.

Радости нашей не было конца. Ребята удивились, что все мы целы и невредимы. К утру мы пришли в Иньково и еще успели вместе с нашей ротой отбить наступление мадыарской конницы».

Так рассказал об этом горячем дне Григорий Трубин.

Пятого и шестого сентября кровопролитные бои на

шоссейной дороге Рудня — Демидов вел батальон Звездаева. Под Касплей наступление карателей отбивал батальон Иванова и некоторые подразделения полка Садчиков. Это был напор на фланги. Немцы рассчитывали ударом с Демидова и Каспли на деревню Бакшееву отрезать отход полка в леса.

Если бы в эти дни им удалось пробиться и занять линию по реке Каспля, положение наших подразделений в районе с открытой местностью оказалось бы очень тяжелым.

Наступление на партизан каратели сопровождали зверскими репрессиями против мирного населения. Фашисты жгли деревни, угоняли скот. Уничтожали ни в чем не повинных жителей, заподозренных в связях с партизанами.

В деревню Семехи Касплянского района каратели ворвались 6 сентября. За активную помощь партизанам деревня полностью была сожжена. В огне пожаров погиб весь скот, все имущество людей. Каратели безжалостно расстреливали всякого, кто пытался спасти животных или домашние вещи. Мужчин — от мальчишек до глубоких стариков — собрали, отправили в другую деревню и расстреляли. С такой же жестокостью было уничтожено население деревень Бородавки, Толкуны, Матыки, Холмец.

Днем 7 сентября первый батальон вел тяжелый бой в деревнях Заборье, Стригино и к ночи отошел в Романенки. Фланговые колонны немцев сблизились, и для отхода осталась узкая полоса в десять километров. Батальон вовремя отошел, немцы не успели соединиться и отрезать ему путь к основным силам полка.

Следующие два дня полк, собранный теперь Гришиным в более компактную группу, дрался под Лосенями, Матыками, Баркашнями и Шилами.

С утра 10 сентября наступление началось на бригады «Бати», а к вечеру каратели, потеснив несколько его подразделений с флангов, севернее Бакшеевой, почти отрезали полку отход. Южнее лесов в руках партизан оставалась одна только эта деревня, от которой начинается большой лес.

Все подразделения других отрядов уже перешли Касплю и втянулись в лесную полосу. Дальше оставаться здесь было нельзя, чувствовалось — силы противника

велики, а у нас росло число раненых и осложнялась их отправка в тыл. Того, что на партизан брошены три пехотные, одна танковая, одна кавалерийская дивизии и средства усиления — авиация и артиллерия, — мы еще даже не знали.

Наши пушки в первые же два дня расстреляли весь запас снарядов, и их пришлось затопить в реке. Батальонные минометы также были без мин и стали бесполезным грузом.

Противник, разгадавший замысел командования полка, подготовил артиллерийский налет на переправу через Касплю. Но благодаря тому, что партизаны проходили по новому, временному мосту, построенному в этот день, а немцы по карте пристреляли место старого, разрушенного, потерь у нас не было. Переправа прошла организовано, и полк несколькими колоннами начал движение на единственную оставшуюся, по данным разведки, незанятой деревню Шуровщину.

Однако головная походная застава в Шуровщине напоролась на мощное заграждение противника. Немцы успели занять и эту деревню. Местность не позволяла развернуть полк для атаки, чтобы сбить противника с нашего пути, да и неизвестно было, какими силами он здесь располагает.

Создалось критическое положение. Прикрывая отход всех отрядов и мелких групп, гришинцы упустили время и теперь сами фактически находились в западне.

Тогда командир полка принял очень дерзкое решение: от Бакшеевой пройти на деревню Чачу лесом. Этот лес был сплошным болотом. Даже в сухое лето через него с трудом мог пройти человек. Гришин приказал оставить повозки, а раненых взять на плечи. Конечно, не исключалось, что противник успел занять и эту деревню, но оттуда его было легче выбить, неожиданно появившись из леса.

Под ногами чавкала грязь и вода. Ребята из кавгруппы полка, выбиваясь из сил, тянули за собой трофейных лошадей. Кони вязли в липкой грязи, падали, залегали. Партизаны поднимали их, ломали и подстилали под их ноги ветки, но через несколько шагов кони снова валялись.

Впереди шел местный житель, лесник и охотник, знавший здесь каждую тропинку. Он предупредил, что

идти нужно гуськом, в след друг другу, в сторону не уклоняться: на болоте опасные провалы.

И вот семьсот человек шли по одному следу. Растоптанная грязь и вода обозначили узкую тропку с глянцевитой поверхностью. В ней сквозь просветы деревьев отражались яркие звезды.

Тяжела была эта ночная партизанская дорога. Люди шли чуть не по пояс в размешанной скользкой грязи. Она набивалась в ботинки, заливала сапоги, прилипала к одежде и к телу. Под грязью попадались сучья и корни деревьев, о них спотыкались и падали, барахтались и чертыхались.

Но еще тяжелее было раненым и тем, кто нес их на своих плечах. Люди выбивались из сил, а отдохнуть даже минутку было нельзя. Нужно было спешить, чтобы по этой губительной трясине пройти к утру пять (всего пять!) километров до подступов к деревне Чаче.

Шесть часов длился этот адский изнурительный марш. Казалось, ему не будет конца. Но вот постепенно начало твердеть под ногами тех, кто шел впереди.

Выйдя на относительно сухое место, мокрые, по колено в грязи, усталые, партизаны свалились на землю. Молча отдыхали, лишь светились огоньки самокруток. А из трясины все тянулась и тянулась едва заметная в ночной темноте бесконечная цепочка пошатывавшихся людей.

Гришин подозвал к себе командиров батальонов и послал разведку в деревню.

Я лежал на сырой земле среди бойцов второй роты. Сквозь мокрый ватник вода просочилась к спине. Бог с нею! Лишь бы вот так лежать, не шевелясь. Это блаженное состояние отдыха казалось дороже всех земных благ.

Рядом слышались женские голоса:

— Сумку не потеряла?

— Нет. Еще немножко — и сама бы там осталась.

— Ох, кажется, мы не выдержим!

— Привыкнем — выдержим! Надо бы почиститься, а то неудобно командиру на глаза показаться.

— Да он сам в грязи, как леший!

От смертельной усталости мысли ворочались лениво, и все-таки было интересно, что за болотные русалки у нас завелись?

— Из какого батальона, девушки?

— Не из какого.

— Может, вы шпионки? — пошутил кто-то из партизан.

— Или русалки?

— Грязь — дело полезное, девушки, — включается в разговор Василий Быцин и начинает «заливать», как его жена проездила на грязи кучу денег и не вылечилась, пока не началась война и немецкая бомбежка не загнала ее в болото. Там она пролежала полдня и сразу все болезни прошли — будто только что родилась.

Быцин, конечно, шутит. Никакой жены у него нет, и в батальоне его зовут «председатель общества старых холостяков».

Приход командира батальона прервал этот шутильвый разговор. А утром я узнал, что девушки эти были работниками ЦК комсомола, присланными в полк. Звали их Вера Болдина и Дуся Каверзнева. Пожалуй, не так уж плохо, что их партизанский путь начинался с трудной дороги. Хуже, если бы крещение свое они получили в партизанском обозе.

Батальоны поднимались и шли занимать деревню Чачу, в которой немцы побывали накануне вечером, но не остановились и уехали в Сыр-Липки.

Измученные конники все-таки спасли несколько еще более измученных в этом переходе лошадей. Английской породы кобыла Гришина Любка тоже преодолела с помощью партизан трясину и теперь, пошатываясь, шла в поводу за ординарцем. Лошадей погибло много, но хоть седла были спасены, а ведь из них шили добротные сапоги.

Рано утром партизаны заняли оборону, окапывались. Появилась немецкая авиация. «Рама», полетав над деревней, обстреляла окопы и скрылась. А через какой-нибудь час немцы начали наступление.

Полк и бригада Ивана Шлапакова, оказавшиеся в этом районе, вступили в напряженный бой, переходивший на ряде участков в рукопашные схватки. Особенно ожесточенные атаки выдерживал батальон Иванова. Иванов и комиссар батальона И. Н. Шалаев трижды поднимали партизан в контратаку; три раза бежали враги, но, оправившись и приняв новые дозы шнапса, вновь бросались в бой.

Используя лесистую местность, Иванов посылал подвижные группы партизан в тыл и на фланги атакующей группировки. Они наносили неожиданные удары и скрывались, оставляя на поле боя десятки вражеских трупов. До самой темноты партизаны удерживали подступы к Чаче, сохраняя открытой дорогу для выхода полка на север. Другие батальоны вели перестрелку.

Второй батальон понес большие потери, но и каратели надолго запомнили бой под лесной деревней Чача.

Пулеметчик Леонид Серебряков написал об этой схватке песню:

Сквозь огонь блокад, оковы
Пьяных вражеских колонн,
За комбатом Ивановым
Шел второй наш батальон.

На «ура» нас немцы брали,
Мы стояли, как гора,
И под Чачею кровавой
Захлебнулась немчура.

Партизаны не уступили карателям до наступления темноты ни одной пяди. Ночью, собрав раненых и похоронив убитых, полк ушел на север.

Большие потери заставили гитлеровцев действовать в последующие дни осторожно. Поступи «Желтого слона» теперь уже не чувствовалось. Измотанный боями противник скорее напоминал шакала, смелого, когда добыча бежит, и трусливого, когда она защищается.

В следующие дни бои шли у деревень Няньковичи, Старины, Зальнево, Выставка. На этих рубежах продолжали сражаться бригады «Бати». Взаимодействуя с ними, полк нанес крупное поражение вновь введенным в бой частям противника. Однако отступать с боями было больше некуда: в десяти-двенадцати километрах стояли части Красной Армии. Уйти под их защиту было самым легким делом, но мы знали, что партизаны нужнее и армии и советскому народу здесь, в тылу врага. Западный штаб партизанского движения также настоятельно рекомендовал до последней возможности оставаться на оккупированной территории и не выходить за линию фронта.

В этих условиях Гришин пришел к единственно правильному решению. Приняв бой в деревнях Кисели и

Выставка, мы отошли по лесной дороге на Слободу, показывая намерение выйти к советским войскам. Но за линию фронта пошел только обоз с ранеными и больными. Более пятисот здоровых, обстрелянных партизан втянулись в лес и повернули на восток. В обширной Александровской даче, среди дебрей и болот, на расстоянии десяти километров от фронта и четырех-пяти километров от наступавших частей карательной экспедиции, мы затаились и прождали пять дней.

Командир первого батальона Александр Шамов.

Эти пять дней не были днями бездействия. Было, правда, непривычно тихо и голодно, питались остатками неприкосновенного запаса, хранившегося в сумке каждого партизана вместе с боевыми патронами. Дополнением к скудному пайку служили рябина и грибы опенки. Но усиленно работал штаб полка. Ежедневно с командным составом шел детальный разбор каждого боя. Осмысливались действия батальонов, рот, взводов, полковой разведки и их командиров. С тех пор как отряд превратился в полк, мы еще ни разу не собирались вот так, все вместе. Теперь появилась возможность коллективно подвести итоги, сделать выводы, извлечь уроки из всей нашей деятельности.

И плюсов и минусов было много. Разговор шел прямой, требовательный, справедливый. Ни один вопрос не остался необсужденным: говорили о тактике, о путях материального обеспечения, о моральном состоянии, о предстоявших задачах. Это была учеба на опыте почти года борьбы в тылу врага. Своеобразная партизанская академия повышала нашу боеспособность.

Провели и партийное собрание. На нем рассматривались вопросы о приеме в партию, о работе коммунистов среди местного населения и авангардной их роли в бою. На этом собрании кандидатом в члены партии был принят командир полка Сергей Владимирович Гришин.

Комсомольская организация пополнила свои ряды десятками проверенных в боях патриотов.

В эти дни были произведены изменения в командном составе. Они особенно коснулись первого батальона. Н. И. Шерстнев стал заместителем командира полка по разведке, батальон от него принял командир первой роты Шамов, меня назначили комиссаром первого батальона, а командиром роты вместо Шамова стал Иван Матяш.

В лесу с партизанами проводились занятия по штыковому бою и караульной службе. Разведчики учились бесшумно снимать вражеских часовых, а подрывники усваивали различные приемы минирования железной дороги и устройство новых, неизвлекаемых мин.

На пятый день разведка донесла, что противник снимает блокаду леса, часть своих сил он оставил для закрытия «ворот» через фронт, а другая часть выехала на Смоленск и Витебск. Так закончилась операция «Желтый слон». Противник добился в ней определенного успеха — «ворота» через фронт были закрыты, большая группа партизан оказалась вытесненной за фронт. Но партизанские силы не были уничтожены, как того хотелось немцам.

После проведенной разведки полк вышел из леса и побатальонно двинулся в старый район действия. С нами осталась и партизанская бригада Шлапакова.

С приходом в район Авиницкой дачи начался новый период в боевой деятельности полка «Тринадцать».

В тактике партизан внезапность — фактор постоянно действующий. Но нам теперь предстояло наиболее широко использовать его, пока противник считал свой тыл очищенным от партизан.

В эти дни Гришин подписал приказ: все, кто может носить оружие, — на большаки и дороги! Наша помощь Родине измеряется числом взорванных эшелонов, убитых фашистов, разбитых автомашин, подорванных мостов, разрушенных линий связи.

В засады пошли не только боевые подразделения, но и работники штаба, хозяйственной части, девушки-разведчицы.

И начались удары по дорогам и большакам, которые немцы считали уже обезвреженными.

К железным дорогам снова вышли подрывные группы. Разведчики проникали к Смоленску и Витебску. Среди населения они распространяли листовки, из которых люди видели, что, как бы ни злобствовали каратели, партизанское движение не затухает. Листовки призывали советских людей усилить борьбу с оккупантами.

Война есть война. Она не бывает без потерь, и почти каждый бой был оплачен кровью наших людей.

В жаркой схватке с большой группой оккупантов на большаке Демидов — Смоленск был смертельно ранен заместитель командира полка, бывший командир первого батальона Николай Иванович Шерстнев. Тяжело нам было прощаться с Николаем Шерстневым — смелым воином, чудесным человеком, одним из первых организаторов отряда.

А спустя несколько дней новое несчастье постигло нас. Полк понес потери, горечь которых потрясла наши привыкшие к утратам сердца.

Глубокой ночью взвод Николая Зайцева вышел в засаду. С ним пошли на боевое задание начальник штаба батальона Сергей Сковорцов, политрук Алексеев и я.

Холодный диск луны скрывался за гребнем леса, поднимавшегося за рекой. Под ногами шуршала прихваченная октябрьским морозом, побелевшая трава. По прогибающимся жердочкам мы перешли реку и углубились в лес. Громада деревьев обступила нас со всех сторон. Растянувшись цепочкой, мы долго шагали по узкой темной тропинке. В редких просветах развесистых елей в холодном воздухе необычно ярко мерцали осенние звезды.

Перед утром, когда небо еле заметно стало бледнеть, дошли до цели. У самой дороги, в частом кустарнике, подступавшем к кюветам большака, расположились для засады: в центре — автоматчики, на флангах — шесть пулеметов и противотанковые ружья.

Отстегнули с ремней гранаты. Обломали кусты, подготовив сектора обстрела для своего оружия, чтобы наверняка поразить танки, которые обычно сопровождали колонны автомашин и пехоту. В двух местах в подмерзшем грунте дороги заложили мины. Тщательно замаскированные шнуры — «удочки» протянули к кустам.

Лес объят тишиной. Изредка в глуши прокричит филин, и снова наступает безмолвие. Холодок забирается

под одежду, мерзнут ноги, слышится постукивание сапог — обычный прием самосогревания.

Постепенно светает. Поднимается солнце. Его косые, скупые на тепло октябрьские лучи, пробираясь сквозь ветки деревьев, медленно и как бы нехотя разгоняют ночную свежесть.

Лениво, как всегда в ожидании, тянется время. Часовая стрелка приближается к полудню, а в лесу по-прежнему стоит тишина. Приподнятое с утра настроение заметно падает: день не удался, потрачен впустую.

Высоко над деревьями, под кронами которых расположилась засада, летает и назойливо каркает ворон. Кто-то из ребят вполголоса запел «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой». На него шикнули.

В полдень где-то вдали — сразу трудно разобрать, в какой стороне, — послышалась артиллерийская стрельба. Лес смещал направление звуков, и далекие разрывы, повторяемые эхом, улавливались с разных сторон. Вначале стрельба казалась вялой, потом разрывы стали чаще, по-видимому, завязывался крупный бой. Слух схватывал характерную трескотню немецких пулеметов и глухие очереди дегтяревских ручных.

Скоро вечер. Теперь уже определенно немцы не пойдут: в темноте они редко отваживаются проезжать по лесному большаку. Досадно, но приходится сниматься и ни с чем идти на базу.

А где-то за лесом идет бой.

Когда подрывники стали сматывать шнуры и собирались разгрести песок, чтобы снять мины, со стороны Демидова послышался гул машин.

Мы быстро заняли оставленные было места и затихли в ожидании. Гул моторов нарастал. Наблюдатели передали, что показался средний танк и автомашины: к засаде приближается колонна.

Машины, крытые брезентом, шли с короткими интервалами, водители явно жались к броне.

Мину надо было взорвать под танком, когда колонна юрывается с засадой, расположенной вдоль кювета. Взрыв явится сигналом к открытию огня по моторам, кузовам и кабинам автомашин.

И вот «удочка» сработала! Взрыв потряс лесную окрестность. Пулеметы и автоматы партизан хлестнули по моторам и кабинам. Автомашины брызнули осколками

стекол, из-под капотов и днищ заплескали зеленые змейки огня. Гитлеровцы посыпались из кузовов и кабин, и те, кого миновали плотные очереди наших пуль, открыли беспорядочную стрельбу. Автомашины, водители которых были убиты первыми выстрелами, с невыключенными сцеплениями полезли на стоящие впереди, ткнулись в кюветы и, запрокидывая борта кузовов, окутались черным дымом.

С конца колонны по обочине дороги и отлогому кювету спешил на выручку попавшим в беду второй танк, непрерывно поливая огнем двух пулеметов опушку, на которой мы залегли. Казалось, еще несколько секунд — и он проутюжит своими гусеницами нашу цепочку.

Левифланговый бронебойщик Михаил Шкарин послал по нему один за другим два снаряда. Танк вспыхнул, свернул в кустарник и остановился метрах в тридцати от нас. Экипаж какое-то время вел огонь из пулемета, а затем под прикрытием дыма покинул горящую машину и скрылся в кустах. Слабый огонь постепенно вовсе затих, но немцы, уцелевшие в конце колонны, развернулись цепью и, стреляя из автоматов, двинулись на засаду.

Мы ушли в глубь леса, а на большаке не прекращалась стрельба и рвались бензобаки с горючим.

Итак, уничтожено два танка, сгорели шесть автомашин. У нас потерь нет. Возвращаемся с хорошим настроением. Но едва выходим из леса, как чувство это сменяется тревогой. Вдали перед нами полыхает багровое зарево пожара. Черным облаком поднимается высоко в небо освещенный пламенем дым горящего села.

Горит Шуровщина — деревня, где ночью мы оставили неполные две роты первого батальона. С ними командир батальона Шамов, командиры рот Мельник и Матяш.

По-видимому, бой там не затихал ни на минуту. Взлетали и гасли в воздухе зеленые, красные и белые ракеты. Трассирующие пули оставляли красные пунктиры, обрывавшиеся в бушующем огне. Миллионы искр, разносимых ветром, поднимались ввысь и гасли.

Мы побежали на помощь своим.

Оказавшись в двух километрах от Шуровщины, мы увидели ее с высоты как на ладони, и по вспышкам вы-

стрелов, по полету трассирующих пуль определили полукруг, подковой охватывавший горевшую деревню.

Мы были совсем уже рядом, метрах в пятистах, но нас разделяла вспухшая от дождей река. И хотя дорогá была каждая минута, пришлось бежать на переправу.

Из пулеметов мы обстреляли через речку определявшиеся по вспышкам немецкие цепи, но стрельба с такого расстояния была малодейственной.

Наш взвод переходил реку, когда из кустов с восточной стороны деревни, оттуда, где еще оставалась горловина незамкнутого круга, хлестнула дробь немецких автоматов, и в воздух поднялась ракета. Противник замыкал кольцо.

Напрягая последние силы, мы бежали, чтобы ударить по врагу с тыла. В это время слышались крики «ура», и выстрелы автоматического оружия слились в сплошной треск. Окруженные партизаны штурмом прорывали кольцо.

Мы опоздали всего на несколько минут, и под свист немецких пуль, в двухстах метрах от деревни, встретили прорвавшихся товарищей. Несли раненых. И тут я увидел убитого Николая Мельника. Его безжизненные руки висели, как плети, касаясь земли...

Почти каждый день в боях за Родину гибли боевые друзья, и эти невозвратимые потери болью отзывались в сердцах живых. Вот и опять...

Когда при отблеске полыхавшего пламени я увидел Мельника, жесткий ком сдавил горло, а сознание отказывалось верить, что стою у трупа человека, с которым побратала нас кровь многих боев.

На войне не принято показывать свои чувства, но человек остается человеком. У солдата есть долг, но есть и сердце. И оно не мирится с горечью безвозвратных потерь. Как на экране, перед глазами промелькнули события, пережитые вместе: бои, засады, утомительные марши, холодные ночи и голодные недели, короткие вечера отдыха, проведенные в воспоминаниях о родных и близких, о планах на будущее. Подавленный, я почти машинально шагал за партизанами к лесу, где была наша база.

Перед опушкой меня нагнал Алексей Баделин. Он прикрыл отход от деревни последних наших товарищей.

Узнав меня в темноте, он сообщил, что в бою погиб командир батальона Александр Шамов.

Это был второй жестокий удар в этот день.

Не хотелось верить несчастью, но нужно было взять себя в руки. На опушке Матяш размещал подходивших сюда партизан в оборону на случай, если немцы пойдут в лес. Тут же был начальник штаба Узлов. Он передал мне приказ Гришина — принять командование первым батальоном.

Горечь потери не уменьшилась, но чувство ответственности за порученное дело как-то прояснило сознание. Да, это правда, что от самой страшной трагедии человека способно отвлечь лишь какое-то конкретное, нужное и важное дело. Только дело!

Через несколько часов стали известны подробности боя и гибели товарищей.

Противник появился неожиданно — на этот раз что-то в нашей разведке не сработало.

В середине дня 1 ноября около двухсот карателей заняли деревню Морченки, из которой накануне вышел второй батальон, и повели наступление на Шуровщину. Из Бакшеевой через лес выступила другая колонна противника. Гитлеровцы считали, что нападают на главный штаб Гришина. А штаб к этому дню уже разместился в лесу, в землянках. Роты, расположенные в Шуровщине, не дали захватить себя врасплох. Завязался жаркий бой. Хотя поблизости не было ни одного боевого подразделения полка — все ушли на боевые задания, Шамов надеялся удержать деревню до вечера, до подхода боевых групп. Он удачно распределил людей по обороне. Наступавший враг натолкнулся на упорное сопротивление.

Одна за другой захлебывались атаки немцев. Уже горела деревня, на исходе были боеприпасы, но Шамов не собирался отходить. Дорога из Шуровщины в наш лагерь оставалась открытой, противник мог на плечах отступавших прорваться в лагерь, где, кроме госпиталя и хозяйственного взвода, никого не было. Гришин уехал на связь с Демидовским райкомом, только что вновь перешедшим из-за фронта.

Среди пламени и дыма Шамов появлялся то на одном, то на другом участке обороны. Мельник с одним взводом удерживал фланг, Матяш с ротой принял главный удар карателей. Находясь в заранее отрытых око-

пах, партизаны почти не несли потерь, а противник терпел большой урон.

В то время, когда мы со взводом переходили реку, спеша на помощь, Шамов находился на восточной окраине деревни. В этом направлении немцы не наносили удара. Но в кустах, которые подходили к самым постройкам, слышались крики. Приказав партизанам Чередникову и Шутову следовать за ним, Шамов кинулся на чужие голоса и через мгновение выстрелами почти в упор он и Шутов были убиты, а Чередников получил тяжелое ранение.

Немецкие автоматчики просочились в тыл партизанскому заслону, замыкая окружение деревни.

О гибели Шамова сообщили Мельнику. Он приказал немедленно снять людей с обороны и первым бросился на немцев. То ли еще надеялся спасти комбата, то ли спешил вынести его труп и вырваться из замкнутого кольца.

Ветер распахнул полы его длинной черной шубы, из-под фуражки выбились русые волосы.

Первые очереди немецких автоматчиков были направлены прямо на него. Пронзенный восьмью пулями, Николай упал на руки своих бойцов.

Однако партизаны не дрогнули. Они рванулись вперед, смяли не успевших окопаться немцев, и словно боевое знамя, несли сквозь огонь врага своего командира. Но жив ли Шамов и где он, этого не знал никто. Тело его осталось в кустах.

Я отобрал шесть партизан и во главе с Фаязовым послал их на поиски командира батальона.

В эту ночь было не до сна. У командира полка обсуждался план разгрома группировки немцев на случай, если подойдут батальоны, ушедшие на задания. А пока возводилась оборона вокруг лагеря.

На рассвете принесли труп Шамова. Фаязов сидел рядом со мной в недостроенной землянке и рассказывал, как удалось из-под носа немецких часовых взять тело командира батальона. В высокой траве, среди кустов, враги его не заметили и потому не надругались над мертвым, как это они делали обычно. Крепко сжав автомат, он, остывший, лежал на земле. Пробитый пулей, окровавленный комсомольский билет, хранившийся в левом кармане гимнастерки, говорил о мгновенной смерти,

так как пуля попала в сердце. Утирая слезы, Фаязов подал мне маленькую записочку, не отосланную Шамовым Мельнику. В ней я прочел: «Подходят наши. Деревню держать. Кто-то обстрелял немцев через реку. В лес послал за патронами». И ниже приписка: «Держись, Микола,— не впервой!»

Гришин тяжело переживал потерю двух своих лучших командиров. Александр Шамов, молодой сибиряк, шофер из Советского района Красноярского края, был одним из тринадцати партизан, из которых в ноябре 1941 года организовался отряд, славно громивший немцев в районе Дорогобужа. Николай Мельник, молодой командир Красной Армии, придя в отряд, стал вожаком партизан.

К утру к немцам прибыло подкрепление. А в лагере, в двух километрах от Шуровщины, собрались почти все подразделения полка, уходившие на боевые задания. Люди заняли оборону, притаились в засадах на случай, если противник войдет в лес. Если же немцы останутся и на следующую ночь, Гришин решил громить их соединенными силами полка.

Однако, несмотря на солидную численность, фашисты не решились идти в лес. С наступлением дня они подобрали убитых и через Касплю двинулись на Смоленск.

...В партизанском лагере хоронили героев вчерашнего боя. Живописная поляна стала их последним пристанищем. Она была особенно красива теперь, в полдень, залитая солнцем. С трех сторон ее окаймляли темно-зеленые развесистые ели, а с четвертой извивался прозрачный ручей. За ним начиналось мелколесье, причудливыми уступами, словно амфитеатр, поднимавшееся ввысь.

В центре поляны мы выкопали могилу.

На рыхлый песок поставлены гробы, полукругом выстроились вокруг могилы партизаны полка. В почетном карауле — командиры, политработники — товарищи Шамова и Мельника, организаторы полка — Гришин, Скворцов, Кустов, Звездаев, Иванов, Узлов. Скорбь и гнев на их лицах. Тяжело прощаться с боевыми соратниками, с которыми сроднились.

Мне пришлось говорить над могилой. Хоронить близких — это нелегкая задача. Мы поклялись отомстить

врагам, драться до победы и навсегда сохранить память о боевых друзьях.

А спустя двадцать два года останки Шерстнева, Шамова, Мельника и других партизан были торжественно перенесены на городское кладбище в Демидово. Сотни жителей города пришли почтить их память.

БУДНИ

«МАЛЕНЬКОЙ МОСКВЫ»

а время своего существования рейдовый полк «Тринадцать» впервые капитально обосновался в лесу. И поскольку теперь на обширном пространстве района, где господствовали оккупанты, этот лес был островком и в нем царили наши, советские законы, правила и порядки, партизаны назвали свой лагерь «Маленькая Москва».

Десятки подрывных групп ежедневно выходили на боевые задания, но не каждая пускала под откос эшелоны врага. Некоторые возвращались ни с чем, другие не возвращались вовсе, погибая на пути к железным дорогам или в полк. И все же почти каждый день где-либо горели немецкие автомашины, рвались цистерны с горючим подорванного и свалившегося под откос эшелона. На московском направлении фронта баки в танках армии Гудериана частенько недополучали горючее, и намеченные атаки на какое-то время откладывались.

Весь полк знал знаменитых подрывников второго и третьего батальонов — Елкина и Майорова. На счету у них уже тогда было по пять-шесть эшелонов, а к концу войны Иван Майоров довел свой счет до пятнадцати. Михаил Степанов организовал крушение девяти эшелонов. Командовавший впоследствии второй ротой первого батальона Степанов был не просто подрывником. Он

разработал многочисленные приемы минирования полотна железной дороги. Задолго до получения из советского тыла неизвлекаемых мин (эти мины невозможно снять, если они заложены под рельс) Степанов сам сконструировал их и успешно применял. В полку у Михаила Степанова были десятки учеников.

Теперь, может быть, не каждый способен представить себе все трудности, которые ожидали маленькую группу людей, уходивших на железную дорогу, чтобы взрывать поезда врага. Этому всегда предшествовала серьезная подготовка — готовились мины, оружие, одежда, обувь.

И вот из «Маленькой Москвы» уходит подрывная группа. Два заряда тола, по куску сушеного мяса и шестнадцать гранат на четверых — таков груз группы, идущей на задание. За плечами два автомата и две винтовки.

Младший командир Федор Буслаев и его товарищи получают боевое задание: взорвать два вражеских эшелона, и если это не удастся на дороге Смоленск-Витебск, то добраться до магистрали Москва — Минск.

Проверено оружие, пополнены патронами сумки, подготовлены белые маскировочные халаты...

Из лагеря группа выходит под вечер. За ночь предстоит одолеть полсотни километров открытой, безлесной местности, чтобы, пересидев день в кустарнике близ железной дороги, дожидаться следующей ночи.

Солнце катится к западу, мороз усиливается, ветер слабеет, но еще колышет верхушки высоких сосен. Крепкий наст скрипит под ногами. Люди уходят с партизанской базы, чтобы внести свою долю усилий в бессмертный подвиг героев Сталинграда. На Волге в эти дни идет жестокая битва.

Длинен зимний путь через поля, луга и заснеженные овраги. Длинна и декабрьская ночь, скрывающая от чужих глаз упорно шагающих вперед подрывников. Преодолевая снежные пространства, обходя полицейские гарнизоны и опорные пункты немцев, они движутся, как тени, на фоне унылого ночного однообразия. Время от времени в гарнизонах поднимаются вверх осветительные ракеты, и тогда дрожащими сполохами освещается местность.

На рассвете группа остановилась и залегла в кустарнике у железной дороги. На следующую ночь подрывни-

ки стальным ножом долбили мерзлую насыпь. Сменяя один другого, вгрызались в окаменевшую землю между шпалами, пока десять килограммов тола с взрывателем нажимного действия не были заложены под рельс.

Тимофей Козлов на плащ-палатке относил в сторону землю, чтобы не оставить следа и закрыть ее снегом; Буслаев маскировал мину. В этот момент послышался нараставший гул. Поезд шел на фронт.

Федор прекратил работу. Приложил ухо к рельсам, прислушался и как бы про себя сказал:

— Ну вот, сейчас войдет в наш график.

Чугунов усмехнулся, отряхивая промерзшую землю с белого маскхалата.

Теперь уже отпала необходимость тщательно маскировать мину, да и поздно!

Соскочив с насыпи, группа поспешила убраться.

Услышали ли немцы скрип снега под ногами партизан или заметили отходящую группу, но из ближайшего дзота, построенного у полотна, застрочил пулемет. Били явно наугад. Пули то ложились у ног, то пролетали далеко в стороне, оставляя огненные пунктирные полосы. Партизаны отходили, а гул поезда нарастал — паровоз шел на полных парах.

Показался яркий свет, и словно огромная гигантская змея, отчетливо чернеющая на снежном фоне ночного пейзажа, эшелон выполз из-за поворота.

— Наблюдай, с чем состав, — сказал Федор, и группа остановилась.

Ночью трудно заметить, что везет противник, но отличить в бинокль платформы от крытых вагонов можно даже с расстояния в пятьсот метров.

— Танки под брезентом, — сообщил Аркадий Стариков, державший бинокль у глаз.

Немецкая охрана успокоилась и прекратила обстрел. Буслаев взял бинокль и продолжал наблюдать. Поезд мчался к последней своей остановке.

— Несколько платформ гружены пушками, — уточнил Буслаев и приглушенно скомандовал: — Ложись!

На мгновение все вокруг ярко осветилось. Мощный взрыв потряс окрестности. Паровоз и несколько вагонов окутались черным дымом...

Задача была выполнена — техника врага не дойдет по назначению.

Группа ушла на север. И теперь надо ждать еще ночь, еще день, еще ночь и еще день, прежде чем в стороне от места первого взрыва партизанам удастся вновь подойти к дороге.

Днем они лежат в жидких кустарниках на подстилке из веток, крепко прижавшись друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Ночи проходят в попытках подойти к железной дороге. Но бдительность врага усилилась. Отогнанные в одном месте, подрывники настойчиво прощупывают другие участки, и наконец, на третьи сутки под откос летит еще один эшелон.

Охрана дороги оставила дзоты и преследует партизан. Взвихривая снег, вокруг отходящих ложатся сотни пуль. Как топором, разрубает задник сапога у Козлова. Пуля прошла между портянкой и носком, даже не поцарапав ногу. Пробежали три километра. Преследователи отстали. Но еще долго слышится удаляющаяся с каждой минутой стрельба. Потом она затихает. Отважная четверка, объятая ночью, шагает вперед.

Пять часов шла группа на север, ориентируясь по компасу. Кругом никакого жилья. Насквозь промерзшие, измученные, люди еле передвигали ноги. Отдохнуть негде.

Они упорно шли навстречу обжигающему ветру и колкому снегу. Впереди — Федор Буслаев. Темное оружие выделялось на фоне белых халатов.

— Отдохнуть бы, товарищ командир!

— Шагай, шагай, не видишь — рассвет! Тут кругом гарнизоны, а скрыться негде.

— Пропадем! — вырвалось у Чугунова.

— Не скрипи, добровольно не сдадимся, — простуженным голосом одернул Буслаев.

Никто не знал, что их ждало впереди. Часы показывали семь, восток становился алым.

— Вон какая-то деревня, — сказал самый молодой в группе, Аркадий Стариков, различив высокий журавль колодца у крайней избы.

Буслаев остановился.

— Надо разведать.

— Пойду я, — вызвался немногословный Аркадий и, поправив гранаты, исчез, сливаясь со снегом.

Прошли томительные десять-пятнадцать минут. Ветер по-прежнему обжигал почерневшие от холода щеки,

словно иголки, впивались в лицо острые, холодные крупинки снега.

Но вот послышался шорох, и из предрассветной молочной мути появилась белая фигура с чернеющим на груди автоматом.

— В деревне немцы, товарищ командир, — приблизившись, сообщил Аркадий.

— Как ты узнал?

— У крайней избы часовой стучит замерзшими сапогами. Его можно снять, да толку-то что? Нас четверо, а их полная деревня.

— Почему ты думаешь, что немцев так много?

— Так ведь это Кочкурино! Я немецкую надпись прочел на дороге.

Все стало ясным. Не имея карты, группа отклонилась от маршрута и подошла к деревне, где разместился крупный карательный отряд.

Между тем быстро светало, и уйти становилось невозможно: открытая местность сразу предала бы вооруженных советских людей.

На отлете от деревни, у самой дороги, идущей на Черняны, стояла небольшая баня. Буслаев решил укрыться в ней. Ползком подобрался к домику. Вечером баню топили — тепло еще сохранилось. Можно было обогреться после пятидневного пребывания на морозе и пронзительном ветру.

Установили дежурство. Трое находились в самой бане, а четвертый, в предбаннике, непрерывно наблюдал за деревней через отверстие в стене.

Наступил погожий декабрьский день. Немцы ходили совсем рядом. Они не могли бы и представить себе, что маленькая группа советских вооруженных людей находится так близко.

На всякий случай Буслаев распорядился превратить в бойницы два окошка и дымовое отверстие в стене. Проверили винтовки, приготовили гранаты. Хотелось спать, мучил голод, а есть было нечего.

— Просидим, ребята, до ночи, а уж если нас накроют, — задаром не погибнем, — подбадривал Буслаев своих друзей.

Короткий зимний день тянулся долго. До полудня было спокойно, потом наблюдавший Чугунов подозвал Буслаева. Сухопарый фриц, что-то бормоча, совал в руки

женщине ведра и указывал на баню. Похоже, посылал ее за теплой водой. Или велел протопить.

— Вот, гад! — проговорил Буслаев, продолжая наблюдать.

Женщина взяла ведра, набрала из колодца воды и пошла к бане. Вслед за ней мальчишка-подросток тащил вязанку дров.

— Быстро всем на полок! — скомандовал Буслаев.

Через несколько секунд все были под низкой крышей, лежали, прижавшись к застрехам.

Вот грохнулась вязанка дров. Не по годам круто выругался подросток, заскрипели по снегу его шаги.

Женщина долго щепала лучину, носила воду, потом затопила. Дым, выходящий через открытую дверь, разъедал глаза. Мороз пробирал до костей. Переменить положение было невозможно: малейший шорох мог выдать. По дороге, проходившей около бани, непрерывно скрипели сани. Немецкие солдаты и полицаи возили дрова и сено.

Прогорели дрова, прекратился дым. В открытые двери потянулся сухой воздух. Стало теплей. А когда тусклое декабрьское солнце склонилось к горизонту, восемь фрицев с шумом ввалились в предбанник. Зашипела на камнях вода, загоготали немцы. Клубы пара, пробираясь сквозь щели, окутывали партизан.

— Теперь пора, — сказал Буслаев. — Приготовить гранаты!

— Разрешите противотанковой, товарищ командир?

— Нельзя, не успеем выскочить. Хватит с них и пары «лимонок».

Едва партизаны выскочили на улицу, как два взрыва потрясли стены бани...

В этот день счастье сопутствовало Буслаеву и его друзьям. Покинув баню, они бросились к двум повозкам, проезжавшим по дороге. Недоумевавшие полицаи не успели и опомниться, как партизаны что есть мочи погнали лошадей в нужном направлении.

На следующий день утром в лесной землянке стоял передо мной командир отделения Федор Буслаев и докладывал о выполнении задания.

— Пущены под откос два немецких эшелона с танками, артиллерией и военным снаряжением. На обратном пути убиты восемь немцев, два полицейских с ору-

жием взяты в плен. Приехали на их лошадях. Потерь нет. Легко обморожены Стариков, Чугунов и Козлов.

О себе он умолчал, хотя обморожен был больше других.

«Маленькая Москва» была очередным этапом в жизни полка. Мы считали, что надолго осядем здесь: до весны или до подхода Красной Армии. Поэтому жилье и службы готовились основательно. Создавалась оборона на случай блокады леса противником.

При большом количестве раненых — а в последних боях почти не обходилось без этого — иметь сравнительно скрытую от врага базу особенно важно. Создавая ее, Гришин часто изучал карту Смоленской, Витебской и Брянской областей. А пока в «Маленькой Москве» налаживалась типичная партизанская жизнь.

Была оборудована специальная землянка под госпиталь. Расположенная в центре партизанского лагеря, она служила надежным и теплым укрытием для раненых. Врач Дмитрий Заболотский, медсестры Паша Данченко, Мария Котова, Зина Кондратович, Дора Давыденкова неотступно находились при больных и раненых, и хотя медикаментов и перевязочных материалов явно не хватало, зато в тепле и заботе людей, не знавших отдыха и покоя, никто не испытывал недостатка.

Шли ли бойцы в далекие гарнизоны, проникали ли разведчики в Смоленск и Витебск, все старались использовать любую возможность, чтобы достать лекарства, бинты, вату... Очень помогали в этом советские люди, работавшие до оккупации в больницах и здравпунктах. У многих сохранились медикаменты и медицинское оборудование, и они с радостью передавали все это партизанам, а нередко сами уходили к нам. Если же раздобытого не хватало, стирали старые бинты, кипятили, сушили на морозе и вновь пускали в дело.

Лучшее из продовольствия и обмундирования, что было взято в боях, партизаны отдавали своим раненым товарищам. В густом кустарнике, в шалашах из хвои, вместе с нами пряталось и несколько коров, так что раненые пили свежее молоко.

Здесь же, в лесу, мы построили бани, в которых диверсионные и другие боевые группы партизан отводили душу после многодневных пребываний на лютom холоде.

Баня... Только тот поймет, что это значит, кто сам

испытал всю полноту блаженства, которое она доставляет человеку в условиях леса, холода, нечеловеческой усталости.

Вы идете на боевое задание. Пешком или на лыжах проделываете сотни километров. День и ночь, а иногда и неделями находитесь на пронизывающем ветру и жгучем морозе, спите в лесу под открытым небом, на подстилке из хвои, ночи напролет дрожите на холоде, не смея шелохнуться, или минируете полотно железной дороги вблизи дзота, замирая каждый раз, когда слышится малейший шорох со стороны точек охраны. По вам стреляют, вас преследуют, вы бежите много километров по снежной целине, задыхаетесь. Проходят долгие, наполненные тревогой дни и ночи, прежде чем вы попадете к своим, где относительно спокойно, где можно сбросить с себя верхнюю одежду, отдохнуть. Спать, спать, спать!.. Но какое же несказанное состояние будоражит вас, если до сна вас хватает на «дух захватывающую» баню, и если по уставшему телу вашему кто-то пройдет тугим, пахнущим солнцем березовым веником. После этого восемнадцать-двадцать часов непрерывного, мертвецкого сна — и человек вновь готов идти навстречу тягестям и тревогам.

Задолго до наступления осени, перед тем как собирались силы экспедиции «Желтый слон», в потайных местах леса было припрятано зерно. Сюда, к создаваемой на всякий случай базе, перевезли мельничное оборудование. И вот теперь неумолчно шуршали жернова, перемалывая рожь и пшеницу на хлеб партизанам. Четыре сильные лошади вращали привод конной молотилки, а маховик приводил в движение каменные жернова.

В «Маленькой Москве» работали пекарни, сапожные и швейные мастерские. Старший лейтенант инженерной службы Романько руководил мастерской боепитания. С группой партизан-слесарей он ремонтировал пулеметы и автоматы. Здесь же разрабатывались проекты самых замысловатых зарядов для минирования железных дорог и других объектов.

Из Демидова, Рудни, Каспли и Духовщины, из Красного Бора, Гусина, Лелеквинской и Голынок непрерывно поступали разведданные. Девушки-разведчицы и подрывные группы несли их в полк. Наиболее ценные «Маленькая Москва» передавала Большой Москве.

У девушек-разведчиц был свой командир — Дуся Минченкова и комиссар — инструктор Смоленского обкома комсомола Дуся Каверзнева. Главным объектом разведки для них всегда оставался Смоленск. Многие из девушек были родом из Смоленска. Это помогало им при жестком режиме, установленном оккупантами, проникать в город такими ходами, о которых никто бы не мог и догадаться. Полк почти всегда знал о замыслах противника, через этих же девушек уточнялись результаты наших диверсий, они были связаны с сотнями патриотов Смоленщины, которые помогали партизанам в их борьбе.

Седьмое ноября 1942 года. День XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Большинство личного состава полка собралось на праздничный митинг в лесу. Это было радостное событие для всех жителей «Маленькой Москвы». Смоленский обком партии накануне прислал приветственную телеграмму. Он поздравил личный состав полка с успешными боевыми действиями против немецких захватчиков. Партизанам объявлялась благодарность за мужество и героизм, проявленные в борьбе с противником. Этот счастливый день для многих гришинцев совпал с годовщиной полка: прошел год с тех памятных дней, когда на юге Дорогобужского района стали собираться первые его организаторы.

В приказе командира полка, зачитанном на митинге, были объявлены благодарности бойцам и командирам и поставлены новые задачи для усиления борьбы с врагом. Окончился митинг, и партизаны отправились на выполнение боевых заданий.

Так шли дни и недели. В буднях тыловой войны своим чередом велась гарнизонная служба. Лагерь охраняли боевые заставы, посты и патрули. Дежурные по подразделениям проверяли караулы, бойцы несли бдительную охрану маленького кусочка свободной земли.

Долгими зимними ночами ветер шумел и стонал в верхушках деревьев. И когда пурга, беснуясь поземкой, наметала в степи плотные сугробы, в лесу падал ровный, мягкий снежок. Слой его становился все толще и толще. Он покрывал мшистую почву, кусты, деревья и хоронил партизанские следы.

Боевые группы возвращались с заданий, и по вече-

рам из землянок слышались веселые, задорные песни, рассказы и шутки. Переноса тяжести войны, люди не унывали, не давали горю овладеть собой, и свободные часы старались проводить весело.

В штабной землянке всегда былолюдно. По вечерам сюда собирались командиры и политработники. Долго беседовали на самые разные темы. И всякий раз, о чем бы ни говорили, разговор сводился к нашей победе, к жизни после войны. Каждому хотелось дожить до этих светлых дней, возвратиться домой, встретить родных и близких...

Иногда сами собой, стихийно, возникали жаркие теоретические споры, напоминавшие политбои, о которых сохранилась память еще со времен нашей комсомольской юности. Спорили долго, с ожесточением, каждый стремился доказать свое. В этих спорах особенно был горяч командир полковой разведки Яков Дулькин. Он не хотел отказаться от своих убеждений даже тогда, когда его поправляли все присутствовавшие.

Гришин в таких случаях садился где-нибудь в углу землянки, подбирал под себя по-восточному ноги, посасывал неразлучную трубку и, наблюдая, прислушивался. Он был грамотнее и терпеливее всех нас, этот учитель истории, ставший вожаком народных мстителей. Когда, разгоряченные спором, мы истощали свою аргументацию, он поднимался и вносил ясность в запутанные вопросы. Наступало согласие.

— А раз так, давайте споем,— улыбался Гришин и первый запевал:

Я люблю пережитые были
В зимний вечер близким рассказать...

В полку любили эту песню на слова Иосифа Уткина. Говорилось в ней о том, как в гражданскую войну мать ждала сына-партизана, узнала, что он повешен, и отомстила врагам: пошла и подожгла помещение, где расположились белые офицеры. Песня тем больше трогала, что пелась она от первого лица — как бы от имени погибшего партизана. И хотя рассказывалось в ней о давних временах, искренние слова пробуждали в душе каждого думу о родных и близких, звали к подвигу. О многих из нас родные ничего не знали, мы были для них без вести пропавшими, и потому вместе с щемящей

болью за их горе в сердцах кипела ненависть к фашистским захватчикам.

Потом пели «По долинам и по взгорьям», «Катюшу» и нашу злободневную, написанную партизанскими поэтами:

Через леса, долины и равнины,
В мороз жестокий, ледяной буран
Нас командир повел неустойчивый,
Растут вокруг отряды партизан.

Мы смерть несем предателям, шпионам,
Где мы прошли, их след травой порос.
Горят мосты, и мчатся эшелоны
Под грохот взрывов прямо под откос.

Так проводили мы свободное время. Впрочем, его было у нас очень немного.

Казалось, русский лес надежно защищал стоянку и базу советских людей. И удобно было наносить отсюда удары по врагу. Но ведь это был ближний тыл вражеского фронта, и жили мы в буквальном смысле на пороховой бочке.

Для немцев уже не было секретом, чьи это руки протягиваются из леса к шоссе и железным дорогам, к гарнизонам и комендатурам. Позднее мы узнали, что уже в то время полк Гришина упоминался в рапортах немецкой разведки командующему группы армий «Центр» фельдмаршалу Клюге, и что другой командующий охранных войск центрального направления фронта, гитлеровский генерал-лейтенант Шенкендорф, требовал от своего штаба ежедневных сводок о местонахождении полка и результатах карательных операций против гришинцев.

В первых числах декабря над лесом и нашей стоянкой начал ежедневно появляться немецкий разведывательный самолет. Он подолгу кружился, спускался к самым верхушкам деревьев, изредка обстреливал опушки и лесные чащи.

Потом на опушках стали появляться хорошо вооруженные, оснащенные боевой техникой подразделения врага. Вначале это были роты, затем батальоны, а потом гренадерские полки. Было ясно, что противник предпринимал серьезные меры, чтобы уничтожить очаг своих бед и поражений.

С пятого декабря почти ежедневно разгорались жар-

кие схватки. Каратели методично прощупывали нашу оборону. Уже по первым боям они могли убедиться, что нелегко им будет разгрызть этот «лесной орешек», и, заняв все окружающие деревни, расположились гарнизонами в населенных пунктах Бакшеева, Морченки, Новоселки.

Бои начинались с наступлением рассвета. Не обнаруживая наших хорошо замаскированных огневых точек, фашисты пытались совершать обходы. Но заранее созданная круговая оборона не позволяла им просачиваться через наши боевые порядки. Попытки немцев прорвать эту оборону слепой массовой атакой заканчивались для них большими потерями.

Ведь еще до наступления зимы меж корней мощных елей, у пней и поваленных ветром деревьев мы вырыли и замаскировали щели и ячейки, из которых и вели огонь. Словно из-под земли летел свинец в приближавшихся на полгранатного броска немцев. Конечно, стволы деревьев защищали и солдат противника, но наступающие не имели такого преимущества в укрытии, как мы. Их бешеный огонь не был так эффективен, как прицельные выстрелы партизан.

Однако и нам нелегко доставались эти бои.росло число раненых, сковывались действия подрывных групп.

Наша агентура из Смоленска и других пунктов доносила, что немцы подтягивают дополнительные силы, чтобы окончательно уничтожить партизан полка. Новую свою операцию они называли «Тетерев».

Утром 10 декабря многочисленные подразделения карателей, окружив лес, двинулись на нашу партизанскую «Маленькую Москву». Они рассчитывали взять лагерь штурмом.

На этот раз весь личный состав полка был собран для отражения удара. Усиленные засады, выставленные батальонами по опушкам, встретили противника прицельным огнем. Лес огласился дробью сотен пулеметов. Сплошные очереди автоматов слились в непрерывное, звенящее в морозном воздухе эхо.

Цепляясь за каждое дерево, за каждую кочку и ложбинку, отстреливаясь из-за них, партизанские заслоны отходили на основную линию обороны, построенную недалеко от землянок.

Немцы, как видно, рассчитывали прорваться к зем-

лянкам на плечах отходивших заслонов. Они не жалели боеприпасов. Лес не позволял противнику применять артиллерию и крупные минометы, танки тоже не могли пробиться к лагерю: — на их пути были болота и столетние ели. Расчеты карателей строились на том, чтобы сломить сопротивление партизан огнем стрелкового оружия.

На участке третьего батальона им удалось вытеснить партизан из щелей. Начальник штаба батальона Константин Кустов поднял одну из своих рот в контратаку. В короткой рукопашной схватке партизаны отбили свои позиции и до ночи уже не отступили ни на шаг.

С наступлением темноты фашисты прекратили огонь. Создав видимость, будто остаются на месте, на самом деле они ушли под покровом ночи, и ушли так хитро, что брошенный в погоню за одной из групп второй батальон не смог ее догнать.

Полк понес потери, теперь в нашем госпитале оказалось вдвое больше раненых, чем было до этого дня.

У гитлеровцев, по всей вероятности, тоже были немалые жертвы. Утром мы убедились, какой дорогой ценой заплатили они за это наступление: пространство, разделявшее нас с противником, словно опилками, было усеяно мелкой щепой от пробитых и ободранных пулями деревьев. Снег стал желтым, на нем темнели кровавые пятна: подстреленный «Тетерев» истек кровью. Позднее разведка доложила, что через деревню Акатово в этот день было отправлено в Смоленск сто десять убитых и раненых. Уполномоченный шефа полиции безопасности в отчете штабу группы армий «Центр» от 29 декабря 1942 года доносил, что в этом бою каратели потеряли убитыми восемнадцать, ранеными — сорок шесть. В докладе подчеркивалось: «собственные потери». Потери полицеев немцы вообще не учитывали, а и они были немалыми.

Вопрос о потерях противника всегда интересовал партизан. И мы, зная, что желаемое нередко выдается ими за действительное, тщательно проверяли их данные. Потери сторон в боях были крайне неравны — мы теряли меньше людей. Это нельзя объяснить только тем, что немцы наступали, а мы находились в обороне. Неограниченное количество боеприпасов, превосходство в боевой технике и численности людей с лихвой уравнивало, если не сводило на нет, наши преимущества.

Но в чем же тогда было дело? Решить эту задачу помогли сами немцы, попавшие к нам в плен. За исключением немногих, они заявляли, что хотя высокое начальство было серьезно обеспокоено наличием в его тылу партизан и всегда требовало уничтожения партизанских группировок, но командиры-исполнители, а тем более рядовые солдаты с явной неохотой шли в лес. Они считали свою задачу выполненной и, как правило, докладывали командованию об уничтожении партизан, если партизаны были просто разогнаны или покинули место своей стоянки. Отсюда стремление фашистов наделать больше шума массированным огнем, спугнуть партизан и возвратиться с операции «победителями». Когда же они наталкивались на прочную и упорную партизанскую оборону, то каждый думал только о том, как бы унести ноги.

Пленные говорили, что их солдаты, уткнув головы в землю или в снег, запускали пулеметы на полные диски или ленты и почти не вели прицельного огня. Однако подниматься все же приходилось: поступала команда идти вперед. И вот, чувствуя полную беспомощность в обстановке лесного боя, не видя перед собой противника, они становились мишенью для партизанских пуль.

Что касается партизан, то им не на что было рассчитывать. Мы знали: если оставим позиции — будем уничтожены засадами на просеках и в местах возможного отхода. Нам приходилось вести свой бой расчетливо. И он был губителен для уткнувшего голову в снег фрица, ибо известно, что на войне первым теряет голову тот, кто больше других ее бережет.

Первостепенную роль играло моральное состояние наших людей. Оно определялось благородными целями освободительной борьбы против фашистских захватчиков, поистине неутомимой работой по воспитанию партизан, которую вела партийная организация, авторитетом командиров и политработников. Коммунистов было немного, но они цементировали полк, показывали примеры подлинного героизма.

Работа партийной и комсомольской организаций стала особенно целенаправленной, когда секретарем партбюро полка был избран старший политрук Афанасий Кардаш. В полк он пришел перед началом карательной экспедиции «Желтый слон» как представитель Западного штаба партизанского движения. Когда кончился срок

его пребывания, и он должен был возвратиться в Москву, Кардаш попросил руководителей штаба оставить его в полку. На очередном партсобрании коммунисты избрали его секретарем.

СНОВА В РЕЙД

есятого декабря немцы ушли, но мы не сомневались, что они вернутся.

Одиннадцатого было созвано партийное собрание. Доложив обстановку, Гришин сказал, что сидеть в лесу и до последнего патрона отбиваться от противника — удел не позорный, но не в этом цель партизан. Сложившаяся обстановка сковала наши действия, не позволяла полку заниматься его главной задачей — массовыми и непрерывными ударами

по жизненным коммуникациям врага. Немцам же было выгодно, чтобы полк большую часть личного состава держал на охране и обороне лагеря с его госпиталем и хозяйственными службами.

Опыт свидетельствует, что пассивная оборона в партизанской войне порочна, как нигде. Полк начал свое существование как активное рейдирующее подразделение советских патриотов. Таким он и должен был остаться до полного изгнания гитлеровцев.

— Я думаю, что не жильцы мы больше в лесу, — закончил свое выступление Гришин.

Стояла зима, мы были связаны большим числом раненых, многие были плохо одеты и обуты. Теплые землянки согревали людей после боев и боевых операций. К тому же для перехода на подвижную тактику время было далеко не лучшим.

Однако партизаны без колебаний поддержали предложение об уходе из леса. Рейдовый метод войны передавал инициативу в наши руки.

Через два дня, когда немцы вновь стягивали большие силы вокруг нашего лагеря, полк оставил землянки и вышел из леса на оперативный простор.

Маршрут наш лежал в направлении Витебска. Там, на стыке границ Смоленщины и братской Белоруссии, мы рассчитывали принять самолеты с Большой земли. Нужно было получить взрывчатку, боеприпасы, отправить в тыл раненых.

В течение января и февраля 1943 года, сметая на своем пути немецкие и полицейские гарнизоны, полк дезорганизовывал «новый порядок» оккупантов в Руднянском, Понизовском, Велижском районах Смоленской области, и в северо-восточных районах Витебской.

Используя внезапное нападение на противника, батальоны вели успешные бои в деревнях Подосуги, Рокот, Тубольцы, Сковородки, Хропаки. Противнику наносились удары, в руки партизан попадали важные трофеи: боеприпасы, продовольствие.

Ряды полка росли за счет нового пополнения. Военно-обязанные и белобилетники, военнопленные, бежавшие из немецких лагерей, молодежь и люди преклонных лет, в том числе и женщины, вливались в наши ряды. Всех желающих вступить в полк, чтобы с оружием в руках громить немецких захватчиков, невозможно было принять. Тогда родилась идея — создавать местные отряды, помочь им вооружиться, снабдить на первых порах боеприпасами, подобрать командный состав, в какой-то степени научить их методам партизанской войны.

Во главе этих отрядов становились наиболее достойные люди, уважаемые в округе, чаще всего скрывавшиеся от немцев председатели колхозов, коммунисты. Иногда мы выделяли для вновь созданного партизанского отряда командира из партизан полка. А полк уходил дальше, зная, что оставил еще один огонек, от которого возгорится пламя народной борьбы против немецко-фашистских оккупантов.

Крепко связанные с населением, хорошо знавшие местность, эти партизанские отряды при небольшой численности вели успешные действия против захватчиков. Формально не подчиняясь Гришину, они на практике были чем-то вроде оседлых филиалов постоянно рейдирующего полка. Когда наши подрывные группы уходили на сотни километров от района действия полка, они все-

гда находили у местных партизанских отрядов пристанище и надежных помощников.

Один из кровавых руководителей противопартизанских акций, бывший бригаденфюрер СС Готтберг утверждал, что, кроме основных партизанских отрядов, существовали еще «дочерние отряды». Это было именно так.

Созданные таким образом отряды Макаренко в Чаусском районе и Волчкова — в Чериковском выросли в большие партизанские формирования и в 1943—1944 годах успешно выполняли самостоятельные задачи.

Крупные бои и мелкие стычки не прекращались ни на один день. Диверсионные группы вновь вышли на железные дороги. В полку был строгий порядок: подрывные группы, выходившие на железные дороги, должны преследовать только главную цель — достичь полотна и пустить под откос немецкий эшелон. Им было строго запрещено ввязываться в какое-либо другое боевое дело, пока не выполнена главная задача. На обратном же пути командир группы мог принять решение и совершить попутно нападение на волость или другое немецкое учреждение.

От каждого батальона на диверсию уходило по несколько групп. Старший получал примерные ориентиры, где к возвращению группы будет находиться полк. Три такие группы от первого батальона после выполнения задания — они пустили под откос два эшелона и разбили паровоз третьего — встретились в одной из деревень по дороге в полк. На пути движения партизан лежала деревня Подосуги, в которой, по сообщению населения, разместился отряд карателей. Политрук Алексеев, оказавшийся старшим среди бойцов трех групп, объединил подрывников и принял решение разгромить гитлеровцев. Но пока разведка ходила в Подосуги, стало светло, и расчеты на внезапное нападение отпали. Тогда пришла мысль: вынудить немцев к наступлению. Для этого трое партизан должны были подойти к деревне, обнаружить себя и, после того как их заметит противник, идти к деревне Ковали, где остановились партизаны.

В Ковальях выбрали крайние дома со стороны Подосуг, с хорошим обстрелом, присмотрели, где расставить пулеметы, как действовать в случае отхода: неременное условие партизанской тактики в бою — предусмотреть возможность отхода.

Но посылать к гарнизону тройку не потребовалось. Рано утром каратели сами вышли из Подосуг и направились в Ковали.

Алексеев быстро поднял прикорнувших по домам подрывников, скрытно расставил их за дворами и домами, установил один пулемет на чердаке крайней хаты, другой — за погребом на противоположной стороне.

Около сорока карателей, не подозревая об опасности, приближались к деревне. Немцы и полицаи шли плотной колонной по двое. Они поднимались по склону небольшой выскочки. Уже слышны были их разговоры и смех.

И вдруг с очень близкого расстояния по колонне хлестнул огонь пулеметов и автоматов. Спаслись единицы, все оружие было оставлено на поле боя, в руки партизан попали два пулемета, ручной миномет, тридцать винтовок и солдатские книжки. Один немец и два полицейских, чудом уцелевшие, были взяты в плен.

Оказалось, что это был «разбавленный» полицейскими взвод фашистов, не помню теперь, какого полка, 286-й охранной дивизии. Как мы узнали от пленных, им надлежало вылавливать и уничтожать подрывные группы партизан, которые выходили из Демидовских лесов к железной дороге. Ночью отряд карателей получил приказ немедленно прибыть в Рудню. Там в это время сосредоточивались силы для очередного наступления на партизан. Поднявшись спозаранку, они двигались на сборный пункт. Тут их и встретили объединенные Алексеевым подрывники.

С выходом в новые районы действия полк усилил удары по железным дорогам. Подрывники взрывали поезда на перегонах Голынки — Рудня, Рудня — Витебск, пробирались и под Смоленск. Взрывы на железных дорогах происходили под носом у крупных комендатур и войск охраны.

С северной стороны железнодорожной магистрали гитлеровцы вынуждены были создать дополнительную сеть гарнизонов. Они расположились почти в каждой деревне и, по замыслу своего командования, должны были стать сплошным заслоном от партизан.

По признанию начальника охраны тыла группы армий «Центр» того же генерал-лейтенанта фон Шенкендорфа, именно в это время между Смоленском и Витебском было выставлено по одному солдату на каждые

десять метров железнодорожного пути, то есть на сто двадцати километрах было «занято» двенадцать тысяч солдат. «Но взрывы продолжались», — писал он.

В этой связи интересно проследить историческую преемственность смоленских партизан 1812 года и периода Великой Отечественной войны. Конечно, масштабы нашей тыловой войны с гитлеровскими захватчиками не сопоставимы с народным сопротивлением 1812 года. Но внутренне между ними много общего.

Поставленный Наполеоном в Смоленске губернатор Бараге Д'Илье писал начальнику главного французского штаба маршалу Бертье: **«Число и отвага вооруженных поселян... увеличивается... Поселяне повсюду отбиваются от войск наших, режут отряды, которые мы вынуждены посылать для отыскивания пищи. Эти неистовства, чаще всего происходящие между Дорогобужем и Можайском, по моему мнению, достойны внимания вашей светлости. Необходимо тотчас взять меры к прекращению новых беспокойств, возбуждаемых крестьянами, или примерно наказать их наглость за прошедшие преступления».**

В этой записке новоиспеченный губернатор особенно возмущался дерзостью прашуров Юрия Алексеевича Гагарина, крестьян деревни Клушино Гжатского района. Они не только перехватили транспорт с понтонами под командованием капитана Мишеля, но и «влоск» разгромили два карательных отряда, посланных для их наказания.

А вот памятная записка главнокомандующего группы армий «Центр», направленная фюреру с оценкой партизанской войны:

«Непрерывные усиления групп противника за линией фронта группы армий и связанный с этим рост партизанского движения во всем тыловом районе принимает настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность. Необходимо безотлагательные действия крупными силами...»¹

Думаю, что в комментариях этот вопль, раздавшийся через сто тридцать лет после губернаторского, не нуждается. Исход боев был примерно равнозначным.

Почти в течение месяца полк, маневрируя вблизи

¹ Подчеркнуто автором.

железной дороги, в условиях открытой местности, вел бои с противником. Подрывники не давали врагу передышки на железной дороге. Полицейские гарнизоны, волости и мелкие комендатуры этой части Демидовского, Руднянского, Велижского и Лиезнинского районов были уничтожены или разогнаны.

В эти дни мы потеряли еще одного незабываемого, чудесного человека. Когда погиб Николай Мельник, командиром второй роты был назначен Фаязов. Новое назначение он воспринял как большое доверие: стал еще серьезнее и рассудительнее, но бесстрашие и боевая удаля, стремление всегда быть впереди, как можно ближе к опасности, оставались при нем.

Однажды ночью мы заняли большую деревню Тубольцы. По пути движения, в соседнем селе, был разгромлен в эту ночь гарнизон оккупантов. Уцелевшим врагам удалось добраться до Рудни, а к утру по нашим следам к Тубольцам скрытно подошли на лыжах каратели в белых халатах.

Партизан, стоявший на посту, зашел в хату, погреться, и в это время враги развернутой цепью со стороны огородов вошли в деревню. Тревогу поднял часовой, стоявший на другом конце поселка. Стреляя по домам, в которых располагалась рота Фаязова, каратели в открытую бежали по деревне. Взвод, где находился Фаязов, первым выскочил из дома и, не ожидая замешкавшихся партизан из других взводов, бросился на врага. Сорок человек в маскхалатах стали поспешно отступать к редкому кустарнику. Стоял тридцатиградусный мороз. Фаязов был в одной гимнастерке. Опередив всех, он стрелял по отступавшим гитлеровцам.

И тут произошло непоправимое...

Рота при поддержке взвода из третьего батальона преследовала и почти поголовно уничтожила фашистов.

Когда я подбежал к упавшему в снег Фаязову, его обожженное ветром лицо покрывала неживая бледность.

— Комбат, — сказал он, — узбек Гульмирзо убит. Когда наступит победа, сообщи об этом матери в селение Арсив... Фергана...

Он потерял сознание. Я завернул его в свою шубу и с

помощью партизан донес до ближайшей избы. К вечеру его не стало.

Двадцатилетний Фаязов погиб в борьбе с врагом в далекой от его солнечного Узбекистана заснеженной Смоленщине. Русские женщины деревни Тубольцы плакали над его телом. Товарищи выкопали ему могилу на просторной деревенской площади.

Вечная память тебе, комсомолец Гульмирзо Фаязов, брат наш, друг наш, славный сын Ферганы.

* * *

Обозленные непрерывными ударами партизан, немцы вновь приняли меры, чтобы уничтожить или хотя бы отогнать полк от жизненно важной артерии. В Рудне они задержали отправку на фронт крупной мотомеханизированной части и вместе с полком 286-й охранной дивизии, размещавшейся в Орше, двинулись на уничтожение партизан. С утра 3 января началось наступление, имевшее целью охватить кольцом деревни Сквородки и Сурмилицы, в которых полк разместился на отдых.

Не в каждой деревне мы могли останавливаться. Обычно выбирали такие, в которых естественные условия были на нашей стороне.

Сквородки и Сурмилицы приглянулись нам тем, что расположены на высоте, господствующей над восточным, южным и западным подступами. Отсюда хорошо просматривалась местность в трех направлениях.

Наступление началось со всех сторон сразу. Особенно ожесточенный натиск вынес второй батальон — Ивана. Здесь с северной стороны близко к деревням подходил мелкий кустарник. Между кустами и деревней Сквородки лежали огороды и небольшое поле с глубокой осушительной канавой, в которой мы замаскировались. Пехота карателей накапливалась в кустах. От второго батальона немцев отделяло пространство в чetyреста — пятьсот метров. В батальоне было много автоматического оружия, что позволяло подпустить фашистов на близкое расстояние.

Человек удивительной личной храбрости, спокойный и осмотрительный, Семен Иванов рассчитал, что по глубокому снегу немцам не сделать быстрого броска. Нахо-

дясь в цепи среди партизан, он запретил стрелять без его команды. Между тем вблизи надворных построек, позади засевшей в заснеженной канаве цепи партизан была имитирована другая, ложная оборона. По снегу там и сям мы разбросали почерневшие снопы старого льна. Взвод был оставлен за домами и сараями и имел задачу вести через головы своих товарищей не слишком сильный винтовочно-пулеметный огонь, а в случае неудачи замысла этот же взвод должен был прикрыть отход батальона в деревню.

Каратели развернулись и пошли. Из пулеметов и автоматов они открыли ливневый огонь по темным точкам снопов, принимая их за залегших в цепи врагов. В ответ постреливали из-за укрытий оставленные комбатом во втором эшелоне партизаны.

Цепь приближалась к канаве. Сквозь туманную изморозь ясно различались оружие и лица. Немцы шли по пояс в снегу, без шинелей. Короткие, мышинного цвета френчики и брюки, напущенные на сапоги. Вот они уже в сотне метров от канавы! Комбат подал команду, батальон открыл шквальный огонь, и десятки врагов остались на рыхлом снегу, прошитые пулями первых же очередей.

Под плотным огнем цепь противника остановилась. Ошеломленные неожиданной встречей из засады, немцы барахтались в снегу, словно на раскаленной сковородке. Они пытались поглубже закопаться, но, хорошо видимые партизанами, гибли десятками. Ни артиллерия, ни минометы не могли поддержать наступающих — слишком малое расстояние отделяло их от нас. Враги все-таки поднялись и пытались броском захватить канаву, но партизаны забросали их ручными гранатами. Живым ничего не оставалось делать, как, отстреливаясь, ползти назад, буравя головами снег и оставляя за собой глубокие борозды, вдоль которых летели пули. Атака захлебнулась, а в руках партизан батальона Иванова оказалась большая партия боеприпасов и вооружения.

В это же время немцы, наступавшие с южной стороны, заняли противоположную высоту, открыли сильный артиллерийский и минометный огонь и под его прикрытием стали сближаться с обороной первого батальона. Наши бойцы лежали по южному склону своей высоты в вырытых заранее в снегу и мерзлой земле ячейках. Сна-

ряды рвались в деревне и на огородах. До двухсот немцев спустились со склона, прошли лугом и по льду пересекли небольшую речушку. Стреляя на ходу, они приближались к нашей обороне. Снаряды стали рваться далеко за улицей деревни, где-то между домами и обороной второго батальона. Тогда открыл огонь первый батальон. Пулеметчики прижали цепь немцев к земле, но из-за бугра выползла машина на гусеничном ходу, и с нее ударила автоматическая мелкокалиберная пушка.

Фашисты, видимо, воспрянули духом, поднялись и приблизились к нашим окопам, несмотря на сокрушительный огонь партизан.

Батальон Звездаева, располагавшийся уступом с левого фланга от первого батальона, ударил вдоль наступающей цепи врага. Противник нес большие потери. Наконец, не выдержав лобового и флангового огня двух батальонов, фашисты залегли почти у самых огородов. Атака выдохлась, и немцы отползли к берегу речушки.

Из-за угла сарая, стоящего в огороде на склоне возвышенности, мне хорошо была видна вся наша оборона. Среди партизан батальона имелись убитые и раненые. Вот ничком лежит у пулемета Коля Шаров, тело его вздрагивает, как при сильном кашле. Из ячейки Баделина кто-то за плетнем тащит товарища. Однако пулемет продолжает работать: «та-та-та, та-та-та», три патрона, три патрона! Так мог стрелять только пулеметчик расчетливый, привыкший экономить боеприпасы, не посылающий впустую ни одной пули. Как по своеобразию почерка узнается человек, так по стрельбе из пулемета — боец.

Артиллерия врага усилила обстрел. Разлетаются морозные комья стилой земли, фонтанчики снега взвихриваются от разрыва мелкокалиберных снарядов. Откуда-то из-за картофельного бурта к Шарову молниеносно и во весь рост бросилась Зина Кондратович — медсестра роты. Вот она, припав к земле, тащит пулеметчика. А фонтанчики снега кругом взлетают все чаще и чаще. Мой бессменный ординарец и трогательный друг военных лет Федя Левченко вопросительно смотрит на меня. Потом бросает неразлучную сумку и стремглав бежит на помощь выбивающейся из сил медсестре.

Помощник командира полка майор Пахомов под градом пуль и разрывами снарядов прибежал на команд-

ный пункт первого батальона. Он предложил усилить наблюдение за правым флангом. Здесь, в ложине, на стыке первого и второго батальонов, в ивняке замечено накопление немцев в маскировочных халатах. Резервный взвод Ивана Шембея пришлось бросить на правый фланг. Иванов туда же направляет взвод под командой начальника штаба батальона Владимира Курышева.

В угол сарая угодила длинная очередь из немецкого пулемета. Майор Пахомов получил легкое ранение в руку, мне сняло верх шапки — хорошо хоть голова уцелела.

Теперь основной напор противника идет на третий батальон и полковую разведку на восточной окраине деревни. Там же находится и штаб полка. Гришин время от времени присылает связных с распоряжениями или запрашивает обстановку.

Бой длился весь день. К счастью для партизан, туманная погода помешала немецкой авиации. Под прикрытием темноты немцы оставили свои рубежи и на машинах, стоявших на большаке, уехали. На поле боя остались трупы вражеских солдат.

Партизаны, не покидая обороны, повзводно снимались, торопливо закусывали холодным картофелем, сваренным с утра, и готовились к маршу. Остатки боеприпасов из обоза были розданы на руки, подводы выведены для раненых. Одиннадцать убитых товарищей, в числе которых был отважный командир роты Кузьма Котенков, мы похоронили в братской могиле. Полк стал на марш и двинулся дальше, к месту, где намечался прием самолетов с Большой земли.

Во время боя в Сурмилицах и Сковородках почти не было пожаров. В этом большую роль сыграло население. Ранним утром, когда наши посты только что заметили движение первых колонн карателей, жители, привыкшие ко всяким случайностям, стали выносить из домов вещи, запасы хлеба. Все это, как правило, складывалось в огородах или прикапывалось снегом прямо на улице.

Хозяин дома, где стоял штаб нашего батальона, пожилой колхозник Евдоким Поздняков, вытащив во двор свой небогатый скарб, подошел ко мне.

— Дайте мне винтовку, товарищ командир, буду вместе с вами защищать деревню, — сказал он спокойным голосом, будто речь шла о чем-то совсем обыденном.

— Евдоким Иванович, у нас своих хлопцев хватит, — сказал я. — Не стоит, пожалуй.

— Доверьте, я вас не подведу. Давно это было, когда я воевал с немцами в мировую войну и с товарищем Щорсом партизанил, но глаза у меня еще хорошие. Сделайте милость, не откажите, — настаивал он.

— Когда понадобится, — вас позовут, — сказал я. — А сейчас вы сделаете доброе дело, если соберете людей или пройдете по домам и скажете старикам и женщинам, что командование партизанского отряда поручает населению тушить пожары, когда они возникнут.

— Есть! — с готовностью ответил Евдоким Иванович и моментально исчез.

Пока немцы подтягивали силы, а партизаны занимали оборону, Поздняков обежал всю деревню, набрал десятка два добровольцев, распределил их по группам и рассказал, как бороться с огнем. Всю свою семью он поставил на подноску воды. Чугуны, кадки, корыта были наполнены, со двора притащили лестницу, приставили ее к дому. После этого старик отправил жену и внуков в погреб к соседям, а сам с дочерью Марией остался на посту.

В течение дня шесть раз загоралась крыша сарая у дома самого Позднякова. И неизменно он, его дочь и двенадцатилетний внук, сбежавший от бабушки, гасили вспышки, не давая пламени разгореться. Бороться с огнем приходилось на крыше, где опасность быть убитым больше, чем на земле. Нечто подобное происходило по всей деревне.

В этот день немцы так и не сумели поджечь ни Сурмилицы, ни Сквородки.

Через неделю наши разведчики из Рудни и Лиозно принесли отрадное известие: немцы понесли неслыханные потери, особенно на участке Семена Иванова. Мы поздравляли комбата с его умной засадой, из-за которой немецкая часть, направлявшаяся на фронт под Москву, оказалась сильно потрепанной.

После боя в Сурмилицах и Сквородках немцы еще раз убедились, что полк Гришина разгромить с ходу невозможно. Очевидно, этим объяснялось то, что несколько дней подряд мы совершали марш в северо-восточную часть Витебской области без особых осложнений.

Партизаны некоторых отрядов часто спрашивали нас

есть ли смысл в непрерывном рейдировании, в непрекращающихся боях и связанных с этим потерях? Не лучше ли, говорили они, обосноваться где-либо в одном месте, засекретить себя и исподволь вести разведку, организовывать диверсионные акты.

На такие вопросы мы отвечали: главной своей целью пребывания в тылу мы считаем непрерывные удары по коммуникациям врага, диверсионные акты и саботаж на предприятиях, пущенных немцами в действие. Конечно, для выполнения этих задач хватило бы отряда численностью в сто пятьдесят — двести человек. У нас же был полк с постоянным численным составом до тысячи человек. Для того чтобы он существовал, вооружался, кормился, обмундировывался, нужно было дополнить диверсионную деятельность активными мерами по дезорганизации немецкого тыла. Парализовать управление оккупантов с их «новым порядком» было одной из важнейших задач партизан.

Рейдируя по тылам противника, мы, помимо всего прочего, устанавливали неразрывную связь с населением. Своим приходом в новые районы, где часто господами положения были немцы, мы вселяли в сердца советских людей надежду на скорое избавление из немецкой неволи. И мы видели, что наши рейды поднимают дух народа, развенчивают легенды о непобедимости гитлеровской военной машины и их административной мощи. Ведь немало было людей, которые растерялись и заколебались! С приходом боевого отряда они обретали твердую уверенность в неизбежной и скорой гибели кровавого порядка фашистов. Короче говоря, своим движением, непрерывными боями, разгромом гарнизонов мы окрыляли народ, побуждали его к активной борьбе с захватчиками.

Даже разгром самого захудалого немецкого или полицейского гарнизона приобретал громадный резонанс, и молва далеко несла славу о партизанах. Казалось, что они вездесущи. Впрочем, и на самом деле это было именно так.

* * *

С середины января испортилась погода, пошли метели, и мы не могли ни принимать самолеты, ни подгото-

вить посадочную площадку. Это продолжалось несколько недель.

Не останавливаясь надолго, полк рейдировал в Лиозненском и Витебском районах, подходил к Велижу, вел разведку его гарнизона с расчетом нанести по нему удар после отправки раненых.

Во второй половине февраля мы вышли на север Витебской области и здесь воспользовались братской помощью белорусских партизан. Сражавшиеся недалеко от места нашего расположения большие партизанские соединения имели постоянно действующие аэродромы на лесных озерах.

Все раненые и больные под надежной охраной были отправлены на базы белорусских соединений. Под командованием майора Пахомова в конце февраля около ста партизан были доставлены на аэродромы и посажены на «дугласы». Эти же «дугласы» доставили партизанам взрывчатку, боеприпасы, свежие газеты. Для нас все это было очень кстати.

Надолго запомнился случай, который произошел со мной в эти дни. Был утомительный ночной марш. По целине и бездорожью мы прошли более сорока километров. День перед этим провели в перестрелке с блуждающей группой противника. Небольшой отряд, состоявший по преимуществу из финнов, не сближаясь с полком, маневрировал на лыжах вокруг занимаемых нами деревень, вел разведку. Боя в этот день не было, однако и отдыха после большого марша тоже не получилось.

В ту ночь первый батальон шел во главе колонны полка, прокладывал дорогу, и люди сильно измотались. Гришин с частью подразделений остановился в деревне Пыхтеи. Первому и второму батальонам он приказал занять населенный пункт Дуброво, и нам пришлось одолеть еще километра два-три.

Без преувеличения — люди валились с ног. Наконец, батальоны заняли деревню. Я проверил размещение партизан по домам и расстановку караулов, пришел в хату, занятую штабом батальона. Дело было перед утром. В доме уже вповалку спали комиссар Гордиенко, начальник штаба Сергей Скворцов, старшина Вася Агапов и еще кто-то из партизан.

Добродушная хозяйка, белоруска, чистила картофель. Снимая с натруженных ремнями плеч оружие и

расстегивая шубу, я сказал, ни на что, конечно, не надеясь:

— В бане бы после такого похода попариться!

— А что же, Марийка вам враз стопит,— с готовностью отозвалась хозяйка.

Из-за занавески показалась девушка. Я понял, что это и есть Марийка, которая может «враз стопить».

— Будем у тебя, девушка, в большом долгу, если устроишь баньку,— сказал я, укладываясь на лавчонке, чтобы уснуть.

— Сделаю такую, что не рассчитаетесь,— весело ответила черноглазая, берясь за ведра.— Баня вчера была топлена, согреется быстро, только воды наносить.

Было светло, когда хозяйка осторожно разбудила меня.

— Вставайте! Бульба готова и баня готова. Мыться пойдете или завтракать будете? — спросила она.

Гордиенко и Федя Левченко, протирая заспанные глаза, с готовностью согласились помыться; Сергей Скворцов проворчал что-то и, повернувшись на другой бок, захрапел.

Мы с комиссаром, захватив предложенные хозяйкой веники, отправились в баню, а Федя остался расталкивать крепко спящего Васю Агапова, надеясь найти в его бездонных сумках по паре чистого белья.

Сделав по два «захода» на верхний полок, мы блаженно отдыхали на полу, похваливали молодую хозяйку, не пожалевшую воды и дров. Затем комиссар развел горячую воду с холодной и стал взбивать на голове шапку мыльной пены. Мне же показалось маловато, я подбросил на камни водички и снова полез на верхний полок.

Банька, вообще говоря, была маленькая, курная, с низким потолком, подслеповатым оконцем, страшно закопченная, но удивительно жаркая, с приятным и мягким, проникающим до костей безугарным паром. Она стояла над речушкой, в полутора-двух метрах от домов деревни, и это напоминало детство, Сибирь. Видел я там такое: заберется здоровенный дядя на полок, на голове шапка, на руках рукавицы, на ногах чулки, и в нестерпимой жарнице хлещется до одури, а потом выскочит из бани, окунется в прорубь и начинает все сначала...

И вдруг эти сладостные воспоминания и блаженный

шорох ароматного веника — все оборвалось близкой дробью нескольких пулеметов. Сначала где-то у самой бани, а потом и по стенам резко защелкали разрывные пули.

— Давай, комиссар, стрекача, а то намылят нам го лову!

Я соскочил с полка и распахнул двери.

— Успеем, — как всегда, невозмутимо сказал Горди-енко, смывая с себя рыхлые хлопья пены.

В предбаннике, хватая одежду, я посмотрел на себя, и — о, ужас! — Я весь был, как дьявол, черный от сажи, словно меня кто-то сквозь печную трубу протасил. А рядом щелкали пули, тарахтели пулеметы, и где-то на окраине деревни рвались мины. Я снова вскочил в баню, но в белых клубах пара, поднявшегося от холодного воздуха из раскрытых дверей, ничего не увидел, кубарем перелетел через обмывающегося комиссара и закричал:

— Во, черт! Расселся! Окати, пожалуйста!

Комиссар шумел ковшом о кадки и ведра, не прояв-ляя, казалось, никакой поспешности.

— Успеем, успеем! — успокаивал он меня и самого себя.

— Да облей же ты меня скорее, я ничего здесь не вижу!

Нащупав ведро воды с ледяшками, комиссар шарах-нул его на меня. У меня аж дух захватило. Я присел, поднялся, снова присел и пулей вылетел в предбанник. По телу стекали грязные струйки воды и сажи. Я быстро оделся, схватил маузер и выскочил наружу.

К бане подходил улыбающийся Федя Левченко. Ему, наконец, удалось отыскать у Агапова две пары белья.

— Тревогу объявили? — спросил я.

— Да цэ не сто́ит. Воны бьют с той высотки, — пока-зал он за реку. — Второй батальон поднялся, и рота по-шла в обход, зараз им подсыплют перца.

На душе немного отлегло. А баня... Какая баня была испорчена!

За столом, уплетая свежую картошку, Сергей Сквор-цов с присущим ему юмором описывал, как мы с комис-саром «давали из бани стрекача».

Появившихся фашистов Иванов разогнал. До вечера было тихо. Я снова сходил в баню, домылся и в свежем

белье проспал весь день, наверстывая упущенное и заряжаясь про запас.

Получив боеприпасы, мы повернули на юго-восток, вновь на Смоленщину. Вместе с майором Пахомовым в полк пришли переправившиеся через фронт с Большой земли работники Смоленского обкома и горкома партии. Они шли с партийным заданием. Не за горами было освобождение Смоленщины, и перед подпольными партийными организациями и партизанскими отрядами стояли новые задачи. До жителей оккупированных районов нужно было донести важные решения XI пленума Смоленского областного комитета партии.

В числе пришедших были первый секретарь Смоленского горкома партии и член бюро обкома Иван Петрович Мозин, секретарь одного из райкомов Орлышев, пропагандист обкома М. И. Боровникова, контрразведчик А. А. Милехин, разведчики Терещенков, Лукьянов и другие.

По заданию ЦК комсомола и Смоленского обкома ВЛКСМ прибыли для работы в тылу врага девушки-комсомолки. Многие из них впоследствии стали бесстрашными организаторами комсомольского подполья, например, Лиза Агильярова, Зина Нематэвс.

В качестве руководителя печатной пропаганды и «полиграфической базы» появилась очень бойкая и острая на язык комсомолка Вера Козловская со своей помощницей, тихой и исполнительницей Ниной Шариковой, с маленькой печатной машинкой. С тех пор в полку родилась и выходила регулярно то на настоящей газетной бумаге, то на обрывках оберточной, то на листках из школьных тетрадей полковая многотиражка «Смерть врагам». Вся жизнь полка отражалась на ее не всегда четко отпечатанных, зато тщательно оформленных страницах. В газете печатались сводки «От Советского информбюро», иногда помещались материалы из жизни населения оккупированных областей.

Трудно было выпускать газету в полку, который почти не стоял на месте. Вера Козловская была и редактором, и корректором, и наборщицей, и печатницей. Ее печатная машина работала то в хате, то в лесу на пне, то в блиндаже. В больших многокилометровых маршах хрупкая девушка, с волосами, выбившимися из-под щегольской, но малогреющей кубанки, в широченных сол-

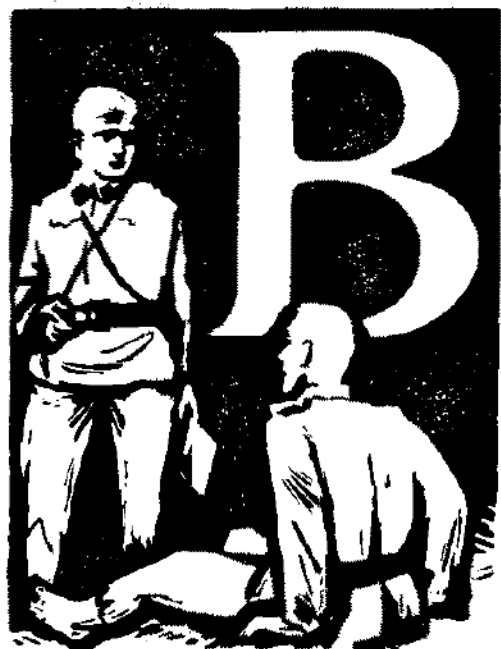
датских штанищах, в жестких и не по размеру больших валенках, шагала рядом с нами и тащила с собой типографское «оборудование». Днем же, когда бойцы, сменяясь с караула, отдыхали (если не было боя), она без устали ходила по подразделениям, собирала и организовывала материал для газеты, помогала выпускать боевые листки и стенгазеты в ротах. А когда полк был в бою, у его редакции и Веры Козловской тоже не было спокойного места в тылу, потому что партизанская газета в рейдовом полку всегда ближе к передовой, чем любая дивизионная.

С приходом в полк группы Мозина партийная жизнь в нем еще более оживилась. Теперь члены горкома на месте оформляли прием партизан в партию. Целенаправленное стало работа среди мирного населения оккупированных районов. Если раньше мы почти не ставили перед собой задачу распропагандировать гарнизоны полицейских, а просто уничтожали их, то теперь старались подчинить нашим интересам и тех, кто в трудную минуту пошатнулся и стал на путь измены.

Ведь, в сущности, на службу к немцам шли не только действительные враги. Было очень много и малодушных, и запуганных людей, которым грозила жестокая расправа или голодная смерть. Оторвать их от врага и перетянуть на сторону борцов с фашизмом — это была благородная и высокочеловечная задача.

Отныне разведчики стали разносить по деревням тысячи листовок, в которых на жизненных фактах разоблачался «новый немецкий порядок» во всем его зверином обличье. Наш политсостав, коммунисты и комсомольцы стали более широко использовать для контрпропаганды немецкие листовки, приказы и распоряжения. И надо было видеть, в какую благодатную почву падали зерна нашей советской правды. Истосковавшиеся по родному советскому слову, измученные бесчисленными угрозами и истязаниями, на которые фашистские оккупанты были всегда щедры, люди оживали, убеждались в том, что для них не все потеряно и скоро они снова обретут радость свободной жизни. И стремились помочь нам всем, чем только могли, хотя и сами постоянно жили впроголодь, ограбленные оккупантами. Советские люди готовы жертвовать всем ради восстановления свободы и независимости Родины.

«ЯЗЫК» ЯВИЛСЯ САМ

о время марша на Смоленщину, по выходе из деревни Никоновщины, полк столкнулся с большой колонной немцев. Вражеская колонна двигалась из Витебска на Велиж ночью, что случалось весьма редко. Разведчики Звездаева, шедшие в головной походной заставе, не растерялись и атаковали хвост конного обоза. Завязалась ружейная перестрелка. Немцы выставили заслон и под его прикрытием пытались угнать обоз.

Через десять-пятнадцать минут подошли главные силы нашего головного батальона, и гитлеровцы побежали. Основная часть обоза уходила буквально из-под нашего носа, и это было непростительно.

Командир батальона, посмотрев по карте направление движения противника, обнаружил, что большак делает крутой изгиб, почти полукруг протяженностью в три-четыре километра.

Одна рота была брошена наперерез удиравшим немцам. По дороге вслед за обозом спешили два взвода другой роты. Туда же устремился конный полуэскадрон полковой разведки.

Спустя полчаса, когда через большак еще не прошли последние подразделения двигавшегося своим маршрутом полка, там, куда ушли люди головного батальона, вспыхнул жаркий, но короткий бой. Вскоре все стихло.

Полк остановился. Ждал. Появились конные разведчики, обвешанные трофеями. За ними, бойко погоня лошадей, на повозках, нагруженных боеприпасами и продовольствием, ехали все партизаны.

Произошло следующее. Командир полуэскадрона Гусаров настиг немцев сзади и «повис» на их хвосте. Было темно, и конники не обнаруживали себя. Гусаров ожидал сигнала роты, которая ушла через болото наперерез нем-

цам. Во главе с начальником штаба батальона Кустовым рота сделала полуторакилометровый «кросс» по прямой, врезалась в середину немецкой колонны и атаковала ее.

Когда рота открыла огонь, а Гусаров и конники с гиканьем вырвались из темноты и надели на конец колонны, немцы бросились врассыпную, не оказывая сопротивления и оставляя на большаке подводы. Только небольшой части обоза, двигавшейся впереди колонны, удалось удрать в направлении Велижа. Преследовать ее было некогда.

Эта встреча на марше дорого обошлась немцам. Они потеряли около двух десятков убитыми и две трети своего обоза. Мы получили большое количество патронов, много продовольствия, а батальонными минами, захваченными в этом бою, воевали до весны 1943 года. Так наши запасы пополнились за счет врага.

Командир полка был очень доволен инициативой головного батальона, но пожурил командира за то, что не взяли ни одного «языка». Впрочем, на утро «язык» явился сам.

Боевой дозор второго батальона заметил, что по дороге движется с винтовкой немец. Молодой, только что пришедший в полк партизан Новиков перепугался и ранил немца в ногу. Ребята Иванова привели его ко мне в штабную избу. Почти мальчишка, он сидел и трясся мелкой дрожью, пока Паша Данченко бинтовала ему ногу.

Восемнадцатилетний Фридрих Браунгольц был призван в армию по очередной мобилизации. После двухмесячной подготовки его команду отправили на восток. Между Барановичами и Минском поезд наскочил на партизанскую мину и пошел под откос. Фридрих отделался вывихом левой руки. Костоправы вправили руку на место и сказали: можешь воевать. Под Москву он попал, когда наши части перешли в ноябрьское контрнаступление.

В первый же день батальон, куда он пришел с маршевой ротой, был разбит советской артиллерией. Жалкие остатки его отвели под Витебск. Затем Браунгольц вместе с другими неудачниками был переведен в территориальные войска «охраны порядка». Его гарнизон стоял в местечке Лиозно.

Фридрих видел весь ужас, который переживало население оккупированных областей, наблюдал звериный разгул и кровавые деяния гестаповцев. Не развращенный, впечатлительный юноша часто задумывался над всем этим. Службу нес без рвения, дичился товарищей, у которых жестокость к русским почиталась за высшую доблесть, у начальства был на плохом счету — часто сидел на «губе», и ему грозили штрафной ротой.

За два дня до того часть гарнизона из Лиозно была отозвана в Витебск, и солдатам, в числе которых был Фридрих, дали задание доставить в Велиж на лошадях боеприпасы и продовольствие. Так как пурга и снежные заносы прервали движение автотранспорта, велижский комендант дрожал от страха, ожидая со дня на день налета партизан. Он забрасывал высокое начальство телеграммами о помощи и подкреплении.

Услышав первые выстрелы разведчиков, наскочивших на колонну, Фридрих, управлявший задней повозкой, кинулся в сторону от дороги и залег. Он видел, как недалеко от него проходила масса людей, узнал свои повозки, отбитые этими людьми. И понял, что это — русские партизаны. Потом он поднялся, растер коченевшие руки и ноги и пошел по следу.

Я сидел, слушал через переводчика рассказ молодого немца и думал: исповедь это или продуманная ложь? Рана мучила его. Бледный как полотно, он упирался спиной в стену, вытянув раненую ногу и полуприкрыв глаза. Из-под белесых ресниц пробивались капельки слез.

Передо мной сидел враг. Я был старше его на девять лет, но почему-то казалось, что гожусь ему в отцы. Чувство жалости к парню и обида за его исковерканную судьбу пробуждались в моей душе.

Это был один из тех немцев, которого одурачили гитлеровцы. Не потому, что, корчась от боли, он рассказал всю эту историю, и что-то непонятное, подсознательное, заставляло поверить в его рассказ. Нет, не поэтому. Не верилось, что он лазутчик.

Из-за перегородки вышел отдыхавший там Гордиенко.

— Вот, товарищ комиссар, фриц пришел к нам добровольно, — сказал Вася Агапов, слушавший историю перехода Браунгольца.

Немец вздрогнул, как будто через него прошел ток высокого напряжения, открыл глаза, уставился на комиссара. На лице его появились багровые пятна, на скулах затрепетали жилки нервного тика.

— Ну, здравствуй, фриц,— улыбаясь, сказал Гордиенко и протянул ему руку.

Немец попытался встать, но, опершись на больную ногу, плюхнулся на лавку и закрыл лицо руками. Потом, отняв ладони, все с тем же испугом глянул на Гордиенко.

Высокий, широкоплечий, с копной густых волос, комиссар и вправду мог бы казаться грозным, если бы не мягкая улыбка, почти никогда не сходявшая с его лица.

— Их бин дойч зольдат Браунгольц Фридрих,— проговорил немец, увидев, что комиссар берет в руки его солдатскую книжку.

— Ну, вот мы и познакомились. Значит, по-нашему, Федя, что ли?

— Вас ист дас Федья?

Переводчик разъяснил. Немец оживился. В глазах засветились робкие огоньки надежды.

Протирая глаза, из-за перегородки вышел заспанный Сергей Скворцов.

— Фашист? — глядя на немца в упор, спросил он.

— Нихт, ниht фашист! — И, словно цепляясь за последнюю надежду, стал быстро рассказывать, обращаясь к переводчику.

Он говорил, что мать его по национальности бельгийка, отец был коммунистом. Наци взяли отца, когда ему, Фридриху, было десять лет, с тех пор семья ничего о нем не знала. Дома остались мать, учительница, и двенадцатилетняя сестренка.

— Не расстреливайте меня, буду ухаживать за лошадьми, все буду делать.

— А фашистов бить будешь? — спросил Сергей.

— Немецких товарищей — нет! — И, подумав, добавил: — Солдат не буду стрелять, а офицеров буду.

— И то дело! — засмеялся Агапов.

Перебежчика отправили в штаб полка, и он повторил там все, что рассказал нам. Жизнь ему, разумеется, сохранили, вылечили, и он оказался немцем необычным: бил фашистов, не разбираясь, солдаты они или офицеры.

В эти дни Смоленский обком партии и Западный штаб партизанского движения решили передислоциро-

вать полк. Вскоре была получена радиogramма. В ней давались указания о смене района и ставились задачи.

Для подготовки к предстоящему большому маршу с форсированием искусственных и естественных преград пришлось на несколько дней задержаться.

С фронта, между тем, поступали радостные вести. Красная Армия завершила окружение и вела бои на уничтожение трехсоттридцатитысячной группировки немецких войск под Сталинградом. Армия фельдмаршала Паулюса доживала последние дни. Наши войска теснили противника под Москвой и на Кавказе, били фашистов под Ленинградом.

По вечерам в доме штаба полка собирались командиры — коммунисты и комсомольцы. Слушали окрыляющие известия «В последний час» и, расходясь по домам, где стояли партизаны, разносили радостные новости об успешных боях Красной Армии.

Выход в Белоруссию, отправка раненых, получение боеприпасов и подготовка к переходу в новый район заняли около двух недель. Со времени боев в Сковородках у нас не было ни одной серьезной стычки с противником.

Из лесов Белоруссии к нам в полк пришел отряд смоленских партизан «Победа» под командованием бывшего директора Мишенской МТС Гжатского района агронома К. И. Новикова. Отряд был боевой, обстрелянный, состоял преимущественно из подрывников, а его командир, затянутый ремнями, с двумя пистолетами и автоматом, ничем не напоминал прежнего специалиста сельского хозяйства.

Сформированный Гжатским райкомом партии, отряд Новикова через фронт был заброшен в немецкий тыл. Во взаимодействии с партизанами Витебской области он участвовал во многих боях с карателями, за семь месяцев пребывания в тылу врага спустил под откос десятки эшелонов противника. Под обломками поездов нашли бесславную смерть сотни фашистских солдат и офицеров. Большое количество военной техники, посланной немцами на фронт, под Москву, превратилось в бесформенные груды металла.

В сентябре 1942 года немцы сняли охранную дивизию, расквартированную в Польше, и направили ее для

проведения карательных мер против партизан, действующих на востоке Витебской и северо-западе Смоленской областей. Но каратели не дошли. В ночь на 13 сентября подрывники Новикова — коммунисты Мраморов, Шорохов и Федоров спустили эшелон под откос на перегоне между станциями Выдрей и Лиозно. Погибло большинство солдат-карателей. Эсэсовский генерал Отто фон Добшиц был расплюсчен в купе своего вагона, погиб и его штаб.

Белорусская партизанка Ольга Симанова, устанавливавшая число потерь при этом крушении, писала в своих воспоминаниях: «Смерть фашистского генерала вызвала среди гитлеровцев большой переполох. Комендант станции, которому было поручено охранять этот участок железной дороги, застрелился. Немедленно из Витебска была направлена новая карательная экспедиция. Однако и эти каратели не добрались до места назначения. Их постигла та же участь, что и генерала фон Добшица».

Подрывники понимали, что своими действиями они избавляют товарищей по оружию от многих жестоких и кровопролитных боев. Успехи окрыляли и побуждали выполнять каждое задание во что бы то ни стало.

В середине октября 1942 года одна из групп подрывников вышла на минирование железной дороги. Командование приказало взорвать воинский эшелон вблизи Витебска.

Партизаны решили ставить мину, когда покажется поезд: при этом отпадала необходимость тщательно маскировать ее. Задача сводилась к тому, чтобы подрывник не был обнаружен охраной и поездной бригадой в момент закладки мины под рельс.

Вот они подошли к насыпи и остановились. Ждали недолго. Со стороны Витебска слышался нарастающий гул. Партизаны затаились в кустарнике. На восток прошел парный патруль. Момент был самый удачный. Поезд приближался, нужно было успеть осторожно всунуть мину под рельс.

Комсомолец Петр Галенский подхватил заряд тола и устремился к полотну железной дороги. Товарищи взяли на прицел сторожевые вышки.

Крутая насыпь и тяжелый заряд мешали быстро вскочить на полотно. Прожектор паровоза на одно мгновение осветил одинокую, сгорбившуюся под ношей фигуру.

Прильнув к земле, Петр замер.

«Не успеет», — подумали наблюдавшие за Галецким товарищи.

Громада поезда с большой скоростью надвигалась из мглы. Еще мгновение — и паровоз пронесется мимо.

Когда расстояние между поездом и тем местом, где слился с землей человек, предельно сократилось, Петр поднялся и кинулся на полотно. Взрыв большой силы потряс окрестность. Эхо, как прощальный салют подвигу советского человека, раскатилось по полям и перелескам родной его Белоруссии.

Тьму разорвало ослепительным светом.

Изумленные, пораженные товарищи Галецкого увидели, как окутался белым паром сползающий с насыпи паровоз, как с дьявольским скрежетом полезли друг на друга цистерны и загорелся хлеставший из исковерканных баков бензин.

Подрывники бежали от дороги, а по откосам насыпи разливалось бушующее и ревущее море огня. Пламя осветило каждое деревцо негустого соснячка и, казалось, жгло спины.

Ошеломленная охрана, по-видимому, не стреляла. Впрочем, вряд ли можно было расслышать стрельбу в вихревом вое пламени и взрывах цистерн.

Когда миновала опасность быть уничтоженными огнем пылающего бензина и загоревшегося леса, трое остановились. Они стояли в глубоком молчании, обнажив головы. Не было слов. Каждый думал о четвертом, о простом пареньке из деревни Майдан Толочинского района Витебской области — Петре Галецком. Он погиб как герой, и о подвиге его тогда же написал стихи партизанский политрук Марк Максимов:

И увидели трое, как бросился с миной один
Под колеса цистерны. И — грохот! И — зарево к тучам!
...А в окопах не знали, что это горит не бензин,
А зажженное сердце ударило светом могучим...
Кто не верит легендам, — обыденной были поверьте:
Упомянут был Данко в тот день в оперсводке полка,
А бессмертное сердце из теплой груди вожака
Все горит и спасает людей от позора и смерти!

Эти строки, впервые опубликованные в партизанском рукописном журнале, после войны неоднократно печатались. Но еще в 1961 году я с горькой обидой за героя

писал, что подвиг Петра Галецкого пока не дошел до современников, только стихи поэта-партизана запечатали его. И вот прошли годы, и я счастлив, что имею возможность внести в свою книгу исправление: 8 мая 1965 года в честь двадцатилетия Победы советского народа над гитлеровской Германией Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Петру Галецкому звание Героя Советского Союза.

Отряд Новикова стал четвертым батальоном нашего полка. Мы двигались по полям и перелескам Смоленщины. Ночной воздух был еще слегка морозным, но в нем уже чувствовалось приближение весны. Ветер был порывист и переменчив, он приносил с собой запах ледохода.

Под полозьями саней обоза и под ногами партизан мелкой сахарной крупкой рассыпался снег. Дорога была нелегкой, но отдохнув, мы бодро продвигались вперед.

Перед утром партизаны расположились в деревне в пяти километрах от линии железной дороги и в десяти — от большого немецкого гарнизона, расквартированного в Рудне.

Немцы, конечно, заметили наше продвижение, и утром не замедлила появиться их разведка. По дороге из Рудни на Иньково прошли шесть мотоциклов, легковая автомашина и броневик, прикрывавший разведку. Остановившись примерно в километре от деревни, немцы вели наблюдение и время от времени постреливали из пулеметов.

От батальонов Иванова и Звездаева было поднято по одному взводу. Они выдвинулись на восточную окраину, по которой открыл огонь броневик. Одновременно, чтобы отрезать путь немцам, я послал в обход по оврагу дежурный взвод Николая Зайцева.

Повременив, пока Зайцев зайдет немцам в тыл, взводы двух батальонов развернулись и устремились по открытой местности на врагов. Из пулеметов, поставленных на мотоциклах и бронемашине, немцы открыли плотный огонь. Взводы залегли в снег. Началась перестрелка. В это время из оврага, по краю которого проходила дорога, выскочил взвод Николая Зайцева и обрушился на фашистов, никак не ожидавших появления партизан

с этой стороны. Удар был внезапен, а огонь с близкого расстояния губителен. Бронемашина рванулась наутек, легковая автомашина загорелась от первых выстрелов, мотоциклы опрокинулись. Двенадцать солдат из карательного отряда и трое полицаев из сброда руднянского бургомистра Жвирблиса остались лежать на снегу.

Бешено урча моторами и стреляя выхлопными трубами, в клубах снежной пыли и бензинового дыма партизаны лихо въехали в Рокот и остановились у штаба полка. Вместе с трофеями в люльке мотоцикла помещался окаменевший от страха щупленький, угреватый немецкий солдат.

Докладывая командиру о выполнении приказа, Зайцев с лукавой усмешкой добавил:

— Захватили мы одного «язычишку», да уж больно он ослаб с перепуга. В штаб вести нельзя — запах нехороший.

Немец был допрошен только после того, как привел себя в порядок. Чтобы снять допрос, пришлось подыскать ему чистое белье.

Хотя «язычишка» оказался не бог весть каким, но от него командованию все же стало известно, что в Смоленске формируется специальное соединение, в задачу которого входит не борьба с партизанами вообще, а уничтожение партизанского полка Гришина. Во главе предстоящей экспедиции поставлены два генерала.

Гришин пошутил:

— Два генерала! Не слишком ли это шикарно для одного капитана?

Немец, конечно, шутки не оценил. Он не знал, что Гришин — всего-навсего капитан.

В этот день гитлеровцы больше не показывались. Но нам необходимо было перейти магистраль, а это теперь было весьма рискованно.

Конечно, мы в силах были прорвать любой заслон, но не без потерь и не без новых раненых. И тогда Гришин решил ночью покинуть Рокот, но не переходить дороги, чтобы каратели поломали головы над тем, куда же делся полк.

В нескольких километрах от деревни был густой, хотя и небольшой лесок. Когда стемнело, полк оставил деревню, пошел в противоположную от леса сторону и, совершив обход по проселкам, к утру остановился в замерз-

шем болоте под прикрытием леса. Здесь мы и встретили день 8 Марта 1943 года.

В следующую ночь полк совершил марш параллельно железной и шоссейной дорогам, прошел восемнадцать километров и, повернув вправо, строго на юг, без единого выстрела перешел обе дороги и втянулся в лесные массивы. Замысел командира полка полностью себя оправдал: сутки назад по всей дороге были расставлены войска, они ожидали нашего перехода, но, уйдя из Рокота, мы исчезли, словно растворились в снежном пространстве.

Ослаблению бдительности немецкого командования помог отряд Касплянского райкома партии. Когда полк, выйдя из Рокота и петляя по дорогам, входил в лесок, секретарь Касплянского райкома Волков уводил своих партизан из Рокота на север, к Демидовским лесам, на постоянную базу своего расположения. Отряд касплянцев был невелик, но немцам стало известно, что партизаны пошли на север, и этого было достаточно, чтобы снять усиленную охрану, просидевшую трое суток на дороге в ожидании нашего полка.

Железная и шоссейная дороги Смоленск — Витебск были позади. Первый батальон двигался во главе колонны, отыскивая лесные тропинки, по которым летом 1942 года маленький отряд Николая Мельника шел на выполнение задания командования. Я шагал впереди батальона по тем же дорожкам и под теми же деревьями, где несколько месяцев назад война щедро наградила меня дружбой с украинцем Мельником и узбеком Фаязовым, с гибелью которых я все еще не мог примириться.

Утром полк остановился в опустошенной немцами деревне Ельне Руднянского района. Деревня располагалась среди лесного массива. Еще осенью сорок второго года за связь с партизанами все ее население было выслано в концентрационные лагеря. Ни один след не вел в деревню, ни одной живой души не было на ее улицах. Стояли осиротевшие пустые постройки. Побитые окна, выломанные двери, высокие стебли подсолнечника с выклеванными зернами... Гнетущее впечатление производит картина выжженных деревень. Но еще тяжелее видеть уцелевшие дома, покинутые людьми.

Хотя мы и перешли дороги без боя, каждый понимал, что нужно глядеть в оба — ведь за полком оставалась

вытоптанная дорога. И действительно, немцы не заставили себя ждать. В девять утра дозор третьего батальона заметил на лесной просеке вражескую разведку. Полк немедленно был приведен в боевую готовность. В обход двигавшемуся противнику Звездаев послал роту. Она атаковала группу разведчиков и преследовала их до опушки леса.

Потери противника в таких случаях мы вынуждены были определять примитивным способом — сколько принесено оружия с убитых. Рота доставила десять винтовок. Значит, в гарнизоне не досчитались ровно половины той группы, которая шла на проверку леса. Для разведгруппы это не пустяковая потеря.

Вечером полк снялся со стоянки и, совершив марш в десять километров, остановился в деревне Рудаки.

До автострады Москва — Минск оставалось два километра. По ней беспрерывно шли колонны с военной техникой врага. В гарнизонах деревень Ордовки и Светицы и на станции Гусино стояли войска охраны и части, отведенные на отдых с фронта. Рискованность нашего местонахождения оправдывалась возможностью за один переход форсировать еще две дороги и Днепр.

Людей без шума разместили по домам, поставили усиленные караулы, со всех сторон закрыли выходы из деревни, чтобы предатели, если они там имелись, не могли донести о появлении партизан. Войти в деревню мог любой, но уйти не удалось бы никому.

Народ встретил партизан настороженно. Несмотря на близость магистрали, население Рудаков не знало правды о положении на фронте, об окружении и разгроме фашистов под Сталинградом. Но зато геббельсовских пропагандистских листов было здесь сколько угодно. Особенно выделялся наглым враньем один из них. В нем фашисты писали: «Большевизм доживает последние дни. Правители большевистской России покинули Москву...»

Как же радовались местные жители, узнав об истинном положении на фронте, под Сталинградом, об успехах наших войск по освобождению из блокады Ленинграда! Все это было для народа как весенний ветер, очистивший души от грязной, изощренной, методической пропаганды оккупантов. До рассвета шли в каждой хате нескончаемые разговоры партизан с местными жителями.

Магистраль гудела моторами. А в деревне, где мы расположились, было тихо. Бесшумно менялись караулы. Ночь прошла без происшествий.

Наступил день. Теплый, погожий — первый весенний день. Из окон некоторых домов партизаны видели движение немецких автоколонн и одиночных машин по автостраде. Было до боли обидно смотреть, как безнаказанно по родной советской земле, пользуясь лучшей нашей дорогой, разъезжает немчура. Но приходилось терпеть и ждать. Сроки разгрома врага зависели и от партизанских ударов, и мы постоянно об этом помнили.

В конце дня с магистрали в деревню свернула большая походная колонна немцев. Была объявлена тревога, и не миновать бы нам большой схватки и неизбежного в таких случаях изменения маршрута, если бы не хитрость комиссара Гордиенко, на рассвете приказавшего прибить за околицей, у самого въезда, вывеску с надписью «Тиф». Потоптавшись у этой дощечки, немцы повернули назад и заночевали в деревне Светицы. Мы же, дождавшись темноты, покинули Рудаки, пошли на переход магистрали и примерно в километре от Светиц, где расположились напуганные тифом немцы, приблизились к шоссе.

По магистрали шла длиннющая колонна автомашин и бронетранспортеров. Из-за кустарника, где мы притаились, можно было ее атаковать, но это грозило срывом задания командования о выходе на юг Смоленщины. И поэтому, переждав полчаса, в течение которых закончилось продвижение колонны, наши батальоны развернутым фронтом устремились через шоссе. Полк двинулся на юг, к железной дороге Смоленск — Минск.

К десяти часам вечера разведка подошла к полотну и была встречена огнем пулеметов. Основные силы, находившиеся на расстоянии ста пятидесяти метров от нее, развернулись и цепью двинулись к насыпи. Увидев, какая масса людей приближается по ночному полю, охрана прекратила огонь и разбежалась. Позади осталась и эта преграда, на которой теперь подрывники рвали рельсы и столбы связи.

Петляя по перелескам, к утру полк вышел на берег Днепра и остановился в деревне Кузино Краснинского района. Население Кузина, в противоположность жителям Рудаков, встретило нас радушно. Здесь не верили

немецкой брехне: местные учителя слушали радио и рассказывали людям правду о положении на фронтах.

У каждой хозяйки было о чем поговорить с партизанами: у одной сын с 1941 года на фронте, другая два года не имеет писем от мужа, у третьих родственники при отступлении погнали в советский тыл колхозный скот, и судьба их тоже неизвестна.

Двенадцатого марта солнце поднялось яркое, теплое, ласковое. К полудню началась капель, под рыхлым, посеревшим снегом растекались лужицы, размякли дороги, и днепровский лед покрылся водой.

В Кузине полк стоял трое суток: Гришин ожидал разведчиков с обширной территории Краснинского, Монастыршинского и Починковского районов.

С приходом в каждый новый район штаб полка готовил схему разведки. После утверждения ее командиром в различные пункты первыми выходили девушки-разведчицы. Одни из них имели немецкие пропуска, где было указано, что такая-то проживает там-то, лет ей столько-то, цвет волос такой-то, глаза такие-то, форма носа прямая, с горбинкой или курносая. Кроме того, были особые приметы, например, на щеке родинка, шрам на лице и тому подобное. Форма этого фашистского документа очень походила на лошадиный паспорт, но без него было не обойтись. А приобрести такой паспорт было далеко не просто и рискованно.

Другие разведчицы шли под видом нищих или торговок. Таким было достаточно справки от старосты деревни.

Из жителей Кузина вызвались пойти в разведку две учительницы. Вместе с опытной разведчицей полка Таней Кошелевой они были направлены в Починок, чтобы установить место расквартирования штаба 4-й немецкой армии.

Каждая разведчица прежде всего стремилась найти людей, готовых активно помогать партизанам. Таких было очень много. И когда разведчица возвращалась в полк, она могла назвать десяток фамилий местных жителей, которые согласились работать на партизан.

Кроме того, в каждой деревне, где полк задерживался на несколько дней, находились люди, у которых в местах, интересующих партизан, жили родные и знакомые, и почти никто не отказывался съездить в тот или иной пункт

и достать нужные сведения. Так обеспечивалась дальняя разведка.

Ближнюю разведку вели конные и пешие разведгруппы, которые имелись при штабе полка и в каждом батальоне.

В Смоленской области в годы Великой Отечественной войны действовало около шестидесяти тысяч партизан. По отношению к одному миллиону двумстам тысячам жителей это составляло пять процентов. Исходя из этих данных, буржуазные историки пытаются поставить под сомнение народный характер партизанской войны. Особенно усердствуют в этом западногерманские реваншисты, пытаясь таким образом политически реабилитировать германский милитаризм, разгромленный Советской Армией и партизанами. Но эти господа забывают, что войну против оккупантов вели не только те, кто сражался с оружием в руках, но и бесчисленные патриоты из местного населения, без помощи которых не могло бы существовать партизанское движение.

В Кузине партизаны хорошо отдохнули. За три дня вблизи деревни не показалось ни одного гитлеровца. Не появилась и «кривая нога», как мы называли разведывательный немецкий самолет «хеншель», о котором партизаны не без основания шутили, будто Гитлер прикомандировал его к полку Гришина.

К концу третьего дня в штабе у Лариона Узлова на столе лежала карта, на которой были отмечены гарнизоны, волости, управы, мосты и предприятия, подлежащие уничтожению в ближайшие дни. Позади нас находилась железная дорога Москва — Минск. Собираясь уходить на юг, мы не думали оставлять ее в покое. Подрывники уже изучали подходы к полотну, и вскоре на дороге начались взрывы.

Боевой рейд по выполнению намеченной задачи начинался в этот день. На совещании у командира полка комбаты получили конкретные указания, и каждый теперь изучал свой маршрут по карте и прикидывал, как лучше выполнить приказ.

Мы никогда не утрачивали боевого духа, и, хотя разведка не принесла прямых указаний на бурю, затишье вокруг полка не могло быть случайным. Немцы что-то затевали. Показание пленного о соединении с двумя генералами во главе, предназначавшемся для уничтожения

полка, кое о чем предупреждало и, отдавая приказ о рейде, командир торопился разгромить немецкие порядки в этих районах до того, как на хвост полка сядет карательная экспедиция.

В день выхода батальона на боевое задание в десять часов утра показалась группа людей в несколько десятков человек. Она двигалась от деревни Сырокоренье. Позади колонны наблюдатели насчитали двенадцать повозок.

Командир роты Матяш расположил своих партизан за домами и холодными построиками и приготовился встретить непрошенных гостей. Видя, с какой беспечностью движется колонна, он запретил стрелять и приказал попытаться обезоружить противника, едва он втянется на окраину деревни.

Когда до группы осталось небольшое расстояние, партизаны заметили, что среди приближавшихся только несколько человек одеты в немецкую военную форму и вооружены. На остальных — что попало, а за плечами у них тощие котомки. Полдюжины немецких солдат вразвалку шагали позади, дымили сигаретами и громко разговаривали.

Вот немцы уже поравнялись с первыми построиками, и тут с криком «хенде хох!» навстречу им выскочили партизаны.

Пестрая, недоумевающая толпа сразу вскинула руки, но после мгновенного замешательства многие схватились за автоматы. Однако им не дали открыть огонь. Растерявшиеся, не понимающие, что произошло, люди некоторое время стояли с поднятыми руками. Потом, увидев, что со всех сторон к ним подходят вооруженные русские, они поняли, что уже свободны, и наперебой стали рассказывать, кто они и зачем их гнали в деревню.

— Товарищи, дорогие, спасите нас! Наши семьи в той деревне, — показывал на Сырокоренье изможденный пожилой мужчина. — Нас гонят на каторгу, люди гибнут от голода и болезней.

— Сколько вас и откуда вы? — спросил Матяш.

— Мы из Вадина, среди нас есть сычевские и новодугинские. В колонне осталось пятьсот человек. Немец угнал всех жителей из партизанского края. Не оставьте нас, товарищи! — умоляли освобожденные.

— Зачем вас вели сюда?

— Собирают милостыню. Люди подают, но фашисты все отбирают, а говорят, что берут для нас. Они все делают между собой, а нас заставляют на стоянках делать ящики для посылок и награбленное отправляют в Германию.

Поразительно, до какой степени развратил фашизм своих солдат! Издеваясь над мирными людьми, они, не брезгуя ничем, грабили население и посылали награбленное в Германию.

Поставив в известность командира полка, я немедленно направил в Сырокоренье боевую группу партизан под командой Алексея Макарова, назначенного после гибели Фаязова командиром роты. Он получил задание — уничтожить охрану и освободить угоняемых в рабство советских людей. Матяш с одним взводом был послан на захваченных повозках в деревню Башутка, чтобы уничтожить или захватить охрану выведенной туда второй группы пленных.

Деревня Сырокоренье стояла на противоположном берегу, в двух километрах от Кузина, и ее улицы хорошо просматривались в бинокль с крыш домов. Группа Макарова по льду, уже затянутому слоем воды, перешла Днепр.

Вскоре со стороны деревни Сырокоренье слышались частые пулеметные и автоматные очереди, захлопали винтовки, временами рвались гранаты и бил миномет. Немцев не удалось захватить врасплох, и разгорелся бой.

Между тем возвратился со своей группой Матяш. Партизаны убили нескольких немцев, освободили угоняемых в Германию людей, пригнали еще пятнадцать подвод.

Время шло уже к полудню, а бой в Сырокоренье не утихал. Засевший в помещении школы немецкий конвой яростно сопротивлялся. Из города Красного на двух автомашинах прибыло на помощь осажденным подкрепление с пушкой. Мне пришлось спешно выслать на помощь Макарову еще два взвода с батальонными минометами.

День клонился к исходу, полк готовился к маршу, а Макаров никак не хотел выходить из боя, не разгромив противника.

Наконец, в крышу школы угодил немецкий снаряд. Школа загорелась, и это ускорило исход боя в пользу партизан. Когда огонь пробился внутрь здания, солдатам

противника ничего не оставалось, как выпрыгивать в окна. Здесь их и настигали партизанские пули. На улицах деревни валялись двадцать восемь вражеских трупов.

А пока шел бой, через Днепр тянулись в разные стороны спасенные советские люди: одни — пешие, другие — на повозках... В Кузино прибывали повозки с трофеями Макарова. Было взято много патронов, винтовок, автоматов, два пулемета.

Пятичасовой бой не обошелся без потерь и для партизан. Рота Макарова потеряла шесть человек, а четверо были ранены. Погиб и помощник командира взвода Ваня Тужилкин, и командир отделения Тарушкин, и Коля Кондрашев, и другие товарищи.

Уже темнело, когда задержавшийся в Кузине батальон, пополнившийся за счет добровольцев из тех, кого должны были угнать в Германию, переправился по зыбкому льду Днепра на левый берег.

ГЕНЕРАЛОВ ПРЕСЛЕДУЮТ НЕУДАЧИ

овые районы действия полка были ближайшим тылом 4-й немецкой армии, входившей в состав группы гитлеровских армий «Центр».

Открытая местность, отсутствие сколько-нибудь существенных лесных массивов или пересеченности не позволили здесь сложиться широкому партизанскому движению. Именно сюда стекался всякий сброд, убегая из партизанских районов. Здесь прятались от народного гнева и правосудия

трусы и изменники. В каждой деревне был староста, в каждом селе — волость с бургомистром во главе, на пять-шесть деревень — полицейский отряд, а в районных центрах — управы.

Неожиданно, как снег на голову, свалились гришинцы на фашистов и их прихвостней и в течение трех суток заняли большую часть территории трех районов. Полностью была парализована система немецкого «управления». По подвалам и чердакам, в стогах сена и соломы прятались не успевшие удрать в Красный и Монастырщину гитлеровцы и предатели из бывших кулаков и уголовников. Извлеченные партизанами с помощью местных жителей из укромных мест, они противно скулили, просили пощады, взывали к совести советских людей. Еще вчера наглые и беспощадные с женщинами и стариками, они трусливо и униженно пытались спасти свои продажные шкуры.

Моральный облик всех этих бургомистров, старшин, старост и прочей челяди, нанятой фашистами, был поразительно низок. В каждом полицейском отряде непрерывно курились самогонные аппараты; пьяный разгул людей, отвернувшихся от Родины в годину тяжелых бед, поощрялся всякого рода шефами, фюрерами и комендантами. Грабеж населения был постоянным, будничным явлением. Вооруженные грабители с белыми повязками на рукавах врываются в дома ни в чем не повинных людей, забирали все — от коровы до последней тряпки, — грузили в повозки и везли в свои берлоги, где начинался дележ награбленного, игра в карты под доставшуюся долю имущества, пьяный шабаш.

Люди без идеи и будущего, презренные калифы на час пользовались правом силы, и пустоту своих мелких душ, растленную совесть заливали лошадиными дозами самогона. И это был единственный резерв гитлеровцев на оккупированной советской территории, призванный поддерживать «новый порядок», которому Геббельс и другие главари фашизма предрекали тысячелетнее существование.

В свое время Денис Давыдов сказал Кутузову: «...можно не награждать почестями истинных сынов России, ибо какая награда сравниться может с чувством совести их? Но щадить изменников столь же опасно, как истреблять карантины в чумное время».

У партизан полка не было другого мнения о предателях.

Разгром политических порядков оккупантов, сокрушение их гнилой надстройки партизаны полка сочетали

с одновременным уничтожением мостов, линий связи, молочных заводов, складов продуктов и фуража, созданных немцами для питания фронта.

Окружность в радиусе ста километров, шедшая по линии Красный — Горки — Шамово — Мстиславль — Хиславичи — Юры — Денегубово — Осиновка — Красный, была очищена от солдат противника. На очереди была Монастырщина. Гришин уже назначил день разгрома этого опорного пункта врага; разведка изучала численность гарнизона, его вооружение и систему обороны. Но в это время начался один из самых тяжелых периодов в жизни партизанского полка «Тринадцать». Нам предстояло убедиться, что сведения захудалого «язычка» о специальном соединении под командой двух генералов соответствовали действительности.

Наступление началось одновременно из Красного, Смоленска, Починка и Мстиславля. По силе натиска, по его продуманности и упорству было видно, что гитлеровцы решили покончить с полком раз и навсегда.

17 марта батальоны Звездаева и Иванова расквартировались в деревнях Брюханово и Ширково. Штаб полка и первый батальон остановились в небольшой деревне Хильчичи. Здесь в 1812 году стоял со своими партизанами Денис Давыдов. Отсюда он наносил удары по отступавшим войскам Наполеона и захватил в плен трех генералов, около тысячи нижних чинов. И тут же, по его признанию, он пережил горькие минуты партизанской беспомощности, когда «око видит, но зуб неймет».

По дороге на Красный отходили тогда главные силы французов, и среди сохранивших свою выправку, невозмутимость и храбрость колонн старой гвардии императора на глазах у партизан находился сам Наполеон. Будь с нами, сокрушался Давыдов, несколько рот конной артиллерии, гвардия, окружавшая Наполеона, не прошла бы мимо партизан, как стопушечный корабль между рыбацкими лодками.

Мы воевали в другое время, оружие нового века увеличило дистанцию в бою, а гитлеровцы были еще сильны.

В Хильчичах мы приняли радиogramму с изложением указа Президиума Верховного Совета СССР. За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу врага против немецко-фашистских захватчиков, Сергею

Владимировичу Гришину присваивалось звание Героя Советского Союза. Партизаны с радостью восприняли эту весть, но не успели мы поздравить командира, как начался жаркий бой.

По подмерзшей за ночь дороге около восьмисот гитлеровцев повели яростное наступление на деревню Брюханово. Третий батальон, расположившийся здесь, встретил противника плотным огнем пулеметов. Немцы залегли на поле. Тогда из деревень Хильчичи и Ширково, где стояли первый и второй батальоны, по противнику был открыт огонь из минометов. Каратели отошли за возвышенность, оставив на поле убитых и раненых.

Через час они подтянули артиллерию и открыли сильный огонь по Брюханову и Хильчичам. Вслед за этим пехота врага снова полезла на Брюханово. Звездаев нес большие потери, но деревню держал.

Командир полка, чтобы облегчить положение третьего батальона, бросил в тыл немцам группу полковой разведки, а Иванову приказал силой одной роты сделать обход по лощине и ударить противнику во фланг.

Сблизившись с карателями, охватывающие группы ударили по их флангам. Контратакованные из деревни Звездаевым, немцы поспешно отступили на Красный.

Так состоялось первое знакомство новой карательной экспедиции с партизанским полком. Впоследствии нам предстояло ближе узнать друг друга.

Подобранный на поле боя раненый немец не только подтвердил, что против нас брошено специальное соединение, но и первым назвал имена главных карателей — генералов Полле и фон Гофгартена.

В этот день в расположении других батальонов появилась только разведка противника.

Полк не стоял на месте, отбивался от авангардов противника и, маневрируя, наносил обходные удары по его группировкам.

Число раненых у нас продолжало расти, обоз госпиталя доходил до полутораста повозок, на которых лежало сто двадцать раненых. Большой урон полку наносила авиация. У нас кончались патроны и мины, очень мало оставалось ручных гранат. Удачные контратаки, пополнявшие наши боеприпасы, не возмещали расхода их в боях.

Смоленский обком ВКП(б), Западный штаб парти-

занского движения и командование Центрального фронта наших войск знали, что полк ведет тяжелые бои с неравными силами противника. По радио нас ежедневно запрашивали о возможности посадки самолетов, но каратели не давали передышки, и мы не могли получить груз.

Прошло две недели боев. Немцам они не принесли тех успехов, на какие они рассчитывали. Тогда противник решил изменить тактику. Об этом мы узнали самым неожиданным образом.

В конце марта младшие командиры первого батальона Иван Шембель и Николай Баличев, выполняя задачу бокового охранения полка на марше ночью, сбили на большаке

Хиславичи — Монастырщина двух мотоциклистов и захватили секретный приказ, подписанный Полле и Гофгартеном. В нем давалась обстановка в районе маневрирования полка и говорилось:

«...большая банда движется непрерывно... Силы банды — шестьсот-восемьсот человек, конные, сани, телеги, вооружение автоматическое и две пушки... намерения банды неизвестны.

Наши намерения на эти дни: создать вокруг района нахождения банды далекий круг и принудить банду к покою, в дальнейшем препятствовать продвижению банды на восток...»

Далее речь шла о том, как стягивать части карательной экспедиции, чтобы захлестнуть мертвую петлю вокруг полка.

«Принуждением к покою» и решил воспользоваться Гришин. В одну из ночей, в труднейших летных условиях, советские летчики сбросили нам боеприпасы и, конечно же, свежие газеты. Груз был спущен на парашютах в полном смысле слова на «пяточок» вблизи деревень, занятых немцами.

Командир партизанского
соединения «Тринадцать»
С. В. Гришин.

Над полком, где бы он ни расположился, по ночам всегда висел ночной истребитель «мессершмитт». Но это не мешало советским летчикам прийти на помощь партизанам в трудную минуту. Хотя раненые оставались с полком и обоз сдерживал нашу маневренность, люди вздохнули легче — появились боеприпасы.

Из тактики «принуждения к покою» и «далекого круга» ничего не вышло. Получив боеприпасы, мы сами стали нападать на карателей. Генералы вновь бросили свои отряды на полк. Части карателей шли за нами по пятам. Изо дня в день Полле и Гофгартен составляли новые и новые комбинации. То они преследовали нас, то брали в «клещи», то подготавливали ловушки и окружали. Враг, располагавший громадными силами, явно нервничал. Он преследовал партизан, но его преследовали неудачи.

Рушились один за другим оперативные планы немецких стратегов. В своеобразном соревновании на ловкость и на тактическую хитрость молодой сельский учитель капитан Гришин одерживал верх над старыми военачальниками, получившими образование в академии генерального штаба Германии.

Шли дни, а противник продолжал удерживать здесь много своих войск, в которых гитлеровцы нуждались на фронте. В каждом бою он нес большие потери. Но и наши силы тоже убывали.

Каждое утро полк начинал бои с передовыми подвижными отрядами врага. К полудню подходили главные силы фашистов, с ходу бросались в атаку. Дотемна партизаны отбивали натиск, ночами, обходя расставленные заслоны или сокрушая преграды, уходили на двадцать-тридцать километров, чтобы час-другой отдохнуть, — и снова в бой, снова в ночной марш, чаще всего по целине, через разлившиеся реки, затопленные овраги и лощины. Полураздетые, в изодранной обуви и одежде, с ногами, превратившимися в сплошные язвы, голодные люди несли на себе винтовки, пулеметы, противотанковые ружья, минометы и боеприпасы. Не хватало лошадей и повозок, и многих раненых тоже приходилось нести на руках.

В один из последних дней марта немцы, оставленные нами накануне вблизи Монастырщины, впервые не бросились вслед за нами. Воспользовавшись передышкой, партизаны отдыхали в деревнях Слободе и Казанке. Только перед вечером появилась немецкая разведка на

двух танкетках. При выходе из деревни Каменки машины были обстреляны нашими бронебойщиками. Они развернулись, ушли и больше не появились.

Стемнело, когда полк, сосредоточившись в деревне Петровичи, встал на марш. Была одна из тех весенних дождливых ночей, когда темнота кажется абсолютной, когда не видно не только рядом шагающего товарища, но и небо словно состоит из непроницаемого мрака. Самое острое зрение не в состоянии обнаружить дороги. В таких случаях даже человек, с детства знающий дорогу до соседней деревни, способен заблудиться. Так случилось и у нас: крестьянин, вызвавшийся провести полк, не прошел и полукилометра от крайних домов Петровичей, как растерялся и откровенно признался, что сбился с пути.

Известно, как тяжело идти весной по компасу и карте — ведь самая незначительная ложина или канава превращаются в труднопроходимые препятствия. Чтобы люди не отстали, мы двигались сомкнутым строем; ездовые вели лошадей в поводу, держась одной рукой за переднего. Мы с Гришиным шли с группой разведки от первого батальона и слабым фонариком время от времени освещали планшет с картой, ориентируя ее по компасу.

Около трех часов продолжалось это шествие через канавы, кочки, бугры, колючий кустарник... По нашим расчетам давно уже должна была быть деревня, но никакого жилья не было видно. Продолжать путь стало невозможно, оставаться в поле под холодным проливным дождем — безрассудно. Пренебрегая осторожностью, пришлось бросить ракету. Разорванный на несколько секунд мрак открыл перед нами близкие постройки деревни — всего в сотне шагов от колонны партизан!

Первой ушла разведка, а через несколько минут полк втянулся в деревенскую улицу. Подразделения долго блуждали в темноте между построек, пока, наконец, разместились по домам.

Нет, мы не сбились с маршрута, это была деревня Дмыничи, лежавшая на нашем пути по первоначальному плану движения.

От населения мы узнали, что накануне каратели подтянули в ближайшие деревни много пехоты и большие обозы. Противник разгадал наш маршрут и готовился к длительному бою.

Исколесив три района и побывав в некоторых дерев-

нях по несколько раз, в Дмыничах мы оказались впервые. Но крестьяне много слышали о боевых делах полка и отнеслись к нам тепло, несмотря на то, что понимали: завтра и нам и им придется несладко.

Мы узнали, что оккупанты усиленно распространяли слух, будто партизаны — это банда уголовников, выброшенная большевиками на парашютах, что она зверски расправляется с оккупированным населением. Но никто этому не верил.

В беспокойном сне прошел остаток ночи. Только караулы и дозоры, сменяясь через час, несли неусыпную охрану.

Гришин в эту ночь не ложился. До самого утра горела коптилка в избе Ефросиньи Максимовны Нестеровой, матери трех сражавшихся на фронте красноармейцев, у которой остановился командир полка. Вместе с начальником контрразведки Афанасием Милехиным они выслушали нужных людей и к рассвету имели свежие данные о силах и намерениях противника.

Старик, приехавший из Скреплева; молодой учитель, бежавший из Монастырщины; полицейский, пришедший оттуда же вечером, и девушка из Соболева дали много ценных сведений. Получалось, что вокруг полка уже создано почти замкнутое кольцо. Немцы только и ждут, чтобы мы вошли в него. Они подготовились к окончательной расправе с полком. Все окружающие деревни, кроме тех, из которых мы вышли и где остановились, были заняты противником, и дальше, за Дмыничами, тоже были расставлены мощные засады, чтобы встретить полк на марше. В гарнизонах в эту ночь не ложились спать, враги хотели навалиться на партизан со всех сторон, когда полк будет в движении, и потому остановка в Дмыничах, на которую вынудила нас погода, была в известной мере счастливой.

В приказе, который получили утром командиры батальонов, Гришин, как всегда, давал обстановку, предупреждал о ее сложности и предлагал держать деревню любой ценой, однако огонь вести только прицельно — сберечь патроны.

* * *

День обещал быть труднейшим из трудных. Густой, промозглый туман плотной пеленой покрывал окрест-

ность. Холодная, пронизывающая сырость пробивалась под одежду и вызывала дрожь. Наспех просушив одежду и обувь и отдохнув несколько часов, люди захватывали по клоку соломы или сена, чтобы не лежать в грязи, выходили из деревни и группами шли занимать оборону, окапываться.

Дмыничи расположены в неглубокой котловине, перед которой с трех сторон поднимаются небольшие высотки. Они-то и должны были служить рубежами обороны батальонов полка.

Утром стало известно, что из соседней деревни Кузнецово немцы почему-то выехали поздно вечером в направлении Соболева. По приказанию Гришина я послал туда Зайцева со взводом, чтобы в случае подхода врага встретить его огнем и затем отходить на кладбище между Кузнецовом и Дмыничами.

Непроницаемый туман не позволял вести наблюдение за окружающими деревнями, и враг не торопился с наступлением, только где-то далеко слышался гул моторов. В липкой грязи партизаны выкапывали ячейки — устраивались. Героические труженики войны, они создавали себе неприхотливые удобства, не думая о том, кому из них суждено сегодня же остаться на этой нерадостной земле.

Около одиннадцати часов со стороны населенного пункта Равенство появилась первая цепь немцев. В тумане маячило и расплывалось множество людей. Откуда-то из молочной мути ударили пушки, и разрывы стали кромсать землю между обороной и деревней. Цепь приближалась к обороне второго и первого батальонов.

Несмотря на грязь, солдаты шли быстро. Вот уже всего несколько метров отделяли противника от батальона Иванова, и тогда затрещали пулеметы партизан. Не обращая внимания на огонь, каратели бежали вперед, стреляя на ходу. Однако огонь автоматов и пулеметов пришивал их к мокрому полю. Теперь стрельбу вели два батальона. Ползая на животах в грязи, враги подняли крик, пытались окопаться, но, не выдержав губительного огня, поспешили скрыться и вскоре растворились в молочной мути тумана. А пушки били по деревне, по пространству между деревней и нашей обороной, по самой обороне.

Туман в этот день мог стать для нас и спасителем и

предателем. Он не позволял карателям корректировать огонь артиллерии, лишал их возможности ввести в бой авиацию, но он же и создавал для них возможность скрытных подходов и концентрированных ударов.

К полудню, когда стало понемногу проясняться, немцы повели наступление на участках всех батальонов. В Кузнецово отважно сражался взвод Николая Зайцева. Противнику удалось занять окраину деревни. Зайцев контратаковал врагов и восстановил положение. Почти дотемна он держался и оставил деревню только после того, как возникла опасность полного окружения.

Все новые и новые силы стягивал враг со стороны деревень Каблуково, Тархово, Сушково, Соболево. Не ожидая подхода танков, застрявших в весенней грязи, фашисты непрекращающимися атаками пытались сломить сопротивление партизан. Особенно ожесточенный натиск был на северном участке, где оборонялся четвертый батальон. Один за другим выходили из строя пулеметчики Новикова. Сам Новиков был ранен осколком снаряда в голову. Принявший команду комиссар Яцина тоже получил ранение в голову, а еще через полчаса участь командира и комиссара постигла начальника штаба, старшего лейтенанта Кондратьева. Принявший команду над батальоном помощник командира полка майор Пахомов также был ранен. Подкрепленный бойцами из третьего батальона, участок обороны Новикова героически держался дотемна. Одну за другой отбивали бойцы психические атаки противника.

Командир полка был в курсе каждой детали этого тяжелого боя. Сложность обстановки он понимал лучше, чем любой из нас. Резерв командира — полковая разведка — давно был брошен на наиболее опасный участок, работники штаба сражались в батальонах. Только два ординарца Гришина, грязные с ног до головы, пробирались от командира к батальонам с приказами и указаниями.

В ходе боя командир ободрял нас, указывал на просчеты, советовал или властно требовал. Короткими записками (их тоже можно отнести к его последнему резерву), обращенными к партизанам или командирам, он поднимал дух людей. Звездаеву он писал: «Держись, сын!». Иванову: «Хорошо, Сеня. Передай партизанам батальона спасибо». Новикову: «Передай кочубеевцам —

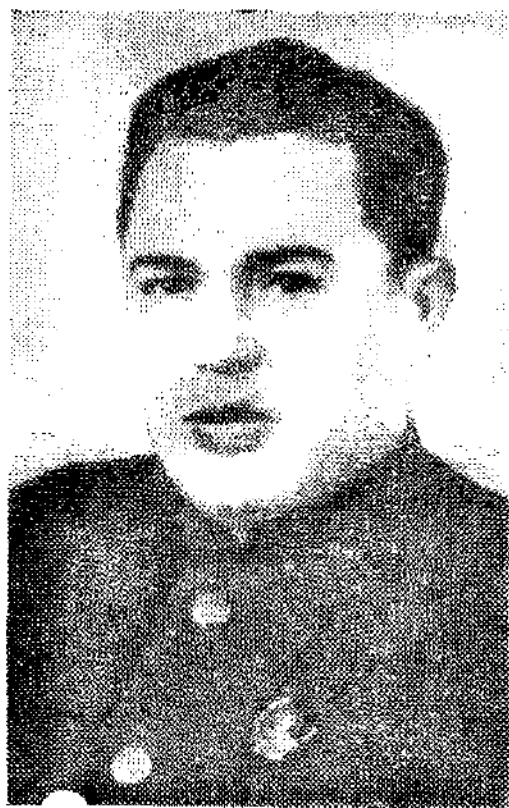
народ не забудет вашего подвига». Мне: «Поздравляю с первым успехом дня. Надеюсь, славу первого батальона не уроните. Держитесь!» От ячейки к ячейке передавались эти листки.

Под градом пуль, под вой снарядов по цепи батальонов пробирались в разных направлениях еще два человека — полный, внешне неторопливый, спокойный, наделенный мягким юмором комиссар полка Иван Арсентьевич Стрелков и секретарь партийной организации полка старший политрук Кардаш. Они успевали побывать всюду: и в батальонах на обороне, и у повозок, на которых лежали раненые, и в избе, где врач Дмитрий Заболотский оперировал тяжело раненных партизан.

Наступили сумерки. Над холмами и деревней начал сгущаться туман. Партизанская оборона ни в одном месте не была прорвана. И в это предвечернее время в дело вступили многоствольные реактивные минометы врага.

Для нас это было еще не знакомое оружие. Душераздирающий скрежет, а затем оглушительный взрыв и феерический разлет раскаленных добела осколков. Однако новое оружие не принесло нам больших потерь: стрельба была неточная, хотя на психику, признаться, действовала чрезвычайно тяжело. Партизаны долго вспоминали о впечатлении, произведенном первыми залпами реактивных минометов, окрестив их «скрипухами». На фронте же это оружие, как мы потом узнали, называли «скрипачом».

Враг не выполнил своей задачи: расчленил и уничтожить полк по частям. И, видя бесполезность продолжения атак, прекратил огонь. Потери у фашистов были необычайно велики. Но немецкие части не собирались уходить на отдых, как это было обычно по вечерам.

Комиссар партизанского полка И. А. Стрелков.

Охватив деревню почти замкнутым кольцом, они остались на месте.

Мы должны были вырваться из этого кольца. Еще днем было установлено, что низина, примыкающая к деревне с восточной стороны, покрыта водой, и немцы не вели атак с этого направления. У командира полка теплилась надежда на проход через низину. Конечно, можно было прорываться с боем и через кольцо окружения, но это — самый худший выход: у нас слишком много раненых и слишком устали люди.

В деревне наступила непривычная тишина. В штабе никого не было, только Гришин при свете коптилки сидел над картой. Кто-то постучался в дверь — раз, другой.

— Заходите, — не поднимая головы от карты, сказал Гришин.

В избу вошел пожилой колхозник. Гришин принял его за партизана.

— Почему без винтовки? — спросил командир.

— Прикажешь — возьму, товарищ командир.

Гришин поднял голову, посмотрел. Человек был незнакомый, с окладистой бородой.

— Как выходить думаешь, командир?

— Подумаем и выйдем. А вы что можете предложить?

— Надо идти через болото, я знаю его, проведу. Фамилия моя Саврасенко, Гавриил Лазаревич звать.

Гришин встал навстречу старику, крепко пожал руку. Усевшись за стол, они долго обсуждали, как лучше пройти через болото.

А полк готовился к походу. Тридцать погибших в бою партизан мы предали земле. Похоронили их в полной тишине, без салюта и, покидая оборону, выходили из деревни по ледяной воде болота.

Справа и слева от нас, вдоль лощины, горели костры. Немцы грелись или готовили ужин. Слышалось ржание лошадей, где-то вдали ревели моторы.

Казалось совершенно невероятным, что можно не заметить движения большой массы людей и повозок. И все-таки враг прозевал нас. Воспитанные на своей шаблонной тактике — воевать, пока светит солнце, фашисты не предполагали, что партизаны откажутся от отдыха и рискнут двинуться по ледяной воде непроходимого болота.

А мы шли и шли, до боли в висках сжимая зубы, с трудом переставляя коченеющие, отказывающиеся повиноваться ноги.

Перед утром полк вышел за кольцо блокады. Колхозник Гавриил Саврасенко совершил подвиг — он помог партизанам без боя выйти из окружения. Ни один немец не заметил нашего ухода из Дмыничей. Только несколько поломанных телег и саней, на которых мы переправили раненых, достались противнику в качестве трофеев.

Мы остановились в низеньком соснячке, чтобы немного отдохнуть, выжать воду из одежды. Остановились и потому еще, что дальше идти было некуда. Наступал новый день, обещавший быть светлым, солнечным. Но мы не радовались и солнцу. Хорошая погода была для нас сейчас опаснее всего — немцы поднимут авиацию.

Рано утром повторилась уже знакомая картина: каратели атаковали деревню, из которой мы ушли ночью. Эсэсовские генералы Полле и Гофгартен снова остались в дураках.

В стороне от нашей стоянки, по дороге на Дмыничи, тянулись новые и новые колонны немецких войск. Враг был близок, и бой мог начаться в любое время. Самолеты уже кружили над деревнями на севере и востоке от нашей стоянки. Они искали исчезнувших партизан. Из нашего ненадежного укрытия мы видели, как немцы собирались на дороге маленькими группками, толкались и подпрыгивали, чтоб не замерзнуть на резком ветру. А мы и этого не имели права себе позволить. Заняв круговую оборону в молодом соснячке, мы не могли подняться без риска быть обнаруженными.

Проходило время, партизаны мерзли на опушках леса, а перед ними на дороге стояла колонна в несколько сот человек. И Гришин, верный своей тактике дерзких вылазок, несмотря на огромный риск, приказал мне выдвинуть по кустам к дороге все пулеметы батальона и обстрелять плотную массу карателей.

Внезапный шквальный огонь двадцати двух пулеметов накрыл беспечно скопившихся на открытом месте гитлеровцев. Паника была страшная. Считая, очевидно, что на них по ошибке напали свои, каратели даже не сопротивлялись. А когда окрыленный успехом батальон бросился в атаку, они бежали без оглядки. В наших ру-

ках оказалось много подвод, груженных боеприпасами и продовольствием. Полсотни трупов остались свидетелями происшедшего. Батальон потерял одного партизана, двоих ранило.

Вскоре появился разведывательный самолет. Он развернулся над лесом и сбросил небольшие бомбы, затем долго кружился, обстреливая лес. Когда он улетел, мы с тревогой ждали штурмовиков. Но они больше не появились: дела на фронте у немцев складывались плохо, и авиации, видимо, в этот день было не до партизан.

Вечером, когда холодное солнце закатилось за горизонт, по лесу открыла огонь артиллерия. Но ни один снаряд не причинил нам вреда. Построившись колонной, полк стал на марш и под прикрытием наступившей темноты двинулся дальше.

МОСТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ездорожье снова лежало на нашем пути. Тяжело было идти после нелегкого боя, тягостного перехода по болоту и тревожного дня вблизи двигавшихся колонн врага. Запряженные парами лошади натужно тянули повозки и сани, потому что телег не хватало. У многих партизан вместо сапог были одни портянки, замотанные веревками и парашютными стропами. Теперь, когда идти приходилось по мерзлой и колючей земле, эта

«обувь» отказала, и люди шли босиком.

На рассвете полк оказался в деревне Юрово. Здесь мы узнали, что мост через реку Ластовку у села Волкова разрушен и никакой переправы через вышедшую из берегов реку нет.

Опять создалось очень трудное положение. Полк

находился в остром углу треугольника, образуемого реками Ластовкой и Упокоем, а по его пятам уже двинулись крупные силы. Времени для размышлений не было. И тогда Гришин решил оставить в Юрове третий и четвертый батальоны для прикрытия, первому батальону войти в Волково и строить переправу через реку, а второй оставить в резерве. Штаб полка, госпиталь и полковая разведка шли с первым батальоном.

Солнце еще не поднялось, когда мы приступили к постройке переправы. Для строительства моста использовали два колхозных сарая. Они немедленно были разобраны, и работа закипела.

Несмотря на холодную воду, на то, что течение разлившейся реки сбивало людей с ног, опоры моста быстро росли. На помощь партизанам пришли из деревни местные жители. Через час были переброшены и закреплены на козлах и берегах толстые длинные балки, затем начался настил бревен и скапывание берегов. Работа быстро продвигалась.

Но тут появились два легких немецких бомбардировщика. Пронесаясь на бреющем полете, летчики обстреливали нас из пулеметов и сбрасывали мелкие бомбы. Мы не могли и головы поднять.

Потом загремела артиллерия, послышался гул моторов и треск пулеметов со стороны Юрова. Противник сблизился с заслоном, прикрывавшим строительство переправы. Два батальона сдерживали натиск пехоты. Подходили танки. Командир полка послал батальон Иванова на окраину Волкова, чтобы прикрыть отход третьего и четвертого батальонов: не выдержав натиска, они начали отходить к недостроенной переправе.

Нам пришлось пренебречь опасностью и продолжать работу под обстрелом самолетов. В это время немецкая артиллерия перенесла огонь на деревню, и снаряды стали ложиться вблизи переправы.

Мост вырастал на глазах, но он не был окончен, когда на смену расстрелявшим патроны самолетам прилетели два новых «юнкерса». Бомбы сыпались сериями и в одиночку. Все чаще взмывали вверх фонтаны воды и торфяной почвы. Убитые и раненые падали в воду, но работа не прекращалась. Каждый знал, что промедление — смерти подобно.

Командир роты Алексей Макаров работал за двоих.

Он то таскал и укладывал бревна, то отдавал команды. Ни близкие разрывы бомб, ни обстрел с самолетов не заставили его лечь. Каждую минуту рискуя жизнью, бойцы не отставали от Макарова. Так же держали себя командир роты Матяш, политруки Степанов и Алексеев, комиссар батальона Гордиенко. Это была проверка выдержки каждого командира, каждого бойца в минуту, когда партизанский полк стоял на грани гибели.

Мост был готов как раз к моменту, когда перед деревней появились отступавшие от Юрова партизаны.

Реку перешел первый батальон. Рота Матяша немедленно залегла на противоположном берегу по краю кустарника для прикрытия отхода полка. По прогибающемуся и танцующему под ногами настилу пошел обоз, который до сих пор стоял рассредоточенный у построек деревни. Самолеты, израсходовав боеприпасы, улетели на заправку, и это облегчило наше положение.

Иванов вел бой у окраины деревни. Уже горели постройки, подожженные снарядами. Пламя растекалось по немецкому танку, прорвавшемуся в Волково и подбитому из ПТР.

Но вот снова появились самолеты, и снова загудела земля от рвущихся бомб, а хлипкий мостик стоял, покачиваясь от напора воды, от топота сотен человеческих ног, от воздушных волн рвущихся вблизи бомб.

И тут на глазах партизан произошло почти невероятное. Помощник командира взвода первого батальона Степан Гапеев, пристроив противотанковое ружье на суку молодой березы, прицелился в спускавшийся в пике самолет. Выстрел, другой, третий — и «юнкерс» задымился на взлете. Летчик, взмыв вверх, круто развернулся и камнем стал падать на переправу. Сбить пламя фашистскому пилоту не удалось. Он вышел из пике и полетел в сторону Юрова, плавно размахивая увеличивавшимся с каждой секундой шлейфом дыма. Это было возмездием за гибель товарищей на переправе. Степа Гапеев стал героем тяжелого дня.

С последним взводом батальона Иванова перешел переправу командир полка. Политрук роты Алексеев, оставленный мной у переправы с группой партизан, пропустил всех и заложил на середине моста заряд тола. Подрывник Петр Пахомов, отползая, разматывал шнур, соединенный со взрывателем, а немцы, поливая

еще не втянувшихся в лесок партизан огнем пулеметов, бежали по лугу к переправе из занятой ими деревни. Снаряд за снарядом посылали танки по лесу и по берегу, где залегла группа прикрытия Матяша. Их оказалось больше, чем можно было предполагать.

Вот уже через мост перескочило несколько немцев, пулеметы срезали их на нашей стороне. Потом на мосту появилось еще до десятка самых отчаянных фашистов. Мост все еще был цел! Пахомов, тяжело раненный, собрался с силами, натянул шнур, и только тогда мост, спасший большинству из нас жизнь, взлетел на воздух. По реке поплыли бревна, а вместе с ними убитые и раненные фашисты.

Врагу не удалось утопить партизан в холодной и такой неласковой Ластовке. Выход из отчаянного положения на какое-то время был найден.

Госпиталь и обоз уходили в глубь леса, батальоны занимали оборону по опушкам, а командиров мучила мысль: будут ли немцы строить переправу? Но нет, они не стали этим заниматься, а долго обстреливали лес из орудий, бомбили с самолетов и лишь перед вечером ушли из Волкова.

Впрочем, это никогда не означало, что нас оставили в покое. С юга и востока деревни были заняты противником, с севера и запада от нашего расположения протекали те же бурные реки Ластовка и Упокой. Но хорошо, что наступила хоть какая-то передышка.

Перед вечером под густой елочкой командир полка созвал совещание. Комбаты настаивали на уходе из района непрерывных боев на юг, на территорию Брянщины или Белоруссии. Гришин зачитал радиogramму: «...продержаться несколько дней в районах юго-западнее Смоленска... Усиьте удары по врагу... Сообщите площадку для выброса груза. Архангельский».¹

А солдатам положено стоять там, где им определила место война.

¹ Только после войны мы узнали, что наше пребывание в районе западнее Починка и радиogramмы, запрещавшие уход отсюда, были вызваны тем, что намечался удар частей Красной Армии из района Спасс-Деменска на Ельню и Починок. Наша задача должна была состоять в захвате аэродрома в районе Починка и разгроме штаба 4-й армии врага. Видимо, были причины, по которым этого удара с фронта не последовало, и нам не пришлось осуществлять свою задачу.

Началось обсуждение обстановки и предстоящего марша. Теперь вся немецкая группировка была сосредоточена на юго-востоке от нашего маленького лесного убежища. Возвращаться через Волково на запад, чтобы пойти обратным маршрутом, нельзя — нет моста, а строительство его займет всю ночь; в Юрове, миновать которое невозможно, стоит та же группировка, которая не прорвалась через Ластовку. Выход на север отрезан широко разлившимся Упокоем: река вышла из берегов, залила луговую пойму и стала непреодолимой преградой.

Пока командиры обсуждали возможности выхода из полуокружения, взвод Ткачева искал переправы. С нами не оказалось ни одного жителя из окружающих деревень, с кем можно было бы посоветоваться о глубине и берегах реки. Но разведчики вплавь на конях переправились через Упокой и заняли свободную от противника деревню Чистяки. Здесь Ткачев узнал, что на реке имеется мостик, только его не видно — он покрылся полой водой.

Женщина, сообщившая об этом, немедленно была посажена на коня и, ориентируясь по памяти, провела разведчиков в полк по невидимому мосту.

Когда Ткачев докладывал об этом, мы сидели изумленные. Не верилось, что сама собой отпала такая трудность. На выручку партизанам, как в сказке, приходил добрый волшебник — народ и спасал их от неминуемой беды.

Подразделения немедленно пошли к переправе. Головным шел третий батальон, за ним госпиталь, обоз. Вода у въезда на мост доходила лошадям до крупа. В воде, как живой коридор, стояли партизаны — «маяки», обозначая путь спасения. Тела коченели, ноги сводила мучительная судорога. Посредине реки несколько повозок, запряженных беспокойными лошадьми, сорвалось. Людей спасли, а лошади, запутавшиеся в упряжи, пошли ко дну.

Как только переправили третий батальон, рота лейтенанта Анатолия Матвеева была на всякий случай выведена на противоположный край деревни для прикрытия переправы. Эта мера предосторожности, как всегда, оправдала себя.

В конном строю к деревне Чистяки беспечно ехал

патруль карателей. Отделение это или взвод, определить в темноте невозможно. Ясно, что противнику и в голову не приходило, что мы можем оказаться в Чистяках. Партизаны Матвеева залегли у крайних домов. На фоне светлой полосы на горизонте четко вырисовывались силуэты всадников. Подпустив конников поближе, рота открыла дружный огонь. Лошади шарахнулись, выбивая из седел всадников. В темноте рассыпались в разные стороны конные и спешенные каратели.

А переправа продолжалась еще долго. За госпиталем пошли батальоны. «Маяки», обозначающие дорогу, сменялись каждым подразделением.

Переправа не обошлась без смешных и досадных случаев. Уже после того как по приказу командира полка весь командный состав передал своих лошадей для раненых, политрук Алексеев подобрал плохонькую лошадедку, которая не годилась в обоз, и не расставался с ней. Переезжая через реку, он посадил в седло Пашу Данченко, а сам пристроился на крупе своей клячи. На самой середине моста лошадка обнаружила вдруг свой вовсе не безропотный нрав. Она заупрямилась, рванулась в сторону, сбила стоящего на краю моста партизана и увлекла за собой двух примостившихся на ее горбу всадников. Через несколько мгновений все вынырнуло. Лошадь поплыла к берегу, а трем людям, принявшим ледяную ванну, помогли выбраться на мост.

К полуночи полк переправился.

Так бесславно закончилась карательная экспедиция, возглавлявшаяся двумя фашистскими генералами.

Героизм и самоотверженность партизан, бескорыстная помощь местного населения, которое не меньше нас люто ненавидело оккупантов, спутали все расчеты фашистских генералов. Когда им казалось, что до окончательного разгрома полка остались считанные часы, у Гришина появился колхозник Гавриил Саврасенко и заявил: проведу партизан через непроходимое болото. И провел! Безвыходным казалось положение, когда потребовалось форсировать широко разлившуюся речку Упокой. И в деревне Чистяки нашлась безвестная женщина, указавшая разведчикам мост, скрытый под водой. Что же касается личной боеспособности и самоотверженности партизан, то их нельзя и сравнивать с боевыми и моральными качествами фашистской солдатни.

АНТИФАШИСТ ФРИДРИХ БРАУНГОЛЬЦ

боях и походах этих недель не раз отличился наш «язычок», а затем партизан Фридрих Браунгольц. До выхода за Днепр он находился в обозе конной разведки. Рана его быстро зажила, и он стал ездовым.

В бою у деревень Брюханово и Ширково Гришину пришлось бросить в помощь Звездаеву и Иванову спешенных конников. Когда Гусаров повел разведчиков в тыл карателям, Федя, как теперь с легкой руки Гордиенко, все на-

зывали немца, попросил командира дать ему оружие и разрешить идти с разведчиками. Но то ли не было в группе запасных винтовок, то ли Гусаров не до конца еще доверял немцу, но в оружии он ему отказал, хотя в разведку и взял.

Разведчики сблизились с противником и открыли огонь по его цепи. В это время земля уже стала жидким месивом, и сошки пулемета после двух-трех очередей по самый ствол погружались в грязь. Пулеметчики либо не видели цели, либо должны были стрелять с рук, что, конечно, снижало эффективность огня. Видя это, Федя подскочил к пулеметчику Василию Кислякову, плашмя бросился на землю и жестом показал, чтобы пулемет ставили ему на спину. Отстрелявшись, пулеметчик делал перебежки, а Федя, опережая его, снова ложился на землю в качестве своеобразной подставки для пулемета.

Закончился бой, и разведчики возвратились в деревню, где стоял госпиталь и штаб полка. Федя пошел к врачу, разделся и попросил сделать ему перевязку. Белье и френч его были залиты кровью, на теле зияли глубокие ссадины, вся спина была черная, как чугун, с синим оттенком. Какую же волю нужно было иметь, чтобы терпеть адскую боль от вливающих в тело сквозь тонкую

шинель и френч концов сошек пулемета! Человек с глазами ребенка оказался бесстрашным воином, таким его сделала война!

На другой день Феде без колебаний вручили оружие.

Полк по-прежнему нигде не стоял. Если не нападали на него, он наносил удары сам.

Однажды после боя мы штурмом заняли деревню Дуравки и простояли в ней до вечера. В этот день с Федей произошел любопытный случай.

Еще в Дмыничах мне пришлось наблюдать Браунгольца в бою. Перед началом первой атаки Федя стоял у небольшого сарая, с которым соприкасалась оборона нашего батальона.

Видя, как он выбивает бревно из полусгнившего угла, чтобы стрелять стоя, с упора, я помахал ему рукой и, припоминая его слова о том, что он не будет стрелять в рядовых немцев, сказал:

— За туманом, Федя, не различишь — вместо фашиста-офицера камрада убьешь.

Безнадежно махнув рукой, Федя продолжал прилаживать винтовку на уровне плеча. В течение жаркого боевого дня вокруг сарая рвались снаряды, несколько раз начинала дымиться, не загораясь, мокрая солома крыши, а Федя стоял во весь рост за углом и посылал пулю за пулей в наступающих фашистов.

В первом затишье после атаки он сказал мне: — Геноссе командир, цвай наци капут, — и показал два пальца.

Вечером, когда бой уже затихал, немцам все же удалось поджечь сарай, и Феде пришлось перебежать в маленькое углубление вблизи моего КП, расположенного в заброшенной силосной яме. Возбужденный, забрызганный грязью, он окликнул меня и почти радостно, показав всю пятерню, проговорил:

— Фюнф наци капут!

— Слишком много офицеров шло на тебя!

— Нихт официрен, нур зольдатен!

Теперь он уже не разбирал, в кого стрелял — все немцы были его врагами.

В Дуравках, где партизаны занимали оборону, Браунголец, ходивший теперь с трофейным автоматом, за-

шел в крайний дом и попросил у хозяйки молока. Женщина вначале приняла его за переодетого партизана, но, видя, что он ничего не понимает и лопочет не по-русски, быстро подала крынку молока и кусок хлеба, а когда Федя принялся за еду, схватила его автомат и закричала: «Руки вверх, фашист поганый!»

Немец обалдел. Поставил крынку на стол, поднял руки.

— Их бин партизан, партизан! — пытался внушить он хозяйке.

— Знаю я тебя, черта рыжего! Вчера у меня последнюю курицу забрал. Марш на улицу!

И женщина повела Федю по улице с поднятыми вверх руками. Смущенный, он пытался изобразить на лице подобие улыбки и покорно шел впереди нее.

Трое партизан выскочили из-за угла, чтобы помочь женщине доставить «языка» в штаб. Узнав Федю, они покатались со смеху, а недоумевающая женщина широко раскрытыми глазами глядела то на немца, то на партизан. Наконец, она закричала:

— Что ржете, как жеребцы? Берите его и ведите к командиру!

— Отпусти его, тетя, это наш — партизан.

— Да он же всех кур вчера в деревне переловил.

— То был другой, наш не ест курятину! — шутили партизаны.

— Черт вас тут разберет! — Женщина бросила автомат на землю и ушла.

Так вторично был взят в плен смолячкой из деревни Дуравки Фридрих Браунгольц. В полку над этим случаем долго смеялись, а больше всех — сам Федя-немец.

Но это только смешная деталь из партизанской жизни антифашиста Браунгольца. Чувствуя естественную настороженность партизан, хотя они давно уже ему поверили, Федя во всех боях и разведках старался быть впереди. Он радовался, когда после боя товарищи ободряюще говорили ему: «Гут, гут, Федя».

— Нихт гут. Карашо, карашо, — поправлял он ребят и сам весело смеялся над тем, как трудно дается ему русский язык.

Помню такой случай. В небольшом лесочке, который почему-то по-местному назывался Кобылкиным болотом, немцы окружили полк и с помощью двух самолетов, —

в какой уж раз! — пытались его уничтожить. В последней контратаке партизаны первого батальона захватили двух пленных. Узнав об этом, Федя прибежал на оборону батальона и попросил встречи с «дойч зольдатен». Я повел его к повозкам в глубине леса, где под охраной находились уже допрошенные в штабе полка каратели.

Увидев трясущихся от страха и холода своих соотечественников, Федя с жаром стал с ними объясняться. По всему было видно, что фашисты никак не ожидали встретить среди партизан своего. На их лицах было недоумение, испуг, и... презрение. Они долго молчали, затем оживились и стали задавать Браунгольцу вопросы. Федя что-то терпеливо объяснял им, затем стал волноваться, сердиться. Похоже, что немцы не желали его понимать, они говорили, что он предал германский народ и фюрера. Тогда он достал из обшлага своей немецкой шинели портрет Ленина, вырванный из какого-то журнала, и, указывая на него, вновь горячо заговорил о позоре, в который ввергли фашисты их отечество, о Тельмане, о русских женщинах и детях, которых они, немцы, убивают... Он призывал солдат повернуть оружие против фашистов. Не дождавшись конца этой затянувшейся беседы, я сказал часовому: «Пусть побеседуют, не мешай им», а сам пошел к командиру полка.

Было уже темно, каратели, не добившись своих целей, снялись и ушли с высот, окаймлявших лес, а наши батальоны строились к маршу. Я пробирался кустами, когда передо мной как из-под земли вырос Федя.

— Ну, как? Остаются с нами эти пленные? Можно им доверять?

— Нихт можно, ни можно! — замахал руками Федя. — Они есть наци, нихт гут!

— Что ж, придется подождать, — сказал я. — Отправить их в советский тыл пока мы не можем.

— То есть война, — сокрушенно развел руками Федя.

А через день или два я вновь встретил Браунгольца. Он был чем-то явно опечален. Я спросил, что случилось.

— Дойч зольдатен наци... — Он не нашел нужного слова и лишь pokrutil пальцем у своего виска, желая, видимо, сказать, что те пленные немцы не отдают себе отчета в собственном положении. И видно было, что Федя искренне переживает то, в чем виноваты были другие

немцы и чего он не мог бы предотвратить даже ценой собственной жизни.

Браунгольцу не суждено было дожить до победы над фашизмом и возвратиться к матери и сестренке в Германию, в небольшой городок Ануфэ. Провоевав с нами вместе три месяца, он героически погиб в окопах вражеского гарнизона, куда ворвался в числе первых партизан. Не случись этого, он мог бы сделать еще много полезного. Само его пребывание в полку имело огромное значение. В глазах партизан, да и не только партизан, а и мирных жителей районов, где мы воевали, такие люди, как он, или другой сын немецкого народа Фриц Шменкель — партизан из смоленского отряда «Смерть фашизму», или Франц Стеег — партизан из полка Садчикова и сотни других немцев, повернувших оружие против фашизма, — такие люди спасали честь немецкого народа. Они доказали, что не все немцы убийцы.

Подвиг Фридриха Браунгольца знаменателен не только тем, что этот солдат храбро сражался против, как он говорил, наци — своих соотечественников, сознание которых было оболванено фашистской пропагандой. Он свидетельствует и о том, что ни свирепыми репрессиями, ни ядом нацистской идеологии, ни мелкими подачками за счет ограбления народов почти всей Европы Гитлеру не удалось добиться того, чтобы весь германский народ встал на его сторону и пошел бы с ним до конца, несмотря ни на что. В этом — и одна из причин бесславного краха германского фашизма. Не случайно фашистские солдаты, попав в плен на фронте или в тылу, нередко мало отличавшемся для них от фронта, почти всегда произносили одни и те же слова:

— Гитлер капут!

Браунголец был не единственным иностранным антифашистом в полку «Тринадцать». Во втором и третьем батальонах до 1944 года активно сражались с фашизмом шесть поляков, а в созданном впоследствии пятом батальоне были итальянцы и французы. Все они, насильно мобилизованные в гитлеровскую армию, служили, как правило, в тыловых хозяйственных или технических частях и при первой возможности переходили к нам, чтобы воевать вместе с советскими партизанами. Так, сражаясь на чужой земле, они приближали день освобождения от нацизма и своих стран.

аконец, Гришин получил долгожданное разрешение на выход в Белоруссию, в район «Темного леса», который привлекал нас на топографических картах густыми зелеными массивами. «Темный лес» примыкал к железной дороге Кричев — Орша и, следовательно, объектов для применения партизанских сил там было достаточно. Путь предстоял не ближний, впереди нас ожидала неизвестность, но все мы радовались, потому что дальше

оставаться в небольшом, лишенном лесов районе южнее Смоленска, где размещались немецкие штабы группы армий «Центр» и войск охраны тыла центрального направления, было очень тяжело.

Мы надеялись еще вернуться на Смоленщину. Нас связывало с нею не только рождение нашего полка, но и могилы товарищей, оставшихся в смоленской земле.

Стояла темная апрельская ночь. Черные тучи сплошной пеленой покрывали небо. Сырой, пронизывающий ветер дул в лицо. Через поля и раскисшие луга, с трудом вытаскивая ноги из грязи, двигалась колонна партизан. Шли молча, напрягая силы. Ни голосов, ни огонька самокрутки, только чавканье слякоти да легкий скрип телег.

Вторые сутки полк двигался на юг. Он выскочил из заколдованного круга, где почти в течение месяца продолжались кровавые бои. Однако карательная экспедиция, не отставая, преследовала нас.

Последние деревни Смоленщины — Танцы и Палом — заняли при свете дня. Первый батальон остановился в Танцах, в Палом прошли остальные.

Пока мы с Сергеем Скворцовым осматривали местность и распределяли секторы обороны, командиры рот разводили бойцов по квартирам: по десять-двенадцать человек в избу. Усталые, мокрые, заляпанные грязью

люди ложились на пол, на лавки и мгновенно засыпали.

В этот день, как и во многие другие беспокойные дни весны 1943 года, партизанам не пришлось отдыхать.

Сегодня, когда то грозное время уже кажется далеким прошлым и все мы заняты мирным трудом, нас самих поражает, как могли мы без сна, без отдыха, без минуты покоя, при постоянном чудовищном нервном напряжении, неделями и месяцами держаться на ногах. Но тогда... Тогда мы ни о чем таком не задумывались: не было для этого времени.

Уже через час после остановки на отдых дежурный наблюдатель, примостившийся на крыше сарая, сообщил дневальному у штабной избы о движении, замеченном им в соседней деревне.

Оперативным дежурным был Николай Иванчиков, удивительно спокойный и уравновешенный уралец.

Через тела разметававшихся на полу партизан он пробрался ко мне, осторожно растолкал и, виновато улыбаясь, доложил:

— Товарищ командир, в соседней деревне накапливается противник. Со стороны Шамова подходят колонны пехоты и большой обоз. Прикажете объявить тревогу или поднять дежурную роту?

Голос Иванчикова звучал глухо, как из подземелья. В моих глазах лицо его расплывалось, словно в запотевшем стекле. Кто недосыпал неделями или по несколько суток подряд не смыкал глаз, постоянно находясь в обстановке боя или преследования, тот знает, какой тяжелой может быть собственная голова! Она, словно чугунная гиря, тянет вниз, и нервы вздрагивают, как натянутые провода, будто пропускают через себя электрический ток, и тяжелые веки непроизвольно закрывают глаза. В такие минуты даже личная опасность как-то не воспринимается, и только сознание долга и ответственности за людей заставляют стиснуть зубы и гнать от себя предательское оупение.

Наспех поправив ремни и сбившийся на живот маузер, встряхивая головой, будто это может избавить от усталости и сна, я вместе с дежурным вышел на улицу.

С крыши было хорошо видно, как каратели подтягиваются, сосредоточиваются на исходных пунктах. Противник, не скрывая своего намерения, открыто установ-

ливал орудия и минометы, обращая их в нашу сторону. Наступление готовилось с двух направлений.

Боевая тревога привела батальон в готовность. Пока партизаны выходили из домов, я написал короткое донесение Гришину.

Роты занимали свои заранее определенные места. Опять шли бойцы в разные стороны от деревни, захватив с собой пуки соломы или сена, чтобы не лежать в грязи. О боях этой весны партизаны говорили в шутку, что деремся с подстилкой.

В десять часов утра противник открыл артиллерийскую стрельбу. Один из первых снарядов угодил в соломенную крышу сарая, с которого я наблюдал за наступающими карателями, и, пролетев через трухлявую кровлю, с надрывным треском лопнул внутри. Взрывной волной крышу приподняло и с шумом опустило. Я кувыркнулся вниз, в нарастающий сугроб. Вспыхнул пожар. Пришлось поспешно оставить замеченный противником наблюдательный пункт.

Вслед за пристрелочными выстрелами первого орудия деревня была подвергнута обстрелу из нескольких пушек и минометов. Языки пламени зазмеились по крышам крестьянских построек. Гитлеровцы пошли в атаку. Они бежали по открытому месту во весь рост.

Деревня, из которой наступал противник, находилась всего в километре от партизанской обороны. Очень скоро цепь врага оказалась в двухстах метрах от нас. Нас разделяло лишь вспаханное с осени поле. Теперь немцы двигались шагом, с трудом вытаскивая ноги из непролазной грязи, и вели беспорядочный, неприцельный огонь в сторону затаившихся по складкам местности партизан.

Когда расстояние между наступающими немцами и нами сократилось до ста-ста пятидесяти метров, партизаны открыли огонь. Пули хлестнули по вражеской цепи. Как обычно в таких случаях, какое-то мгновение длилось замешательство. Потом повторилось то, что было нам давно знакомо: поняв, что их накрыли на ровном месте, немцы, уцелевшие от первых выстрелов наших пулеметчиков и автоматчиков, залегли в липкую грязь пашни. Прицельный огонь наш был губителен. Укрыться фашистам было негде, ползти назад почти невозможно. Но они все же поднимались и бежали по рав-

нине и, настигаемые очередями пуль, ничком тыкались в землю.

Многие гитлеровцы не вернулись из этой атаки.

Мы очень хорошо знали возможности противника, чтобы преувеличивать этот успех. К тому же ушло много патронов, а подобрать брошенные и оставшиеся на убитых врагах боеприпасы и оружие не позволял усилившийся артиллерийский обстрел с той стороны.

Вскоре обстановка еще более осложнилась. С противоположного участка обороны командир роты Макаров сообщил о концентрации противника в деревне, расположенной в трех километрах. Вокруг батальона создавалась подкова с очень узкой горловиной.

Артиллерия продолжала обстрел деревни и нашего расположения. Теперь нельзя было заранее предугадать, откуда начнется атака и на каком участке будет наноситься главный удар.

— Хорошенький, наверное, джаз приготовили нам немцы. Деревня подходящая — Танцы, — проговорил Михаил Чапаев, вычерпывая котелком воду из своей щели.

— Ты, Миша, «русскую» хорошо пляшешь, а немец обучит тебя западным танцам, — отозвался на шутливое замечание Чапаева пулеметчик Андрей Данилов.

— Это еще как сказать! Вон под нашу камаринскую сколько их станцевало в могилу, — вмешался Кардаш. — Готовьтесь, хлопцы, пусть еще попляшут!

В деревне догорали подожженные снарядами дома. Политруку роты Степанову со взводом Горелова удалось спасти от пожара несколько хат, но под непрерывным обстрелом огонь трудно было погасить.

Бой боем, тревога тревогой, а солдатский организм требует «подкрепления». Несмотря на обстрел деревни и пожары, в хатах на каждый взвод готовился обед. Старшина батальона Тумас с группой партизан переносил чугуны из домов, которые не удалось отстоять от огня, в другие и под обстрелом варил картошку. А потом, лавируя между разрывами, бойцы разносили в ведрах дымящуюся картошку и по куску черствого хлеба из неприкосновенного запаса. Почти не было соли, однако это не мешало очищать содержимое ведер. «Подкрепление» в бою стало делом обыденным, а отсутствием аппетита партизаны не страдали.

Гитлеровцы не торопились с наступлением. Утренняя их попытка, очевидно, была инициативой какого-нибудь мелкого фюрера, желавшего отличиться перед высоким начальством. Но атаки мы ожидали с минуты на минуту.

Еще утром по приказанию командира полка повозки с ранеными были отправлены в деревню Палом, батальон оставался на месте налегке. Вокруг Палома также сосредоточивались силы противника, но стоявшие там батальоны еще не вступали в бой, хотя и выйти на помощь первому батальону не могли.

До вечера оставалось много времени, солнце, показавшееся из-за туч, стояло высоко, а нам необходимо было, как всегда, продержаться дотемна, чтобы под прикрытием ночи идти дальше на юг, к лесам, которые обеспечили бы нам хоть кратковременную передышку.

К двум часам дня немцы закончили подтягивать силы и повели наступление на батальон с трех сторон. Противник сразу обнаружил свое намерение окружить деревню Танцы, отрезать батальон от основных сил полка, уничтожить его и тем самым создать очень выгодные позиции для наступления на Палом.

Зная по опыту прошлых боев тактику карателей, я заранее выслал два взвода на высоты северо-восточнее и юго-восточнее деревни. Они получили задание не допустить фланговых обходов и полного окружения батальона, чтобы в случае крайней необходимости мы могли отойти.

Перед самой атакой немцы усилили артобстрел нашей обороны. Под прикрытием артиллерии они пошли на сближение с нами. Когда расстояние между наступающими и обороняющимися сократилось до разлета осколков рвущихся снарядов, огонь артиллерии был прекращен. Завязался жаркий бой. Прижатые нашим огнем к земле, каратели, однако, не побежали: для них не было секретом, что у нас мало боеприпасов.

В цепи немцев оказалось несколько предателей из местного населения.

Эти выродки истошно кричали о нашем «фанатизме», о нашей «обреченности», призывали партизан прекратить «бесполезное сопротивление».

На участке взвода Николая Зайцева немцы на бронетранспортере пытались прорваться в деревню с тыла. Помощник командира взвода Григорий Синдеев с тре-

тнего выстрела противотанкового ружья поджег машину. Фашисты испугались взрыва баков с горючим и, пользуясь дымовой завесой, стали отходить к своей цепи. Ветер крутил черный столб дыма, рвал его в клочья, обнажая удирающих немцев.

Почти четыре часа, не переставая, работали пулеметы с обеих сторон. Мы несли потери главным образом от артиллерийского и минометного огня. В батальоне были убитые и около двадцати раненых.

Враг понимал, что мы решили держаться до темноты, и часам к шести, не считаясь с потерями, усилил натиск, торопясь во что бы то ни стало если не уничтожить, то вытеснить нас из деревни до ночи.

Стремясь по-прежнему окружить деревню полностью, немцы особенно нажали на фланги.

Взвод Ивана Сафонова, несмотря на то, что половина людей была ранена и отправлена с позиций, героически удерживал высоту севернее деревни, не позволяя сомкнуться кольцу наступающих. По моей просьбе командир полка усилил его за счет батальона Звездаева.

Патронов оставалось все меньше. Раненых с каждым часом — больше. Зная об этом, командир полка выслал прикрытие и приказал оставить деревню. Приказ совпал с наступлением темноты. Но и на этот раз немцы изменили своему правилу — воевать, пока светит солнце. Они решили ворваться в Палом в любое время и любой ценой.

Когда я с последним взводом выходил из Танцев, фашисты бежали по улицам деревни с противоположного ее конца. Не прекращая огня, наши роты отходили по ложине, залитой водой.

Командиров рот Матяша и Макарова я предупредил о необходимости занять оборону по высотам и лугу перед деревней Палом, иначе противник действительно мог легко осуществить свое намерение и ворваться в деревню, где стоял громоздкий обоз с ранеными.

Ночь наступила быстро. В одном километре от нас догорали подожженные дома оставленной деревни. На фоне огня хорошо была видна движущаяся за нами цепь карателей. Они же, двигаясь от света в темноту, нас видеть не могли, и, полагая, что мы ушли далеко, ослабили огонь.

Цепь батальона залегла на лугу и ждала команду. Мне показалось очень выгодным контратаковать карателей. По цепи батальона была подана команда: подготовиться к контратаке. Бойцы лежали, словно срослись с землей; до приказа не было сделано ни одного выстрела.

Я лежал на стыке первой и второй рот батальона. На нас двигалась большая масса солдат. Была ли это рота или батальон, я не мог сказать, но это была не одна сотня карателей. Яркое пламя над деревней позволяло различить, что шли они плотно, сливаясь в сплошную движущуюся стену. Мокрый луг чавкал под тяжелыми сапогами, слышался многоголосый говор. Кто-то на русском языке неоднократно повторял:

— Удрали, удрали, бандиты.

Хотя я верил в психологический эффект от неожиданной встречи огнем в упор из темноты, но настроение было неважное. Мне не знакомо чувство полного безразличия к опасности, которое почему-то иногда выдают за храбрость. Я убежден, что перед боем робеет каждый. Но не каждый трусит. Храбр тот, кто силой воли заставляет себя быть смелым. При виде надвигающейся массы врагов я мог бы определить свое самочувствие словом «жуть». Оно неизбежно овладевает человеком в предвидении рукопашной, и уже потом, в схватке, сменяется яростью.

Темные силуэты карателей напоминали полчища гигантских черных муравьев, поднявшихся на задние конечности, или чудовищных существ, выходцев из других миров, которых любят рисовать писатели-фантасты.

Все ближе и ближе надвигается лавина. Вот она уже на расстоянии гранатного броска. И только тогда, вскочив, я кричу во всю силу голоса.

— За Родину! Огонь! Вперед! Ура!

Двести пятьдесят человек в едином порыве, заглушая криками «ура» выстрелы своего же оружия, бросились на оторопевших врагов, которые не предполагали ничего подобного. Не видя партизан, они, должно быть, решили, что сам ночной мрак ошетинился против них. Цепь врага дрогнула, смешалась и кинулась назад.

«Ура!» Это многоголосое, всезаглушающее «ура!», боевой клич наших предков, продолжало служить нам, вызывая дух самозабвенного героизма и величайшего

душевного порыва. Тут, пожалуй, я впервые понял по-настоящему магическую силу этого слова, его способность поднимать бойцов на штурм и заглушать в них все, кроме желания победить.

Преследуемые невидимыми, несущимися с тысячеголосым кличем и поэтому кажущимися бесчисленными партизанами, гитлеровцы бежали, бросая оружие.

Бегством спаслись немногие из тех, кто непосредственно подвергся контратаке. Те же, кто в ночной темноте смешался с контратакующими партизанами или, воспользовавшись темнотой, пролежал на мокром лугу, спасли свою жизнь.

А мы, преследуя и уничтожая гитлеровцев, бежали по раскисшему лугу, цепляясь за кочки, падали, поднимались и бежали опять. Враг был частью уничтожен, частью рассеян, и мы заняли оставленную перед этим деревню.

Эта была первая в истории нашего партизанского полка ночная контратака против численно превосходящего противника. О ее итогах мы узнали спустя несколько дней: у немцев было около сотни убитых и раненых, они побросали много оружия, боеприпасов и даже весь конный обоз, не подвергшийся контратаке, потому что он двигался стороной. Мы очень жалели, что темнота не позволила нам воспользоваться столь богатыми трофеями. Но и то, что досталось нам в деревне, было не так уж плохо.

Спустя полгода несколько партизан, возвращаясь с задания из-под Смоленска, зашли в Танцы и Палом. Население рассказало им, что после ночного боя утром на лугу лежали убитые фашисты, в воде и грязи стонали раненые, валялись пулеметы и автоматы, котелки, ранцы и противогазы.

Ночной контратакой в деревне Танцы закончились бои гришинцев на Смоленщине. В трех километрах началась Могилевщина. На земле оккупированной врагом Белоруссии перед нами стояла та же задача — изматывать силы гитлеровцев, помогать Красной Армии освобождать Родину, приближать день окончательного изгнания фашизма с советской земли.

Немцы сократили численность карателей, но продолжали идти по пятам за полком. Нас не пытались уже окружать, но и не оставляли в покое. Создавалось впе-

чатление, что противник после потерь, понесенных в боях с полком, — восемьсот человек! — решил просто сковать действия партизан. Но это было не так.

Спустя несколько недель, когда «закрепленное» на эти дни за гришинцами подразделение карателей было разгромлено, выяснился замысел Полле и Гофгартена. Уже перед боем в Танцах основные силы экспедиции были переброшены в урочище Темный лес. Каратели не без основания полагали, что мы стремимся в этот лесной массив.

План противника был продуман в деталях. В лесу нас ожидало до пяти тысяч фашистов с танками и артиллерией. Сюда же были подтянуты три батальона из армии предателя Власова. Все северо-восточные опушки около деревень Курманово, Раздел, Глинье и Коптевка были заняты войсками.

Вблизи от леса с северо-восточной стороны протекает небольшая речка Ремествлянка. Чтобы войти в лес, нужно перейти эту речку, и немцы рассчитали, что ночью именно так мы и сделаем. А они в это время, идя за нами следом, займут деревни по правому берегу реки и все мосты, отрезав полку возможность отступления. С опушек ударит артиллерия, и массовой атакой пехоты и танков партизаны будут полностью уничтожены на открытом месте, при подходе к лесу.

Замысел противника был вполне реален. Нас ожидала серьезная, тщательно продуманная западня.

Мы двигались на юго-запад в направлении Темного леса. 22 апреля день провели в деревне Путяты. До леса оставался один переход. Несмотря на то, что по пути гришинцы разгромили несколько гарнизонов, в этот день нас не беспокоили. Противник даже не выслал разведку. По пути к лесу в ближайших от Путят деревнях немцев не было. Казалось, полк, наконец, оставили в покое.

Однако в середине дня в штаб пришла молодая девушка из деревни Багатовки и заявила, что «несметная сила» немцев ждет партизан в Темном лесу. Сообщение требовало проверки, а времени уже не оставалось. Девушка клялась, что она сама слышала от власовцев, проходивших вчера через ее деревню, что между рекой и лесом будут уничтожены партизаны, идущие в Темный лес. Ее больной отец, только что вырвавшийся из лагеря

военнопленных, послал дочь навстречу партизанам, чтобы предупредить о засаде.

Нужно было принимать решение. Гришин созвал комбатов и, разъяснив обстановку, приказал строиться, чтобы засветло выйти из Путят. Маршрут был изменен; полк пошел строго на юг, вечером без боя перешел дорогу Орша — Кричев, западнее станции Ходасы, и, пройдя около сорока километров, к утру занял деревню Долговичи. Темный лес и не дождавшаяся партизан вражеская засада остались в тридцати километрах северо-западнее.

Только к вечеру у Долговичей появилась немецкая разведка. Наши заставы встретили ее огнем. Каратели не проявили обычной настойчивости и отошли в соседние деревни. Это была все та же группировка, которая вот уже несколько дней шла по следам полка, не навязывая ему боя.

Вечером полк двинулся дальше на юг. Мы прошли всего десять километров. Остановились в деревне Грабалово. К полуночи подразделения были расквартированы. Первый батальон занял восточную окраину деревни, другие подразделения расположились дальше, а два батальона, второй и четвертый, со штабом полка, — в соседней деревне.

Грабалово находится на северном склоне небольшой высоты. Кругом, на расстоянии одного-полтора километра, раскинулись небольшие перелески. По дороге на Долговичи километра на три тянется лесок. До деревни он не доходит какой-нибудь километр. Ровное, чистое поле лежит перед деревней, отделенное от нее речушкой Волчас.

Ночью в штаб нашего батальона пришел Гришин. Он не стал собирать к себе всех комбатов, а захотел побеседовать с каждым отдельно. Гришин твердо решил разгромить завтра увязавшуюся за нами группировку врага, конечно, если не подойдут главные силы.

На батальон возлагалась задача силой одной роты удержать восточную окраину деревни. Вторую роту на рассвете я должен был послать в лес по пути возможного движения противника со стороны Долговичей. В задачу этой роты входило: по дороге на Долговичи занять опушку справа, замаскироваться и, когда немецкая колонна выйдет из леса и завяжет бой с ротой, обороняю-

щей деревню, ударить по карателям в левый фланг их колонны.

Батальон Звездаева располагался в лесу, который тянулся вдоль этой дороги. Он должен был ударить в правый фланг колонны противника, если она к началу боя не полностью вытянется из леса на поле. В противном случае третий батальон наносит удар с тыла. Один его взвод должен был занять левую от дороги сторону опушки леса и вместе с ротой первого батальона поставить наступающего противника под кинжальный огонь.

Второму и четвертому батальону отводилась вспомогательная роль: прикрыть фланги, если из Темного леса все же появятся главные силы врага.

Расчеты Гришина строились на внезапности нашего удара.

Преследующие нас немцы привыкли к тому, что за ночь мы отмахивали не менее тридцати километров, и вряд ли могли предполагать, что мы остановились в Грабалове — в десяти километрах от вчерашней дневки.

Командир полка поехал в другие батальоны, а я, решив людям отдохнуть, на рассвете приказал ротам занять свои участки и ждать появления противника. Конная разведка была послана по дороге на внешнюю опушку леса. В ее задачу входило вести наблюдение и донести, как только немцы начнут движение в нашу сторону.

Для сохранения в тайне нашей остановки в Грабалове из деревни еще с вечера никого не выпускали. Ночь прошла быстро. Наступило свежее апрельское утро. Повесенному яркое солнце поднялось из-за лесочка, где замаскировались третий батальон и рота Матяша. Солнце быстро отогревало прихваченную морозом землю.

Еще глубокой ночью обоз нашего батальона был отведен на противоположный конец деревни и хорошо укрыт во дворах. Партизаны роты Макарова расположили с наибольшей выгодой все огневые средства, замаскировались и ждали, ничем себя не выдавая. Только местным жителям разрешалось ходить по деревне, но не дальше, как до колодца, в огород и к стогам сена, за кормом скоту.

В половине десятого из леса галопом примчались наши разведчики. Предупредив Звездаева и Матяша, они въехали в деревню. Лошади были немедленно упря-

таны во дворах, и Вася Скворцов доложил, что противник подошел к лесу.

— Мы насчитали сорок повозок, две пушки и до пяти рот пехоты. Немцы идут без разведки, вдали слышится гул моторов, но машин мы не видели.

По обороне прокатилась команда: «Приготовиться к бою!»

В начале одиннадцатого три группы фашистов численностью до трехсот человек появились из леса. Они уверенно, строем, с небольшими интервалами шли по полю к деревне.

Напряженное ожидание сменилось тревожно-беспокойным состоянием, предшествующим каждому бою. Немцы шагали браво, как на учении. Вот они миновали поле, вступили на луг, где дорога поворачивала на мостик и шла вдоль речки. Когда первая группа немцев повернула и пошла параллельно деревенской улице, из домов, у которых замаскировались партизаны, с расстояния сто пятидесяти шагов рота Макарова открыла убийственный огонь.

Восемнадцать пулеметов, до сорока автоматов длинными очередями, не жалея патронов, косили карателей. Из этой группы, в которой было не менее шестидесяти человек, почти никто не уцелел.

Однако две другие группы не растерялись. Они быстро развернулись и кинулись через речку на деревню. Завязалась жаркая схватка. Из леса выходили все новые и новые колонны, численностью до полуторы каждая, разворачивались для атаки и спешили на помощь передовым группам. По деревне беспорядочно ударила артиллерия. Перескочившие через неглубокую речку фашисты уже ползли по огородам к самым домам, из-за которых вели огонь партизаны. Численность противника и сила огня были настолько велики, что активность наших правофланговых пулеметчиков стала ослабевать. Маскируясь, партизаны огородами выносили раненых товарищей. И тогда взлетела одна, а затем вторая красная ракета — сигнал к началу атаки Матяшу и засаде батальона Звездаева. До этого сигнала они ничем себя не обнаруживали.

В тылу у озверело штурмующих деревню немцев заговорили пулеметы и автоматы. Пушки немцев немедленно прекратили обстрел деревни, но ввязавшиеся в бой

передовые цепи карателей ничего не подозревали. Они осатанело напирали на крайние дома.

Взвод Зайцева, понесший значительные потери, вынужден был оставить несколько дворов, и они немедленно были заняты карателями.

А в это время по полю уже метались, как в мышеловке, сотни серо-зеленых фигур; Матяш с правой, взводы Звездаева с левой опушки леса перекрестным огнем косили их. Левофланговые пулеметчики Унжаков, Смуров, Михалкин, Селиверстов и другие, потеряв возможность вести обстрел по группе, ворвавшейся на окраину деревни, перенесли огонь на поле. Поднялась паника. В жизни не видел ничего подобного: стоны, крики...

В глубине леса партизаны Звездаева почти в упор расстреливали все еще тянувшуюся колонну солдат и обоз. Немцы, оставшиеся в живых, бросали повозки и разбегались.

Только спустя некоторое время остатки карателей из группы, занявшей крайние дома Грабалова, поняли, в каком они оказались положении, а, поняв, пытались бежать по реке, но были уничтожены ротой Макарова. Те же, кому удалось уцелеть на поле под огнем Матяша и взвода Звездаева, тоже теснились к реке и под прикрытием берегов, по пояс в воде, отходили восточнее деревни. Брошенная в преследование рота Макарова добивала их.

Спокойный и казавшийся невозмутимым комиссар батальона Гордиенко выскочил из-за укрытия, где мы с ним стояли, командуя боем, и сажеными шагами побежал по полю.

— Секи их всех к чертовой матери! — кричал он. — Пусть помнят, как гоняться за партизанами!

Этот бой не случайно был назван избиением карателей. Авангардную группировку разгромили полностью. Но мне в этот день влетело от Гришина так крепко, как, пожалуй, никогда.

Дело в том, что партизаны, уничтожив оружейные расчеты, сочли, что пушки находятся в наших руках, и увлеклись погоней за карателями. А тем временем из лесу появились ездовые, поставили пушки на передки и буквально из-под носа партизан увезли их по лесной дороге. Этого случая я долго не мог простить ни себе, ни Алексееву, который со взводом перебил расчеты.

Погоня, брошенная за пушками, ничего не дала: время было упущено. А вторая оплошность состояла в том, что у нас не осталось даже «языка». Впрочем, «языки» нашлись: вернувшись после боя, партизаны обнаружили на чердаках, в подвалах и в стогах сена спрятавшихся там немцев. В штаб полка было отправлено полдюжины «языков», и это в какой-то степени сгладило вину за позорное упущение пушек.

В результате этой операции у нас оказалось четверо убитых и девять раненых. Звездаев не потерял ни одного человека. А потери карателей были очень высоки. Что ж, не мы начали войну. Мы оборонялись на своей земле и, изгоняя завоевателей, не могли разыгрывать рыцарские поединки.

Это был последний бой нашего полка с карательной экспедицией генералов Полле и Гофгартена. Экспедиция двух генералов полностью провалилась. Видимо, нелегко им было докладывать командующему фон Шенкендорфу о своих «победах над бандой Гришина». Мы не знаем, получили ли они награды за эти «победы», но командующий 4-й армией генерал-полковник Буш не удержался от хвастливой реплики ставке главного командования об «окончательном истреблении жалких остатков бандитов, именовавших себя полком «Тринадцать».

Полле и Гофгартен больше не появились на нашем пути, а с Шенкендорфом и генералом Бушем, ставшим фельдмаршалом, еще пришлось встречаться.

После Грабалова полк беспрепятственно перешел железную дорогу Могилев — Кричев. Утро застало нас в деревне Ляховщина Чаусского района.

Белорусское население этого района еще не видело таких больших партизанских отрядов, и наше появление люди связывали со скорым приходом Красной Армии. В просторных хатах уцелевшей деревни собралась молодежь. Появились гармошки — неизменные спутники короткого партизанского досуга. Многодневную усталость словно рукой сняло.

Политический состав полка и агитаторы, пользуясь долгожданной передышкой, проводили беседы с населением, рассказывали о положении на фронте, знакомили с жизнью советского тыла, читали листовки и не первой свежести газету Смоленского обкома партии «Рабочий путь». Почти два года местные крестьяне не слышали

слова правды и потому с особой жадностью ловили каждое наше сообщение.

Вечером полк собрался продолжать свой путь. Разведка нигде поблизости, кроме гарнизонов, не обнаружила противника. За много времени мы впервые определяли свой маршрут вне зависимости от сидевшего на плечах врага. Как давно знакомых вышли провожать партизан жители деревни. Они поделились с нами хлебом, картофелем, просили не забывать их, желали успеха в борьбе с фашистской нечистью.

Наш путь лежал параллельно железной дороге. На ней где-то у станции Веремейки жалостно и надрывно кричали паровозные гудки. Слышался шум проходивших поездов. Впервые за всю партизанскую войну Гришин не разрешил подрывникам диверсию на полотне.

— Успеете, хлопцы! Скоро нас узнают и здесь. Дали бы только передохнуть парочку дней да раненых устроить.

Партизаны и сами знали, что сидеть сложа руки они не будут, что командир уже придумал нечто такое, от чего врагу не поздоровится.

Переход был недлинным. В лесную деревеньку Полоево пришли в середине погожей и светлой, как день, апрельской ночи. Гришин приказал расквартироваться. Первый батальон получил приказ занять деревню Заречье, которая расположена в десяти километрах от гарнизонов города и станции Чаусы.

В Заречье частыми и непрошеными гостями были немцы, они приезжали сюда «проверять благонадежность» жителей, подозреваемых в связях с партизанами. Ограбленное и запуганное население, не в пример жителям Ляховщины, очень настороженно принимало партизан. Практически оно никогда еще не видело настоящих партизан и, сбитое с толку пропагандой о «зверствах лесных бандитов, сгруппировавшихся из комиссаров и коммунистов», вело себя крайне сдержанно. Многие даже не сразу открывали нам двери.

Конечно, очень скоро это прошло. Особенно легко мы нашли контакт с подростками пятнадцати-шестнадцати лет — парни постарше были угнаны в Германию.

Здесь мы прочитали в разбросанных оккупантами листовках, что «большая банда головорезов Гришина уничтожена и рассеяна; ее жалкие остатки во главе с демо-

рализованным и потерявшим доверие рядовых партизан командиром ищут случая затеряться среди населения или превратиться в одичавшую и отчаявшуюся вести организованную войну группку мародеров».

За злобным враньем этого листка чувствовалась беспомощность гитлеровцев.

Было решено: если нас не сдвинет с места новая карательная экспедиция, пока никуда не идти. Район, покрытый частыми перелесками, сетью железных и шоссейных дорог, очень подходил нам. Работы вполне хватало. Немцы жили здесь сравнительно спокойно, обнаглевшие полицаи чувствовали себя хозяевами положения...

Командование полка решило развернуть действия на стыке четырех районов: Чаусы — Славгород (бывш. Пропойск) — Чериков — Кричев.

К вечеру первого дня стоянки Гришин собрал комбатов на совещание.

— Я вижу, вы настроились отдыхать,— сказал он.— Отдых людям нужен. Но выводы из данных разведки говорят о том, что мы должны нанести удар по гарнизонам, пока враг не укрепил их. Промедление хотя бы на один день усложнит обстановку, и то, что можно сделать немедленно с относительной легкостью, потом будет стоить большой крови. Противник здесь не пуган, беспечен и самоуверен. Вот и нужно его захватить врасплох. Если позволит обстановка, отдохнем через несколько дней.

Тут же мы получили приказ о разгроме многочисленных гарнизонов, расположенных от Могилева до Кричева, от Ходас до Черикова и Славгорода. Гришин ставил задачу — освободить район от немцев и полицаяв и обеспечить себя трофейными боеприпасами.

В течение следующих трех дней батальоны громили гитлеровцев в гарнизонах. Вся территория в прямоугольнике между реками Проней и Днепром, а также к востоку от Прони до Кричева была расчищена. Многочисленная свора оккупантов и их прислужников была уничтожена, взята в плен или, побросав свои гнезда, бежала в Могилев, Славгород, Чаусы.

Особенностью этих операций было то, что теперь каждый батальон в одну ночь громил не один, а несколько гарнизонов. Роты и взводы, возглавляемые выросшими в боях командирами, шли на операции самостоятельно.

К 1 мая в подразделениях были патроны, гранаты и мины, продовольствие и фураж. По утрам, когда на горизонте появлялась кромочка рассвета, она освещала обозы с трофеями. Они тянулись в Полоево и Заречье.

Какое сочувствие, какое уважение завоевали гришинцы у населения! В партизанах местные жители увидели своих защитников и избавителей от фашистских душегубов. Одним из ярких проявлений этого доверия был приток в полк новых бойцов.

Наступал второй военный Первомай. На праздничных митингах, на которые партизаны собрались вместе с местными жителями, реяли красные флаги, сделанные из отыскавшихся у населения кусков кумача.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

ути прихода советских людей в партизанские отряды были в чем-то схожи и вместе с тем различны. Схожесть состояла во всеобщем стремлении патриотов стать на защиту свободы и независимости Родины. Различие проявлялось в бесконечных особенностях конкретной обстановки. У каждого, кто пришел в полк, позади была своя дорога, своя судьба. У некоторых за плечами остался плен.

Я уже рассказывал о Гришине, Сергее Скворцове, Мельнике, Фаязове, о себе.

Комиссар полка Иван Арсентьевич Стрелков перед войной служил в милиции. В первые дни войны он организовал истребительный отряд — вылавливал немецких шпионов и диверсантов, которых враги забрасывали к нам в тыл, рассчитывая деморализовать население. С подходом к Касплянскому району фронта отряд влился в войска и принимал участие в знаменитом Смоленском

сражении. Здесь Стрелков был тяжело контужен и остался на оккупированной территории. С группой бойцов он пришел в отряд Гришина, был политруком роты, избирался секретарем парторганизации, а когда Н. И. Вельмесова по болезни отправили в советский тыл, Стрелков стал комиссаром полка.

В «Испанском дневнике» Михаила Кольцова есть очень правильные слова о комиссаре: «Плохой комиссар — убогое зрелище. Лучше пусть не будет никого, надо тотчас убрать его с глаз. Хороший боевой комиссар еще раз оправдал здесь свое назначение». В справедливости этих слов много раз приходилось убеждаться в годы войны в тылу врага.

Стрелкова, как и Вельмесова, никто в комиссары к Гришину не посылал. Партизанский командир рейдирующего полка, не находящегося в сфере деятельности определенного партийного органа, сам выбирал себе комиссара. И надо отдать должное командиру Гришину — он умел выбирать себе помощников, которые гармонично дополняли бы его во всех сферах партизанского бытия.

Гришина в полку любили за ум, за находчивость и смелость при решении сложных вопросов партизанской тактики, за деловую сосредоточенность в бою, за умение подойти к бойцу на отдыхе и двумя-тремя фразами оживить пришедших в уныние людей. Любили его и за особый дар откровенно и заразительно смеяться — так смеются лишь очень хорошие, искренние люди.

А комиссара Стрелкова любили, пожалуй, больше всего за доброту. Эта черта его характера как бы доминировала над всеми другими, проявлялась во внимании к подчиненным, в готовности с каждым разделить радость и горе, в трогательной заботе о раненых и больных, в постоянном стремлении облегчить не только физическое, но и душевное состояние человека. От комиссара у нас ничего не скрывали. С ним можно было поделиться самым сокровенным, и, что особенно важно, он умел слушать, не перебивая, не торопя, а, выслушав, основательно во всем разобраться, все поставить на свое место.

Солдату или командиру, допустившему оплошность, Стрелков не читал нотаций, он разговаривал спокойно, тихо, как с другом, и умел ободрять людей не «зажигательными речами», а именно добротой, чистосердеч-

ным участием, справедливостью. Мне, например, комиссар Стрелков всем своим поведением доказал, что доброта и человечность — это вовсе не сентименты и не душевная слабость, а наоборот — проявление внутренней силы. И настоящая доброта всегда мужественна, она присуща лишь людям, сильным духом. И хотя в боевых донесениях о проведенных батальонами и ротами операциях не всегда упоминалось имя комиссара и политрука, в борьбе с фашизмом они делали не меньше, чем любой командир.

Политработники часто назначались на командные должности и, как правило, становились лучшими командирами. У нас было таких немало, и в их числе Михаил Степанов, Алексей Алексеев, Дмитрий Михайлов, Анатолий Лебедев... Назначенные на должности командиров рот, эти люди проявили себя не только, как хорошие воспитатели, но и как боевые, тактически грамотные воины.

Украинец из Запорожья Федор Левченко и татарин из Казани Сергей Иммерсанов перед самой войной были призваны в армию. Они даже еще не стали солдатами, когда началась война. Под немецкой бомбежкой приняли присягу, получили солдатское обмундирование. Им сказали, что они артиллеристы. Но батарея, куда их послали, еще не имела пушек. На территории Белоруссии их полк четыре раза окружали враги, но он вырывался из кольца и, теряя людей, упорно шел на восток.

В один из таких дней они ночевали в сарае на окраине белорусского села, а на рассвете услышали выстрелы. По дороге гитлеровцы вели измученных советских военнопленных. В большой колонне, поддерживая друг друга, шли раненые. Фашисты подгоняли их прикладами, пинками, били плетками. Когда прямо против сарая упал один красноармеец, фашисты пристрелили его.

Это было первое наглядное знакомство с «новым порядком», который гитлеровцы восхваляли в разбросанных по полям и лесам листовках, в развешанных в деревнях объявлениях. После этого ребята стали осторожней. Они переоделись в гражданскую одежду и по ночам продолжали свой путь.

Плутая по перелескам и болотам, проходя затаившимися, молчаливыми деревнями, молодые люди видели и следы разрушений, и всю глубину человеческих стра-

даний. Где-то в лесу между Касплей и Демидовом они встретили организованную группу вооруженных бойцов, которые намеревались перейти фронт. Без оружия их не хотели принимать. Но летом сорок первого года труднее было добыть кусок хлеба, чем оружие: в местах боев его было немало.

На востоке слышался гул орудий, фронт был совсем рядом. Казалось, еще одно усилие — и они соединятся с частями родной армии. Но это только казалось. Враг знал о стремлении тысяч советских людей пробиться с оккупированной территории к своим войскам. Пропустив разведку, засада немцев ураганным огнем встретила окруженцев. Те, кто остался в живых, вернулись назад, в лес, Левченко и Иммерсанов были среди них.

Вновь и вновь предпринимались тщетные попытки перейти линию фронта. Люди ощущали гнетущую тоску от беспомощности, терзались сознанием своей бесполезности в дни, когда на фронте так нужен был каждый человек!

В октябре Левченко и Иммерсанов примкнули к небольшой группе, которую возглавлял политрук. Не полностью отдавая себе отчет в происходящем, он, вместо того, чтобы действовать, стремился любой ценой пробиться к своим на фронт. Распространенное стремление той тяжелой поры!

Однажды группа засела в крестьянской бане. С утра в деревне появились два немца на мотоцикле, и мгновенно улица, по которой только что ходили люди, словно вымерла. Послышались выстрелы, неистовое кудахтанье кур: оккупанты занялись грабежом.

Вскоре все стихло, но в маленькое оконце было видно, как молодая женщина с растрепанными волосами бежит через огород в сторону бани, а за нею, обронив каску, спотыкаясь, несется немец с автоматом в руках.

Ребята в бане сразу поняли, зачем фашист преследует женщину.

Приоткрыв дверь, политрук ждал, и едва женщина поравнялась с баней, крикнул: «Быстро сюда!»

На мгновение она остановилась и тут же проворно юркнула в дверь.

Раскрасневшийся, улыбающийся немец последовал за нею и тут же был беззвучно прикончен.

Все это произошло, в общем, так же, как у нас,

когда мы разделались с тремя фашистами, собравшимися зажарить на лоне природы ворованных гусей. Но здесь, в этой деревне, еще один немец оставался. Он мог наделать немало бед и окруженцам, и местным жителям. Политрук понимал это, и он сказал: «Будем ждать второго. Он придет».

Действительно, через несколько времени появился и тот. Он громко кричал, звал своего товарища.

— Выгляни в окно,— приказал все еще не пришедшей в себя женщине политрук.

Она испугалась, но, поняв, подчинилась.

— Эй, фриц, иди сюда! — крикнула она.— Мы здесь!..

Держа автомат на животе, немец осторожно приближался к бане. Этот был не так прост, как первый, и входить не стал, а, взведя автомат, снова позвал своего напарника.

Политрук приблизился к двери, выстрелил в немца в упор, но тут же и сам, как подкошенный, свалился на руки бойцов.

Этот эпизод как бы определил дальнейшую судьбу группы окруженцев. «Нечаянные успехи поощряли к обдуманным»,— говорил еще Денис Давыдов.

Позднее эта группа примкнула к отряду Гришина. В ней оказалась и девушка, спасенная политруком. До конца войны она оставалась медсестрой роты, а после победы не раз вместе с мужем и детьми приезжала в свою родную деревню, чтобы побывать на могиле отважного политрука, пожертвовавшего ради нее своей молодой жизнью.

Передо мною письмо Прасковьи Егоровны Данченко. Написано оно спустя много лет после войны. Это предельно откровенная, чистосердечная исповедь, «духовная биография», по выражению автора. Я привожу его здесь полностью потому, что хорошо знаю военные будни этой замечательной женщины, и потому еще, что письмо рассказывает о судьбе человека, ставшего одним из героев этой книги.

«Писать о себе действительно всего труднее. С одной стороны, нужно быть до конца откровенной, с другой — внутреннее самолюбие заботливо убирает из памяти ко-

лебания и ошибки, оставляя лишь те воспоминания, за которые не стыдно перед собой и перед другими. Мне иногда хочется посмотреть на себя со стороны, разобратся, как вообще происходило духовное возмужание незаметной партизанской медсестры, как война сделала из наивной девчонки взрослого человека.

До сих пор я восхищаюсь теми людьми, которые сумели принять твердое решение в первые же дни войны. Увы, себя к ним я причислять не могу. Надвигавшиеся события казались мне настолько непостижимыми и грозными, что ничего, кроме полной растерянности, я в те дни не чувствовала. Будь я тогда в Смоленске, среди своих институтских друзей и однокашников, мне было бы, наверное, легче. Во всяком случае, я была бы тогда членом единого коллектива и во всем могла бы положиться на его авторитет. Но известие о войне настигло меня в деревне, в полном одиночестве, вдали от друзей и мужа, который в первый же день по мобилизации ушел на фронт. Пока я тщетно пыталась собраться с мыслями, война сменилась оккупацией. Новый удар и новые тревоги. А главное — как уберечь сына? Этот вопрос окончательно лишал меня способности трезвой оценки происходящего. «Нужно спрятаться, — единственное, что приходило мне в голову. — Спрятаться и ждать лучших времен». Не представляя себе по-настоящему, что такое оккупация, я надеялась укрыться в четырех стенах своего дома.

«В конце концов на моих руках семимесячный ребенок, — доказывала я сама себе, — и я имею право не думать ни о чем другом, кроме его спасения».

Какая наивность! Мое одиночное добровольное подполье не выдержало даже месячного испытания. А оккупация продолжалась, и постепенно я начала чувствовать весь ужас немецкой действительности. Постепенно я стала понимать, усваивать, что мои несчастья выглядят лишь малой каплей в океане народного горя. И, главное, я поняла, что война — это такое явление, которое никому не позволяет остаться в стороне. Как раз к тому времени от меня начала требовать полиция: «Почему не устраиваешься на работу? Чего дожидаться? Уж не Советов ли?»

Я продолжала оттягивать решение, ссылаясь на маленького ребенка, хотя хорошо понимала, что устройся

я в больницу — наша жизнь станет почти безопасной. «Ну что тут в конце концов страшного,— уговаривала я свою совесть,— ведь не немцев мне придется лечить, а своих земляков». И все-таки я медлила. Мне было отвратительно фашистское фарисейство: с одной стороны, расстреливают и мучают невинных людей, а с другой — притворяются гуманистами и болтают об открытии больниц для населения. Я чувствовала, что, если соглашусь работать при немцах, тем самым молчаливо одобрю унижительный спектакль, с помощью которого они пытаются доказать, что не такие звери, какими являются на самом деле. И тут я впервые узнала о партизанах. Вначале это были лишь слухи, но когда из нашей деревни неизвестно куда исчезло несколько человек, я поняла: передо мной открывается еще одна, раньше не существовавшая возможность.

Но опять-таки, что делать с сыном? Имею ли я право ради своих убеждений ставить на карту жизнь собственного ребенка?

Но опять-таки, что делать с сыном? Имею ли я право ради своих убеждений ставить на карту жизнь собственного ребенка?

Кругом уже шли слухи о расстрелах партизанских семей и даже уничтожении целых деревень. Так разве они остановятся перед убийством моего ребенка? Снова жизнь ставила передо мной непосильные вопросы и снова я должна была безо всякой помощи принять на себя всю тяжесть решений. Если я уйду в партизанский отряд, я делаю честный шаг, но подвергаю риску судьбу своего единственного ребенка. Если пойду работать в больницу — Эдик почти в безопасности, но как я тогда оправдаюсь перед собственной совестью? Что делать? В какую сторону податься? Ненависть к немцам сталкивалась в моей душе с любовью к сыну. Оба эти чувства снова грозили перейти в паническую растерянность, которая овладела мной в первые дни войны. Лихорадоч-

Медсестра Зинаида Кондратович.

но перебирая все «за» и «против», я в конце концов остановилась и на этот раз заставила себя сделать окончательный выбор. Я решила, что для того, чтобы спасти своего ребенка от опасности фашистского уничтожения, нужно не прятать его, что практически бесполезно, а попытаться помочь уничтожить эту опасность. Я все больше понимала, что материнский долг и патриотизм не противоречат друг другу, а дополняют друг друга и вытекают один из другого. Ведь военное лихо, обрушившееся на нас, как раз и заключается в угрозе самому дорогому — нашим детям. Значит, и у меня и у тысяч других матерей враг единый — фашистское нашествие, и нет других средств, чтобы с ним покончить, кроме вооруженной борьбы. Так любовь и ненависть слились в моем сознании в одно целое, и, покончив со всеми своими колебаниями, я ушла в партизанский отряд».

Мы помним эту невысокую хрупкую женщину с задумчивым взглядом и печальными глазами. С первого дня прихода в полк она кипела нетерпением, рвалась в каждый бой, спешила, как будто от нее одной зависели сроки окончания войны. Не расставаясь ни с санитарной сумкой, ни с карабином, она и стреляла, и перевязывала раненых, и отправляла их в тыл, и опять ложилась в цепь обороняющихся или бежала, преследуя врага. Через войну и кровь мать шла к своему ребенку. Другой дороги у нее не было.

Медсестры первого батальона Дора Давыденкова и Зина Кондратович были совсем не военными людьми. Семилетку они окончили в одной школе и в один год. Через несколько дней после вечера, на котором они торжественно получали аттестат об окончании неполной средней школы, грянула война. На станции Лелеквинская организовался кружок подготовки сестер милосердия. Занятия вел местный фельдшер. Программу не закончили: меньше чем через месяц фашисты захватили станцию. Уйти девушкам не удалось. Смоленск, до которого было сорок километров, немцы взяли на четыре дня раньше Лелеквинской, путь на восток был отрезан.

Длинными осенними и зимними вечерами девушки, обнявшись, просиживали в квартире родителей Зины, не смея выйти на улицу. Вспоминали о прошлом, мечтали.

Носили лохмотья, старались выглядеть неопрятными и бесцветными, только бы не бросаться в глаза немецким солдатам, которые охраняли станцию и часто заходили в их дома.

Весной 1942 года стали раздаваться взрывы на полотне. Жители шепотом говорили о партизанах. Подружки в тайне от родителей насушили сухарей, прихватили кое-какую одежду и утром вышли на север. В Романенках они попали в первый батальон и стали перевязывать раненых бойцов. Весь путь полка Зина и Дора прошли с винтовками и санитарными сумками. Дора не дожидая победы — погибла в бою. А Зина сейчас живет под Москвой, работает и растит детей. Только иногда побаливает грудь — в легких остались неизвлеченные осколки.

Были и такие, как Сережа Луппов, пятнадцатилетний сын секретаря Смоленского облисполкома, старого коммуниста Вячеслава Валентиновича Луппова. Воспитанный школой и родителями в духе беспредельной преданности Родине, Сережа знал, что по возрасту не годится в армию, а родители не решаются отпустить его от себя. Тогда он собрал вещевой мешок и с одной из групп, переходившей фронт, ушел в тыл врага и оказался в полку Гришина.

Виктор Васильевич Коротков в свои двадцать восемь лет успел окончить два института — металлургический и радиотехнический, да к тому же успешно выдержал экзамены на вокальное отделение консерватории. Но ни инженером, ни певцом не стал. Его направили на дипломатическую работу.

Коротков великолепно знал немецкий язык и в первые дни Отечественной войны работал в Наркоминделе. А когда враг подходил к столице, он пошел ее защищать, влившись в одну из московских ополченческих дивизий. Находясь в составе 33-й армии генерал-лейтенанта Ефремова, окруженной весной 1942 года под Вязьмой, Виктор Васильевич был тяжело ранен и попал в плен. В Оршанском лагере смерти ему грозило медленное мучительное умирание. Гноилась рана, уходили силы — в таком состоянии рассчитывать на побег было невозможно. Нередко приходила мысль о самоубийстве.

К этому времени немецко-фашистское командование задумало сформировать из советских военнопленных несколько дивизий, пополнив их на оккупированной терри-

тории местными жителями призывного возраста. Часть таких соединений предполагалось использовать на советско-германском фронте, часть — против армий наших союзников и для борьбы с партизанами. Специальные группы и отряды фашисты намеревались засылать в наш тыл с диверсионными и шпионскими целями.

В Оршанский лагерь приехали вербовщики — белогвардейские офицеры, присланные для этой цели из Германии, и немцы русского происхождения. Короткову, как многим другим, предложили вступить в «русскую национальную армию», чтобы сражаться за «свободную Россию», но он с презрением отверг это подлое предложение. Добровольцев вообще нашлось немного.

Через несколько дней в лагере появился власовец Бочаров, который знал Виктора по службе в ополченческой дивизии. Не получив согласия Короткова добровольно вступить во власовскую армию, Бочаров пригрозил ему расправой. Нелепо было погибать, не попытавшись найти выхода. И тогда с вполне определенной целью — получить в руки оружие и при первой возможности уйти к партизанам — Коротков дал согласие. Вскоре он был в Осинторфе, где формировалось власовское соединение.

Виктор присматривался к солдатам и офицерам, собранным на Осинторфе, искал нужные связи. С сожалением убеждался, что среди бывших военнослужащих нашлись продажные души, стремившиеся всячески приспособиться к «новому порядку» оккупантов. Но, конечно, порядочных людей, даже среди запуганных и одураченных, было неизмеримо больше, чем подлецов.

Ненадежность своей затеи чувствовали и фашисты. Болтая о «самостоятельности» добровольческого командования, они вели непрерывную слежку за каждым солдатом и офицером. Тем не менее к осени 1942 года на Осинторфе уже действовали подпольные группы, которые нащупывали связи с партизанами, распространяли вести с советского фронта, готовились к побегу. Первые группы бежали осенью в бригаду Константина Заслонова и другие партизанские отряды Белоруссии.

О своей деятельности по разложению власовских формирований Коротков вспоминает очень скупно: «Личный состав соединения составляли солдаты и офицеры Красной Армии, доставленные разными методами из ла-

герей военнопленных. Некоторые из этих людей, несмотря на крайнее истощение, буквально на второй день пытались бежать в одиночку или мелкими группами к партизанам и, как правило, погибали из-за незнания обстановки. Некоторые становились на путь предательства. А большинство нуждалось в связях и в руководстве. Ненависть к фашистам возбуждала у людей, попавших к предателям, жажду активных действий, но гибель бежавших одиночек подрывала веру в возможность успешного побега. Многие с горя стали пить, тем более, что фашисты поощряли пьянки. К таким принадлежал и старший лейтенант новосибирец Александр Сахаров, и майор Руденко. В состоянии сильного опьянения они не стеснялись себя в выражениях и сыпали угрозы в адрес оккупантов.

Я решил им довериться, привлечь их к деятельности нашей подпольной группы, готовившей побег к партизанам. Доверие преобразило людей, особенно Сахарова. Они стали активнейшими и трезвейшими членами подполья.

В июле 1942 года ядро нашей группы состояло из членов партии, бывших офицеров 160-й стрелковой дивизии, входившей в 33-ю армию. В августе нам удалось организовать побег к партизанам роты Князева. Однако связных от нее мы не дождались.

В сентябре 1942 года через собранный мной компактный радиоприемник мы каждую ночь получали сводки Совинформбюро. К 11 часам утра во всех батальонах доверенные лица пересказывали содержание этих сводок.

Вскоре я познакомился с учительницей из деревни Бабиновичи Верой Обухович, которая взялась связать нас с партизанами. Через два месяца Вера принесла нам письмо за подписью С. В. Гришина и А. А. Милехина.

К нам и до этого попадали листовки полка Гришина, но откуда они приходили и где находились партизаны, мы не знали. На этот раз письмо партизан, отпечатанное на штабной машинке с неровным шрифтом, было как протянутая рука помощи. У большинства из нас оно вызвало слезы радости, энтузиазм, стремление немедленно бежать из логова предателей.

К побегу была подготовлена рота тяжелого вооружения, артиллерийский дивизион и подразделение бое-

питания. Побег приурочивался к 25-й годовщине Красной Армии. По рекомендации подпольного комитета, Сахаров, числившийся техником по вооружению, добился сдачи в мастерские автоматического оружия, якобы «для проверки и пристрелки». В ночь на 23 февраля были заминированы артиллерийские склады, майор Руденко с помощью своих бойцов снял со всех орудий замки и под предлогом поездки за дровами вывез их в лес, где они были навсегда похоронены в топи болот. Я выходил с группой в восемьдесят девять человек, а Вера Обухович ушла с группой Руденко, которая увозила оружейные замки. По договоренности мы должны были встретиться на сборном пункте в одной из деревень. Но в связи со взрывом артиллерийских складов немцы организовали погоню, и в полк мы добирались разрозненно. К Гришину тогда пришли сто тридцать один человек, а более четырехсот солдат и офицеров попали в белорусские партизанские отряды и в бригаду Шлапакова.

Каждый из нас, вырвавшихся из Осинторфа для продолжения борьбы с фашистской нечистью, до конца своих дней останется обязанным полку «Тринадцать» и патриотке из деревни Бабиновичи учительнице Вере Обухович. Она не дожидая до дней нашей победы. Когда партизанский полк «Тринадцать» выходил на юго-запад Смоленщины, она еще раз пошла в Осинторф, чтобы вывести оттуда группу врачей, подготовившихся к побегу. Но какой-то подлец предал ее, и она была зверски замучена оршанским гестапо.

Так пришел в партизаны Виктор Коротков и члены его группы. Распределенные по подразделениям, они героически сражались с немецко-фашистскими захватчиками, многие погибли в боях, другие дошли до Берлина.

Среди узников был высокий тонкий юноша, которого товарищи по несчастью звали Трошкой. Добровольцем пришел он в войсковую часть, упросил командование послать его с группой разведки на оккупированную территорию и здесь попал в лапы гестапо.

Вместе с другими он был выведен из мрачного подвала, где провел около двух месяцев.

Почти всем мужчинам, кроме дряхлых стариков, эсэсовцы раздали лопаты и ломы. Жертвы поняли, что должны сами копать для себя могилу. Изможденные,

они машинально, еле передвигая ноги, шли вперед. В гнетущем молчании, прерываемом злобными выкриками команд, двигалась страшная процессия.

Впереди шел Трошка. Лицо его было в черных кровоподтеках, но держался он прямо, и голова была гордо поднята. Осваиваясь со светом и белизной снега, от которой ломило глаза, он осматривался по сторонам.

Неистовое желание жить кипело в нем. А жить, он знал, осталось считанные минуты.

Бежать? Но куда бежать, если вокруг расстилается чистая снежная равнина и три десятка черных стволов направлены в спину?

Конвой повернул колонну обреченных с дороги в ложину. Показался бруствер занесенного снегом противотанкового рва. За ним виднелся редкий кустарник, переходивший в мелкоколесье, а еще дальше синел лес.

Голова колонны подошла ко рву. Передние конвойные остановились. Немцы, замыкавшие колонну, штыками подгоняли отставших, собирая всех в плотную толпу.

Если до сих пор кое у кого еще теплилась надежда на чудесное спасение, то теперь уже никто не сомневался, что все кончено. Глухой стон и всхлипывания женщин, продолжавшиеся всю дорогу, усилились. Истерически взывала одна из них и упала на снег. Никто не подошел, чтобы поднять ее. С нечеловеческим ужасом в глазах женщина прижимала к себе грудного ребенка. Седой старик, еврей, подняв руки и закинув голову, лихорадочно шептал слова молитвы. А большинство плакало беззвучно, слезы тяжелыми каплями скатывались по лицу на лохмотья.

Немцы выстроились цепочкой и полукругом охватили смертников. Переводчик подал команду, и мужчины с лопатами вышли из толпы. Толстый, закутанный в пуховый шарф командир-эсэсовец отдавал распоряжения солдатам. И вдруг в воздухе раздался громкий возглас Трошки:

— Эй вы, завоеватели! Еще успеете захлебнуться нашей кровью. Позвольте сплясать перед смертью?

Трошка стоял в числе первых, кто должен был рыть могилу. От его крика немцы вздрогнули, а некоторые подняли автоматы.

— Русский хочет сплясать перед смертью, господин лейтенант,— по-немецки сказал переводчик.

Искривив углы рта в усмешке, тот кивком дал согласие.

— Давай, кудлатый, да скорее,— равнодушно проговорил переводчик, поеживаясь от холода.

Среди тех, кто ожидал смерть, кто-то глухо ахнул, и наступила гнетущая тишина. Только женщина все еще билась в конвульсиях на снегу.

— Родименький, рехнулся! — проговорила наконец какая-то старуха.

Трошка прошел по краю толпы, отстраняя стоящих вблизи, и на мгновение остановился перед цепью солдат. Затем ударил в ладони и, приплясывая, сделал круг.

На нем был изодранный в клочья ватник без рукавов, без пуговиц и пояса. Из-под ватника виднелась испачканная грязью и кровью некогда белая солдатская рубашка, вместо брюк болтались лохмотья, обнажавшие при движении посиневшую кожу; на ногах — жалкое подобие солдатских ботинок. Шапкой торчали черные выющиеся волосы.

Первые два круга Трошка прошел размеренным ритмом, разминая окоченевшее тело. Потом перешел на быстрый темп.

На его лице появился румянец, на лбу и у переносицы выступили капельки пота.

Прозябшие солдаты вначале молчаливым неодобрением встретили прихоть своего старшего, который позволил сошедшему с ума русскому плясать перед расстрелом. Теперь они потешались. Быть может, в их кровавом опыте это была первая пляска смерти.

А Трошка плясал и плясал.

— Господи! — громко взмолился сухонький старичок с реденькой бородкой, чем-то напоминавший священника.— Ты отнял у него разум раньше жизни, прости ему, всеблагий, кощунство его.

Но Трошка, сбросив с себя рваный ватник, выделывал все новые и новые колена. Схватив брошенную лопату, он, как цирковой жонглер, завертел ею вокруг себя, не прекращая движения по кругу.

Один из эсэсовцев достал из кармана губную гармошку, попытался подладиться под ритм пляски, другой, сунув автомат в руки стоявшему рядом, поторопился раскрыть фотоаппарат. И тут, приблизившись к лейте-

нанту, Трошка молниеносно рубанул лопатой по лицу гитлеровца и в то же мгновение крикнул в толпу:

— Бегите, спасайтесь!..

Оцепеневшая толпа дрогнула, как бы пошатнулась и рассыпалась в разные стороны. В следующее мгновение слышались выстрелы.

Тот, кто был способен бежать, бежал. Многие не тронулись с места, и на них-то и был направлен огонь первых залпов. Бежавших настигали пули. Люди падали; если могли, поднимались и бежали дальше.

Трошка юркнул в кусты. По сторонам от него пули поднимали снежную пыль, но он не видел этого и не слышал их свиста. Напрягая последние силы, он стремился к лесу, как выбивающийся из сил пловец стремиться к спасительному берегу. Он знал: там, в глубокой чаще, — жизнь, а позади — неотвратимая смерть.

В кустарнике Трошка остановился. На большом расстоянии от него шли еще двое. А вдали, откуда он только что бежал, на снежной равнине темнели тела убитых.

Фашисты продолжали стрелять. Только теперь, ухватившись за деревце, чтобы не упасть от нахлынувшей слабости, Трошка услышал, как со свистом летят пули, сбивая сучки и верхушки молодых деревьев.

Так стоял он несколько мгновений, задыхаясь от усталости. Если бы его преследовали, он бы уже не смог бежать. Он не чувствовал холода, хотя стоял почти в одном белье. Потные волосы смерзлись и торчали, как старая солома на сорванной ветром крыше. В мыслях не было прежней ясности, воля ослабла.

Но это продолжалось недолго. Постепенно возвращались силы, прояснялось сознание, и в какие-то секунды перед Трошкой мелькнула вся его жизнь. Родной дом, мать и отец, прерванная учеба, комсомол, друзья короткой юности, прощание с отцом, уезжавшим на фронт, большие, наполненные слезами глаза матери при расставании с ним, истязания в гестапо и, наконец, сегодняшний день.

Он почувствовал, что переживает нечто вроде нового рождения. И оттолкнувшись от деревца, зашагал в глубь леса, без дороги, через сугробы. Он ушел от неминуемой смерти, так не погибать же ему теперь, когда он свободен.

Как знать, что стало бы с Трошкой в лесной глуши,

если бы не человеческие следы. Они пробудили в нем чувство реального, пережитое отступило назад, и тут он впервые ощутил, что тело его насквозь пронизывает адский холод, и двигаться он почти не может, и ему смертельно хочется спать.

Трофим понял, что замерзает. Только следы, которые оставил на снегу человек, стояли перед его закрывающимися глазами. Они звали его вперед, там было спасение. И он шел, шел медленно, цепляясь за тонкие стволы молодых деревьев.

— Пропуск! — разорвал лесное безмолвие чей-то властный голос.

Трошка вздрогнул, упал и потерял сознание.

Через две недели в партизанской землянке он пришел в себя. И партизанам пришлось поверить ему на слово, что у него были черные волосы: Трошка стал совершенно сед.

Он любил жизнь, хотел жить и вырвался от смерти. В борьбе со страшной горячкой победил молодой организм. Врачи спасли ему обмороженные руки и ноги. Путь его в партизанском отряде был путем мщения. Четыре воинских эшелона противника с техникой и солдатами Трофим Захаров проводил под откос.

Вместе с другими партизанами он помогал Красной Армии освобождать землю братской Белоруссии, а потом влился в ряды наступавшей армии и с боями дошел до Берлина.

Он погиб в борьбе с милитаристской Японией...

В новом районе деятельность полка началась с накопления боеприпасов. Не ожидая, когда командование подбросит обещанный груз, Гришин поставил задачу: каждому батальону в короткое время заготовить комплект боеприпасов.

Вливающемуся в полк новому пополнению давалось задание: разыскать тол, патроны, гранаты, мины. И боеприпасы находились. Население оккупированных районов их припрятывало, и это свидетельствовало об уверенности людей в том, что раньше или позже они пригодятся в борьбе с оккупантами.

Как и всюду, где проходил полк, в новом районе мы встретились с глубокой ненавистью советских людей к

захватчикам. В деревне Зеленый Прудок действовала патриотическая группа молодежи во главе с комсомольцами Георгием Борисовым и братьями Иваном и Петром Степановыми. Ребята — их было двадцать пять человек — собирали оружие, распространяли листовки с призывом ни в чем не помогать врагу, спасали от немцев раненых красноармейцев. С приходом полка вся эта группа влилась в его ряды. Молодые патриоты оказались хорошими бойцами.

Естественно, что уход в партизаны не оставался незамеченным оккупационными властями. Через свою агентуру и ставленников из числа предателей фашисты следили за каждым жителем и по-зверски расправлялись с семьями тех, кто уходил защищать Родину.

Так было и в деревне Зеленый Прудок, где гитлеровцы провели карательную акцию. Однажды деревня была окружена солдатами и началась облава. Тридцать человек — женщины, старики, дети, родственники партизан — были схвачены и заживо погребены в пяти километрах от Чаус. А в сентябре 1943 года, перед самым освобождением района Красной Армией, «неблагонадежная» деревня была сожжена дотла.

Но даже эти бесчеловечные расправы не могли запугать патриотов. В ответ на зверства оккупантов под знамена народной борьбы становились новые и новые тысячи борцов. Молоденький учитель из деревни Дужевщина Иван Макоренко пришел с группой вооруженных ребят. Через день он доставил в полк семь ящиков припрятанных им патронов.

В лесах партизаны собирали мины для минометов и артиллерийские снаряды. Отремонтировали две противотанковые пушки, оставленные нашими окруженными частями еще в сорок первом году. Нач. боепитания Иван Романько с группой партизан исследовал леса в поисках недостающих частей к орудиям. Специалистам-оружейникам и воентехникам работы хватало.

Но больше всего нам нужна была взрывчатка, потому что все проще становилось совершать диверсии на железных дорогах.

На совещании командиров батальонов было решено использовать для диверсий артиллерийские снаряды. По кюветам большаков и в мелком кустарнике валялись тысячи ржавеющих разнокалиберных снарядов

**Разведчица Антонина
Любченко.**

и авиабомб всяческих систем. Во всех подразделениях были выделены команды по сбору этих снарядов и другой взрывчатки. Подрывные группы пошли на железные дороги. В тишину ночей все чаще и чаще врывались сотрясающие окрестность взрывы.

Грохотали взрывы под вражескими поездами, шедшими с техникой и людьми; обрушивались мосты на шоссе и железных дорогах; летели в воздух стрелки, крестовины и семафоры; из подорванных водокачек хлестала вода. Один из двух брошенных на охрану перегона Кричев — Могилев бронепоездов подрывники ба-

тальона Звездаева превратили в груды металла. Чтобы не носить лишнюю тяжесть, из снарядов стали выплавлять тол. Получались слитки необходимой величины и формы. Это дало возможность приступить к диверсионно-подрывной работе в более широком масштабе. Толовая проблема, как мы тогда говорили, была разрешена на месте. Разнокалиберные снаряды, освобожденные от взрывателей, клали на приготовленные в виде жаровен железные установки, под ними разводили огонь. Тол выплавлялся и, охлаждаясь, застывал крупными кусками. К месту выплавки подвозили все новые и новые партии снарядов и бомб.

Работа эта была опасная. Требовалось большое мужество, осторожность и сноровка. Перегрев снаряда — накал металла и тола выше определенной температуры — мог вызвать взрыв, который по детонации вызвал бы взрыв остальных, и тогда в воздух полетела бы вся «чертова кухня».

В первом батальоне выплавкой тола занялась Тоня Любченко, совсем еще девчонка, с припухшими по-детски губами и не по возрасту задумчивым лицом. Эта девушка уже успела испить из горькой чаши, выпавшей на долю ее поколения. С первого курса Брянского лесного

института она пошла с сандружину. Воевала на Брянском фронте. Потом закончила разведшколу и была переброшена через фронт в немецкий тыл. В отряде Константина Заслонова она была разведчицей, инструктором подрывного дела, вела работу по деморализации немецких формирований предателя Власова.

Однажды Тоне дали задание срочно связаться с подпольщиками, действовавшими во власовских частях, расположенных в Осинторфе. Она благополучно вошла в гарнизон, встретила нужного человека, передала ему указания Заслонова. Кое в чем ей важно было бы убедиться лично, но времени на это не было: то, что ей сообщили, требовалось немедленно передать в отряд: против бригады Заслонова была подготовлена крупная провокация. В район расположения бригады направлялись два батальона власовцев, переодетых в красноармейскую форму. Партизанский агент не знал только, на какое время назначено выступление.

Вечером Тоня выбралась из гарнизона, в деревне Медведенки встретила двух поджидавших девушек, у которых было ее оружие, и втроем они поспешили в отряд. Могли ли они знать, когда шли, задыхаясь от усталости, не позволяя себе и минуты передышки, что батальоны изменников вместе с немецкими инструкторами уже выехали на машинах в расположение заслоновской бригады?

Где-то совсем уже близко были заставы партизан, когда девушек неожиданно обстреляли из засады. Отстреливаясь, они отходили к болоту. И тут произошло несчастье: Тоня упала в глубокую осушительную канаву и о корневище тяжело поранила ногу. Нога сильно болела, стала отекать, Тоня едва двигалась.

И пришлось девушкам зайти в деревню Риндево, где жила мать одного из партизан заслоновского отряда.

Женщина промыла и перевязала покалеченную Тонину ногу, покормила девушек и рассказала, что весь день немцы и власовцы прочесывали лес, а в деревне Куповат, где стоял штаб бригады, был большой бой.

Куда же им было идти? Разведчицы решили подождать до утра, чтобы уточнить обстановку. Однако на рассвете в деревню вошли власовцы. Пришлось покинуть хату, спрятаться в школьном сарае, стоявшем на отлете, чтобы, дождавшись там темноты, идти на поиски своих.

Весь день в деревне постреливали, власовцы не уезжали, но девушек никто не обнаружил. А в сумерках в сарай пришел за соломой мужчина, проживавший в школе под видом беженца. Застав там девушек, он притворился своим, рассказал, что накануне бригада Заслонова приняла бой и отошла в направлении Лепельских лесов, пообещал, что как только власовцы покинут деревню, он даст об этом знать.

Человек этот оказался подлецом. Он предал девушек врагам.

«Через полчаса после его ухода сарай окружили, и мы были схвачены,— рассказывала потом Тоня.— Я отстреливалась, но даже не успела, а может, и не сумела воспользоваться последним патроном в пистолете. Выстрел-то получился, но то ли девушки, то ли набросившиеся, как собаки, власовцы — о, какие же это были сволочи! — помешали, и моя пуля разбила ногу человеку, который оказался честным».

Девушек схватили и повели на допрос к тому, как потом стало известно, сам искал связи с партизанами. И он сделал для них все, что мог сделать в своем положении, — постарался уничтожить улики. Он сжег поддельный паспорт Тони и документы других девушек и сказал: «Будем считать, что вы скрывались от угона в Германию». И тут же написал донесение «шефам» о задержании, прося оставить задержанных для работ на Осинторфе.

Но ему отказали: в Германии нужна была рабочая сила. Девушек отправили в Оршанский лагерь. Кто-то донес, что Тоня и ее подруги не просто скрывались от отправки в Германию. Начались допросы, зверские избиения. Но улик не было, и палачи из «службы безопасности» поместили их в партию, подготовленную для отправки на немецкую каторгу.

«У меня,— рассказывала Тоня,— дело кончилось одним допросом, после которого я неделю не могла двигаться. Потом вместе с другими нас стали гонять мыть немецкие уборные. От голода и побоев кружилась голова, а чуть пошатнешься — пинок в спину».

Так продолжалось полтора месяца. В это время подпольщики на Осинторфе делали все, чтобы освободить партизанских разведчиц. По их настоянию один из власовских начальников, готовивший себе оправдание перед

Советской властью, подписал письмо немцам, в котором просил «вернуть ему как подарок к рождеству задержанную его людьми Любскую¹ за его преданную службу немецким властям и рейху».

Такая цена за предательство не показалась немцам чрезмерной.

«Накануне в лагере прошел слух, что завтра нас отправят в Германию,— вспоминала Тоня.—И вдруг утром входит охранник: «Любская, следуйте за мной!» Что-то страшное сковало все тело. Подошли девушки, молча пожали руки. Меня вывели. В соседней комнатухе, служившей, очевидно, конторой начальника цеха², бросили узел поношенной, но чистой одежды — не по росту, не по размеру. Была я тогда маленькая и совсем худая. Велели переодеться. Боялись, гады, чтобы их «гуманность» не увидели те, кого пытались обмануть: ведь одежда на мне кишела вшами и слиплась от засохшей крови. Потом меня вывели на двор, посадили в автомобиль. Сели два немца. Впереди шла машина, и я узнала русского офицера, присутствовавшего при первом допросе в деревне, когда были сожжены наши документы».

О спасении Тоня давно перестала думать. Но если бы только она знала, что ее везли как «рождественский подарок» за заслуги подлеца. Как рабу везли, как вещь! Когда же выяснилось, каким образом ее удалось вырвать, и только ее одну, Тоня содрогнулась.

И вот она в гарнизоне власовцев, среди русских. Попробуй разберись, кто здесь чужой, кто свой!

Капитан шепнул: «Жить тихо, не пытаться бежать» и... «Заслонов погиб».

В присутствии того же капитана состоялась передача «подарка». Немцы поздравили «хозяина», оставили Тоню и уехали. Он объяснил ей ее обязанности: вместе с другой, уже работавшей у него женщиной, она должна стирать белье, мыть полы, поддерживать порядок в доме, который он занимал.

Поселили в каморке, где уже жила та женщина. Постоянно пьяному «спасителю» было не до них. Он пытался утопить в вине свою черную совесть: ведь в это время под Сталинградом в окружении советских войск

¹ Так власовцы называли Тоню в следственном деле.

² Лагерь размещался в корпусах оршанского льнокомбината.

уже агонизировала трехсоттысячная армия Гитлера. Жалкий игрок видел свое фиаско.

Но тогда еще Тоня не знала, что этот человек вел двойную игру с далеким прицелом. В случае нашей победы он готовился обелить себя перед органами Советской власти, в противном случае — использовать партизанку как приманку для подпольщиков и еще выше поднять свои акции в глазах немцев, выдав им партизан.

Не сразу Тоня поняла, что к чему. Внешне все это выглядело действительно как спасение. Но ведь она оказалась на положении вещи! И Тоня боялась показаться на пороге дома, боялась людской молвы, того, что ее оскорбят, обзовут шлюхой, немецкой подстилкой. Но когда однажды она уже собиралась сказать капитану, что больше не может здесь оставаться — будь, что будет, — чья-то влиятельная рука, а чья, она и сама не знала, направила ее работать на гарнизонный коммутатор.

Здесь Тоня оказалась в центре всей телефонной связи между двумя гарнизонами, в курсе всех переговоров начальства. И невольно она подумала: «Неужели это случайность?».

С первых дней пребывания в полку она показала себя бесстрашной девушкой. Ходила на диверсии к железным дорогам, лично пустила под откос два эшелона, лежала в обороне, не уступая в смелости и ловкости мужчинам, а когда стало нужно делать взрывчатку, она сама попросила меня поручить это ей.

Однажды, когда Тоня отвернулась от своей адской установки, неопытный партизан, заменявший заболевшего помощника, перекалил жаровни, на которых лежали 152-миллиметровые снаряды. Вспыхнул сильный огонь. Увидев это, Тоня кинулась к костру. Она закричала партизану, чтобы он немедленно уходил, и стала голыми руками разбрасывать поыхавшие дрова.

Несчастье все-таки произошло: у одного из снарядов, который больше других свисал с железного листа, раскалилось днище, и, наверное, расплавленный тол создал сильное давление на еще не успевшую расплавиться взрывчатку в головной части снаряда. Тоня успела предотвратить взрыв остальных снарядов, но сама была отброшена далеко от костра. Тяжело контуженную, получившую шестнадцать осколочных ранений, ее выта-

щили из-под раскаленного листа железа и в бессознательном состоянии доставили в партизанский госпиталь. Врачи нашли у нее несколько переломов рук, она потеряла глаз, были переломаны обе ключицы. Положение девушки, особенно если учесть, что мы не могли обеспечить ей более или менее сносное лечение, казалось безнадежным. И все-таки ее поставили на ноги. Помогли поистине самоотверженные усилия партизанских врачей, богатырская воля и жажда жизни, свойственная самой Тоне.

После войны она окончила Киевский лесотехнический институт и работает в Одесской области. Но Смоленщину, как и многие партизаны-гришинцы, считает своей родиной.

ВОЙНА НА РЕЛЬСАХ. ЧАУСЫ

одном из своих приказов в мае 1942 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин указывал, что разгром немецких армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями Красной Армии на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов с тыла. Мы принимали все меры к тому, чтобы выполнить возложенную на нас задачу. Удары по одной из артерий немецкого фронта — железной дороге

Могилев — Кричев привели к тому, что ночное движение поездов было прекращено здесь совершенно.

Подрывные группы сидели почти на каждом отрезке пути в два-три километра. Оккупанты всеми силами старались предотвратить удары партизан по дорогам. После каждого крушения они немедленно растаскивали обломки эшелонов, восстанавливали полотно, и днем поезда

шли один за другим. Охрана была усилена до такой степени, что дневные диверсии стали невозможными. В наиболее уязвимых местах у немцев были сильные засады с мощными огневыми средствами, по полотну непрерывно патрулировали группы солдат. Захватчики применяли даже такие меры: выгоняли на ночь к линии население прилегающих к железной дороге деревень и расставляли вдоль полотна. Людям приказывали немедленно сообщать охране о появлении партизан. Немцы угрожали, что там, где будет произведен взрыв или заложена мина, охраняющих полотно расстреляют как пособников партизан. С вечера до утра сотни людей — женщин, стариков и подростков — стояли вдоль полотна на расстоянии двадцати-тридцати метров друг от друга.

Но и это не спасло захватчиков от катастроф на транспорте. Невольные «охранники» находили выход из положения: они беспрепятственно подпускали партизан к дороге и даже помогали ставить мины, после чего по взаимному уговору, мы связывали их, затыкали им платками рты, и это спасало их от расправы.

Немцы придумывали все новые и новые тактические ходы для охраны дороги. Соответственно изменяли свою тактику и мы.

Чтобы предотвратить выход из строя паровозов, оккупанты пускали впереди них по две груженные платформы. Наши подрывники сконструировали взрыватель замедленного действия, и мина все равно рвалась под паровозом. Когда обнаружилось, что фашисты организуют засады, мы усилили наблюдение, и разведчики предупреждали подрывников о том, где находится засада. Вражеские засады неделями просиживали без толку, а поезда летели под откос в других местах.

А когда где-нибудь для подрывников все же создавалась почти невозможная обстановка, они шли на другие дороги за пятьдесят-сто километров и там взрывали поезда либо выходили на диверсию уже не маленькой подрывной группой, а взводами, ротами и брали дорогу с боем.

Лучший подрывник первого батальона Михаил Степанов стал политруком второй роты. Несколько дней подряд подрывные группы безуспешно пытались взорвать поезд на перегоне Могилев — Реста. Тогда Степанов,

несмотря на приступ ревматизма, пошел на диверсию сам.

Вместо обычных шести-восьми килограммов тола для мины он взял пятнадцать. Участок железной дороги западнее станции Реста немцы считали наиболее безопасным. Тут не было ни лесов, ни больших кустарников; частая сеть полицейских гарнизонов, расположенных в деревнях, и близость Могилева являлись надежным прикрытием.

Как правило, поезда на этом перегоне днем развивали большую скорость. Это заранее было установлено Степановым. С двумя партизанами он в течение двух суток по ночам знакомился с подходами к полотну, изучая систему обороны, а также порядок движения поездов. У него было составлено расписание движения на любое время суток, и получилось, что лучше всего подрывать поезда в промежуток между 10 и 11 часами вечера. В это время составы еще не прекращают движения, а охрана несколько снижает бдительность: фашисты ужинают. К тому же в сумерки проще незаметно подойти к дороге.

Учтя все это, Степанов сумел заложить мину в двух километрах от станции и в семистах метрах от дзота, в котором находилась охрана участка. Мина была заложена тогда, когда стал виден приближающийся поезд.

Ни охрана, ни машинист не заметили подползавших по-пластунки партизан. Заряд установил сам Степанов. Тщательно маскировать его не было необходимости.

Подрывники соскочили с насыпи и скрылись в высокой осоке. Состав мчался по изгибу дороги с большой скоростью. Машинист торопился засветло прибыть на станцию Чаусы.

И вдруг в вечерних влажных сумерках раздался оглушительный взрыв. Паровоз, подхваченный взрывной волной, был подброшен и напором эшелона поставлен поперек полотна. Какое-то мгновение он сдерживал чудовищный натиск разогнавшейся массы металла, затем рухнул набок. Под откос пошел весь состав.

Степанов и его группа благополучно вернулись в полк. Через день из Могилева, Чаус и Кричева наши люди сообщили о результатах крушения: разбит паровоз и четырнадцать вагонов, большинство солдат и офицеров убито или ранено. Судьба ехавших на Курск

дугу гитлеровцев была решена близ маленькой белорусской станции Реста.

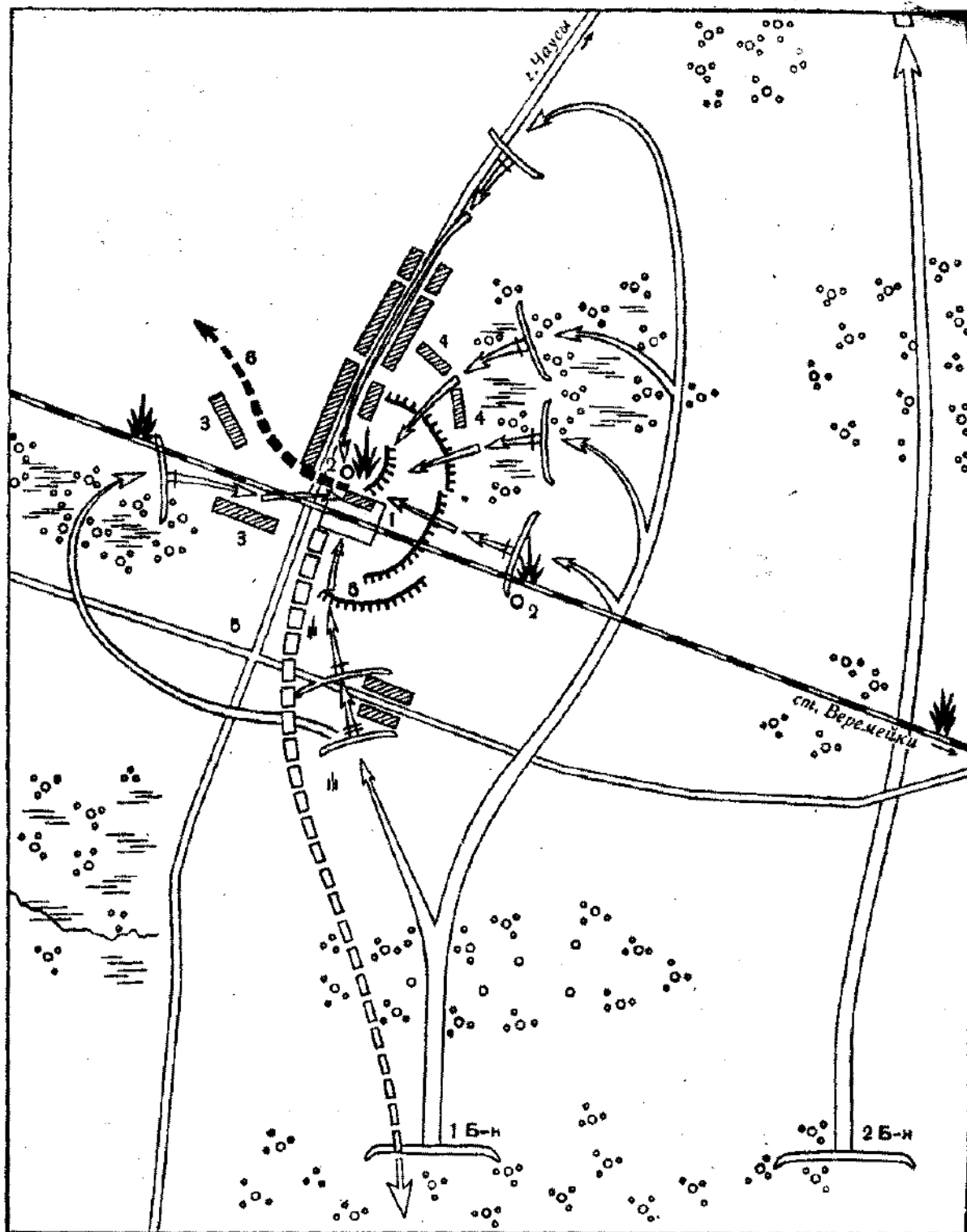
Михаил Степанов не был «удачником-одиночкой». В других подразделениях полка все знали об умных и бесстрашных подрывниках Иване Майорове, Иване Елкине и многих других. У каждого из них на счету было по десять-двенадцать эшелонов. Им и их товарищам обязан полк тем, что в июне — июле 1943 года было подорвано в общей сложности тридцать четыре эшелона. Можно себе представить, какова была реальная помощь нашим войскам, готовившимся к отражению немецкого наступления в районе Курска.

К середине мая железные дороги Могилев — Кричев и Кричев — Орша хотя и продолжали работать, но пропускали не более четырех-шести пар поездов в сутки. На шоссе Москва — Брест ежедневно завязывались бои и горели машины.

В дополнение к диверсиям на полотне железной дороги командир полка решил нанести удар по станциям и разъездам.

Первому батальону было приказано вести полевую и агентурную разведку вокруг гарнизона станции Чаусы. Здесь стояло крупное подразделение 286-й охранной немецкой дивизии. Третий батальон должен был вести разведку и готовить разгром станции Веремейки. Второй готовился к разгрому немцев в укрепленном предместье города Чаусы — совхозе «Ялово». Этот удар был задуман как отвлекающий: чтобы не допустить на станцию во время разгрома ее первым батальоном вражеских солдат из гарнизона, расположенного в двух километрах от станции. Четвертый батальон и группа конной разведки нацеливались на станцию Шашино и укрепленный пункт Зыбачев, где находилась водокачка, снабжавшая станцию Веремейки.

Не прекращая боевой деятельности, подразделения полка повели усиленную разведку. К станции и городу Чаусы я выезжал несколько ночей подряд, ознакомился с местностью, с подходами и системой укреплений. В течение недели батальон проводил тактические занятия по штурму укреплений, экспозиция которых соответствовала обороне станции.

**Разгром немецко-фашистского гарнизона на станции
Чаусы. 14 мая 1943 г.**

**1 — ст. Чаусы; 2 — водонапорные башни; 3 — склады;
4 — казармы; 5 — оборона противника; 6 — направле-
ние отхода остатков гарнизона; 7 — отход батальона
после операции.**

Время разгрома подходило, но дела у меня осложнялись. Командование полка приняло решение послать одну боевую группу под Смоленск для глубокой разведки и проведения боевых операций. Хотя в составе полка были сибиряки и москвичи, волжане и ленинградцы, белорусы и татары, мы привыкли считать себя смоляна-

ми, и нам не хотелось надолго порывать с землей, где зародился полк, где у многих остались родные и близкие люди, откуда мы ушли не по своей воле и куда надеялись скоро вернуться.

Выбор пал на командира роты Ивана Матяша. В его группу были отобраны самые опытные партизаны первого батальона. Мы отдали им лучшее оружие, и вечером второго мая напутствуемый добрыми пожеланиями товарищей Матяш повел своих орлов на север.

Я побаивался, что сокращение состава батальона отразится на выполнении приказа командира по разгрому большого гарнизона.

Когда батальоны провели тщательную разведку своих объектов и доложили результаты штабу полка, Гришин назначил день удара. В ночь на 14 мая пять боевых подразделений пошли на выполнение задания.

В полку сложилась традиция: первый батальон всегда выполнял наиболее ответственные поручения. Я это говорю не в умаление боевой деятельности других подразделений и их командиров. Дело в том, что первый батальон являлся как бы становым подразделением, где было больше «старых» партизан, тех, кто начал свою деятельность в тылу врага осенью 1941 и в начале 1942 года. Из первого батальона вышла и большая часть командного состава полка. Здесь начинали рядовыми партизанами или младшими командирами комиссар полка Иван Стрелков, комиссары батальонов Шалаев, Самсонов, Гордиенко, начальник штаба полка (последнего периода) Сергей Скворцов и секретарь комсомольского бюро Дуся Семенова. В этом батальоне они получили боевое крещение и стали хорошими партизанскими вожаками. Гришин надеялся на них, может быть, немножечко больше, потому и поручал задачи посложнее.

В Чаусы я мог повести с собой только двести человек. Наше вооружение состояло из двадцати двух пулеметов, двух ротных минометов и одной противотанковой пушки.

Разведка установила, что на этой станции противник держит сто сорок человек из войск охраны и сто человек из «остбатальона». Кроме того, все немцы — железнодорожные служащие и рабочие складов — вооружены.

На вооружении у них было четыре станковых пулемета, двенадцать ручных, два батальонных миномета

и четыре ротных, а боеприпасов — неограниченное количество.

Вокруг станции оккупанты построили окопы полного профиля, связанные траншеями с караульным помещением, превращенным в дзот, с вокзалом и большой двухэтажной казармой. Кроме того, у вокзала, водокачек и складов имелось восемь небольших дзотов, расположенных по замкнутой линии.

По нашим скромным партизанским возможностям это было солидно. Не хватало разве лишь проволочных заграждений.

Гарнизон города Чаусы, расположенный в двух километрах, насчитывал до четырехсот пятидесяти человек и в любое время мог прийти на помощь станции. Поэтому не случайно Гришин предусмотрел удар по Ялову, находящемуся с другой стороны города.

Вечером 13 мая мы выходили из деревни Березовки, где в это время стоял полк. Нас провожали раненые из партизанского госпиталя и жители деревни. Из рядовых партизан никто не знал, на какое задание выходят подразделения: это держалось в строгом секрете. Однако одновременный выход всех батальонов, конечно, взволновал тех, кто не мог пойти с нами, и вызвал интерес у местных жителей.

Пестро одетые, с разносистемным оружием партизаны повзводно уходили на боевое задание.

Первый батальон двинулся на север. До станции Чаусы от Березовки было пятнадцать километров. Спустя час остановились на привал у берега реки Прони. Солнце заходило за высотку на той стороне реки, слабый ветерок играл на воде, покрывая ее мелкими чешуйками.

Здесь партизанам была разъяснена их задача по разгрому станции и рассказан подробный план операции. Важно было, чтобы каждый человек представил себе свое место в бою.

К железной дороге мы подходили с юга, главные укрепления станции располагались с севера от полотна, поэтому, чтобы вступить в соприкосновение с основными силами противника, нам предстояло перейти железную дорогу.

Весь личный состав был разделен на четыре неравные группы. Алексей Макаров должен был перейти на-

сыпь восточнее станции и силой трех взводов своей роты нанести удар с севера от города. Политруку роты Алексееву с сорока партизанами предстояло атаковать укрепления с юга, в лоб главным огневым точкам, в направлении караульного помещения, расположенного западнее вокзала. Сергей Скворцов со спешенными пятнадцатью конниками прорывался с юго-запада. В его задачу входило быстро овладеть помещениями вокзала и не дать занять его солдатам из казармы, удар по которой наносил Макаров. Уничтожение средств связи и железнодорожной аппаратуры входило в задачу Степанова. Железнодорожные служащие, размещенные в комнатах станции, должны были быть уничтожены или обезоружены.

Группа политрука Степанова, имея наготове взрывчатку, должна была по мере занятия станции подрывать крестовины стрелок, водонапорные башни и другое хозяйство. Из этой же группы было выделено шесть партизан, которым предстояло разойтись по трое и на расстоянии полутора километров от станции заминировать полотно с востока и запада, чтобы обеспечить безопасность операции на случай подброски немцами бронепоездов, которые стояли в Могилеве и Кричеве. Они могли сравнительно быстро прибыть в Чаусы.

Пушка подтягивалась на высоту и устанавливалась на прямую наводку, чтобы бить по караульному помещению. Нужно было только подтянуть ее скрытно и установить на расстоянии пятисот метров от караульного помещения.

Мы могли быть уверены в успехе лишь в том случае, если бы сумели сосредоточиться на рубежах атаки незамеченными. Поэтому, знакомя партизан с обстановкой и разъясняя им задачу, я обращал особенное внимание на строжайшее соблюдение тишины и маскировки. Внезапность всегда была одним из крупных козырей партизан.

Когда мы поднялись, чтобы продолжать путь, яркие краски майского дня медленно гасли. Окрестность але-ла, небо становилось синим, одна за другой загорались яркие крупные звезды. С реки тянуло сыростью, над лугом поднимался туман. Вся природа дышала покоем, располагала к безмятежной, мирной жизни, и хотелось, чтобы на плечах людей, шагавших в вечерних сумерках,

было не оружие, а звонкие косы, для которых и росла эта душистая и сочная трава.

Но шла война, и в который уж раз мы проходили через примолкшие деревни и опустевшие поля, и в который уж раз мысленно проклинали захватчиков.

Около 12 часов ночи в деревне Голочево, расположенной в одном километре от станции, ожидавшая нас разведка сообщила очень неприятную новость: во второй половине дня на станцию походной колонной пришло до батальона солдат противника. Сразу мелькнула мысль: немцы узнали о намерениях партизан. Неужели же в наших рядах есть предатель? И если он есть, то когда же он мог предупредить фашистов?

Перепроверять полученные данные было поздно. Оставался выбор: рисковать или возвращаться на базу. И мы решили рисковать.

Некоторые считают, что в партизанской войне даже при самой хорошей организации присутствует некий авантюрный элемент. Это неправда. Вся операция была тщательно продумана, а решение принято после того, как проанализирована и оценена обстановка. В ее изменении были определенные минусы, но были и плюсы.

Минус заключался в том, что гарнизон численно стал больше, сила его сопротивления увеличилась. Но как знать? Если это не специальные силы, прибывшие встретить партизан, то не ослабнет ли от этого бдительность солдат основного состава гарнизона, которые — это мы знали хорошо — спали, не раздеваясь. Я подумал об этом, вспомнив опыт уничтожения гарнизона в деревне Пучики на Смоленщине. Тогда мы шли на разгром тридцати полицейских, а напоролись на две сотни немецких шоферов и почти без потерь с нашей стороны сожгли сто пятьдесят автомашин¹.

Группы пошли на исходные рубежи. Первым повел свою роту Алексей Макаров. Скрытый переход полотна во многом определял успех. Затем через некоторое время вышли на сближение с противником и другие группы. Пушку сняли с передков, и расчет на руках выдвигал

¹ Правда, в сводке полка, переданной штабу партизанского движения, мы указали 36 автомашин, но потом было установлено, что в Пучиках сгорело 150 автомашин. Немцам потребовалась неделя, чтобы перевезти их обгорелые остовы в Рудню. Партизан было всего 60 человек под командой Николая Мельникова.

ее. Все делалось с величайшей осторожностью, так, чтобы не возбудить у врага ни малейшего подозрения.

Приблизившись к самым укреплениям, мы убедились, что эта цель достигнута: солдаты охраны гарнизона были спокойны. Слышался окрик часового и ответ разводящего, назвавшего пароль, а потом... «Партизан, партизан!» — и хохот пугающих друг друга оккупантов.

А мы были рядом и, подготовившись, ждали.

В назначенное время, в час ночи, Вася Скворцов по моей команде послал вверх две условленные ракеты. И сразу застрочили пулеметы. Перебивая друг друга, затрещали автоматы, захлопали винтовочные выстрелы. Партизаны бросились на штурм. Нервно, скороговоркой отвечали им немецкие пулеметы, снопы трассирующих пуль летели во всех направлениях, где-то совсем близко, словно хлопущие, лопались разрывные пули, а надо всем этим, долбя и разрывая укрепления, методично, со скрежетом рвались снаряды у караульного помещения. Часто разрывались ручные гранаты, время от времени ухали противотанковые.

В первые минуты боя группа Алексеева блокировала несколько блиндажей. Макаров благополучно перешел полотно дороги, нанес удар по казарме и отсекал спавших там немцев от траншей, выкопанных вблизи нее. Сергей Скворцов с разведгруппой, сделав под огнем вражеских пулеметов бросок, окружил вокзал; перебив в короткой схватке полусонных немцев, разведчики заняли помещение. Установленный на чердаке вокзала пулемет разведгруппы ударил в тыл немцам, преграждавшим дорогу Макарову с северной стороны.

Подход к вокзалу был быстро очищен. Перенеся командный пункт от пушки к помещению станции, я руководил боем через связных, а когда объекты атаки стали ближе, отдавал команду голосом, пытаюсь перекричать грохот боя.

Часть вокзального помещения, как и доносила разведка, оказалась приспособленной под общежитие железнодорожных служащих. Теперь здесь всюду были видны следы панического бегства: разбросано обмундирование, оружие, на койках валялось белье, скомканные одеяла. В одной из комнат под столом светился карманный фонарик, тут же в углу на тумбочке шипел семиламповый радиоприемник «Телефункен».

— Настраивай на Москву,— мимоходом, шутя, сказал я Сергею Скворцову, вскочившему в комнату через окно, а сам выбежал на перрон. У дверей вокзала передо мной появился Сережа Луппов.

— Товарищ командир, по телефону установлена связь со станцией Веремейки.

— Ну и что же?

— Немцы там кричат и ругаются по-русски. С ними говорит лейтенант Ренгач. Они просят сообщить обстановку и помочь связаться с Могилевом, чтобы немедленно выслали бронепоезд. Станция, говорят, окружена партизанами, полицейские разбегаются.

— Хорошо, Сережа, значит, Звездаев подсыпает им перцу.

В это время из диспетчерской вышел Николай Ренгач. Он владел немецким языком. В ответ на истерические вопли коменданта станции, которую громил батальон Звездаева, он предложил немедленно сложить оружие и сдаться в плен. Поняв, что Чаусы уже заняты партизанами, комендант Веремеек перестал передавать сигналы бедствия.

Но до победы было еще далеко. Напряженность боя возрастала. Гитлеровцы оправились после первой растерянности и поднялись в контратаку. Из траншеи, выкопанной вокруг западной водонапорной башни, летели к окнам вокзала немецкие гранаты. Истошно крича, немцы выскочили из укрытия и пошли на приступ. И вдруг среди ночи, освещенной пожаром, в суматоху боя во-
рвалось:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Трудно даже выразить, как это было неожиданно и кстати. Мощный радиоприемник разносил вдохновенные слова и звуки. Почти все партизаны, кроме взвода Алексеева, слышали страстный, зовущий к победе голос Москвы.

Автоматчики группы Скворцова из окон вокзала, а пулеметчики с чердака встретили контратакующих немцев ураганным огнем в упор. Враги заметались на открытой площадке. Подошедшие взводы Макарова поливали их фланговым огнем. Фашисты, успевшие выска-

чить из казармы и занять траншеи, теперь корчились в них от адской жары полыхавшего рядом здания. Другие выскакивали из окон и, хорошо освещенные, попадали под перекрестный огонь групп Макарова и Скворцова.

А песня в ночи звучала горячим призывом:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб...

Бой длился уже больше часа, кончались боеприпасы, но тут кто-то в одной из комнат вокзала обнаружил склад патронов и гранат. Все, кто находился рядом со мной у здания вокзала, понесли патроны взводам, пулеметчикам. Партизаны усилили напор на сопротивляющиеся группы врага и смяли многие из них. Оставалась невзятая траншея у водонапорной башни, ожесточенно сопротивлялось караульное помещение.

Алексеев, получив трофейные противотанковые гранаты, глушил ими дзот. Взвод Зайцева забрасывал гранатами загнанных в траншею немцев у водонапорной башни. Сафонов вылавливал фашистов, прятавшихся среди станционных построек. Группа Степанова рвала стрелки и крестовины. Уже бушевало пламя подожженных складов с двумя тысячами тонн зерна и муки, горел склад прессованного сена, оглушительным взрывом была подорвана восточная водонапорная башня.

В это время тяжело ранило Алексея Макарова. Заменявший его политрук Степанов минут через пять получил несколько осколочных ранений от разорвавшейся рядом немецкой гранаты, но, несмотря на израненную, окровавленную спину, отказался выйти из боя. Пришлось настойчиво повторить приказ. Роту принял Николай Зайцев, однако вскоре были ранены и он, и Сафонов, который пытался взять живым офицера. Почти весь командный состав вышел из строя, а враги ожесточенно сопротивлялись.

Рискуя порвать голосовые связки, я подал команду атаковать круговую траншею возле башни. Сотни гранат полетели в окоп, могучее, последнее в этом бою «ура» поднялось к утреннему небу. В траншее закипела непродолжительная, но жестокая рукопашная схватка. И вот гитлеровцы поголовно уничтожены.

Связной от Алексеева доложил о взятии караульного помещения. Бой кончился.

На подогнанные Василием Агаповым повозки партизаны грузили богатые трофеи. Уложили и радиоприемник. Но люди все еще находились под впечатлением московской радиопередачи, сопутствовавшей этому ожесточенному бою. Работники Московского радио и не предполагали, что вместе с нами участвовали в бою. А ведь это было так.

Совсем рассвело, когда в воздух взвились две сигнальные ракеты, возвестившие об отходе. Бой закончился полным разгромом немецкого гарнизона станции Чаусы и потрепанного батальона солдат, прибывших накануне с фронта для отдыха.

С тяжело нагруженными повозками батальон возвращался на свою базу.

Радость победы омрачали потери, которые мы понесли: двенадцать человек убитых и раненых! Тяжело раненных командира роты Макарова, пулеметчиков Громакова и Ракина мы отправили на базу еще до окончания боя.

Рядом с колонной партизан понуро шагала группа плененных немцев.

При разгроме гарнизона Чаусы партизанами было взято четыре станковых и одиннадцать ручных пулеметов, два батальонных миномета, сто тридцать винтовок и много боеприпасов, материалов и имущества. Богатые трофеи!

В ночь, когда первый батальон разгромил немецкий гарнизон станции Чаусы, другие подразделения полка вели тяжелые бои на своих участках.

Третий батальон под командованием комбата Звездаева и комиссара полка Стрелкова ворвался на станцию Веремейки и завязал бой.

Немецкая часть, дислоцировавшаяся на станции, встретила наступавших мощным огнем. В первые минуты схватки партизаны овладели основными пунктами станции, но немцы успели занять укрепления и яростно сопротивлялись. Звездаев был тяжело ранен. Из строя вышло несколько командиров рот и взводов, произошла заминка в рядах атакующих. Немцы воспользовались короткой паузой и контратаковали партизан. Комиссар полка Стрелков, приняв на себя командование, до утра

сдерживал контратаки. Партизаны забрасывали гранатами окопы и блиндажи, рвали стрелки и крестовины, разрушали станционное оборудование. Когда станция практически была выведена из строя, отпала необходимость штурма укреплений, и партизаны отступили.

Кирилл Новиков, водивший свой батальон на разгром разъезда Шашино, разрушил и поджег станционные постройки, порвал средства связи и сигнализации. Охранный гарнизон был изолирован и просидел в укреплениях, беспомощно наблюдая, как партизаны хозяйничают на железнодорожных путях.

В задачу второго батальона входило произвести демонстрацию наступления на город Чаусы с севера, чтобы не допустить удара по первому батальону, громившему станцию. Но Семен Иванов не только сковал гарнизон города, он разгромил до основания помещичье хозяйство, организованное на базе совхоза, и угнал много скота. Потом партизаны роздали его крестьянам.

* * *

Спустя два дня мы хоронили смертельно раненного в Чаусах Алексея Макарова и других товарищей. Под могильными холмиками обрели вечный покой вместе со своим боевым командиром бесстрашные пулеметчики Миша Громаков из деревни Лойно Касплянского района и Ваня Ракин, тракторист из Сибири.

Врачам не удалось спасти Алексея Макарова. Он получил тяжелое ранение разрывной пулей. Открылась газовая гангрена, и смерть унесла чудесного человека. скромного, веселого, не знавшего страха.

Бойцы любили Алексея сыновней любовью, уважали и высоко ценили его и старшие командиры.

За два часа до смерти он передал мне письмо к жене и сыну. Вот что писал он, обращаясь к пятилетнему ребенку:

«Мой дорогой сыночек. Ты никогда не увидишь своего папу. Подрастешь — мама расскажет тебе о твоём отце, о его жизни и о песнях его, о том, как он любил вас, как хотел обнять в свой предсмертный час.

Расти, мой милый, мой дорогой. Будь умным, слушайся маму. Ещё я тебе завещаю: люби нашу Родину,

как любил ее твой отец, не унывай от трудностей жизни, их может быть много на твоём пути. Я умираю за твоё счастье, за счастье Родины, которая поможет тебе встать на ноги. И ещё: ищи в жизни хороших, честных друзей, опирайся на них и поддерживай их.

Прощайте, мои дорогие, мои любимые».

Это письмо Алексей попросил меня прочесть вслух. Склонившись к его изголовью, я читал строки, написанные дрожащей рукой, карандашом, на двух небольших клочках бумаги. Слезы застилали глаза, я глотал их, и они комом становились в горле. Глухо рыдали Зина Кондратович и Дора Давыденкова, кусал от горя и бессилия сухие губы хирург Тимофей Левченко. А Алексей тихо лежал и вслушивался в слова своего письма, будто проверял, все ли написал, что хотел.

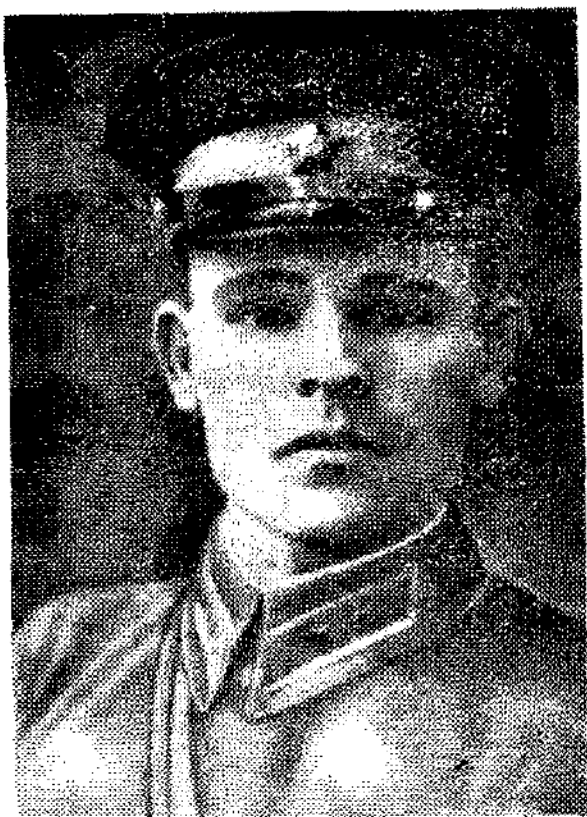
— Николай Иванович, — сказал он, — будете на Большой земле, напишите жене и сыну про мою смерть, про Чаусы, напишите и где меня похоронят.

И я в первый и последний раз увидел, как из его глаз, покрытых пеленой смерти, скатилась крупная слеза, оставляя влажную полосочку на небритой щеке.

Сильного человека не надо утешать. И мы не делали этого. Я обещал исполнить его просьбу, но, увы, не смог этого сделать до сих пор. После выхода в советский тыл на протяжении нескольких лет я разыскивал жену Макарова, однако письма мои оставались без ответа. Брат Алексея, которого мне удалось найти, не смог помочь.

Синим майским утром товарищи-командиры подняли гроб Алексея Макарова и донесли до могилы. Над свежими холмиками из желтого песка от имени партизан второй роты говорил пулеметчик Иван Глинкин. Он прочитал свои стихи, посвященные герою.

Ничего, что стихи были несовершенны. Они так тро-

Командир роты Алексей Макаров.

нули людей, что их последние строки слились с рыданиями девушек и женщин, помрачнели, до боли в пальцах сжали свое оружие суровые партизаны.

Могилы утонули в живых цветах, собранных девушками. Долго еще женщины белорусской деревни Березовки оплакивали незнакомых им людей.

А боевая жизнь шла своим чередом. Вторую роту принял Михаил Степанов. Молодой, здоровый организм быстро заживлял раны, и уже через две недели Михаил со своей ротой жег на Варшавке колонны немецких автомашин.

Основательный разгром Чаус и мощные удары по другим станциям почти полностью парализовали движение на железной дороге. Это не могло не вызвать ответных мер со стороны оккупантов.

Данные, полученные разведкой, говорили, что большая карательная экспедиция противника в течение мая блокировала группировку белорусских партизан в районе Кричев — Свислочь — Воевичи, севернее Бобруйска. Не добившись там успеха, противник спешно стал перебрасывать силы в район действия полка «Тринадцать».

Через несколько дней после разгрома железнодорожных станций немцы заняли ряд деревень со стороны Черикова и Славгорода. Одна из колонн с пушками и крупнокалиберными пулеметами обошла наши заставы и заняла деревни Телеш и Тросливку. Деревни эти, расположенные в семи-восьми километрах от Березовки, находились под контролем первого батальона.

Пришлось немедленно поднять батальон для удара по Телешам. Взвод Николая Ренгача был послан в обход Телешей, чтобы нанести удар с тыла. А я с двумя неполными ротами сосредоточился перед деревней на опушке леса. Ренгач был смелый и грамотный командир. Он с ходу ворвался в занятую немцами деревню и завязал бой на ее северной окраине. Немцев было до двухсот человек. Сначала они пришли в замешательство, а затем яростно навалились на маленькую группу партизан.

Две наши пушки, сопровождавшие основной состав батальона, открыли огонь по центру деревни, а роты были брошены в атаку. Отвлеченные группой Ренгача, огонь которой все более слабел, оккупанты заметили наступление только тогда, когда партизаны вошли в де-

ревню и заняли постройки. Теперь уже не взвод Ренгача, к которому немцы развернулись фронтом, а две наши роты наносили им удары с тыла. И началась паника. Немцы побежали по огородам, бросая повозки, убитых, раненых.

Они устремились к деревне Тросливке, где остановились главные силы их группировки.

Наиболее подвижный взвод Зайцева был брошен по ложине параллельно движению гитлеровцев, чтобы ударить им во фланг. Остальные взводы, в том числе и оправившийся после натиска взвод Ренгача, расстреливали отступающих, преследуя их.

В это время из Тросливки навстречу бегущим карателям ударила их артиллерия. Быстрота, с которой партизаны вышибли немцев из Телешей, спутала все карты, и немцы приняли своих отступающих за атакующих партизан. Создалась очень острая и интересная обстановка: почти в упор гитлеровцы вели огонь по своим, а мы лежали позади и не могли им «помочь» без риска подставить своих людей под немецкую шрапнель.

Взвод Николая Зайцева был вооружен шестью пулеметами и двадцатью автоматами. Он значительно выдвинулся вперед по пути отступления карателей. Опасаясь попасть под артиллерийские взрывы, Зайцев свернул несколько вправо и под прикрытием кустарника выскочил во фланг немецким артиллеристам, расположившимся на окраине Тросливки. Внезапно открытый им огонь заставил немцев спешно поставить две пушки на передки и скрыться в деревне. Как только прекратился огонь артиллерии, мы поднялись и преследовали остатки немцев, выгнанных из Телешей.

Только теперь фашисты поняли, что в деревню к ним бегут их же солдаты. Мы висели у них на плечах, и каратели, занявшие оборону по окраине деревни, не могли открыть по нам огня из стрелкового оружия. Отступавшие стали для нас как бы щитом.

Но, сообразив, что к чему, противник не захотел оставлять Тросливку с такой же легкостью, как Телешу. Пропустив в деревню остатки своих солдат, он, несмотря на сильный огонь, который вел по его обороне Зайцев, прижал нас огнем стрелкового оружия к земле и не позволил ворваться в деревню. Теперь уже мы оказались парой почти в чистом поле.

Рядом со мной разрывной пулей ранило в плечо Пашу Данченко. Пулеметчик Селиверстов, уткнувшись головой в диск пулемета, не подавал признаков жизни. Каждую минуту оправившийся противник мог развернуть артиллерию и сторицею взять реванш за Телешу.

Как раз в этот острый момент и подоспела рота третьего батальона, которую Гришин послал на подкрепление. Начальник штаба третьего батальона Кустов обошел деревню слева и развернул партизан для флангового удара. Противник понял, что он охвачен полукольцом, ослабил огонь и, отстреливаясь, стал отходить. Рота Алексеева поднялась, сделала бросок и ворвалась в деревню. Зайцев, верный своей тактике обходов, поднимал людей и по кустарнику, примыкавшему к огородам, бросился вперед, чтобы отрезать карателям отступление. Но было уже поздно. Немцы бежали вдоль деревни и по огородам, сопровождаемые длинными пулеметными очередями. Деревня была отбита. Решающую роль в этом сыграли партизаны третьего батальона, которые вовремя пришли к нам на помощь.

В боях за Телешу и Тросливку первый батальон потерял четырех человек. Погибли Степа Гапеев, старый партизан, прошедший с Гришиным весь путь, и Сережа Луппов, молодой, до самозабвения смелый партизан. А пулеметчик Селиверстов, раненный в грудь, отлежался на пулемете и нашел силы взвалить пулемет на плечи и прийти в Тросливку.

Потери немцев были очень велики. Только на поле от огня своей артиллерии и наших пулеметов осталось более шестидесяти трупов. Много погибло и в Тросливке.

В бою под Тросливкой мне пришлось оказывать первую медицинскую помощь: перевязывать тяжело раненую Пашу Данченко. Под сильным пулеметным огнем я оттащил ее, почти бездыханную, в глубокую борозду на поле, достал из ее сумки бинты и вату, разорвал одежду, чтобы добраться до раны. Пуля «дум-дум» попала в правое плечо и почти отделила руку в суставе. Вход и выход пули были ужасны. Фонтаном хлестала кровь. Мои пальцы проваливались в рану. Развернув стерильный бинт, трофейной ватой я стал закрывать рану со стороны груди и спины, но эрзац-вата немедленно превращалась в кровавые лохмотья. Побелевшая, как снег, рука висела безжизненной плетью. Остановить кр

мне не удавалось. В это время ко мне подползли двое партизан, и мы, обложив рану громадными кусками ваты, стали прибинтовывать руку к плечу и туловищу. Затем положили раненую на плащ-палатку, и товарищиптащили ее по борозде к кювету большака, где и передали подползшей сестре Доре Давыденковой.

Огонь врага не ослабевал, я вышел на большак и встал за громадную придорожную березу. В это время немцы с противоположного конца Тросливки открыли обстрел нашей цепи. Видимо, совершенно случайно мина калибра батальонного миномета угодила в середину березы, за которой я стоял. Раздался оглушительно резкий, квакающий взрыв. Меня обдало черным удушливым дымом. Он был настолько плотен, что показалось, будто я задыхаюсь. Когда дым рассеялся, я почувствовал, что остался невредим, но мои окровавленные после перевязки Паши руки и обмундирование были покрыты толстым слоем сажи. Горько-сладкая сажа была во рту, щекотала в носу, застилала глаза.

Вскоре была подана команда «В атаку», партизаны опередили меня, и я, оказавшись позади наступающих, пошел в Тросливку. Верхом на коне меня догнал командир полка. Я остановился, хотел доложить ему обстановку, но, видя, что Гришин как-то странно, беззвучно шевелит губами, пришел в недоумение, даже разозлился. И вдруг я понял, что ничего не слышу. Взрывом мины над головой я был легко контужен и потерял слух.

Гришин же, увидев меня окровавленного и перепачканного копотью, оказывается, возмущался тем, что я не иду в тыл на перевязку. Показав ему на свои уши, я вскочил на лошадь, предложенную его ординарцем, и вместе с командиром мы вслед за наступавшими въехали в Тросливку.

Комбинированные удары полка по коммуникациям врага и действия по разгрому вражеских гарнизонов были высоко оценены Смоленским обкомом партии, Западным штабом партизанского движения и армейским командованием.

В эти дни была получена радиограмма Смоленского обкома партии Гришину. «С восхищением следим за вашей героической борьбой. Уверены, что личный состав полка с честью выполнит боевое задание Родины. Слава партизанам полка Гришина. Попов».

ПАРТИЗАНСКАЯ ПОМОЩЬ АРМИИ

емцы усиленно готовили наступление в районе Курска. Не называя местности, на которой должно было развернуться «одно из решающих сражений», они широко вешали о том, что «летнее наступление решит судьбу Европы на ближайшее тысячелетие». Геббельс, захлебываясь, превозносил новый вид наступательного оружия, которое приготовлено для будущего сражения. А образцы этого оружия, провозимые под усиленной охраной на

закрытых фанерой платформах, летели под откос на всем протяжении железнодорожного пути от Бреста до Брянска и Орла.

В печати противника и в наших газетах еще ни разу не упоминалось слово «тигр». Но агентурная разведка полка доносила из Могилева, что при крушении эшелона, организованном Матяшом у станции Темный лес, было свалено под откос и исковеркано несколько новых, доселе неизвестных, очень мощных танков, окрашенных в желто-зеленый цвет. Как выяснилось позднее, это и были «тигры», предназначенные для разгрома советских войск на Курской дуге.

Брянско-орловское направление становилось решающим, и командование приказало нам остаться в занимаемом районе и усилить удары по врагу.

Готовясь к решающему наступлению на фронте, немцы метались в своем тылу, не зная, где нанести главный удар по партизанам: партизаны были всюду! Карательные экспедиции, набранные из войск охраны и снятых с фронта частей, перебрасывались с участка на участок.

Мы знали, что со дня на день начнется большое наступление на полк. Гришин отдал приказ оставить гостеприимную Березовку и, не удаляясь из района Кричев — Могилев — Славгород, маневрировать в этих

местах. Следующие недели полк совершал небольшие марши и располагался на стоянки в деревнях трех смежных районов.

Подрывные группы после получения взрывчатки, которую нам сбросили самолеты в конце июля, разошлись во все стороны. Когда на дорогах Кричев — Орша и Могилев — Кричев создавалась чуть ли не очередь подрывников, они уходили на дороги к Рославлю и Дубровке, переправлялись через Днепр и подрывали поезда между Жлобином, Рогачевом и Быховом. Четыре подрывные группы первого батальона вышли на Смоленщину, где продолжал действовать Матяш, отряд которого вырос до трехсот человек. В связи с усилившейся охраной дорог во главе подрывных групп были поставлены командиры, политруки, комиссары.

Группа Николая Зайцева пустила под откос восточнее станции Гусино два эшелона. На обратном пути, пробираясь через районы Смоленщины и Белоруссии, она же разгромила несколько волостей, прикончила двух помещиков, осевших на землях совхозов, и, не доходя одного перехода до расположения полка, в деревне Кротки налетела на засаду полицейских. Ловким маневром Зайцев вывел людей из-под неожиданного удара и атаковал полицаев. Завязался бой. Предатели были уничтожены, но и партизаны понесли потери. В схватке с врагом героически погибла молодая патриотка медицинская сестра Дора Давыденкова.

Маленькому некрологу на смерть Доры, написанному В. Козловской и напечатанному в полковой газете «Смерть врагам», был предпослан эпиграф из известной песни о героине гражданской войны:

Она храброй слыла,
но в одном из боев
ей подняться с земли
не пришлось...

«Еще недавно войну она знала по книгам, — говорилось в заметке, посвященной короткому жизненному пути Доры, — но сердцем любила Родину, и решение воевать пришло само... С мужественными и простыми людьми полка «Тринадцать» ходила она на боевые операции, с ними прошла тяжелый путь осени 1942 года, с ними пережила весну 1943 года. Бесстрашная комсомолка,

сколько раненых она спасла! Рискую жизнью, она под градом пуль вынесла из боя смертельно раненного командира роты Николая Ивановича Мельника...

Неутомимая, смелая, твердо верившая в победу — такой была и такой останется в нашей памяти Дора Давыденкова...

Она будет жить в делах полка, в благодарности народа, за который погибла, и, может быть, станция, где она родилась, станет носить имя отважной медсестры».

В то время, когда на Курской дуге наши войска перешли в контрнаступление, в тылу врага на тысячах километров железных дорог был нанесен невиданной силы удар. Все партизанские отряды, от маленьких диверсионных групп до больших соединений, одновременно вышли на магистрали и в ночь на 3 августа взорвали все артерии, по которым шло снабжение вражьих фронтов.

В этой совместной, операции ярко, как никогда ранее, проявилось взаимодействие партизан с Красной Армией.

На станциях и перегонах, на узлах и разъездах в первую ночь этого классического удара были остановлены тысячи поездов. Сотни их пошли под откос, десятки сгорели от партизанского огня на стоянках.

Приказ о рельсовой войне был выдающимся примером глубокой продуманности военно-стратегического плана Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил.

Самолеты доставили нам большое количество взрывчатки. Прибывший от Центрального штаба партизанского движения офицер связи старший лейтенант Голубь привез задание и инструкции по его выполнению. К операции «рельсовая война» в полку хорошо подготовились.

Нам потребовалось такое количество взрывчатки, которое не шло ни в какое сравнение со всем предыдущим. Ведь предстояло выйти для взрыва дорог не маленьким группам подрывников, а всему полку сразу, в полном составе.

Поэтому было решено использовать и свои собствен-

ные ресурсы. Наша самодельная двухсотграммовая шашка тола, выплавленная из снаряда, вырывала даже бóльший кусок рельса, чем шашки и «шарики», присланные с Большой земли. И вновь были мобилизованы люди на поиски снарядов. Во всех ротах задымились костры, на которых в железных таганцах и жаровнях выплавляли тол из снарядов и авиационных бомб.

Для практического обучения всех партизан подрывному делу каждый батальон добыл себе рельсы и на лошадях доставил их с железной дороги. Учились рвать их с наибольшим толком.

Наконец наступил вечер того памятного августовского дня, когда батальоны пошли на участки железной дороги. Слабый восточный ветерок доносил до нас приглушенный расстоянием гул канонады. Это советские войска, героически отбив наступление немцев под Курском и Белгородом, перешли в контрнаступление. Оно развивалось на широком фронте, и до нас через пространство доходил победный гул «бога войны» — советской артиллерии. Не зная замысла командования, мы чувствовали, что в эти дни свершается что-то грандиозное, может быть, одна из самых знаменательных операций этой войны. И потому в нашем сегодняшнем деле каждый партизан видел свою непосредственную помощь Красной Армии, действующей на фронте.

Оставив в лесу больных и раненых, подразделения, нагруженные толом, двинулись к железной дороге. Путь был неблизким, он пролегал через деревни Кричевского и Чаусского районов. Полк должен был подорвать участок дороги протяженностью в сорок километров.

К полуночи роты первого батальона приблизились к своим участкам на перегоне между станциями Осовец и Веремейки. Еще через тридцать минут, местами разогнав охрану, а местами и без боя мы вышли на полотно и заложили шашки тола, снабженные детонаторами. К бикфордовым шнурам прикрепили отрезки медленно горящего запального хлопкового шнура. Тол закладывали на стыках рельсов с той стороны, откуда подходили к дороге. Шашки слегка присыпали землей или гравием, запальные шнуры оставались на поверхности. В качестве «сюрпризов» хорошо замаскировали несколько десятков магнитных мин с часовым механизмом, установленным с расчетом методических взрывов в те-

чение последующих двух дней. Когда все заряды были расставлены, каждый на своем участке зажег запалы, соединенные через бикфордов шнур с детонатором. Чтобы уйти за насыпь или отойти в сторону, достаточно было одной минуты, пока тлели шнуры запалов. Если охрана не вела огня, запаливание проводилось одновременно по команде взводных командиров. Для поджога имелись специальные спички, но шнур хорошо загорался и от папиросы. По всему участку мерцали светлячки.

И вот началось! Яркие вспышки прорезали ночь, окрестность огласилась скрежетом вырванных и отлетающих кусков рельсов. С каждой секундой взрывов становилось все больше, а спустя полторы-две минуты они слились в сплошную канонаду.

В темноте ночи картина эта была грозна и величественна. Казалось, будто на узкой полосе, уходящей за горизонт, происходит извержение вулкана и расплавленная лава переливается в ночном тумане всеми цветами радуги.

На отдельных участках охрана дороги, сбита с полотна, пыталась обстреливать партизан. Но стоило только начаться взрывам, как вражеские пулеметы замолкли, и немцы не проявляли признаков жизни. Ошеломленные, они либо далеко убежали, либо залегли в неровностях местности, прижавшись к земле и не понимая, что происходит вокруг.

Пленные немцы, которые попадали к нам позже, рассказывали, что охранникам на полотне и солдатам в гарнизонах казалось, что партизаны применили какую-то новую адскую машину для разрушения всей железной дороги.

Неспокойно было в ту ночь оккупантам и в гарнизонах, расположенных вблизи железных дорог. Не спало и население окрестных деревень и поселков. Все от мала до велика были разбужены канонадой, грохотавшей по линии железной дороги. Многие из жителей взбирались на крыши домов и наблюдали необычную фантастическую иллюминацию. Они рассказывали, что первым их предположением было: прилетели десятки бесшумных советских самолетов и взорвали полотно, станции, разъезды — все, что существовало по линии железной дороги.

Перед утром первый батальон возвращался с задания. В деревне Губинщине население не спало. Ко мне

подошел старый седой колхозник. Со слезами радостного волнения он просил показать «машину», которая работала на «железке». Когда я указал на партизан, он, кажется, не поверил, но переспрашивать не стал, считая, что это военная тайна.

— Так им и надо, так им и надо, проклятым! Мы знали, что Советская власть придумает им погибель.

Наутро оккупанты могли оценить в полной мере, какой страшный урон был им нанесен. На участке от Кричева до Чаус движение поездов было прервано на восемь дней. А это были дни, когда в титанической битве под Курском уже трещал хребет немецкой военной машины, Орел и Белгород были освобождены и наши войска подходили к Брянску.

Удар по дорогам вынудил немцев усилить переброску грузов к фронту и эвакуацию награбленного имущества и раненых автотранспортом и по воздуху. Не используемые с начала войны большаки и даже проселочные дороги, не говоря уже о магистралях, оживились. По ним потянулись бесконечные колонны автомашин, сопровождаемые танкетками и бронемашинами.

Полк ответил на это шествие усилением ударов из засад. Теперь машины горели не только на Варшавке, но и на всех путях бегства врага.

Оккупанты пытались восстановить железные дороги. Они бросили на ремонт тысячи солдат; под угрозой расстрела заставили работать и население, проживавшее вблизи дорог. Чтобы заменить порванные рельсы, им пришлось разобрать вторые пути, были сняты все ветки и тупики.

Противнику было уже не до организации экспедиций по борьбе с партизанами. Войска СД и СА (войска охраны) и другие формирования восстанавливали и охраняли дороги.

В отместку за удары по железным дорогам противник послал в места расположения партизан несколько самолетов, но те не могли сделать ничего другого, как безжалостно жечь с воздуха дома ни в чем не повинных мирных жителей.

Через несколько дней удары по железным дорогам были повторены. Снова все партизаны вышли рвать восстановленное полотно. Но теперь это было труднее. Мы наталкивались не на обычную охрану, а на мощные

заслоны. На путях закипали жаркие ночные бои. Почти половина людей выделялась теперь в штурмовые группы, которым надлежало захватить участок полотна и обеспечить подход подрывников с зарядами.

Враги ожесточенно сопротивлялись. Особенно кровопролитные ночные бои вели батальоны Звездаева и Иванова. Однако работа железнодорожного транспорта снова была полностью парализована.

К этому времени в полку появился пятый батальон. Он был сформирован командиром роты первого батальона Иваном Матяшом. Посланный в мае с сорока партизанами под Смоленск Матяш в течение двух месяцев самостоятельно действовал юго-западнее города. После ухода полка здесь почти не осталось ни одной крупной партизанской группы. Маленькие партизанские отряды — секретаря Краснинского райкома Свиридова, Серегина, Бикбаева — имели очень узкую задачу, в основном разведывательного характера.

К Матяшу, который проявил себя дерзкими налетами на немецкие гарнизоны и полицейские гнезда, непрерывно шел вооруженный и безоружный народ. То были люди, бежавшие из плена, силой загнанные немцами в отряды самообороны и не успевшие влиться весной в полк белобилетники и окруженцы. Матяш собрал и вооружил за счет разгромленных гарнизонов двести девяносто человек. В меньшем масштабе и в более спокойной обстановке он повторил весенний рейд полка и, разогнав большое количество немецких и полицейских гарнизонов, уничтожив десятки волостей и управ, в июле вернулся в полк.

Особенно удачные операции провел Матяш по разгрому гарнизонов в местечке Рясна на дороге Могилев — Мстиславль, в деревнях Путьки, Сухари и Знамеричи. В бою у Знамеричей геройской смертью погиб наш Федя — Фридрих Браунгольц. Отстав от полка с небольшой группой партизан еще в апреле, Федя и его друзья ни на один день не прекращали борьбы с оккупантами. С приходом Матяша под Смоленск отставшие партизаны присоединились к нему. В окопах знамерического гарнизона, которых Браунгольц достиг одним из первых, гитлеровцы, поняв, что их призывает сложить оружие немец, сосредоточили на нем весь огонь.

Молодой антифашист Фридрих Браунгольц, погиб-

ший при разгроме этого гарнизона, с почестями похоронен на смоленской земле.

В самостоятельных операциях Иван Матяш проявил незаурядные способности командира-организатора и отличался храбростью и оригинальной тактической мыслью. Теперь не было необходимости оставлять его на положении командира роты, и Гришин издал приказ о преобразовании отряда Матяша в пятый батальон.

Так начало действовать еще одно подразделение, которое внесло большой вклад в героические дела партизанского полка «Тринадцать». Начальником штаба этого батальона

был назначен известный командир легендарной заставы, принявшей на себя первый удар японцев в июле 1938 года на сопке Заозерная в районе озера Хасан, Герой Советского Союза Петр Федорович Терешкин. Кто из наших сверстников не восхищался тогда подвигами Терешкина, Чернопятко, Батаршина и других героев Хасана!

Накануне Великой Отечественной войны Петр Федорович служил офицером разведки в составе 3-й армии. Армия с боями отходила от самой границы. Терешкин в июле 1941 года был тяжело ранен и до прихода Матяша скрывался от оккупантов среди местных жителей. Мне было приятно встретить этого человека. В дни моей юности, осенью 1938 года, как молодой участник разгрома японцев на озере Хасан, я имел счастье в Тихоокеанском госпитале Владивостока приветствовать Терешкина и его друзей по Заозерной и передать им подарки от своей части. Пути-дороги войны свели меня с Петром Федоровичем в глубоком тылу врага.

Комиссаром пятого батальона был назначен политрук одной из рот третьего батальона одессит Владимир Шевчук.

**Командир пятого батальона
Иван Матяш.**

СМОЛЕНСК ОСВОБОЖДЕН!

азбитые под Курском и Белгородом немцы отступали. Части Красной Армии, преследуя врага, к концу сентября 1943 года преодолели многочисленные рубежи немецкой обороны и подходили к рекам Сож и Проня.

Полк Гришина в это время действовал в междуречье Прони и Днепра. Днем и ночью громили мы вражеские обозы, рвали перед отступающими немецкими частями мосты, пускали под откос немецкие

эшелоны со штабами и награбленным имуществом. Однако в этот период была у нас и еще одна не менее важная задача — спасение мирных советских людей, угоняемых озверелыми фашистами в Германию.

Никогда еще, кажется, жизнь партизанского полка не была столь насыщена разнообразными событиями и эпизодами.

Стояли ясные, погожие дни ранней белорусской осени. Штаб Гришина располагался в небольшом лесочке. К нему со всех сторон занимаемой полком обширной территории прибывали конные и пешие связные с донесениями от батальонов. Командиры сообщали о боевых делах своих подразделений. Я просмотрел боевые донесения батальонов за 25 сентября. Именно в этот день Красная Армия освободила Смоленск.

Что же делал в этот день полк смоленских партизан, действовавший в Белоруссии?

Под Славгородом взводы первого батальона под командой Лыхина и Сафонова атаковали немецкую колонну, сожгли десять автомашин, уничтожили шестьдесят гитлеровцев. Под Чаусами батальон Матяша, удерживая большак, вел успешные бои с отступавшими вражескими частями. Матяш доносил: «Разбита колонна автомашин, убито пятьдесят гитлеровцев, взяты плен-

ные». Подрывники четвертого батальона в районе Быхов — Рогачев пустили под откос эшелоны с живой силой.

Взвод В. Щербакова освободил пятьсот советских людей под деревней Лесной, которая прославлена в веках битвой Петра Великого со шведским корпусом Левенгаупта. Иванов наголову разгромил конный обоз из сотни повозок и взял богатейшие трофеи. Только что созданный шестой батальон под командованием Якова Дулькина успешно пробовал свои силы на Варшавке под Довском.

Как сейчас вижу Гришина. Он сидит на пеньке и принимает связных, передает указания комбатам, ставит задачу начальнику разведки, выслушивает показания пленных, о которых докладывает контрразведчик Милехин, диктует донесение радисту Даниле Ершову для передачи шифровки штабу партизанского движения.

Недалеко от штаба, на опушке леса, внезапно затрещало несколько пулеметов. Раз, другой ударило противотанковое ружье. Гришин, ставивший через связного задачу одному из батальонов, поднялся с пенька, поправил колодку маузера и приказал послать связного, чтобы выяснить обстановку. Стрельба стихла так же внезапно, как и началась. А через кустарник уже бежал к штабу командир роты Михаил Степанов.

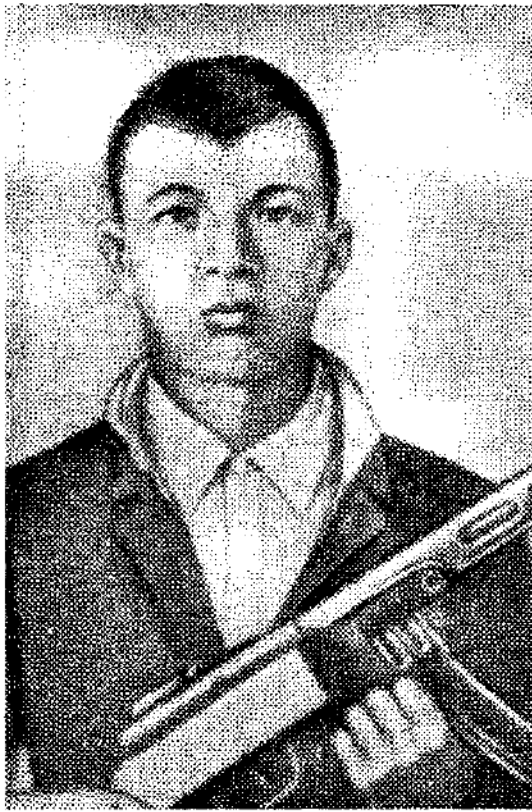
— По кому стреляли? — спросил командир полка.

— Обстреляна немецкая разведка, товарищ командир полка. Танкетка уничтожена, из группы немцев, сидевших на броне и в машине, в живых — никого! Нами взято три пулемета, патроны, документы и... две русские швейные машинки. А вот, обратите внимание, — Степанов развернул большую топографическую карту. — Здесь, кажется, отмечен путь движения немецких частей.

— Любопытно, — проговорил Гришин после тщательного изучения извилистой линии, проведенной красным карандашом через лес, в котором как раз и располагался штаб партизанского полка. — Что ж, придется приготовиться к встрече гостей.

Он спросил, кто подбил машину, передал благодарность Ларину и его отделению, которое быстро расправилось с немецкой разведкой. Продолжая глядеть на карту, приказал усилить заслон Степанова.

В штаб беспрерывно шли донесения. Конная разведка в составе семи человек при старшем Василии Агапо-

Четырнадцатилетний партизан.

ве организовала в деревне Бовки засаду на немецкий разъезд: уничтожено восемнадцать конников, взято четырнадцать лошадей с седлами. Взвод Синдеева, посланный в засаду на большак, под вечер приехал на трофейных велосипедах: полностью уничтожил большую группу самокатчиков. Командир взвода Николай Ренгач разбил санитарный обоз, захватил много медикаментов и перевязочного материала.

Это были дела всего одного дня. А вечером радио принесло радостную весть: Смоленск освобожден!

Я и сейчас слышу этот знакомый голос, читающий сводку «В последний час». В металлическом тембре звучит радостная взволнованность: «Смоленск отбит советскими войсками! Свобода пришла на древнюю, истерзанную фашистской нечистой землей!».

Эх, что тут было в эти минуты под штабной сосной у белорусской деревни Красная Поляна! Радовались, кричали «ура», бросали вверх шапки, целовались, качали радиста Ершова: ведь это он с наушниками на голове, первым выкрикнул: «Взят Смоленск!». Кто-то не выдержал и запустил в воздух длинную — на полдиска — очередь из автомата. Гришин крикнул, впрочем, не слишком-то строго:

— Прекратить стрельбу, нечистая сила!

Однако эта неожиданная очередь, раскатившаяся по лесу, немного охладила неумейный взрыв радости.

Всегда спокойный и немногословный Иван Арсентьевич Стрелков, только что высвободившийся из восторженных объятий партизан, гладил по голове прильнувшего к нему четырнадцатилетнего Колю Миченкова, прошедшего с полком весь путь и прозванного за простодушный детский юмор «Швейком». Комиссар что-то говорил Коле, а у самого по щекам текли счастли-

вые слезы. Трудно было представить себе комиссара, плачущего от горя и страдания. А вот выстраданная радость расплавила его сердце.

Все, кто был в эти минуты у штаба, окружили радиостанцию. Ершов снял наушники и включил громкоговоритель. Москва передавала стихотворение Михаила Исаковского. Тот же голос читал:

...Здравствуй, город древней русской славы,
Здравствуй, город юности моей!

Сколько раз в мучительной разлуке,
На войне вдыхая горький дым,
Издали протягивал я руки
К площадям и улицам твоим...

Не твоей ли кровью обливался
Каждый камень этих площадей?..
Все ты вынес, выдержал, не сдался,
Город-пленник, город всех скорбей.

От тебя ни пыткой, ни казнью
Враг не смог добиться ничего.
Верил ты, что будет этот праздник,
Праздник воскресенья твоего...

К площади, к дорогам, к переправам
Ты спешишь встречать богатырей..
Ты свободен, город русской славы,
Светлый город юности моей.

Надо было экономить питание. Батареи ценились на вес золота, но как выключить станцию, когда объявили, что хор Пятницкого исполняет песню о смоленских партизанах!

И на старой Смоленской дороге
Повстречали незваных гостей..
Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья..
Ой, туманы, мои растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

Так прошел этот памятный день — 25 сентября 1943 года. А ночью партизаны еще более ожесточенно встречали врага и наносили по нему удары. И много «чужеземцев незваных» осталось тогда на белорусских дорогах, «своего не увидев жилья».

БЛОКАДА

Красная Армия была близко. Мы с волнением ждали соединения с нею, ни на минуту не прекращая боевой деятельности.

Советская авиация громила скопления отступавших войск, все чаще и чаще появлялись над нами краснозвездные самолеты, вызывая несказанную радость партизан и деревенских жителей.

В эти дни в полку стало еще больше оружия, отобранного у противника. В каждом батальоне — до сотни и более пулеметов. Врага уничтожали его же оружием. Он же «снабжал» нас и боеприпасами.

Каждый день можно было слышать гул канонады: фронт стремительно двигался на запад.

Штаб партизанского движения приказал полку оставить под охраной в занимаемом районе госпиталь, а основному составу немедленно переправиться через Днепр для продолжения партизанской войны на правобережье.

Сборы были недолги. К вечеру того же дня полк двинулся на север, чтобы в районе Шклова форсировать Днепр.

С госпиталем был оставлен четвертый батальон. Кириллу Новикову ставилась задача — идти навстречу армии, соединиться с войсками, определить раненых по госпиталям, а самому с частью личного состава явиться в распоряжение Смоленского обкома партии.

Полк разведал переправы и в ночь на 28 сентября готовился форсировать реку. Однако вечером из Западного штаба поступила новая радиограмма. В ней нам приказывалось идти на соединение с частями Красной Армии.

Пришлось быстро менять маршрут и двигаться на восток, навстречу наступающим советским войскам.

К этому времени на реке Проне, которую нам пред-

стояло форсировать, еще не было немецких укреплений. Переправу можно было осуществить без затруднений. Но уже на марше командир полка получил донесение, что четвертому батальону, оставленному с госпиталем, не удалось переправиться через Сож и соединиться с частями армии южнее Славгорода. Тогда Гришин принял решение повернуть на юг, забрать с собой раненых и соединиться с частями в районе расположения госпиталя.

На это ушло два дня.

Между тем немцы заняли оборону по реке Проне, и наши части завязали бои на этом рубеже. Мы не сомневались, что через день-два части Красной Армии подойдут к Бовкам, которые находились в восемнадцати километрах от реки, и полк в полном составе вольется в их ряды. А пока партизаны завязывали бои с укреплявшимся по реке противником.

Однако прошедшие с упорными боями сотни километров советские войска остановились тогда на реке Проне. Им необходимо было подтянуть тылы, накопить резервы перед форсированием Днепра. И полк оказался зажатым в мешке между Днестром и линией обороны немцев. Воспользовавшись передышкой на фронте, генерал-фельдмаршал Буш не только поставил перед начальником охраны тыла центрального направления немецкого фронта задание бросить на полк Гришина 286-ю и 221-ю пехотные дивизии, но и выделил одну танковую бригаду из своего резерва и начал массовые операции по расчистке своего ближайшего тыла между Славгородом и Чаусами.

Гитлеровцам, пославшим на нас весной сорок третьего года генералов Полле и Гофгартена, пришлось снова столкнуться все с тем же полком Гришина, за «уничтожение» которого были получены награды.

Превосходство противника на этот раз было огромное. Общая численность врага, брошенного на полк, достигла двадцати пяти тысяч человек. Для уничтожения партизан были стянуты охранные дивизии. В их состав входили 87, 118, 442 и 747 гренадерские полки, 260 артполк, 448 и 412 отдельные батальоны, батальон «Припять», 617 пехотный и 519 саперный батальоны, танковые мотомеханизированные подразделения и другие специальные части. Кроме того, чтобы сковать

маневр полка, в ряде населенных пунктов были усилены гарнизоны полиции. На ближайших посадочных площадках базировались эскадрильи бомбардировочной и разведывательной авиации. Несколько звеньев истребительной авиации призваны были осуществлять блокаду полка с воздуха, чтобы исключить возможность оказания помощи партизанам со стороны советской авиации.

Операциями по разгрому нашего полка руководил командующий прифронтовым районом «Центр» генерал горнопехотных войск Кюблер, сменивший на этом посту фон Шенкендорфа, ставшего к этому времени гаулейтером Могилева.

Все это красноречиво говорило о том, насколько серьезны были намерения противника.

Мы не могли знать замыслов командования нашего фронта и, оставшись на западном берегу Прони, занялись уничтожением живой силы противника. Когда же стало известно, что части нашей армии остановились на рубеже этой реки, время для соединения было уже упущено. Прорваться через стабилизировавшийся фронт к своим частям стало невозможно: вдоль Прони построили мощную оборону, нейтральная полоса поймы превратилась в сплошные минные поля.

Не легче было и перейти на западный берег Днепра с огромным обозом раненых и бежавшими от фашистов мирными жителями. На Днепре немцы создали вторую по счету, но первую по значению линию обороны. Возможность маневра в прифронтовой полосе сузилась до предела.

Когда мы это поняли, оставалось одно: войти в лес, занять круговую оборону, укрепиться и, не прекращая борьбы, ожидать подхода частей Красной Армии.

В пользу такого решения говорило и сообщение штаба партизанского движения о неизбежности наступления наших частей буквально в эти же самые дни.

Местом круговой обороны Гришин избрал так называемое Городецкое урочище. В памяти шести тысяч партизан и многих тысяч мирных жителей оно останется Бовкинским лесом, получившим у нас название от села Бовки.

В пятидесяти километрах юго-восточнее Могилева, строго на восток от Быхова и северо-западнее Славгоро-

да, расположен упирающийся в реку Днепр небольшой лесок, в дванадцать километров длиной и четыре шириной. Он не представляет собой ничего особенного. Здесь нет сплошных, засасывающих все живое болот, как нет и непроходимых чащ, где можно скрыться от вражеской авиации. Трудно было, конечно, считать надежным убежищем такой лесной островок. Но другого выхода не было. Оставаясь на открытой местности, имея только стрелковое оружие и несколько противотанковых пушек при ограниченном количестве боеприпасов, полк немедленно поставил бы себя под удар танков и авиации. Да и немецкая артиллерия получила бы в таком случае возможность вести по партизанам огонь прямой наводкой. Лес же, как всегда, давал нам ряд тактических преимуществ.

Второго октября 1943 года полк занял круговую оборону. Все батальоны на указанных им участках спешно стали возводить укрепления в виде окопов, блиндажей, дзотов. Строительный материал был под руками, топоры и пилы с нами, поэтому работа двигалась быстро, а относительно спокойное поведение противника дало возможность уже к исходу дня хорошо зарыться в землю. Как потом стало известно через пленных и из документов, немцы не предполагали, что мы приняли решение обороняться в лесу. Они с лихорадочной поспешностью стягивали войска для окружения полка, а в местах, где можно было переправиться через Днепр, создавали крепкие заслоны с расчетом уничтожить партизан, если они двинутся на запад. Только 4 октября над лагерем появились воздушные разведчики — «рама» и «стрекоза», а уже пятого, закончив концентрацию охранных дивизий и имея данные воздушной разведки, противник бросил на нас многочисленную свору гренадеров.

У нас было решено: встретить врага на опушках леса. По всем дорожкам и тропинкам мы выставили усиленные заслоны, которые, окопавшись, должны были сдерживать врага, изматывая его силы на подходе к главному кольцу укреплений.

По опыту прошлых боев противник уже отлично знал боевой стиль и выдержку гришинцев и потому не решился приступить к штурму наших позиций сразу. В лес были посланы крупные разведгруппы. Они должны были

прощупать нашу оборону. Встреченные сильным огнем наших заслонов и потерпев неудачу при попытке обойти их, они отступили. Щадя свою живую силу, немецкое командование с 6 октября начало непрерывную бомбардировку наших позиций с воздуха и артиллерийский обстрел.

Ни днями, ни ночами не прекращалась орудийная стрельба. С наступлением темноты, когда смолкал гул бомбардировщиков, артиллерия переключалась на методический обстрел всей территории нашего лагеря. Через определенные промежутки времени слышался близкий выстрел, и вслед за ним с душераздирающим скрежетом рвался крупный снаряд. С расчетом психического воздействия на партизан противник вел ночной обстрел территории по всей площади занимаемого нами круга обороны. Снаряды падали и у окопов обороны, и у землянок раненых, и у штабного блиндажа. Того, что называется тылом, у нас не было.

Если где-нибудь среди зарослей по неосторожности проблескивал огонек, тут же «стрекоза», не прекращавшая облетов леса, сообщала координаты, и начинался артиллерийский налет.

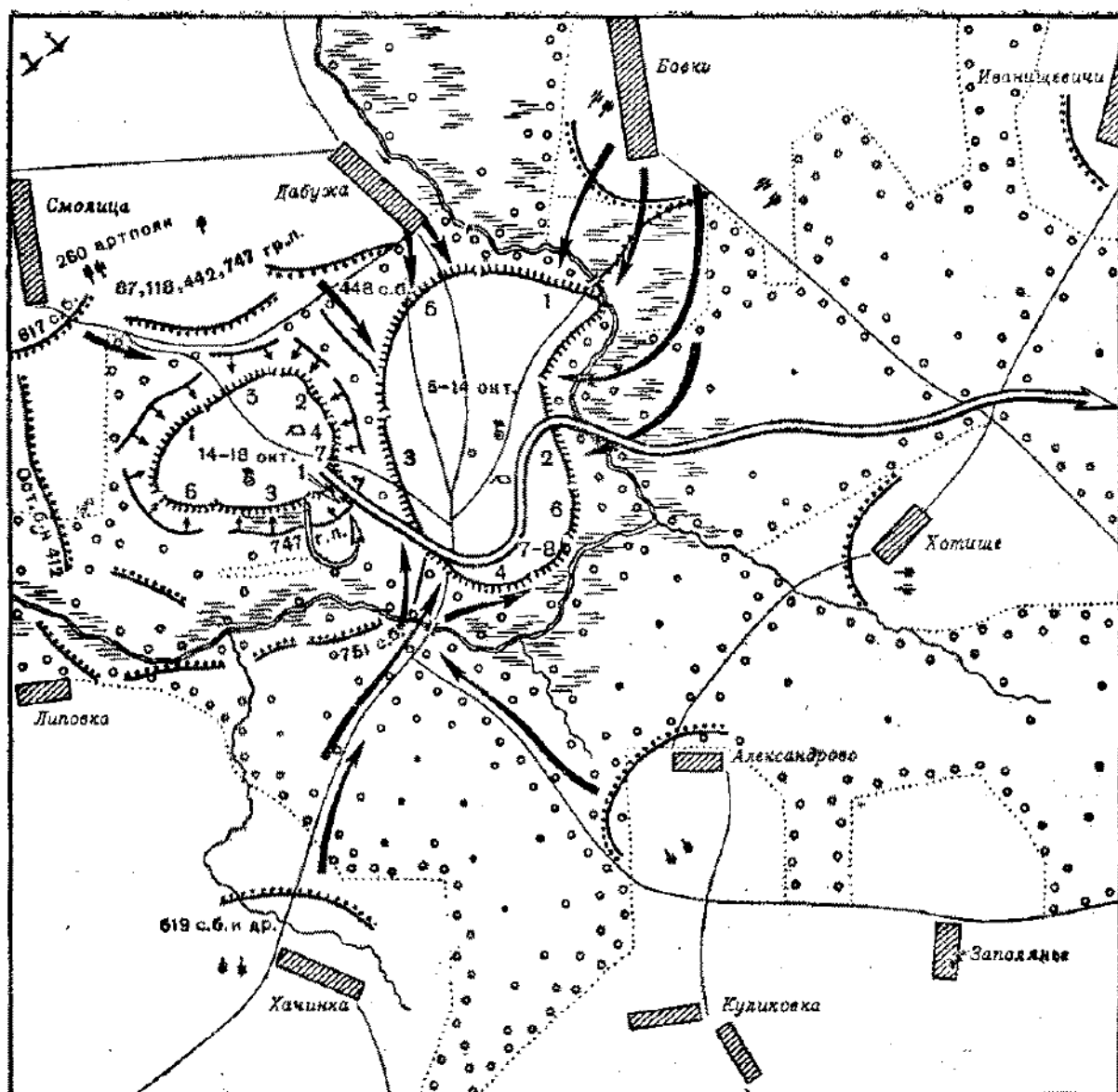
Восьмого октября, продолжая непрерывную бомбардировку с воздуха и артиллерийский обстрел, немцы бросили крупные силы пехоты с южной стороны. Их задача заключалась в овладении дорогой, рассекавшей лагерь на две части. Однако в двухдневных кровопролитных боях противник не добился никакого успеха.

С утра 10 октября немцы хлынули в лес со всех сторон. Одновременным натиском они хотели смять оборону партизан. На опушках леса и в глубине его завязались ожесточенные бои, все чаще и чаще переходившие в рукопашные схватки.

Вот как складывалась обстановка на участке обороны роты Алексеева.

У самой опушки леса протекала небольшая заболоченная речушка Ухлясть. Правый ее берег представлял собою сухую, слегка всхолмленную лесную опушку. Левый же был сильно заболочен и, переходя в густой кустарник, тянулся вплоть до возвышенностей, окаймляющих лес на расстоянии двух-трех километров.

Алексеев получил задание: не пропускать противника через гать в лес. Небольшой мостик на Ухлясти был

Окружение партизанского полка «Тринадцать» противником в октябре 1943 года. Бовкинская блокада.

1 — линия обороны партизан — номера батальонов — места расположения штаба полка и лагерей местных жителей; 2 — удар с тыла, нанесенный ротой третьего батальона; 3 — направление прорыва полка и выход его из окружения; 4 — направление ударов противника; 5 — первое кольцо окружения полка противником; 6 — второе кольцо окружения полка; 7 — позиция артиллерии противника; 8 — аэродром противника.

разрушен. Рота окопалась над берегом и ждала. Наблюдатели, сидевшие на высоких деревьях, донесли: со стороны Бовок немцы группами по тридцать-сорок человек подтягиваются к болоту и скрываются в его кустарниках. Таких групп насчитали восемь. Противник сосредоточивался для атаки.

Когда фашисты перешли на чистое от кустов пространство полуосушенного в этом месте болота, их артил-

лерия открыла беглый огонь по опушке леса, где окопалась рота Алексеева. Цепь перебежками приближалась к реке. Еще минута — и показались первые каратели. Артиллерия перенесла огонь с опушки в глубь леса. Рота партизан ничем не выдавала своего присутствия.

Не встречая огня, фашисты, видимо, предположили, что мы покинули оборону. Они в течение нескольких минут обстреливали опушку из автоматов и пулеметов, а затем все более смело скапливались перед рекой, в семидесяти-ста метрах от замаскировавшихся партизан. И наконец с шумом, без разведки, как стадо сгрудившихся баранов, полезли в топь речушки.

Алексеев подал команду: «Огонь!». По скопившимся гренадерам хлестнул свинцовый дождь.

Пятнадцать пулеметов и более тридцати автоматов, десятки скорострельных винтовок на узком участке, с короткой дистанции, почти в упор косили самонадеянных карателей. Пойманные в ловушку на открытой местности, барахтаясь в грязи и воде, они бросали оружие и пытались бежать, но пулеметчики Семенов, Просви́ркин, Пыпарев и другие настигали их огнем своих пулеметов.

Отбиты были атаки и на участках всех других батальонов.

Однако фашисты не остановились на этом. Через полчаса над опушкой, по которой проходила оборона первого батальона, появились шесть тяжелых бомбардировщиков типа «дорнье». Стервятники бросали крупные бомбы, сотрясая окрестность и руша деревья. Из-под их крыльев вываливались кассеты рассыпавшихся в воздухе маленьких бомбочек, похожих на обыкновенные мины от ротных минометов. Артиллерия снова была по обороне. Огонь пушек был губительнее бомбардировки.

Партизаны ожидали новой атаки. Убитых и тяжело раненых унесли в лес. Перевязанные наспех легко раненые оставались на линии обороны.

В промежутке между атакой и новой бомбардировкой Алексеев, подсчитав захваченные при бегстве немцев боеприпасы, сообщил мне короткой запиской: «В бою взял патроны и ротные мины. Хватит отбить один-два приступа. От артиллерии и бомбежки с воздуха имею потери. Настроение людей бодрое. При выходе боеприпасов роту брошу в контратаку».

Немцы не замедлили повторить атаку, но теперь они действовали осторожнее: еще издали открыли ураганный ружейно-пулеметный огонь. Несколько их цепей перекатами быстро продвигались к Ухлясти. Появившаяся «рама» на бреющем полете, чуть не задевая верхушки деревьев, обстреливала опушку и оборонявшихся партизан. Рота мужественно отбивалась от наседавших врагов. Расширив фронт атаки, противник с одинаковым ожесточением нажимал теперь и на роту четвертого батальона, которая держала оборону слева от Алексеева. Командир этой роты Каюда здорово помог Алексееву огнем во время первой атаки, а теперь его рота сама подверглась не менее ожесточенному натиску.

Все новые и новые группы немцев подходили к реке. Бой шел более двух часов. Но ни одному гитлеровцу перейти реку не удалось. Враг пытался обойти оборону Алексеева справа, но, встреченный ротой Шембея, вынужден был отказаться от своего намерения. Маленькая Ухлясть стала линией смерти гренадерских рот гитлеровцев.

Убедившись в невозможности прорваться в лес, фашисты попробовали окопаться в торфяной почве. Под прикрытием бесконечно длинных пулеметных очередей, с которыми мы не могли состязаться из-за нехватки боеприпасов, они, лежа, копали ячейки. В это время мы с Кириллом Новиковым приползли в окопы на стык рот Каюды и Алексеева. Нам доложили, что нет боеприпасов. Со стороны немцев огонь не ослабевал, и каждую минуту они могли возобновить атаку. Артиллерия с новой силой обрушила удар по обороне, а цепь карателей придвинулась к огневому валу на расстояние разлетов осколков. Когда же пушки перенесли огонь в тыл и мы смогли поднять головы из своих щелей, немцы перешли Ухлясть. Таким образом, мы оказались лицом к лицу с цепью врага.

Из щели в щель, из окопа в окоп передавалась команда:

— Подготовиться к контратаке!

И, оставив спасительные окопы и щели, партизаны бросились на врагов.

Это был дерзкий, ошеломляющий удар. Противник, имея тройное численное превосходство, пустился наутек. Даже убежденные на опыте в твердости партизанской

обороны немцы, видимо, не предполагали, что их могут контратаковать, и поэтому, не приняв рукопашной схватки, предпочли убежать.

Риск оправдался, враг еще раз был отброшен, понес большие потери, а рота получила новую партию боеприпасов и вооружения. Гришину была послана коротенькая записка.

«На обороне у Алексеева кончались патроны. Приказал контратаковать. Взяты пулеметы, патроны. Среди убитых немцев командир роты обер-лейтенант Носке. Планшет с картами и другими документами посылаю при этом. Имею потери, о них донесу позже. Из пленных оставляю одного, остальных — в штаб. Подробности — боевым донесением».

Бой шел на участках всех подразделений полка. Под деревней Дабужье атаки гренадеров, поддержанные танками, отбивал Матяш. Под Смолицей героически дрался батальон Звездаева. С юга отбивали атаки батальоны Иванова и Дулькина.

Даже в таких условиях командир полка находил возможность посылать небольшие группы через кольцо блокады для организации засад и уничтожения живой силы и техники врага. 10 октября подрывная группа третьего батальона во главе с Иваном Майоровым разрушила мост у деревни Трилесино, по которому немцы подбрасывали грузы к фронту. Командир отделения комсомолец Казак, просочившись с группой бойцов ночью через кольцо окружения, поджег у населенного пункта Кульшичи четыре автомашины; пятнадцать гитлеровцев были убиты и ранены.

Под покровом ночи группы выходили из леса, совершали смелые налеты на вражеские объекты и ночью же возвращались в окруженный лагерь, чтобы с утра отбивать атаки немцев. Такой тактический прием вводил противника в заблуждение, создавал впечатление, будто партизаны не только засели в лесу, но и заняли всю территорию вокруг него.

Все дни блокады взвод Федора Буслаева из первого батальона находился за кольцом окружения, и мы уже считали, что он скорее всего погиб. Но оказалось, что, не имея возможности прорваться в полк, буслаевский взвод ежедневно менял места стоянки, днем устраивал засады на дорогах, по ночам — вблизи осажденного лагеря. Он

нападал на небольшие группы гитлеровцев, жег машины, обстреливал деревни, в которых располагались каратели, наводя на них панику и частично отвлекая силы, брошенные на партизан, от выполнения их главной задачи.

К 11 октября на участках второго, третьего и пятого батальонов гренадерам удалось войти в лес. Теперь бои закипали у самых окопов укрепленного лагеря. По их ожесточенности можно было судить, какие решительные цели ставили перед собой каратели. А на фронте было тихо. Разведчики, посылаемые к передовой, не возвращались. Помощь не приходила.

Между тем боеприпасы иссякали, число раненых с каждым днем увеличивалось, курева не осталось, продукты были на исходе. Правда, еще были лошади. Их убивали. И с наступлением темноты в глубоких тщательно укрытых землянках, в закоптелых ведрах и даже в трофейных касках бурлило партизанское варево — куски конины на болотной воде. Мы поедали это без соли и без сухарей, но и без жалоб на свою судьбу. Она ведь бывала к нам и очень щедрa!

«Слово — моя профессия, — писал в одном из послевоенных очерков о гришинцах поэт Марк Максимов. — Но у меня нет слов, чтобы описать огонь, который обрушивался на нашу партизанскую оборону, на наши неглубокие окопчики с брустверами, выложенными не из бетона, а из прямоугольничков мягкого, еще живого дерна. Я был политруком. Но у меня нет слов, чтобы как следует доложить тебе, товарищ время, о том, что принято называть политико-моральным состоянием полка. Для фашистской группы армий «Центр» твердыни Москвы были дальше, чем когда бы то ни было. А для партизан близки, как никогда. Москва была в сердцах, и брустверы из дерна стали твердынями».

Немцы знали, что мы начинаем голодать, и пошли на коварный прием. После дневных боев, когда начинало темнеть, они расставляли с подветренной стороны осажденного лагеря свои кухни, и ветер приносил к нам вкусные запахи пищи. У многих наступало головокружение, голод становился острее, острее. Все это было. Но лишь невежественный враг мог рассчитывать, что таким дешевым приемом достигнет какой-то цели. Нет, он все еще не понимал природы советского человека и его отношения к Родине. Деморализовать партизан за-

пахом жирной похлебки? Липовыми листовками? Фальшивыми радиопередачами? Не на таких напали! Эти «гастрономические» и демагогические атаки не достигали своей цели.

Едва затихал грохот боя, как кто-нибудь из партизанских музыкантов вытаскивал из землянки баян, и по наполненному сдержанными шорохами лесу далеко разносились его переливы. Ничего, что на звук баяна иной раз летели мины и снаряды. Прекращался обстрел, и вновь оживали звуки музыки, и в ночном воздухе звенела песня далекого детства: «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...» Артиллерийский налет усиливался, а засыпанный землей от взрывов баянист перебирался на другой край обороны, и баян снова играл, словно выговаривал: «Вперед, заре навстречу, товарищи, в борьбе. Штыками и картечью проложим путь себе».

В один из таких вечеров на обороне второго батальона замолк пробитый осколком снаряда баян. Поникла голова умирающего баяниста Ступина. Наступила зловещая тишина. Тогда с неразлучной гитарой поднялся из окопа политрук Петренко. Гитара сменила баян, как сменяет боец погибшего на посту товарища. Нужно было обладать поистине великой силой духа, чтобы у трупа друга, подавив леденящее душу горе, вновь запеть мелодию торжествующей жизни. В этой окрыляющей мелодии и в новых словах, которые политрук Максимов за неимением бумаги написал на березовой коре, было столько жизненной силы и веры в победу, что противнику стоило бы призадуматься о характере советского человека.

Партизанская дорога вся исхожена,
Мы сидим в дозоре строго, настороженно.
Если сунутся фашисты, пулемет, работай чисто,
И накроется колонна, чем положено...
Рвутся мины и снаряды, чуть живы кусты,
Окружить хотят нас гады и не выпустить,
Но выходят из блокады партизанские отряды,
И лови-ка в поле ветра, на-ка выкуси!

Песня звучала язвительной насмешкой, злой издевкой над врагом.

У его подруги в Руре дети плодятся,
Привезти бы дуре яйки муж заботится.
— Эх, бандюга, вылезай-ка! Ждет подруга

дома яйки,—

Яйки биты, да и пивень не воротится.

Каждый день с раннего утра появлялись самолеты. Они бросали бомбы и тысячи мелких мин, которые падали всюду. У штабной землянки разорвалась средней величины бомба. Взрывной волной далеко отбросило ящик, служивший столом начальнику штаба Лариону Узлову, машинистку Марусю Лагутину оглушило и засыпало землей.

Пикируя на обнаруженный среди леса окоп, «рама» сбросила серию осколочных бомб, но они разорвались в расположении немцев. Поднялся шум, крик, прекратилась стрельба. А в батальоне, куда целил летчик, шутники объявляли немцу благодарность за правильный расчет бомбометания.

Плохо одетые и обутые, голодные, обросшие щетиной, с землистыми от пороховой гари и бессонницы лицами, с впадьинами у глаз и опухшими от отсутствия соли деснами люди находили в себе силы шутить и смеяться. Издеваясь над хвастливыми, безграмотными листовками врага, которые были отпечатаны на оборотной стороне топографических карт восточных областей Советского Союза, партизаны острили:

— Не нужны стали немцам карты Урала. Но скоро и карты Германии не понадобятся.

Множество песен и частушек сочинили партизаны. Появилась масса анекдотов по поводу двухнедельных отпусков, обещанных командованием своим гренадерам за уничтожение полка Гришина. В перехваченном нами приказе командующего 4-й армией говорилось:

«Солдатам, кои отличатся в разгроме банды Гришина, будет предоставлен двухнедельный отпуск с выездом к семьям в Германию».

Остервенело штурмывая партизанскую оборону, немцы, жаждавшие перевести дух в тесном семейном кругу, с отчаянием фанатиков перли на наши окопы, но получали отпуска бессрочно, на вечные времена.

И хотя положение нашего полка с каждым днем ухудшалось, мы, сознавая опасность, верили, что если даже не подойдут наши части, Гришин выведет полк. Не раз он выводил нас из самых, казалось бы, безвыходных положений.

В результате боев противник получил полную картину нашей обороны и системы наших немудрых укреплений. Его авиация и артиллерия имели точные данные

для бомбежки и артиллерийского обстрела. И потому оставаться здесь было уже невозможно. От непрерывной бомбардировки по линии партизанской обороны все деревья, до сих пор служившие хорошей маскировкой, были побиты, наши окопы и блиндажи обнаружались. Враг усилил удары с воздуха.

Гришин решил пойти на прорыв и попытаться форсировать Днепр, тем более что разведка накануне донесла, будто в некоторых местах на Днепре засады сняты.

Мы отдавали себе отчет, что в небольшом лесу, обложенном со всех сторон превосходящими силами противника, маневрировать невозможно. Однако можно было предположить, что если не удастся форсировать Днепр с ходу, то при удачном прорыве, пока противник начнет вести разведку и перегруппировку, мы выиграем хотя бы один день, в течение которого окопаемся и замаскируемся, но уже на новом месте. За этот день, возможно, изменится и обстановка на фронте.

В ночь на 15 октября, когда батальоны подготовились к прорыву, наша разведка обнаружила, что западная часть леса очищена, противник отсюда спешно снялся и бесшумно куда-то ушел. Перед этим весь день батальоны Матяша и Звездаева отбивали здесь непрерывные атаки. Возникло подозрение: не пронюхал ли враг через своих шпионов (в нашей круговой обороне находились тысячи мирных жителей, среди которых мог затесаться и предатель) намерение партизан? Ведь в этом случае он мог приготовить нам опасный сюрприз.

Не исключалась возможность, что немцы ринутся на полк, когда он оставит окопы и приготовится к маршу.

Но выбирать было не из чего. Оставаться дальше становилось бессмысленным.

Гришин усилил боковое охранение, выдвинул мощную головную походную заставу, а также арьергардное прикрытие, и мы двинулись на запад. Часть мирных жителей, находившихся с партизанами, пошла с полком, другая — осталась в своих землянках.

Стоило только колонне партизан вытянуться, как противник дал о себе знать. По опушкам леса, с севера, юга и востока залаяли немецкие пулеметы.

Колонна продолжала движение, каждую минуту ожидая атаки врага с любой стороны. Но пулеметы противника пока еще били издали. Лишь изредка, пробивая

толщу леса и кустарника, над нашими головами посвистывали одиночные пули. Молчала артиллерия, молчали минометы.

Почему же они не атакуют нас на марше? Может, удерживает страх перед ночным лесом? И почему они разомкнули кольцо блокады?

Да, не одну загадку задала нам эта тревожная ночь.

Кое-что все же удалось узнать.

Ночью к полку пробился раненый партизан одного из белорусских отрядов. Вместе с нами в Бовкинском лесу находилась часть партизанского полка Демидова. Демидов особенно настаивал на том, чтобы идти на переправу к Днепру. Хорошо зная местность и имея запрятанные средства переправы, белорусские товарищи считали, что в случае прорыва блокады можно под прикрытием длинной октябрьской ночи переправиться на правый берег. Это было примерно 10 октября. Тогда еще плотность немецкого окружения позволяла небольшой группе пройти через кольцо без боя. Но Гришин, сообразуясь с обстановкой и имея приказ соединиться с частями Красной Армии, отклонил предложение Демидова.

Мы считали, что Демидову удалось выйти из окружения. Теперь нам стало известно, что его группу численностью до батальона постигла трагическая участь: за день до нашего выхода она была почти полностью уничтожена в узком проходе между двумя болотами.

Стал понятен смысл тактики врага. Ему было известно, что полк пойдет к Днепру. И он заранее сосредоточил в единственном возможном проходе — дефиле между двумя болотами — артиллерию и танки, чтобы нанести верный и сокрушительный удар по партизанам.

Производя шум позади нас и на наших флангах, немцы рассчитывали, что мы «клюнем» на тишину, царившую впереди в узком проходе на болоте, где нас постигнет участь демидовцев.

Полк был остановлен в трех километрах от прежней обороны на сравнительно сухом месте. В густых зарослях сосен и елей батальоны расположились замкнутым кольцом и сразу приступили к постройке укреплений. Несмотря на усталость и истощение, надо было рыть окопы, щели, строить блиндажи. Ведь завтра никто не ожидал передышки.

Рано утром к расположению полка подошла разведка противника. И почти полностью была уничтожена. А к середине дня все началось сначала, и два дня непрерывно сражались партизаны с двумя охранными дивизиями и фронтовыми частями фельдмаршала Буша.

Изнурение, вынужденная бессонница и голод давали о себе знать все больше. Теперь уже и вареное конское мясо без соли было мечтой, но костры, даже самые маленькие, разжигать стало невозможно, и единственной пищей была сырая конина, а единственной поддержкой — сознание воинского долга.

Противник атаковал беспрерывно. Изредка мы принимали контратаки, дело доходило и до рукопашных схваток, которые уносили из наших рядов много жизней, но продлевали существование полка, так как давали в наши руки боеприпасы, а именно от них и зависела теперь продолжительность нашего сопротивления.

Стремление захватить у противника патроны стало ближайшей целью жизни каждого партизана. В эти дни в полку об успехах того или иного подразделения судили не по количеству выдержанных атак или уничтоженных немцев, а по тому, сколько взято патронов и гранат.

С убитых немцев прежде всего снимались пулеметные ленты, диски, кассеты и сумки с патронами. Завладеть десятком коробок с пулеметными лентами и несколькими гранатами стало мечтой не только каждого пулеметного расчета, но и каждого командира взвода и роты. О хлебе, которого давно не видели, почти не говорили, а разговор о патронах не прекращался. Не случайно в одной из песен полка, посвященной тому периоду, пелось:

Нас везде снарядами встречали.
Враг сказал: «Вам свету не видать».
Мы, как жизнь, патроны сберегали,
А о хлебе стали забывать.

Думаю, товарищи не упрекнут меня в нескромности, если я скажу, что первому батальону полка в эти дни не раз завидовали другие подразделения. Обстоятельства складывались так, что нам чаще, чем другим подразделениям, удавалось брать трофеи.

Контратаки днем и вылазки по ночам на участке батальона следовали одна за другой. Хотя оборона сама по себе является пассивной формой борьбы, но мы по-

стоянно отвечали ударом на удар, и это всегда позволяло, будучи и окруженными, не упускать инициативу из своих рук.

Боевыми делами батальон был обязан мужеству и бесстрашию, предприимчивости и находчивости командиров рот и взводов. Все они прошли хорошую выучку в рядах Красной Армии и свое боевое крещение получили в трагические дни начала войны.

Первой ротой командовал коренной смолянин, руднянский колхозник Алексей Александрович Алексеев. Он принял ее от Матяша, когда тот был выдвинут на должность командира батальона.

Здесь, в первой роте, еще оставались сверстники и однокашники Николая Шерстнева и Саши Шамова, первых ее командиров.

Алексеев был редкостно смел. Партизаны любили его за мужество и выдержку. Он делил с ними все невзгоды и радости, полуголодную жизнь и последнюю щепотку табака.

Второй ротой командовал Михаил Степанов. Он родился в Горьком, перед войной окончил в Ленинграде институт, успел пройти суровую школу солдатской выучки в Забайкалье.

Переброшенный вместе с частью на Западный фронт Михаил Степанов оборонял Оршу и Смоленск, был тяжело ранен. Смоленские женщины вылечили его настоем из березовых почек, и, почувствовав, что снова может держать винтовку в руках, он вернулся в отряд. В полку Михаил был известен как талантливый разведчик, бесстрашный подрывник, незаурядный тактик на поле боя, неунывающий человек, верный товарищ.

Иван Шембель, командир третьей роты, тоже колхозник из-под Вязьмы, в первые же дни войны познал всю тяжесть солдатской фронтовой жизни. По образному

Командир роты Алексей Алексеев.

выражению героя Александра Твардовского, Теркина, «он частично был рассеян, а частично окружен». И впрямь, в нем было что-то от Василия Теркина. В полку он был и стрелком, и пулеметчиком и, наконец, командиром роты, и в бою держался просто, будто именно бой и был его естественным состоянием.

Батальонную разведку возглавлял Василий Агапов, шофер с Уралмаша, ставший лихим кавалеристом. Это был любитель смелых и внезапных налетов, хорошо замаскированных засад и... коллекционер. Немецкие часы с замысловатым брелоком, зажигалки, набор орденов и офицерских погон,— все это не просто коллекционировалось им, но в особо сложных случаях служило делу маскировки при разведке.

Всему полку были известны командиры взводов Николай Зайцев, Иван Сафонов, Григорий Синдеев, Федор Буслаев, Иван Лыхин и другие отличные ребята, прошедшие с партизанским полком весь его боевой путь.

Блокадные дни убедили каждого из нас, что партизанский полк, выдержавший сотни боев, осуществивший тысячи боевых операций, пробившийся из множества окружений, еще никогда не попадал в такую сложную обстановку, какая создалась сейчас. Несмотря на героизм людей и беззаветную их жертвенность, враг подавлял нас мощью техники и числом. Тогда мы еще не знали о героической обороне Брестской крепости. В отличие от ее защитников у нас был бо́льший боевой опыт. Но в Бресте имелись хоть крепостные стены и каменные казематы, а у нас лишь деревья и кусты, окопы и щели. Резервы же противника и там и у нас были практически неограниченными.

В этот тяжелый период, как и всегда, мы не оставались одинокими. Командование знало о наших бедствиях. Большая земля, с которой поддерживалась ежедневная радиосвязь, делала для нас все, что могла. Каждую ночь к нам вылетали «дугласы» с грузом, но враг блокировал нас и с воздуха, и машины либо возвращались назад, либо горели над нашим осажденным лагерьем, сбитые немецкими истребителями. Каково же было видеть, как наши самолеты с тоннами боеприпасов и других грузов факелами загорались в ночном небе над

нашей обороной, не успев сбросить ни одного парашюта с тюками!

Если можно сказать, что человеческое напряжение способно достигнуть своего апогея, то день 17 октября был для партизан именно таким днем.

Тем из нас, кто пережил его, особенно понятен подвиг героев Сталинграда, защитников города Ленина, Севастополя и бессмертных в своей славе людей, оборонявших Брестскую крепость.

Утро стояло пасмурное. Дул холодный ветер. Свинцовые тучи проплывали над лесом и скрывались за верхушками деревьев, было в них что-то грозное, символическое. Шумел лес, падали последние, задержавшиеся на деревьях листья. Поблекшая трава шелестела под порывами ветра.

Кутаясь в поношенные шинели, пиджаки, ватники или в немецкое барахло, партизаны сидели в окопах. Их лица почернели и осунулись от голода и многодневного напряжения. Сжимая винтовки и автоматы, люди поеживались от холода и с трудом пересиливали дремоту. До бели в глазах всматривались в предрассветную мглу наблюдатели. Обостренный слух боевых дозоров ловил со стороны противника каждый шорох.

Накануне были захвачены пленные. Они сообщили, что 17 октября — последний день, назначенный гитлеровским командованием для расправы с партизанами. Они так и говорили: «Для расправы». Любой ценой партизаны должны быть смяты, растоптаны, уничтожены. В приказе подчеркивалось: «Пленных не брать».

План врага состоял в том, чтобы разбить лагерь на части, парализовать управление боем и уничтожить полк по группам.

О том, что нас ждало, мы знали и без пленных. А гранаты были на исходе, патронов осталось катастрофически мало, а мин и вовсе ни одной. Изнуренные в непрерывных боях люди, ничего не евшие много дней, кроме сырого конского мяса, валились с ног.

Еще затемно в первый батальон пришел секретарь партийного бюро полка Кардаш. Вместе с ним и Гордиенко мы обошли все окопы, побывали в каждой щели, рассказали о показаниях пленных, о намерениях врага. И если бы я сказал, что настроение у людей было бодрое, это было бы ложью. Никто, правда, не жаловался,

но и былой уверенности на лицах я не мог прочитать.

Выслушав обращение командира полка к партизанам, пулеметчик Баделин сказал:

— Передайте Гришину, пусть радирует Родине, что если мы сегодня и умрем, то умрем честно. Я до последнего патрона и до последнего вздоха буду уничтожать гадов. И пусть передадут на Большую землю, что скорее мы умрем, чем живыми дадимся врагу. Клянемся, ребята?

Он посмотрел на товарищей, и они повторили:

— Клянемся!

К Кардашу подошел Аркадий Стариков.

— Вот заявление,— протянул он клочок немецкой листовки, на обратной стороне которой было что-то написано. — Тут мы, одиннадцать человек, просим считать нас коммунистами, если погибнем в бою.

Кардаш взял листок и крепко обнял Аркадия. Тот смутился от неожиданности, расчувствовался и дрожащим, простуженным голосом выкрикнул:

— Служу Советскому Союзу!

Поднялись и повторили клятву Родине те, кто поставили свои имена на заявлении: Илья Дорожкин, Петр Иванов, Иван Ларин, Николай Иванчиков, Василий Лазутков, Николай Ладнюк, Федор Васильев, Иван Новоселов, Петр Михалкин, Алексей Селиверстов, Андрей Данилов.

Клятва коммунистов и комсомольцев дошла до всех партизан батальона, и в каждом отделении люди, верные партизанской присяге, подтвердили ее.

В окопы к другим батальонам пошли комиссар полка Стрелков, начальник штаба Узлов, начальник контрразведки Милехин. Перед самым рассветом по обороне прошел Гришин. Он задерживался у каждого отделения, присматривался к секторам обстрела, делал замечания об укрытии и маскировке огневых точек, интересовался наличием патронов, количеством оставшихся в отделении гранат и шел дальше. На участке Михалкина он спросил:

— Ну как, орлы? Держитесь?

— Тяжело, товарищ командир, патронов мало.

— Знаю, товарищи. Патроны будем брать, как брали до сих пор. Что ели сегодня?

— Поужинали твоим Орликом, товарищ командир, завтракать фрицы не позволят, а обедом думаем разжиться у фрицев,— как обычно, первым нашелся Миша Чапаев.

Накануне вечером, когда пролетала последняя волна бомбардировщиков, осколком был убит конь Гришина — Орлик. Мясо Орлика распределили по батальонам, и Чапаев не шутил, когда сказал командиру, что ужинали ребята его конем.

— Сегодня будет очень тяжело. Сдюжите?

— Сдюжим, командир. А как фронт?

— Фронт стоит. Командование просит нас продержаться еще несколько дней.

— Придумайте что-нибудь, товарищ командир. Силенки-то уходят. Несколько дней — это ж вечность!

— Придумаем. Продержитесь хоть сегодня.

С рассветом партизаны готовились встретить новые злобные атаки. Мирное население с содроганием ожидало бомбежки и артиллерийского обстрела.

Мне уже приходилось упоминать, что под защитой полка оказалось несколько тысяч жителей, ушедших в лес из окружающих деревень. С переходом на вторую оборону их число уменьшилось вдвое. Они ютились в щелях позади окопов, участь их была тяжела. Даже теперь страшно подумать, в каких условиях находились эти люди. Старики, старухи, женщины, дети, голодные и коченеющие октябрьскими ночами от холода, грязные и оборванные, сидели в своих лисьих норах в ожидании страшного, неизвестного. Среди них было много раненых, многие погибли во время артобстрелов и бомбежки. Мы не могли не думать о них: совесть требовала спасти этих несчастных. А они могли рассчитывать только на нас.

Любя свою Родину, они предпочли немецкому рабству свободу, даже если она и была ограничена маленьким кусочком небезопасного леса. Партизаны делились с ними последним куском конины, врачи и медсестры промывали и перевязывали их раны.

В восемь часов утра над лесом появилась «стрекоза». Ее тарактение было прелюдией к предстоящему бою. Немецкий летчик явно рассчитывал обнаружить спозаранку дымки от партизанских костров, чтобы обрушить на них свой груз.

Но у нас уже много дней не горели костры, греться около них опасно, а варить было нечего.

Немецкий летчик долго высматривал подходящую цель. Не обнаружив ничего, он стал беспорядочно обстреливать из пулемета всю площадь, на которой мы оборонялись. Заметив в лесу ложные окопы, вырытые ночью, выбросил на них свой груз. А спустя немного времени волна за волной полетели громадные четырехмоторные драконы «дорнье». Устаревшие для войны на фронте, они посылались против партизан, не имевших противовоздушных средств защиты. Чтобы не попасть под свои же бомбы, немцы непрерывно бросали ракеты.

Лес наполнился грохотом рвущихся бомб. Ревели моторы, с треском падали вырванные с корнем деревья.

Прошла последняя волна самолетов, и в дело вступили орудия. Двенадцать батарей легкой и средней артиллерии беглым огнем посылали по квадратам леса сотни снарядов. Кромсая землю и коверкая лес, убивая и раня людей, неистовствовал смерч пушечного и гаубичного огня.

И вот в эту бушующую стихию на участке батальона Матяша ворвалась трескотня десятков пулеметов. Сливаясь в непередаваемом хаосе звуков, заговорили пулеметы на обороне первого, второго, четвертого и шестого батальонов. Лес словно рехнулся, застонал. Десятки тысяч смертей проносились в дикой, сумасшедшей пляске. Ливни пуль косили кустарник. Слух не улавливал ни отдельных выстрелов, ни даже очередей — сплошной гул...

Среди кустов и стволов деревьев мелькали грязно-серые фигуры фашистов. В мгновения, когда немного стихал рев гигантского огнепада, слышались истошные, обрывающиеся выкрики их команд. Цепляясь за кусты и падая, не долетая до наших окопов, рвались гранаты, дымились мох и трава, пороховая копоть застилала глаза.

Расчетливо, только прицельным огнем, с хладнокровием людей, готовых действительно на все, отбивались партизаны. Один за другим падали враги у наших окопов.

Если замолкал какой-нибудь пулемет, к нему кидался сидящий рядом товарищ. Пуля убивала и его — бросался третий, и пулемет оживал. Почерневшая от земли и копоти, в оборванной одежде, по окопам бегала мед-

сестра Зина Кондратович, наспех делала перевязки, накладывала жгут из обыкновенной веревки, укладывала раненого на дно окопа и спешила дальше.

Больше часа остервенело штурмовали нашу оборону гранадеры. Потом наступило затишье. Оно длилось полчаса. Самолеты врага больше не прилетали в этот день. От наземных войск авиаторам было известно, что бомбежка не дала ожидаемого эффекта: большинство бомб падало в середине нашего круга обороны, где никого не было. Летчики, пытавшиеся пикировать на наши окопы, часто попадали по немецкой цепи.

В какой-то степени это относилось и к артиллерийскому обстрелу, но он почти не прекращался.

В первом штурме потери противника были очень велики, но цель осталась недостигнутой. Фашисты не продвинулись ни на метр. Прекратив стрельбу одновременно на участках всех батальонов, немцы перегруппировывали силы, подтягивали резервы.

Второй штурм, как мы ни были к нему готовы, начался, казалось, так же внезапно, как и первый. По всей обороне разом заклокотали, захлебываясь и сливаясь в сплошной гул, пулеметы обеих сторон. Немцы шли стеной, в несколько рядов. Падали одни — на их месте появлялись другие. С каждым мгновением сокращалось расстояние между ними и нами. Они вели огонь с ходу, шли, не сгибаясь и не делая перебежек. Это была та самая психическая атака, которую многие из нас видели впервые в кинокартине «Чапаев».

Вот они уже близко, еще какая-то часть минуты — и начнется схватка лицом к лицу. Но все больше и больше в рядах неприятеля падает солдат. В пятнадцати-двадцати метрах от нас их атака захлебывается кровью.

Комиссар первого батальона М. К. Гордиенко.

Прижатые к земле, они уже не могут подняться: ползком пятятся назад, ищут укрытия за стволами деревьев, у пней и кустов. Оставшиеся в живых долго еще ведут бешеный пулеметный огонь, но, обессиленные, уползают к своим окопам.

Снова наступает затишье. Теперь оно длится полтора часа. За кустами поднимается шум, стон. Артиллерия усиливает огонь, как будто вымещая злобу за неудачи.

Презирая смерть, смельчаки, расстрелявшие патроны, подползали к трупам немцев, срывали патронташи, подбирали диски, обоймы, коробки с патронами.

Ко мне в щель на участке второй роты прибежал связной от роты Алексеева с просьбой собрать для роты хоть тысячу патронов к русским пулеметам. Но где их взять? В санитарной части все до одного патрона отобраны, батальонная разведка лежит в обороне, хозяйственное отделение, состоящее из стариков, после первого штурма само пришло в окопы. Пишу Гришину, прошу его при возможности помочь. Знаю, что Гришину негде взять патроны, а все-таки пишу. Алексеева ставлю в известность короткой запиской:

«О том, что патроны на исходе, знаю. Держись во что бы то ни стало. Прошу несколько сот патронов у других подразделений. Сильно не надейся. Еще раз предупредите бойцов, что отход раньше ночи — катастрофа для полка».

Связной ушел. На какое-то время мною овладевает гнетущее сомнение: отобьем ли еще хоть одну такую атаку? Не утешает и сообщение Степанова, что у убитых немцев взято до двух тысяч автоматных патронов.

Используя сравнительное затишье, всюду по обороне медсестры с помощью партизан переносят раненых в «госпиталь», который находится в пятидесяти метрах от окопов обороны и представляет собой обыкновенные узкие щели в земле. На дне этих щелей лежат с засохшими от жажды и голода губами раненые бойцы и командиры. Медсестра Мария Котова с флягой болотной воды переходит от норы к норе, поит товарищей.

Комиссар Гордиенко обходит раненых, склоняется над ними. Молча поднимаются тяжелые веки, и во взгляде каждого мучительный вопрос: «Что же дальше? Удержимся ли?».

А что скажешь умирающему бойцу, когда сам с ми-

нуты на минуту ожидаешь либо смерти, либо ранения, которое в этих условиях едва ли еще не страшнее. Недаром в одной из любимых песен партизан пелось:

Лучше смерть на поле, чем позор в неволе,
Лучше злая пуля, чем раба клеймо.

Но находились слова и была вера в выход из безвыходности. И как бы ни было тяжело, в глазах людей не было сейчас той страшной смятенности, которую я помнил по окружению в начальный период войны.

Сверх ожидания незадолго до новой атаки связные принесли в роту Алексеева тысячу патронов. Расчетлив же был Гришин! Хотя это был последний запас из скудных остатков полкового боепитания, но как же обрадовались пулеметчики Ладнюк и Лазутков, проклиная себя за то, что из «принципа» не обзавелись трофейными пулеметами и предпочли русское оружие иноземному. Наверное, никто не знает такого чувства торжества, как солдат, получивший патроны, когда на это уже не осталось надежды. Полтора часа относительной тишины, нарушаемой только разрывами снарядов, на которые теперь почти никто не обращал внимания, пролетели. И ровно в 15 часов 40 минут началось...

На этот раз немецкое командование не сомневалось в успехе. Солдаты получили увеличенную дозу шнапса, офицеры шли впереди.

С новой силой вспыхнул лесной бой. Со всех сторон роями летели пули врага, лес простреливался насквозь. словно под исполинской косой валились срубленные пулями ветки и сучья деревьев. Обороняемый партизанами кусок земли был маленьким островком среди неистово бушующего огня. Это даже был не островок, а скорее корабль, который враг пытался взять на абордаж.

С первых минут приступа стало ясно, что наиболее яростный натиск предпринят на обороне второго батальона. И как знать, может быть, полегли бы костями партизаны Иванова и орды гренадеров прорвались бы в круг обороны полка, если бы не удивительная способность Гришина предвидеть развитие боя. Именно здесь, на участке второго батальона, находился его единственный летучий резерв — разведрота Гусарова. Ее не случайно называли гвардейской ротой полка. Это были конники прославленного корпуса генерала Белова, не сумевшие перейти линию фронта и оставшиеся в тылу

врага. Когда со стороны истекавшего кровью батальона ослаб огонь, ему на помощь были брошены беловцы.

Это совпало с общей контратакой, которая была своего рода порывом отчаяния. Порыв этот, ставший кульминационной точкой неравного сражения, выражал единую волю командира и его подчиненных.

В момент, когда пьяные, обезумевшие от ярости гренадеры уже достигли окопов, люди, которым не было дороги назад, выскочили из щелей и в страшном броске рванулись на цепь врага.

С одной стороны — откормленные, хмельные фашисты, с другой — голодные, изнуренные бессонницей партизаны. Фашисты вооружены до зубов, у них огромное численное превосходство, а у нас почти нет штыков на винтовках и очень мало патронов. Но люди, шедшие на смерть во имя своей свободы, чести и жизни, были страшны, и их одержимость панически действовала на противника.

В упор стреляли автоматы, с силой обрушивались на головы фашистов приклады винтовок, пулеметчики, прожигая раскаленными стволами ладони, стреляли с рук. И надо всем этим грохотом неслось наше победоносное «Ура-а-а!»

В какой-то момент ряды врагов расстроились, дрогнули, смешались и, охваченные страхом перед невиданным бесстрашием, стали пятиться назад. Спотыкаясь и падая, налетая на деревья, они бежали к своим окопам, а кто не мог бежать, поднимал руки. Но до пленных ли было партизанам! Ожесточение достигло предела. Судьба обеих сторон решалась секундами.

Противник был отброшен на его оборону. Измотанный двумя безуспешными атаками, он дорого поплатился за эту последнюю.

Тяжелы были и наши потери. Многие не встали с земли.

Наступившая тишина совпала с сумерками. За этот долгий, ужасный день слух привык к потрясающему шуму боя, и затишье казалось страшным, зловещим. Тишина оглушила людей. Она позволила прислушаться к самому себе, и каждый почувствовал, до какой степени напряжены его нервы. И многие явственно, но в каком-то отдалении слышали то замирающий, то нарастающий крик многоголосой массы людей, крик, напо-

минающий глухое, но мощное «Ура!», сливающееся со сплошной дробью автоматического оружия. Будто где-то далеко-далеко, за пределами леса, продолжается жаркий бой. Даже спустя много дней некоторые из нас оставались под впечатлением этой слуховой галлюцинации.

На обороне первого батальона перед окопами и позади них весь мелкий кустарник был покошен пулеметным огнем. Из молодых сосен, елей и берез образовались завалы. Столетние деревья были изрешечены пулями и искорежены осколками мин и снарядов. Трава и мох засыпаны землей, перемешанной с мелкой щепой, ветками и сучьями. Лес стоял оборванный, жалкий.

День высшего напряжения физических и моральных сил кончился, но никто не был уверен, что под покровом ночи немцы не начнут нового штурма. Кольцо врага существовало и сдавливало. В стане фашистов слышались приглушенные звуки команд. Наблюдатели, выползавшие вперед, видели, как невдалеке от нашей обороны немцы подбирали своих раненых, не приближаясь, однако, к нашим окопам.

С тех памятных дней прошло много времени, и мы, участники событий, часто задаем себе вопрос: почему же врагу не удалось тогда прорвать нашу оборону? Ведь на его стороне были все преимущества! Почему же его потери в десятки раз превышали наши?

О немцах нельзя сказать, что они не хотели или не умели воевать. Они готовились к войне, подчинили этой цели почти всю свою экономику, обучили ведению войны своих офицеров и солдат. Из завоеванных стран они выкачивали все ресурсы, направляя их на ту же цель. И все же их били, да еще как били! Весь ход Отечественной войны подтверждает это.

Возвышенная задача, которую каждый из нас признавал, родная земля, высокий патриотизм и преданность Родине, беззаветный героизм, доходящий до самоотречения, и выработанная на основе этих качеств особая партизанская сноровка — вот что было нашим единственным, но решающим преимуществом.

Кажется, еще никогда полк не был так сплочен и дисциплинирован, как в эти дни. И это спасло его от неизбежного разгрома.

Еще утром 17 октября я вызвал четырех партизан

и поставил им задачу: во что бы то ни стало пройти немецкую оборону в лесу, выйти на опушку и произвести наблюдение за движением противника по дороге и за деревней Смолицей. Я сообщил им свои соображения, как лучше обмануть немцев, чтобы незамеченными проползти по топкому болоту в оба конца.

Во главе группы был послан учитель из Монастырщины, Иван Лукьянович Глинкин, будущий автор песни «О первом батальоне», тот самый, который весной 1943 года пришел в полк, когда он был осажден в Дмыничах. С ним шли Илья Дорожкин, Саша Лукин и Иван Ларин. Было очень мало шансов на то, что им удастся благополучно миновать почти сплошные немецкие траншеи. Еще меньше было надежды, что они сумеют вернуться в батальон, что они вообще останутся в живых. Но обстановка требовала риска. И они пошли, зная, что это необходимо для спасения полка.

Среди дня, заполненного жарким сражением, я то и дело вспоминал посланных в разведку товарищей, осведомлялся в роте, не вернулись ли они. Я терял надежду увидеть их. Если даже им удастся, минуя окопы фашистов, выйти к ним в тыл, думал я, то, зная о почти безнадежном положении полка, они могут счесть свое возвращение уже никому не нужным.

Но разведчики-партизаны с честью выполнили свой долг. Перед последним, третьим штурмом нашей обороны, мокрые с головы до ног, они стояли передо мной, три храбреца. Дрожащими от холода и напряжения губами Иван Глинкин доложил о выполнении задания. Четвертого из них, Ларина, не стало. Он был разорван прямым попаданием снаряда, когда с вершины дерева на опушке леса вел наблюдение за деревней Смолицей. Наводчик ли немецкой пушки, установленной на высоте перед лесом, через панораму заметил наблюдателя или случайный снаряд срезал героя-партизана вместе с верхушкой ели?..

Такие же группы с другими заданиями посылались от всех батальонов. Те из разведчиков, которые оставались в живых, возвращались в полк. Одной из таких групп было приказано не только пробраться сквозь кольцо окружения, но пройти через фронт и связаться с Красной Армией. Эту «сверхзадачу» выполнить не удалось, но оставшийся в живых старший группы Ро-

ман Буяновер, раненный в бедро, истекающий кровью, возвратился в полк.

Хотя противнику не удалось ни уничтожить, ни расчленить, ни сдвинуть нас с места, наше положение по-прежнему оставалось критическим. Патроны вышли почти все, гранат не было, пищи тоже, а число раненых в этот день выросло на двести человек.

Я прошел по окопам трех рот своего батальона. Настроение было тяжелым. Того, кто уцелел, давила мысль об убитых. Каждый сознавал масштаб наших потерь. Но большинство партизан еще не потеряло надежды. У всех было единое мнение: сегодня же пробиваться. Командиры и рядовые партизаны в один голос заявляли: умереть или прорваться, не дожидаясь, когда немцы получат новое подкрепление и, пользуясь отсутствием у нас боеприпасов, уничтожат всех в окопах.

Лес, создававший нам преимущество перед наступающими немецкими частями, превратился в западню. Рассчитывать на то, что противник после тяжелых потерь отстанет от нас, было бессмысленно. В предвидении наступления наших частей фельдмаршал Буш и генерал Кюблер не могли допустить просчета и оставить в ближайшем тылу первой линии немецкой обороны такую часть, как партизанский полк Гришина.

Прорываться, прорываться, несмотря ни на что,— это было единственное желание партизан. Оно отвечало и моему желанию.

Спустя час, в продолжение которого стояла полная тишина, немцы снова подвергли наше расположение обстрелу. Теперь стреляла одна, видимо, дежурная батарея, методически посылая снаряды по всей площади расположения партизан.

Ровно в 21 час из штаба полка пришел связной и передал приказание Гришина явиться к нему в землянку. Комиссар должен был остаться в батальоне. Возможность атаки, несмотря на наступившую темноту, не исключалась.

До землянки командира полка было не больше пяти-сот-шестисот метров. Я хорошо знал ее расположение. Но стоило мне пройти пятьдесят метров, как я потерял ориентировку. Лес был побит ужасно. На каждом шагу я натывался на завалы сучьев, срезанных снарядами, на вырванные с корнями большие деревья, и всюду во-

ронки, воронки... Так как немцы из опасения поразить своих обстреливали и бомбили середину нашей обороны, в глубине лес был покорежен еще больше, чем у самых окопов.

С трудом пробираемся через эти завалы. Над головой пролетают снаряды и рвутся недалеко впереди. Связной Вася Скворцов, шедший рядом со мной, говорит, что, наверное, немцы засекли штабные землянки. И правда, приблизившись к расположению штаба, я не смог ничего узнать. Вход в блиндаж Гришина преграждала громадная береза, сваленная снарядом. Тут же лежали неубранные трупы нескольких партизан, убитых осколками.

Едва я успел вскочить в блиндаж, как очередной снаряд разорвался где-то совсем рядом. С потолка за воротник посыпался песок. Адъютант Гришина Николай Кутузов выскакивал наружу после каждого взрыва. Он и на этот раз не вытерпел и, выбежав, увидел, что у самых дверей блиндажа лежит убитый связной, спешивший с докладом к командиру.

Командира полка я не видел с утра. Он еще более почернел и осунулся. Посасывая пустую трубку, встретил меня вопросом:

— Как ведет себя противник?

Пригибаясь, в землянку один за другим вошли комбаты: Звездаев, Матяш, Новиков, Дулькин, Иванов. Каждого либо встречал на подходе, либо провожал в землянку рвущийся снаряд.

Семен Иванов, самый молодой из командиров, человек с невозмутимым характером, забился в угол, молчал. Трудно было представить себе положение, которое вывело бы из равновесия комбата-2, но сейчас он сник, был какой-то отчужденный, словно бы безразличный ко всему. Не поднимая головы, односложно отвечал на вопросы командира и товарищей. Блуждающий взгляд выдавал мучительное страдание этого стойкого человека.

В течение дня батальон Иванова понес наиболее тяжелые потери. А в последние минуты боя была смертельно ранена медицинская сестра Маруся Князева, жена Семена. Все знали, как беспредельно любили они друг друга. Не щадивший себя в боях, видевший множество смертей Иванов был потрясен, раздавлен поте-

рей любимой. Скупые на выражение своих чувств товарищи искренне переживали горе Семена, но никто не заговаривал с ним о случившемся: где найдешь нужные слова?..

В низенькую землянку командира пришли из батальонов Кардаш, Узлов, Милехин. Последним втиснулся комиссар полка.

Пока все собирались, Гришин рассматривал карту и что-то по привычке бубнил себе под нос. На земле у его ног горела наполненная стеарином плошка. Положив карту на пол, он вытряс из кисета последнюю табачную пыль и, набивая ее в трубку, заговорил:

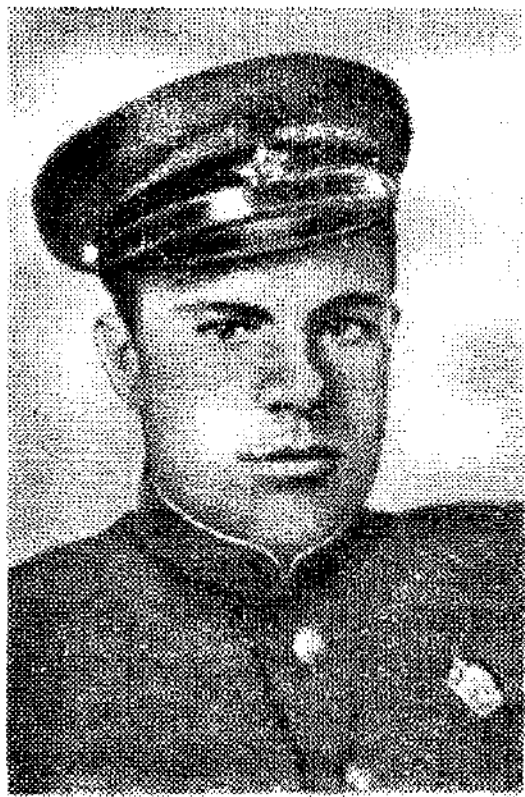
— Не считаясь с потерями, противник решил уничтожить полк. По его расчетам, мы с вами доживаем последние часы. Наше положение серьезно, как никогда. Завтра отбиваться будет уже нечем. Во всех батальонах половина партизан не имеет патронов, другая половина сберегла по десять-пятнадцать штук. Патроны, захваченные у противника при последней контратаке, могут только оттянуть роковую развязку. Число раненых увеличивается с каждым часом, у нас много больных. Сегодня мы переживаем трагедию, но завтра может наступить катастрофа. Рассчитывая на подход Красной Армии, мы допустили ошибку: у фронта свои, более важные для Родины задачи.

Командир умолк, поднял из-под своих ног маленький клочок бумажки, зажег его от коптилки и стал с усилием раскуривать табачную труху. Сделав две-три затяжки, он продолжал:

— В численности и силе противника мы сегодня еще раз убедились. Общая обстановка ясна. Нам остается либо достойно умереть, либо сделать попытку прорваться. В последнем случае также не избежать больших потерь, но это, по крайней мере, активная мера. Сидеть же и ожидать, когда немцы истощат последние силы наших людей и без труда и потерь уничтожат партизан — преступление, которое ляжет на нашу совесть. Итак, я решаю идти на прорыв. Есть другие мнения?

Других мнений не было. Все командиры батальонов высказывались по очереди и говорили одно и то же: «рвать блокаду сегодня ночью».

А вокруг землянки в это время разорвалось еще несколько снарядов. Они падали так близко, точно кто-то

Командир третьего батальона Петр Звездаев.

корректировал огонь немецкой батареи. Каждый разрыв сотрясал стены командирского блиндажа, но Гришин словно не замечал этого. Умение владеть собой в сложнейшей обстановке было счастливой чертой его характера.

Немного подумав, он сказал:

— Итак, слушайте приказ. К часу ноль-ноль батальонам сняться с обороны, от каждой роты оставить в окопах по одному отделению и рассредоточить его по всему участку, который занимала рота. Снимать людей бесшумно, чтобы лишить противника возможности подготовиться к отражению прорыва. Всех тяжелораненых

взять на носилки, к больным и легкораненым прикрепить по одному здоровому партизану. Мирное население пойдет с нами. Разумеется, те, кто захочет.

Прорыв делаем на участке второго батальона 747-го гренадерского полка, то есть на участке нашего второго батальона. В 2 часа подразделения сосредоточиться в указанном месте правее болота. Первый удар наносит батальон Москвина. Комбату-3 Звездаеву немедленно послать одну роту через болото. Оно проходимо. Проведет подобранный мною местный житель. Роте поставьте задачу выйти в тыл немецкому батальону, — Гришин показал Звездаеву отметку на карте, — и нанести удар, когда первый пойдет на прорыв. Во главе группы обхода поставить лучшего командира¹. Задача у нее очень сложная.

Командиру пятого батальона Матяшу при успехе первого батальона расширить прорыв ударом слева. В случае, если первый батальон не сможет выполнить задачу

¹ Для удара с тыла была направлена рота Шабанова, шел с ней политрук Горячев.

из-за потерь, на прорыв идет пятый батальон. Задача пятого соответственно переходит ко второму и четвертому батальонам.

Сделав короткую паузу, командир полка обратился ко мне:

— У вас самая трудная задача. Если не прорвете оборону врага, может погибнуть не только батальон, но и весь полк. Передайте это партизанам. Все.

Мы заспешили к подразделениям, чтобы успеть подготовиться к назначенному времени. Гришин поднял копилку, обвел всех своим острым взглядом и с трудом сказал:

— Прощаться не будем, всех вас надеюсь видеть живыми.

ПРОРЫВ

Вернувшись в батальон, я приступил к выполнению приказа. Когда ушли командиры рот и мы с Сергеем Скворцовым и Гордиенко подбирали в ударную группу пулеметчиков, ко мне подошел командир орудия Гриша Трубин. Простуженным голосом он спросил, какие приказания будут относительно пушки. Последние пятьдесят снарядов были расстреляны в этот день, подбит один танк и несколько бронетранспортеров, пытавшихся про-

рваться в круг нашей обороны. Я понимал, что Трубин не допускает мысли бросить пушку, но лошадей давно нет, тащить пушку без снарядов на себе бессмысленно. Скрепя сердце, решили разобрать ее, а мелкие части спрятать в землю.

В ста пятидесяти метрах от своих окопов были собраны люди батальона. Я передал всему личному составу

приказ командира полка. Зная людей, я ничего от них не скрыл. Все должны понимать, на что идут.

— Сегодня наш батальон, — сказал я, — призван выполнить самую сложную и ответственную задачу, которую когда-либо доверяло нам командование. Сегодня от нас зависит, будут ли завтра жить партизаны и мирные жители, сохраним ли мы полк и его знамя или обречем на гибель и себя, и своих товарищей. Храбрость, с которой вы изо дня в день встречали врага, дает командованию полка основание надеяться, что первый батальон нанесет молниеносный сокрушительный удар и, поддержанный всеми подразделениями, прорвет кольцо блокады. Тот, кто боится, пусть прямо скажет об этом командирам своих взводов и пойдет вместе с госпиталем. Все мы хотим жить и потому должны прорвать окружение. Иного решения нет.

По настроению партизан было видно, что, пренебрегая смертельной опасностью, все пойдут на прорыв. Выбирать было не из чего, и каждый это знал.

Построившись по двое, батальон пошел на противоположную сторону обороны полка. Оставленные в окопах три отделения рассредоточились и время от времени постреливали в сторону врага. У них задача была тоже сложная: они должны были оставить окопы только тогда, когда начнется штурм немецкой линии.

Шагая впереди батальона и путаясь в завалах и воронках, я уточнял с Алексеевым, Степановым и Шембелем детали прорыва. Надо было создать ударный кулак из людей, которые не дрогнут ни при каких обстоятельствах, не растеряются перед близостью смерти. Такова железная логика войны: чтобы обеспечить продолжение жизни сотен и тысяч людей, сохранить их для дальнейшей борьбы, нужно посылать вперед лучших из лучших.

В непрерывных боях, которые вел батальон, прославились своим бесстрашием многие партизаны. Назвали имена двух десятков пулеметчиков. Среди них были Тит Бобров и Алексей Баделин — люди stoического спокойствия, упорные в достижении цели и храбрые до самозабвения; Алексей Селиверстов и Михаил Шевцов — товарищи, которые вышли победителями из многих смертельных схваток с врагом; Николай Семенов, Петр Северюхин, Александр Смуров — старая гвардия полка.

Были названы и другие, молодые по партизанскому стажу, но не уступавшие первым ни в мужестве, ни в умении. Для них были собраны последние патроны и набиты диски пулеметов, они первыми должны были на узком участке обрушить на врага шквал огня, нанести мощный, неожиданный удар.

В назначенное время полк сосредоточился на исходном рубеже.

Как ни были осторожны партизаны, но соблюсти абсолютную тишину мы не могли. Немцы, очевидно, слышали шорох. Взвились разноцветные ракеты. Все осветилось. Мы залегли, затаили дыхание и, пользуясь освещением, рассматривали местность, по которой предстояло ринуться на врагов. Но вот ракеты погасли. Снова наступила тишина. Мы лежали тихо, надеясь усыпить бдительность фашистов.

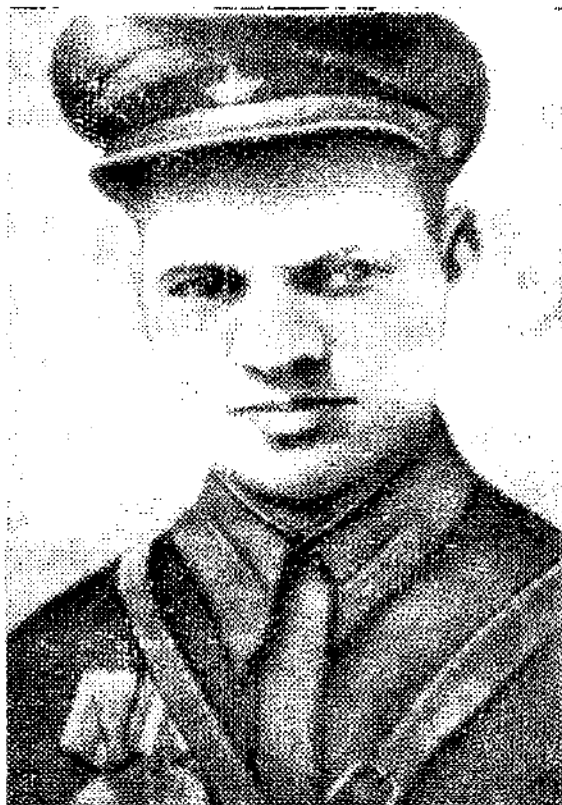
Прошло десять, пятнадцать минут. Тишина ничем не нарушалась. Батальон поднялся и двинулся к немецким окопам.

Двадцать шесть пулеметчиков ломаной цепью шли впереди. Я — на правом фланге. На левом — командир роты Алексеев. Ни о каком равнении не могло быть и речи: не видно было и рядом идущего товарища.

До немецких окопов оставалось уже пятьдесят-шестьдесят метров, когда лес вдруг осветился десятками ракет и притаившийся враг изрыгнул огонь и смерть. Это послужило сигналом к тому, чтобы наши пулеметчики, державшие свое оружие на боевых взводах, с рук обрушили огонь по освещенным немецким окопам.

Батальон с криком «ура» рванулся вперед, но огонь врага был так плотен, что дружное «ура» перешло в отдельные выкрики, а потом затихло совсем.

Теперь преимущество обороняющихся, которым мы так долго пользовались, перешло к противнику. Из-за

Начальник штаба Сергей Скворцов.

толстой, обглоданной пулями ели я видел: оставшиеся в живых пулеметчики ведут непрерывный огонь и ползком двигаются вперед. Но поднять людей казалось невозможным. Над землей сплошной шквал вражеского огня уничтожал все. Хотя в воздухе висели десятки ракет и было светло, как днем, немцам не было видно залегших в неровностях местности партизан. Их огонь проходил над нами. Не видя перед собой цели, они постепенно стали утихать. По нашей разъединенной цепи пошла моя команда:

— Слушать команду, подготовиться всем!

И еще через минуту, достаточную для передачи команды по цепи, из-за ели ворвался в дробь автоматов и взлетел над освещенным лесом призыв:

— За Родину, за жизнь, вперед!..

Человеческая ярость ответила сотнями пересохших от голода и жажды глоток:

— Ура-а-а! Ура-а-а!

В эти мгновения кровавой сшибки партизанское счастье сопутствовало нам. План командира полка сработал: рота Вячеслава Шабанова, проползшая по болоту, рванулась к окопам карателей с тыла. Мы не могли слышать ни выстрелов, ни «ура» партизан Шабанова и Горячева, но по ослаблению огня немцев почувствовали эту поддержку и бросились вперед, преодолевая последние метры до окопов.

Я бежал, смешавшись с потоком ревущей массы людей, сливающейся с ночными силуэтами освещенного леса. Я видел, как рядом со мной, хватаясь за сердце и не прося помощи, падали бойцы.

В окопах врага все смешалось. Хотя пулеметы утихли, но ожесточенно трещали автоматы. Иногда в стрельбе наступали промежутки, и тогда слышалось, как с грубой бранью, вспоминая прародителей, люди с треском обрушивали на головы врагов приклады. В наступавшей после каждой вспышки ракеты тьме, под сенью деревьев, закрывавших небо, кипела рукопашная схватка. Мы кололи фашистов кинжалами, били прикладами, стреляли в упор. Они отвечали тем же. Врагов от своих отличали только по голосу, хотя немцы и пытались ввести партизан в заблуждение, выкрикивая русские слова.

Я не помню, как перескочил окопы, миновав сплошную траншею. Знаю, что многие меня опередили. Рядом

со мной бежал человек и кричал: «Ура, ура, бей, бей!». Но вдруг в воздухе поднялась еще одна ракета, и я увидел, как сзади развернулся приклад и с хрустящим треском опустился на голову моего спутника.

Я повернулся, чтобы послать пулю тому, чей следующий удар мог обрушиться на мою голову, но не успел нажать на спусковой крючок, как услышал взволнованный голос партизана Волынщикова:

— Четвертый, товарищ комбат.

— Что вы делаете, Волынщиков? — крикнул я.

— Фрицев бьем, товарищ командир!

Новая ракета поднялась в воздух, и я увидел у моих ног распростертое тело человека с витыми погонами. Это он, пытаюсь спастись, бежал рядом со мною и кричал по-русски. Пристрелив оглушенного ударом приклада врага, я побежал вперед.

Вокруг бушевал прибой. Полк хлынул в прорыв, сметая на своем пути последних оставшихся в окопах или попрятавшихся за стволы деревьев немцев. Матяш и Иванов со своими людьми навалились на фланги и расширяли прорыв. Весь людской поток пришел в движение и устремился вперед. Спотыкаясь о пни и кусты, налетая на деревья, забыв обо всем, бежали бойцы с ранеными товарищами на плечах, напрягая последние силы, стремились вперед легко раненые и больные. С узлами, подушками, чугунками и детьми на руках, смешавшись с общим потоком, следом шли мирные жители, перенесшие все ужасы многодневной блокады.

Оставшиеся в живых партизаны-гришинцы хорошо помнят строки стихов, написанных нашим поэтом, участником прорыва, вскоре после этой ночи — самой страшной и самой героической ночи в жизни полка:

И вот ударило «ура»,
рванулось в облака,
как будто рухнула гора,
молчавшая века.
В зеленый, в красный, в синий свет
испуганных ракет
ворвался лес!
Пошел
с корней
плясать
среди огней!
С винтовками наперевес
бежал в атаку лес:

бежали
шлемы,
башлыки,
кубанки,
кепки да палатки,
папахи да брыли —
все, безъязыкие вчера,
свой голос обрели.
Патронов не было с утра —
с вчерашнего утра...

И вот кричали, чтоб «ура»
патроны заменить могло.
Кричали тишине назло!
И накричаться не могли.

Носилки плыли на плечах
над морем криков и голов.
И видел я: полуживой,
с окровавленной головой
товарищ мой «ура» кричал,
отхаркивая кровь...

И немец, знавший страх атак,
услышал, как встают, скрипят
под каской волосы!
Штыки — и те страшны не так,
как мести голоса!

И пресмыкался подле ног,
обутых в лапти ног,
747-й их полк,
их гренадерский полк.

И минометный лай заглох
и треск свинца умолк...¹

В центре прорыва стрельба прекратилась, но на левом фланге, у Матяша, еще шел жаркий бой, когда первый батальон оказался на поляне, где стояли немецкие повозки с боеприпасами и продуктами питания. Особенно обрадовало нас большое количество немецких патронов: ведь две трети пулеметов в ротах были трофейные. Партизаны поспешно разбивали ящики, нагружали на себя коробки, обматывались железными пулеметными лентами, заталкивая во все карманы длинные, с деревянными ручками немецкие гранаты. От повозки к повозке носился Василий Агапов и кричал:

¹ Из поэмы Марка Максимова «В краю молчания».

— Берите больше, берите больше, ищите капсюли к гранатам!

— Надо лошадей запрячь! Всего не унесешь!

— Давайте лошадей! Кто видел лошадей? Они где-нибудь здесь, — горячился лейтенант Тумас. — На этих повозках хлеб. Забирайте хлеб!

Но лошади были где-то в кустах, и запрягать громадные фуры не пришлось: на это ушло бы много времени.

Откуда-то из темноты появился Гришин.

— Живой?

— Жив, товарищ командир!

— Спасибо! Где батальон?

— Здесь, собирается. Взято много патронов.

— Хорошо. Собирайте людей и ведите. Азимут сто шестьдесят два. На выходе к лесной дороге ждите другие подразделения. Приготовьте доклад о потерях.

— Есть вести людей и доложить о потерях!

И вот во главе сбившихся в кучу и постепенно выстраивающихся в колонну людей, ориентируясь на дрожащую стрелку компаса и едва светящуюся цифру «162», непрерывно выкрикивая команды к построению, я шагаю по мягкому настилу мха. Не тронутые огнем войны ели плотно закрывают небо. В еще более сгустившейся предутренней темноте стволы деревьев кажутся призрачными тенями, пока не налетаешь на их жесткие сухие суки. Позади сдержанный, торжествующий гул голосов, треск валежника под ногами.

Чтобы рассыпавшиеся по лесу люди не сбились с направления, нужно было как-то сигнализировать им направление. Почувствовав, что голос мой садится с каждой минутой, приказываю Шембелю непрерывно окликать людей.

— Пристраиваться к первому батальону! Пристраиваться к первому батальону! — кричал командир роты.

Сам же я шагал впереди, выставив левую руку, чтобы не налететь лицом на острые суки, и не отрывал взгляда от компаса, зажатого в правой. Из головы не выходило одно слово Гришина: «Спасибо». За что же спасибо? Что остался жив или что прорвали все-таки блокаду и вышли (надолго ли?) из кольца.

Маленький прибор, древнее изобретение человеческого разума, самый лучший друг партизанского беспутья —

компас вывел нас туда, куда хотел выйти для общего сбора командир.

Брезжил осенний рассвет. Плутая по лесу, все больше и больше людей подходило к месту сбора. Стояла тишина. Только там, откуда прорвались живые и где остались мертвые, лес освещался ракетами. Слабый мерцающий свет вспыхивал, дрожал, и тогда был виден участок неба. Трепещущее зарево отражалось на верхушках деревьев, как будто гигантская сказочная птица парила над местом недавнего боя, то обнажая, то прикрывая пламеневшие подкрылки.

Пока подтягивались подразделения, вырисовывались предварительные результаты прорыва. Еще рано было говорить о наших потерях, численность их можно будет установить, когда соберутся отставшие и отбившиеся в ночном лесу. Не было батальона Матяша, который увлекся боем и отклонился от заданного маршрута. Однако было ясно: подавляющая часть партизан вышла из блокады, почти все раненые доставлены на место сбора. Из захваченных трофеев только на долю первого батальона пришлось около пятидесяти тысяч патронов. Это была еще одна — и очень большая — удача полка.

У нас хватило расчетливости оставить одного «языка». Им оказался немецкий капитан, единственный уцелевший старший офицер из батальона, на участке которого совершался прорыв. Это был судетский немец, в прошлом архитектор. С 17 октября он командовал вторым батальоном гренадерского полка.

То, что он рассказал о потерях немцев за последние дни, превзошло все наши, даже самые смелые, предположения. Из слов этого ярого фашиста, награжденного несколькими орденами «железный крест» узнали, что за экспедиция была предпринята против полка. Немецкий офицер показал, что он участвовал в десятках крупнейших экспедиций по борьбе с партизанами в Августовских, Бряньских, Кличевских, Новгородских лесах. Четыре ордена получил как раз за успешную борьбу с партизанами. Но он и представить себе не мог, чтобы группа людей, оторванная от баз снабжения, могла сопротивляться с таким упорством и, устояв, прорвалась из крепко запертой ловушки.

Батальон, которым командовал капитан в последние часы боя, только днем 17 октября потерял двести пятиде-

сят человек убитыми и ранеными. К вечеру этого дня, после окончания третьего штурма, в нем не осталось ни одного среднего командира. В последней, психической атаке погиб командир батальона, и он, наш «язык», вынужден был принять команду на себя. Он искренне не понимал, как могло случиться, что партизанский полк, почти лишенный боеприпасов, держался столько времени. Он, немецкий капитан, не знал иной силы, кроме силы оружия. И не понимал, почему эта сила не сработала в пользу фашистов.

Я подошел к большой сосне, под которой расположился штаб полка. Шел допрос пленного. Виктор Коротков переводил ответы фашиста. Мы смотрели на этого вылощенного, раскормленного, но теперь поблекшего господина. Он перечислял свои заслуги палача перед райхом. Даже теперь, стоя перед партизанами, он гордился своими наградами и, кажется, рассчитывал при этом на благоприятное впечатление. Когда ему дали понять, что мы не можем доверять ему как рядовому военнопленному, лицо его покрылось холодным потом. Доктор от архитектуры и каратель от фашистов стал умолять сохранить ему жизнь. Обращаясь к Гришину, он обещал создать после войны проект и построить дворец советских партизан с монументальным памятником погибшим в борьбе с нацизмом советским людям. Ему сказали, что у нас найдутся и свои зодчие, которые увековечат память героев войны.

Я слушал заискивающий бред гитлеровца, а из головы у меня не выходили невозвратные потери, о которых я пришел доложить Гришину. Мысли непрерывно возвращались к несчастным матерям, потерявшим сегодня своих сынов, к осиротевшим детям, которые еще долго будут ждать своих отцов, но так и не дождутся их.

В первом батальоне не стало Алексея Баделина, окончившего свою жизнь на бруствере немецкого окопа. «Рядовой труженик войны, мы не забудем тебя до последних дней своих. Если мне суждено дожить до радостных дней победы и воспитать сына, я ничего не хотел бы большего, чтобы душа его была подобна твоей. Пусть только никогда больше не повторится то, что пережили с тобой мы», — записал я тогда в своем блокноте.

При прорыве погибли командир отделения Множин, секретарь комсомольской организации батальона Нико-

лай Мухин, редактор батальонной газеты Илья Дорожкин и многие другие.

Давая мне направление и приказание на сбор людей после прорыва, Гришин рассчитывал выйти на первую, оставленную нами 14 октября оборону, занять ее до выяснения обстановки и намерений противника и немедленно послать еще несколько групп в разведку к фронту и в район Комаринского леса. В зависимости от данных разведки, вечером предстояло принять решение, куда идти. Чтобы создать новое кольцо вокруг полка, противнику потребовалось бы ввести в лес свежие, непотрепанные части, а на это уйдет время, и мы могли бы простоять на старой обороне относительно спокойно до вечера.

Так оно и произошло. Каратели следовали своей обычной тактике: после неудачи все начинать сначала. Они не организовали немедленного преследования партизан¹. Возможно, немецкое командование считало нас обреченными, возможно, думало, что мы сразу двинемся на выход из блокированного леса, а на открытой местности можно будет уничтожить полк силами свежих, не вступавших в бой частей, расположенных гарнизонами в окружающих деревнях. Главная роль в таком случае, вероятно, отведена была авиации и танкам.

* *
*

К 7 часам утра батальоны заняли свои прежние участки на старой обороне. Здесь все осталось по-прежнему, разрушены были только блиндажи, и полному разгрому подвергся лагерь беженцев. После нашего ухода отсюда в нем оставалось много людей. О их судьбе нам говорили сожженные шалаши, побитая посуда, разлетевшееся перо из выпотрошенных подушек. Люди были куда-то угнаны.

Теперь по лагерю разбрелись несколько сот женщин и детей, вышедших с нами во время прорыва. Их мучила неизвестность: что стало с их родными, односельчанами, да и какова будет их собственная дальнейшая судьба?

¹ Неожиданным нашим прорывом был нарушен расчет немецкого командования, а стоило нарушить его, как ломалась самая хитроумная комбинация. В этом мы убеждались много раз.

Часов в девять утра командир полка пригласил к себе комбатов. Он сообщил радостную весть. Ершов принял радиogramму, в которой сообщалось, что советские части с боями форсировали Проню и заняли плацдарм на ее западном берегу.

Было принято окончательное решение идти на соединение с частями нашей армии. Отпадали все другие варианты.

А в батальонах уже шло ликование: сообщение распространилось с быстротой звука. Люди забыли про голод и изнурительную блокаду, все были уверены, что час нашего избавления настал. Партизаны поздравляли друг друга, обнимались, казалось, что силы сразу возросли вдвое, в глазах у раненых светилась надежда.

День обещал быть пасмурным, холодным, в полном смысле осенним. Тяжелые тучи покрывали небо, моросил мелкий дождик. Хорошо было, что низкие облака не давали возможности появиться самолетам противника. Но как-то настораживало, что каратели в этот день даже не послали разведки к нашему расположению. Наверное, им было уже не до нас. Эта мысль подтвердилась, когда с места вчерашних боев возвратилась разведка. Она донесла, что противник даже не собрал своих убитых, снялся и ушел из леса. Не было там и оставшихся беженцев.

* * *

Целый день мы простояли, никем не потревоженные. В лесу было тихо, ни единого выстрела. Тишина стояла и на фронте, но после телеграммы царил такой подъем, мы были так поглощены мыслью о скорой встрече с Красной Армией, что это затишье на фронте не вызывало никаких подозрений.

Кто-то вспомнил, что за пределами обороны с первых дней блокады оставалось немного заготовленного картофеля. Он оказался нетронутым. Убитые лошади, которые валялись поблизости, благодаря холодной погоде оказались еще годными в пищу. А главное, наконец можно было осторожно зажечь костры. Под вечер наварили супу без соли, зато с картошкой. Впервые за много дней партизаны поели горячего, передохнули и сразу почувствовали прилив сил.

Молодость выручала.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

перед маршем Гришин послал в Москву шифровку с сообщением, что полк выходит на соединение с частями Красной Армии в районе тех пунктов, которые указывались в радиogramме. Он просил ориентировать командиров частей, захвативших плацдарм на западном берегу Прони.

Возвращаясь от Гришина в расположение своего батальона, я стал свидетелем разговора комиссара полка Стрелкова с беженцами. Он пришел к ним

в лагерь, вокруг него собрались десятка два женщин. У каждой из них кто-нибудь из родственников был либо убит, либо умер в блокированном лесу, либо отстал. Комиссар предлагал им идти с полком.

— Будь, что будет, сил наших больше нет, — сказала изможденная средних лет женщина. — Мы выйдем из леса и пойдем в деревню. Когда нам можно уйти?

— Мы вас не задерживаем, можете идти в любое время.

— А вы-то как же? — спросила другая.

— Будем пробиваться. — Комиссар не мог сказать, куда именно, не имел права.

— Дай вам бог счастья!

Женщины плакали.

Теперь, став старше, я понимаю: это была забота матерей о нас, чужих сыновьях.

Когда стемнело, полк снялся с обороны. Подняв носилки с ранеными товарищами, под проливным дождем партизаны двинулись на восток, через Ухлясть и двухкилометровое болото. Утопая по колено в грязи и воде, шли к фронту, навстречу Большой советской земле.

Нам предстояло незамеченными пройти между двумя гарнизонами, форсировав при этом действующий прифронтной большак, и войти в так называемое Железин-

ское болото. Дальше, если позволит время, полк в эту же ночь должен пробраться в Кошелевский лес, который тянулся вплоть до деревень, занятых, судя по радиogramме, нашими частями.

Это был один из крайне утомительных маршей. Дороги никакой. Шли по азимуту. Поросшее осокой болото засасывало, и мы с трудом вытаскивали ноги из трясины. Утопая в торфяной почве, обессиленные люди спотыкались, падали, роняли раненых. Слышался душераздирающий стон, ругань, проклятия. Носилки с ранеными попеременно несли все. По пути попадались канавы, их переходили по пояс в воде. Адская усталость валила людей с ног.

Многие раненые, видя, как выбиваются из сил товарищи, просили пристрелить их, другие умоляли оставить на кочках болота, третьи, преодолевая боль, пытались подняться, идти, но, обессиленные потерей крови и голодом, валились в воду или на руки товарищей.

В этом тяжелом переходе с особой силой сказалась ставшая неускоснительным законом забота гришинцев о своих боевых друзьях. И если среди умирающих были такие, которые просили товарищей сократить их мучения, то вовсе не потому, что они не доверяли своим командирам, нет. Просто хотели облегчить участь тех, кто еще мог оставаться в строю и продолжать борьбу. За всю партизанскую жизнь я знаю только один случай, когда командир взвода второго батальона Литвинов, раненый в обе ноги, при открывшейся газовой гангрене покончил жизнь самоубийством. И трудно сказать, чего здесь было больше — безволия или мужества. Скорее всего, последнего.

Чтобы выйти на сухое место, потребовалось не менее двух с половиной часов. Во втором часу ночи полк без особых затруднений сбил охрану на большаке Кульчиши — Иванищевичи и, чтобы сократить растянутость, двумя колоннами вошел в редкий кустарник Железинского болота.

До Кошелевского леса, где предполагалась дневка перед переходом через фронт, оставалось шесть-семь километров, но идти дальше было невозможно: от усталости люди валились с ног. А тут еще произошло несчастье. Колонны потеряли связь между собой. Одну колонну вел Гришин, во главе другой шел первый ба-

тальон. После короткой перестрелки на большаке расстояние между нами увеличилось, и мы потеряли друг друга из виду. Пришлось остановиться.

Посланные мною связные больше часа проходили по болоту, но не обнаружили ни командира полка с людьми, ни следа их. А по большаку, только что перейденному нами, уже гудели моторы. Противник что-то предпринимал, может быть, он закрыл партизанам выход на случай, если бы они вздумали возвратиться назад.

Шло время, наступал холодный октябрьский рассвет, с которым могли начаться любые неожиданности. Теперь мы еще ближе находились к линии фронта, к немецкой передовой. Можно было бы идти на условленное место — в Кошелевский лес, но мы знали, что Гришин ищет нас и он не пойдет туда, пока не убедится, что нас нет в обширном Железинском болоте. Уйти — значило оставить командира, с которым находился госпиталь, и подвергнуть большой опасности наименее боеспособную часть своих людей, большинство из которых несло пострадавших товарищей.

Сидеть на краю болота было также невозможно. Пришлось поднять людей и двигаться вглубь. На середине болота почва была сравнительно твердая, вода стояла только в канавах, нарезанных для осушения. Все болото поросло мелким кустарником, редкими чахлыми сосенками и какими-то карликовыми березами. Местами встречались очажки камышей, достигавших человеческого роста.

Еще было темно, но над нами уже гудели «рамы». Мы заняли круговую оборону и замаскировались. Несмотря на относительную сухость, местами из торфяной почвы проступала красная вода.

На подстилках из прутьев и камыша, укрывшись от глаз немецких летчиков, сидели и лежали уставшие и продрогшие партизаны. Многие выжимали воду из одежды. От холода коченело тело, от усталости закрывались глаза, и измученный организм охватывал короткий сон.

«Рамы» бросали кассеты с маленькими бомбочками, которые на лету рассыпались в воздухе и, падая на землю, как оспой, исковыривали большие площади сырой земли.

Часов в десять связались наконец с командиром. Оказалось, что та часть полка, с которой он находился, стояла недалеко от нас. Это было большой радостью. Поль-

зуюсь промежутками, когда в воздухе не висели самолеты, полк был сведен в одно место.

Во второй половине дня немцы подвезли на окружающие высоты орудия. К бомбежке добавился артиллерийский обстрел. По всему болоту падали разнокалиберные снаряды. Окапываться было невозможно. Любое углубление тут же наполнялось водой. Мы несли немалые потери.

Противник не предпринял атаки, но день казался бесконечно длинным. Мучил голод, судорогой сводило ооченевшие ноги, зубы выбивали непрерывную дробь. Некоторые все же спали, несмотря ни на что. Тяжесть обстановки облегчалась надеждой на скорое соединение с частями Красной Армии. Каждый из нас верил в это, хотя фронт по-прежнему молчал.

Под вечер партизаны ожидали возвращения комбатов, ушедших к Гришину на совещание для получения приказа о переходе через фронт.

У командира полка обсуждали, как построить боевые порядки полка для марша и прорыва фронта. Разведгруппа, посланная накануне из окруженного леса к фронту, не возвращалась. Возможность ее гибели не исключалась, поэтому еще утром от разных подразделений полка было послано дополнительно несколько разведгрупп. Ни одна из них не пришла обратно, а ждать не позволяло время. Со вчерашнего дня не было связи и со штабом партизанского движения. Под частыми разрывами снарядов, взметывавших к вершинам кустов болотную почву, Данила Ершов настраивал радиостанцию и вслушивался, не появятся ли в эфире позывные штаба. На шифровку Гришина о прорыве через фронт в районе завоеванного плацдарма ответа не поступило.

Наконец, когда командиры обменялись мнениями и было принято решение, не дожидаясь разведчиков, идти к фронту и вести разведку перед собой, к нам подошел Данила Ершов. На его истощенном, землистого цвета лице очки в роговой оправе выглядели сейчас огромными. Молча подал он командиру полка расшифрованную радиограмму. Гришин, пробежав ее глазами, изменился в лице и выругался.

— Черт знает что! На правом берегу Прони нет и не было наших частей. Штаб интересуется, откуда получены эти данные.

— А как же вчерашняя радиограмма? — подскочив с места, спросил Дулькин. — Что это, игра жизнью людей или желание поддержать наши моральные силы?

— Это провокация немцев, — мрачно заключил Гришин.

— Штаб на волне, какие будут распоряжения? — спросил Ершов.

— Запасным кодом передайте, что полк на прорыв фронта не идет, остается на месте и будет вести бой до подхода частей Красной Армии, — сказал Гришин, и Ершов моментально бросился к радиостанции.

Наступило тягостное молчание.

— Но обороняться в болоте невозможно, — нарушив молчание, сказал Новиков, выразив то, что думал каждый из нас.

— Обороняться? Мы не будем тут обороняться. Немцы перехватывают каждую нашу радиограмму. Научившись путать следы на земле, мы были слишком прямолинейны в эфире. Враг этим воспользовался.

— Тогда зачем же давать ложную радиограмму запасным кодом? Ведь от него у немцев нет ключа? — спросил кто-то из командиров.

За командира ответил Милехин:

— Подобрали к старому, подберут, даст бог, и к новому.

Выработанный план следовало немедленно отбросить. Все менялось так неожиданно, что трудно было собраться с мыслями, перестроить себя, заставить отыскать новые пути выхода из положения, изменившегося отнюдь не к лучшему. Каждый теперь понимал, что полученная вчера радиограмма — дело рук немецкой разведки. О переходе линии фронта нечего было и думать. А наши войска стояли за Проней.

Мы все еще совещались, когда начальник штаба пятого батальона майор Терешкин подвел к нам еле державшегося на ногах Романа Буянова. В лесу у самой передовой он был ранен, больше суток добирался до Железинского болота и случайно встретил здесь полк. То, что он рассказал, окончательно подтвердило наши предположения о намерениях неприятеля. Восточнее болота, в котором мы располагались, параллельно фронту проходила лесная дорога. Через нее лежал наш путь. Еще вчера утром дорога была свободна, по ней изредка про-

езжали отдельные повозки и машины. На обратном пути Буяновер и его товарищи, оставшиеся в живых, обнаружили расставленные на дороге танки. На протяжении шести километров от Кульчиш до деревни Рабовичи стояли бронированные машины, обращенные орудийными башнями не к фронту, а в сторону, откуда должны были появиться партизаны. Все было подготовлено к внезапному разгрому полка.

Так вот почему немцы не вели наступления в этот день! Они снова подготовили нам грозную ловушку и рассчитывали из засады покончить с полком. Нужно было хорошо знать наши намерения, чтобы подготовиться таким образом. Перехват наших радиogramм и их дешифровка давали им в руки все необходимые сведения.

Для нас оставалась возможность с боем прорваться на запад и снова войти в Бовкинский лес или на север, в Комаринский лес. Противник, как показывало дневное наблюдение, не окопался, и прорваться не составляло трудностей. Но новый прорыв окружения и выход из него всем полком не решал основной задачи — отрыва от упорно преследующего нас противника. Утром мы могли снова оказаться в кольце.

Не отрываясь от замусоленной карты, Гришин молча выслушивал мнения командиров, и, когда желающие высказались, у него уже созрел план действий и он отдал приказ:

— Полк рассредоточивается побатальонно, выходит в разных направлениях, каждое подразделение самостоятельно. Первому батальону следует прорываться на север, восточнее Иванищевичей, второму и третьему — на северо-запад, между гарнизонами Бовок и Иванищевичей, пятому — в юго-западном направлении, четвертому и шестому выйти на старую оборону. При выходе из окружения командиры батальонов самостоятельно, в зависимости от обстановки, решают задачу дальнейшего маневра, имея в виду выход на сборный пункт. Штаб будет выходить с полковой разведкой.

Общий сборный пункт назначается за Днепром, в районе Дулебо. Место сборного пункта доводится до командиров, включая командиров отделений. У кого появится возможность, разрешаю соединиться с частями Красной Армии. Из полкового госпиталя каждый ба-

таблон забирает своих раненых и обеспечивает их безопасность.

Основная цель тактического замысла командира полка заключалась в том, чтобы дезориентировать неприятеля, сбить его с пути преследования, дать батальонам возможность оторваться от него и, получив хотя бы кратковременную передышку, подготовиться к переправе через Днепр. В решении этом было много риска, но при сложившихся обстоятельствах оно было единственно правильным.

Отдавая приказ на выход из окруженного болота побатальонно, Гришин строго предупредил нас, чтобы при любой обстановке мы не шли на дальнейшее дробление подразделений.

— Только составом батальона можно выполнить поставленную задачу. Дальнейшее дробление на роты и тем более на взводы может привести к уничтожению личного состава.

* * *

И снова пошел полк. Только теперь уже он двигался в разных направлениях, разбившись на семь групп. В молчаливом прощании батальонов была глубокая, тревожная печаль.

Наступила темнота, смолкла артиллерия, в воздухе не слышалось рокота моторов. Но по широкой линии, образующей подкову, одна за другой поднимались и гасли ракеты.

Пока мы шли по болоту, тишина тайного ночного движения нарушалась только легким шорохом цепляющихся за одежду и оружие кустов.

Тут мы, командиры батальонов, с особой силой и, пожалуй, впервые за время борьбы в тылу врага почувствовали, какая тяжелая задача ложится на наши плечи. До сих пор, как бы каждому из нас ни было тяжело, но в лице своего командира Сергея Владимировича Гришина мы имели испытанного партизанского вожака, видели в нем свою опору, действовали по его указаниям, приходили к нему за советом. Теперь предстояло действовать совершенно самостоятельно: никто тебя не поправит, никто не даст совета или распоряжения.

За эти два года еще не было случая, чтобы Гришин пошел на дробление полка. Блокада в Бовкинском лесу впервые вынудила его к этому. И хотя первому, четвертому и пятому батальонам неоднократно приходилось действовать самостоятельно, но это было не более чем выполнение заранее обдуманых и во всех деталях отработанных задач. А теперь мы разделились не по своей воле, вынужденно, под тяжестью сложившейся обстановки.

Перед командирами встал вопрос: сумеем ли мы оправдать надежды и доверие наших подчиненных? Не растеряемся ли в трудную минуту?

Память воскресила июль 1941 года: отрыв от штаба полка, гибель Анисина, лихорадочный поиск выхода за фронт. Правда, тогда мы были малоискушенными юнцами, может быть, поэтому и не приспособились сразу к необходимости изменения методов борьбы. А ведь с теми людьми сразу можно было приступить к партизанской войне. Зрелость дается опытом, а опыт был ничтожным.

Теперь повторилось пережитое. Но мы уже были другими. Гришин знал это, потому и решился на такой шаг.

Первый батальон шел на север. Упругий кустарник хлестал по лицам партизан. С трех сторон беспрерывно поднимались ракеты. Мрак то рассеивался, то вновь окутывал нас. Так малы были промежутки между взлетами ракет, что, казалось, и одному человеку пройти незамеченным невозможно, а не только целой колонне.

Восток оставался черным, как бездна. Приготовившийся там враг с минуты на минуту ожидал нашего появления, но мы, не сворачивая, шли навстречу видимой опасности — шли на свет взлетающих ракет.

На выходе из болотного кустарника батальон приостановился. Перед нами на высотах, окаймляющих болото, на расстоянии ста-ста пятидесяти метров один от другого горели костры. Доносились немецкая речь, та-рахтение повозок. Противник не спал.

Пришлось повернуть на северо-восток и вести людей по краю болота параллельно немецким бивачным кострам, в двухстах метрах от них. Потеснее прижав к себе оружие, чтобы не бряцало, бесшумно двигались партизаны. Как только вспыхивала ракета, колонна замирала и сливалась с кустарником; гасла ракета, и мы опять шли. Каждую секунду можно было ожидать обстрела из

засады. Где-то на противоположной стороне болота, там, куда пошел пятый батальон, слышалась густая, короткая перестрелка. Но здесь, где проходили мы, противник был беспечен. Он даже не выставил боевого охранения, и мы, не подвергаясь обстрелу, вышли в сухой кустарник вблизи деревни Иванищевичи.

Деревя была занята противником.

Каратели не сомневались, что партизаны пойдут к фронту. В направлении фронта нас и ожидали. А здесь держали войска на всякий случай. Если же была расшифрована последняя радиограмма, то противник имел основания ожидать дневного боя на болоте. Как бы там ни было, но мы прошли неожиданно удачно.

Теперь, достигнув окраины Иванищевичей, я повернул на север и, выйдя из кустарника, повел батальон правее деревни. Когда мы были в ста метрах от дороги, которую нужно было пересечь, внезапно справа послышался гул машин. Вскоре показались затемненные огни фар. Батальон залег. На расстоянии гранатного броска от нас проползли семнадцать танков. Они втянулись в Иванищевичи. Прошла последняя машина, мы поднялись и под гул моторов, заглушающий шорох наших шагов, перешли дорогу. Позади по-прежнему взвивались ракеты, и в нескольких местах слышались сильная перестрелка, взрывы гранат и разрывы мин. Это наши подразделения продолжали с боем выходить из Железинского болота.

Через поля и луга, обходя деревни и артиллерийские позиции второй линии немецкой обороны на Проне, батальон прошел до утра двенадцать километров. Перед рассветом мы достигли деревни Красная Поляна и остановились в небольшом, но густом Комаринском лесу. Он показался нам спокойным, приветливым, не пережившим трагедии Бовкинского леса.

Заняли круговую оборону, выслали заслоны и охрану для наблюдения за опушками. Примостившись у пеньков, у стволов деревьев, наспех подстелив листву и мох, партизаны быстро засыпали коротким, беспокойным сном.

Но вот наступило утро, и взорам нашим открылась кошмарная, леденящая кровь картина. Вблизи от расположения батальона, под высокими елями, стояли крестьянские повозки. Почти везде около них со вздутыми

животами валялись убитые лошади, коровы, козы. Тут же, под повозками, в сооруженных из хвойных веток шалашах, под корягами вывернутых ветром деревьев и в чаще кустарника, лежали в беспорядочных позах расстрелянные люди. Только теперь, несмотря на прохладную погоду, мы почувствовали трупный запах.

Большинство убитых — женщины и дети, несколько стариков. Видно, гитлеровцы проходили цепью. Прочесывая лес, они внезапно напали на лагерь мирных жителей деревни Красная Поляна, бежавших от ужасов войны. И всех расстреляли.

Мы стояли пораженные безмерным, ни с чем не сравнимым зверством фашистских извергов. А потом выкопали братскую могилу, захоронили трупы. На могиле не было произнесено ни слова, но каждый мысленно сказал себе, что этого никогда забывать нельзя.

День 20 октября выдался неожиданно солнечный и тихий. Недалеко по фронтовым дорогам гудели моторы вражеских машин. На Проне слышалась вялая артиллерийская перестрелка. Время от времени над нами пролетали в сторону Железинского болота бомбардировщики, и тогда до нас докатывались глухие раскаты взрывов. А в лесу было спокойно и тихо.

Этот день был первым после блокады, когда партизаны вволю наелись. Огороды уничтоженной деревни примыкали к лесной опушке. Каждый взвод выделил людей, которые накопили картошки. Из сухих веток, чтобы дым не поднялся над лесом, разожгли костры, сварили картошку в касках или испекли в золе и разнесли по круговой обороне. Среди крестьянских пожитков нашлось немного соли.

Выйдя из смертельного кольца, мы не переставали думать о судьбе других подразделений полка. Мы знали, что шедший параллельно нашему движению батальон Звездаева с боем вышел из болота и остановился на другой стороне этого же Комаринского леса. Не все партизаны знали, что командир полка остался с ротой полковой разведки в блокированном болоте, рассчитывая, что с небольшой группой ему удастся проманеврировать по нему в течение одного дня, а тем временем батальоны оторвутся от противника. В замысле Гришина было очень много риска, но риск оправдывался тем, что противник не мог сразу выяснить, сколько партизан оста-

лось на болоте (ведь охватить громадное болото сплошным прочесыванием невозможно), и не мог снять блокаду, чтобы немедленно пуститься в погоню за ушедшими подразделениями. Из предосторожности рядовые партизаны не были извещены о всех замыслах командира. Не было им известно и то, в каком направлении разошлись другие батальоны.

В ОБЛАВЕ

ороткий осенний день клонился к закату. Партизаны первого батальона набили картошкой свои сумки, подсушили обувь и одежду. К вечеру пересчитали людей и оставшиеся боеприпасы. Было приятно, что на последнем марше ни один человек не отстал. Легкораненные нашли в себе силы идти вместе с батальоном, тяжело раненых несли. Мы имели приличный запас патронов — трофеи Бовкинского прорыва.

Рассчитывая переправиться через Днепр севернее Могилева, я преследовал этим и другую цель: нашим появлением в этом районе спутать карты противника, оторвать его основные силы от Бовок, где оставался штаб полка и другие батальоны. Была также надежда использовать для переправы через Днепр паром в районе деревни Мосты или соединиться с советскими войсками в районе Горки.

За три ночи мы преодолели расстояние в восемьдесят километров. Марши и дневки прошли без особых происшествий. Как всегда, шли по глухим проселкам, по полям и болотам, минуя деревни и высоты. Прифронтовая полоса была буквально забита вражескими войсками. Снова стало трудно с питанием. Выручали кочаны капусты и брюква, сохранившиеся кое-где на покинутых крестьянских огородах.

При переходе железной дороги Могилев — Чаусы мы были обстреляны охраной, но потерь не имели.

И вот мы в небольшом, но очень густом Амхиническом лесу. Вблизи него — деревни Новоселки, Курени. Они заняты немцами. На этот раз лесное убежище хорошо скрывает нас от немецких самолетов, хотя защитой от наземных войск служить не может. Эта полоса леса, местами до восьмисот метров ширины, тянется с юга на север на три-четыре километра.

В ночь прихода в Амхинический лес разведка батальона пошла к Днепру и фронту. Расположившись в традиционную круговую оборону, батальон затаился и стал ждать.

Стояли день-другой не обнаруженные немцами. Голодали, мерзли. Наутро третьего дня разведчики Агапова поймали бродившую в северной части леса корову. Агапов подвел ее ко мне и попросил разрешения прирезать: все равно она достанется немцам. Так-то оно так, но ведь если ее станут разыскивать, нас могут обнаружить. А ввязываться в бой в условиях все той же прифронтовой полосы не входило в наши намерения. Агапов с жаром доказывал, что корова одичала, давно отбилась от своих хозяев и никто ее искать не будет. Пришлось согласиться. В этот день каждый партизан получил по хорошему куску свежей говядины.

Разведчики не возвращались. Это сильно беспокоило. Хотя мы и не подвергались пока нападению, но сидеть без дела да еще с риском быть обнаруженными врагами, которые неизбежно навяжут бой, а быть может, и новое окружение, — такая перспектива не улыбалась.

Утром 27 октября было принято решение: если разведка и сегодня не придет, ночью двинуться на юг и организовать переправу в районе так называемых Шапкинских лесов. Выходить к Днепру или поворачивать к фронту «втемную» было бы безрассудно. Позже мы выяснили, что наши разведчики, вышедшие к Днепру, погибли, а ходивший с группой к фронту Буслаев пришел в батальон только через месяц, когда мы были уже на правом берегу.

Во второй половине третьего дня нашей стоянки из секретов донесли, что до двух рот немцев приближается к лесу. Развернувшись цепью, солдаты противника подходили к опушке. Деваться было некуда, а принять бой

значило снова оказаться в блокаде. Ведь двигавшиеся немцы были, по всей вероятности, усиленной разведкой, за которой последуют более крупные части.

Маленький лесок, окруженный со всех сторон гарнизоны с прифронтовыми частями, делал нашу оборону очень опасной. Пришлось построить людей повзводно и начать отход вдоль узкой полосы леса, пересечь его, на глазах немецких гарнизонов перескочить большак и при свете дня двигаться на Сахаровские леса, обозначенные на карте в восьми километрах от нашей стоянки параллельно фронту. Пересеченная болотистая местность исключала по крайней мере возможность преследования нас на машинах.

Мы отходили. Немцы вошли в лес и, перехватив его цепью, шли за нами по пятам почти без шума, без единого выстрела, что противоречило их обычной тактике прочесывания. А чтобы сохранить в лесу равнение в цепи, легонько постукивали палочками или ложками по солдатским котелкам. Это было что-то новое, незнакомое нам, так устраивают облаву на волков, загоняя их под выстрелы расставленных впереди охотников.

За лесом тянулся действующий большак. Его нужно перейти и продолжать движение по полю. А день еще не кончился, солнце высоко над горизонтом, на темноту, нашу союзницу, рассчитывать рано.

Я шел впереди развернутой повзводно колонны батальона. Лес кончался, уже виднелись среди деревьев просветы. Не успели мы высунуться из кустов, как заметили, что по кюветам большака залегла цепь немецких солдат. Тут же было расставлено несколько бронемашин. Теперь стало ясно: немцы загоняют нас под расстрел заранее выставленной засады.

Сзади все ближе и ближе постукивали по металлическим котелкам палочки. Повернув под углом девяносто градусов влево, мы быстро пересекли узенький мысик, которым оканчивался лес. Но и здесь, на высотках, которые огибал большак, снова увидели немцев. Западня, казалось, крепко захлопнулась. Враг все продумал и все рассчитал. Он хотел взять нас, не понеся потерь.

Мы повернули на запад и в нерешительности остановились за кустами обрывающегося леса перед цепью расположенных в засаде фашистов. Постукивание о котелки слева от нас угрожающе приблизилось.

И вот тогда я подал команду. Развернутый тремя цепями поротно батальон устремился навстречу этим мерно постукивавшим «загонщикам». Приблизившихся карателей мы увидели почти одновременно с моей командой. Вспыхнула жаркая, очень короткая перестрелка, заработали приклады. Цепь немцев была смята, расстроена, оставлена позади. Мы быстро двигались в том направлении, откуда только что ушли.

Это произошло настолько стремительно, что трудно было разобраться во всем не только врагам, но и нам самим. Потом, когда мы подошли к своей трехдневной стоянке и роты заняли оставленную три часа назад оборону, я сумел осмыслить происшедшее.

Следовавшие за нами по пятам фашисты не ожидали, что мы повернем назад и столкнемся с ними. Они не подняли, как обычно, крика, не пытались стрелять нам вслед. Разъединенные лесом, они просто не поняли, что произошло, и, видимо, поэтому после короткого столкновения не раздалось ни одного выстрела. Правда, следует помнить, что мы встретились не со всеми солдатами цепи, а только с находившимися в центре. Те же, что были ближе к флангам, не подверглись нашей атаке, а кусты мешали им видеть.

Услышав стрельбу, этим немцам ничего не оставалось, как устремиться вперед, чтобы войти в соприкосновение с нами. Но партизаны в это время, как паутину, разорвали их цепь на узком участке и, проскользнув через нее, ушли назад, в сторону, противоположную их движению.

Тем и характерен лесной бой, да еще на встречном марше, что он полон неожиданностей, и побеждают в нем те, чьи солдаты не ожидают команд и указаний на все случаи жизни.

Но, видимо, сыграло роль и еще одно обстоятельство. Выследив партизан, немцы не знали точно их численности. Об этом говорит факт «тихой» прочески леса. Обычно они «нагоняли страху» и распаляли свою смелость беспорядочной стрельбой еще на подступах к опушкам. Возможно, это была просто предупредительная прочистка леса перед тем, как расположить в нем войска или создать военные склады. Фронт-то был рядом! Но тогда к чему такая мощная засада по большаку и по высотам?

Как бы то ни было, но нас и на сей раз выручила

дерзость, ошеломившая противника. Собранность и дисциплинированность партизан дали возможность нанести быстрый и мощный удар и выйти из «волчьей облавы».

Между тем стемнело. В лесу было тихо, надвигались тучи, ночь обещала быть темной, а темнота нам нужна была, как воздух. На большаке, где бесполезно просидела засада, гудели машины и взлетали вверх осветительные ракеты. Командиры рот доложили о потерях. В стычке погиб один партизан, двое были ранены.

Надо было уходить, чтобы преодолеть открытое пространство до ближайшего леса — три с лишком десятка километров. Путь снова лежал на юг, вдоль Днепра.

Идти на юг! Туда, где так еще недавно мы две недели сидели в страшной Бовкинской блокаде! Что там сейчас? Ушли ли и куда ушли наши батальоны? Не ожидают ли нас там расположившиеся в лесу немецкие фронтовые части или, может быть, прочесав лес, они оставили его мертвым?

Я предполагал последнее, поэтому, без сомнения, решил идти назад, на юг. Пугало другое: хватит ли у людей сил дойти за ночь до ближайшего леса, где предстояла дневка, да еще преодолеть при этом охраняемую железную дорогу и шоссе Могилев — Чаусы?

Преодолевая чудовищную усталость, напрягая волю и последние силы, мы совершили этот марш.

* * *

Через три дня, разгромив на встречных маршах две автоколонны врага и обеспечив себя за его счет продовольствием и боеприпасами, первый батальон снова дневал в Комаринском лесу. В том самом белорусском лесочке, где фашистские изверги истребили мирное население близлежащих деревень.

Здесь мы встретили небольшую группу наших партизан, оставленную двадцатого октября с тяжелобольной Пашей Данченко.

Не окрепший после ампутации руки организм ее за время Бовкинской блокады ослабел до крайности, открылся воспалительный процесс тяжелой раны, силы, казалось, окончательно покинули эту мужественную женщину, лучшую медсестру полка.

С хирургом Тимофеем Левченко мы долго тогда обсуждали, как спасти Пашу. Нести ее было нельзя. И не оставалось ничего другого, как вместе с товарищами оставить ее в лесу.

Пока батальон ходил на север, прошли долгие десять дней. Мы очень боялись за судьбу своих: немцы могли обнаружить их и уничтожить. Но, к счастью, этого не случилось.

В ту ночь, когда мы уходили из Комаринского леса, четыре партизана, в числе которых была молодая девушка Маруся Афанасенкова, до самого рассвета, выбиваясь из сил, готовили надежное убежище. Меж корней огромной ели они копали яму, расширяя ее по мере углубления. Свежий грунт относили в плащ-палатке за двести метров и высыпали в болото. Это была адская работа. Требовалось не только вынуть грунт из-под корней, но и перенести не одну его тонну. Вряд ли в обычных условиях это оказалось бы под силу даже здоровым и сытым. Но трое изнуренных мужчин и девушка к утру вырыли глубокую яму, напоминавшую громадный горшок с узким отверстием. Почти бездыханную Пашу партизаны первой спустили в это подземелье, опавшей листвой и мохом замаскировали следы тяжелого труда, из прутьев и того же мха и листьев сплели крышку убежища и опустили ее над собою.

Так началось томительное пещерное существование этих людей.

Несколько раз фашисты цепью проходили совсем недалеко от них, часто слышалась стрельба, а однажды собачий лай заставил их наспех проститься друг с другом и приготовить оружие, чтоб не попасть живыми в руки врага. Но беда прошла мимо. Видимо, немцы не предполагали, что в двух шагах от них, в земле, затаились одна полумертвая и четверо живых партизан. Послав из автоматов несколько очередей по деревьям, они, покричали на рвущуюся неведомо куда собаку и ушли.

Глубокими ночами мужчины вылезали из ямы и шли на опушку леса за картошкой. Они набивали ею сумки, карманы, шапки и уходили за километр от своего убежища в густой молодой ельник. Здесь из сухих дров осторожно разводили костер и пекли картошку, а к утру возвращались с пищей и котелком болотной воды. На счастье этих людей, в ту осень не было ранних буранов,

потому что иначе первая же пороша открыла бы их следы.

Так продолжалось десять дней. Эти дни могли показаться годами. Здоровье Паши, как это не невероятно в таких условиях, шло на поправку: спадала температура, подсыхала ужасная рана. Придя в сознание, она же еще и поддерживала своих спасителей и кормильцев в минуты, когда они начинали отчаиваться. Если кто-нибудь терял душевное равновесие, именно Паша уверяла, что скоро придет Красная Армия или партизаны полка и они выйдут из своей пещеры.

И вот мы пришли. Это была встреча, запомнившаяся на всю жизнь. Худая, постаревшая, с бледным, бескровным лицом, опираясь единственной рукой на палочку, Паша медленно приближаясь к партизанам батальона, расположившимся в круговую оборону. На ставшем каким-то незнакомым лице ее радостно светились большие ясные глаза. Казалось, только они и остались от нашей прежней Паши.

Сколько же сил нужно было иметь, чтобы вскоре после тяжелейшего ранения перенести блокаду в Бовках, с батальоном идти на прорыв вражеского кольца, совершать дальние переходы, полумертвой, полуголодной и необогретой, с гноящейся раной, в тесной пещере ожидать избавления, победить смерть и остаться бойцом!

Но и те совсем еще молодые ребята, которые были оставлены с умирающей медсестрой, пережили чудовищное испытание и еще раз доказали, как нерушимо и стойко было наше фронтовое братство. Вопреки старому утверждению, что война портит солдата, обедняет и ожесточает его душу, в партизанской войне человек обнаруживал такую красивую смелость, такое благородство, о каких и подозревать было трудно. Он шел к своей цели бескомпромиссно, не допуская сделок с собственной совестью, и нередко погибал сам, чтобы спасти товарища.

Нет, далеко не всякая война портит солдата.

Кстати сказать, Паша не только перенесла все трудности и испытания военных лет. Уже после войны она успешно окончила в Москве медицинский институт, стала врачом и теперь лечит советских людей с такой же материнской заботой, с какой выхаживала раненых партизан. Если бы знал каждый больной, что перенес этот врач в своей молодости!

О женщинах на войне в советской литературе написано много. Но в партизанской войне — я в этом глубоко убежден — роль женщины была еще важнее, труднее и ответственней, а порою и трагичнее, чем даже на фронте. Ведь девушке-санитарке приходилось у нас быть и фельдшером, и медсестрой, и врачом, и связной-разведчицей в постоянном окружении врагов. И при всем этом воевать, как воевали рядовые солдаты.

Пожалуй, далеко не каждому из нас удалось бы проявить такую силу воли и перенести такие испытания, которые выпали на долю Паши Данченко, Тани Кошелевой, Тони Любченко, Лизы Агильяровой и многих других. В полку женщин было немного: принять всех, кто хотел воевать, не было возможности. В основном они вели разведку, лечили раненых, ухаживали за больными. Но они же чаще всего готовили еду, обстирывали нас, чинили одежду, шли с боевыми группами или встречали и провожали их, стояли на постах, в изнурительных походах украдкой плакали от усталости, но рук не опускали.

И все-таки после войны находились люди, которые, не нюхавши пороха, ставили под сомнение то великое, что делала женщина на фронте и в партизанских отрядах. Конечно, обыватель верен себе: его больше всего волновало, как там у нас обстояли дела с любовью?

Так вот — вниманию обывателей! — любовь была! Была в самых невероятных и опасных условиях. Человеческая тяга друг к другу неотступно шествовала по войне, и нередко первый поцелуй между двумя пулеметными очередями навсегда связывал судьбы людей. Любовь была! Была потому, что война — печальная миссия молодых, судьба России и огромной нашей Родины находилась в руках молодых, и о том, что они не подвели, оправдали доверие народа, говорят не одни поэты — об этом свидетельствует сама жизнь.

У нас не было женщин, которые жили по принципу: война все спишет. Такие чаще всего околачивались у немецких казино, таких не волновала судьба Родины. Но, к сожалению, даже среди нашего брата находились такие, которые не прочь были позубоскалить над чужим чувством. Они говорили: «Либо война, либо любовь, совместить это невозможно». А оказалось — возможно! Более того, очень многим любовь помогла выстоять, перенести все, что выпало на долю нашего поколения.

Хемингуэй правильно возмущался святошами, осуждающими любовь на войне. Святошам никогда не приходило в голову, что эта любовь под бомбежкой и пулями, быть может, была единственным, что делало человека счастливым. Конечно, бывало, что пуля обрывала это чувство вместе с жизнью. Но тот, кто любил и выжил, тот пронес свою любовь через все превратности войны. Так сложились, к примеру, счастливые семьи Гришина, Звездаева, Михайлова, партизанки Евдокии Семеновой... И если в послевоенное время у кого-то жизнь и дала трещину, и пошла, как говорят, наперекос, так спросите себя: разве в обычной мирной жизни, когда есть сколько угодно времени, чтобы узнать друг друга, подобные «перекосы» не встречаются?

Одним своим присутствием на войне женщина вносила в наш тяжелый быт человеческую гармонию, облагораживала его и в обстановке душевного ожесточения делала нас добрей.

И СНОВА В БОВКИНСКОМ ЛЕСУ

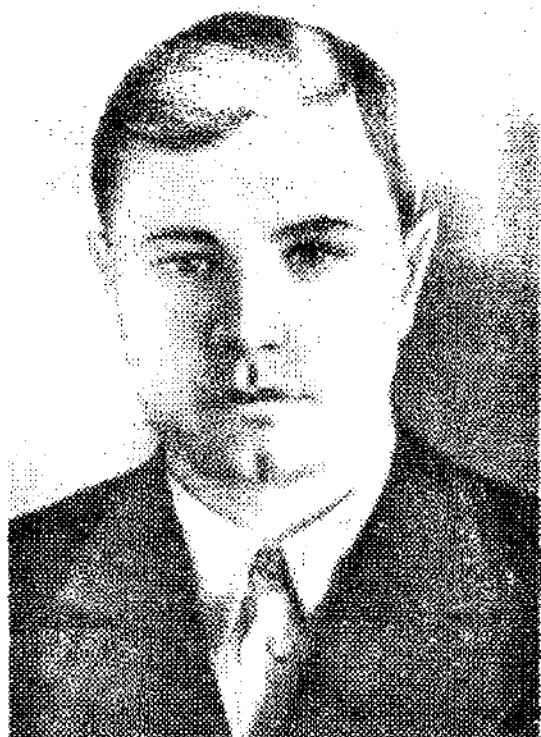
Четыре дня мы спокойно простояли в Комаринском лесу. Перед вечером четвертого дня не вытерпела душа партизанская, и рота Шембея дала фашистам понять, что мы живы и готовы к боям: в деревне Грязевец был уничтожен конный обоз гитлеровцев.

Хотя убито было немного солдат противника, в основном пострадали лошади. Оккупанты должны были призадуматься о нашем моральном состоянии после «полного раз-

грома», о котором они трубили в своих листовках.

Шестого ноября мы были в Бовкинском лесу. В третий раз батальон занял участок своей первой обороны, сократив только ее радиус. Мы с Гордиенко и Сергеем

Скворцовым изучали по немецкой карте дальнейший маршрут к Шапкинским лесам, вплотную подходящим к Днепру. Было тихое морозное утро, легкий иней лежал на земле и ветках. Тусклое ноябрьское солнце посылало первые косые, негреющие лучи сквозь побитые деревья. Там, где отгремели неравные бои партизанского полка с карателями, царил теперь безмятежный покой. Нас окружали могилы погибших друзей, и от этого щемящая печаль закрадывалась в сердце.

Хирург Тимофей Левченко.

Но вот с противоположной опушки леса послышался говор и хруст валежника. По тропинке, проходившей через наше расположение, приближались немцы. Они шли цепочкой по два-три человека в ряд. Отряд не превышал одной роты. Два офицера уверенно, без всякого опасения шли впереди.

Рота Алексеева и взвод Зайцева затаились в ожидании. А когда колонна врагов подошла вплотную, партизанские пулеметы и автоматы сорвались с боевых взводов и длинными очередями ударили в упор. У немцев произошла свалка. Они не успели снять с плеча оружие. Бегство было единственной возможностью спастись, и те, кого миновали партизанские пули, пустились наутек. Николай Зайцев поднял своих ребят и преследовал убегающих.

Бой продолжался не более трех-пяти минут. Когда я прибежал к обороне Алексеева, все было кончено. С убитых фашистов уже снимали оружие, отстегивали патронташи и ранцы, термосы и фляги. Из партизан никто не был даже ранен.

Но теперь уже нельзя было оставаться на месте. Мы снялись с обороны и лесом пошли на запад, в сторону Днепра.

Через полчаса мы совершенно неожиданно встретили разведчиков кавгруппы полка. Они спешили выяснить

обстановку на месте, где только что произошел бой. То, что они сообщили, было большой радостью: в трех километрах от нас находился Гришин со штабом полка, а с ним — часть людей из второго, четвертого и шестого батальонов. Командир переправлял партизан через Днепр и собирал все подразделения.

Через час мы обнимались с Гришиным. Он был так рад нашему приходу, что не позволил мне доложить по форме о том, что батальон цел и невредим.

В это время из рядов обросших и вооруженных людей выскочил и бросился к Гришину пятилетний Юрик Левченко — сын хирурга полка Тимофея Левченко, который выходил из Железинского болота с первым батальоном. Этот мальчуган переносил с нами все тяготы и лишения последних месяцев. С детской непосредственностью он выпалил:

— А мы, командир, сколько немцев побили — во! — и широко развел ручки.

— И ты немцев бил, Юрик? — спросил улыбающийся Гришин.

— Нет, папа не дает мне автомата и дядям запрещает давать. А вы разрешите? — воспользовался он случаем.

Гришин обещал подумать, и маленький партизан, сияющий и радостный, возвратился к отцу, с улыбкой наблюдавшему за этой сценой.

Семнадцать дней мы не виделись с командиром. Рассказать друг другу было о чем. Глубоко опечалила гибель Узлова, Кардаша и других товарищей. Вот как все это было.

В течение 20 октября партизаны, оставшиеся на болоте, вели непрерывные бои с мелкими разведгруппами противника. Немцы выясняли обстановку и держали наготове крупные силы.

В ночь на 21 октября Гришин дважды водил штабную группу партизан на прорыв окружения, и группа пробила, пережив ради безопасности основного состава полка еще один трагический день. Во время прорыва она понесла тяжелые потери. В кустах на выходе из болота погиб и не был вынесен из боя начальник штаба Ларион Узлов, человек большой души, горячего сердца и неистощимого юмора, спасительного в условиях тыловой войны. С Узловым остался чемодан с документами штаба, и враги захватили эти документы. Это дало им осно-

вание утверждать, что Гришин окончательно разбит, а штаб его захвачен.

После победы над фашистской Германией, в 1947 году, пробитые пулями папки полковых документов, испещренные пометками различных фашистских инстанций, были присланы в Смоленск и теперь хранятся в областном партийном архиве.

В этом же бою был тяжело ранен в обе ноги Кардаш. Понимая, что умирает, он успел описать последние часы своей жизни. В эти часы он думал не о себе, а о судьбе полка. Иначе как было бы объяснить его умышленно дезориентирующую запись о том, что «полк полным составом уходит на юг»? На юг не шел ни один батальон, и Кардаш надеялся направить врага по ложному следу.

Каратели напали на него, он отбивался до последнего патрона, а последнюю пулю, оставшуюся в пистолете, пустил в себя, лишь бы не попасть в фашистские руки.

Через несколько дней «стрекоза» разбросала над лесом листовки с выдержками из дневника Кардаша. Враги не могли скрыть, что коммунист погиб героически. Но фашистские психологи рассчитывали, что, прочтя о смерти Кардаша и Узлова, мы зоткнем штыки в землю. Как все-таки далеки они были от понимания советского человека!

Пропагандистский аппарат оккупантов в этой же листовке опубликовал радиogramмы Гришина в Москву о положении полка, объявив, что копии их находились среди захваченных карателями документов штаба. Но в полковых документах этих копий не было. Фашисты выдали себя: они перехватывали и расшифровывали радиogramмы партизан. А нам это было наукой.

Я спросил Гришина о судьбе мирных жителей, находившихся с нами в блокаде. Оказывается, немцы после нашего прорыва даже не прочесывали лес. Сразу же, утром восемнадцатого октября, они сняли блокаду и устремились туда, где, с их точки зрения, должны были появиться партизаны. Покинули они и окружающие деревни. Население почти беспрепятственно стало возвращаться к своим разграбленным хатам. Имело, очевидно, значение и то обстоятельство, что блокаду в основном осуществляли фронтовые части, а им было не до мирных жителей. Части же СД, гестапо и другие «органы порядка» уже перекочевали за Днепр. Это и спасло людей.

Спустя неделю вышедшее из лесов и болот население было собрано и эвакуировано фашистами на запад. Судьбы этих людей сложились по-разному.

Забегая вперед, приведу рассказ жительницы деревни Добужье Суклиты Лозиковой, пережившей с нами блокаду в этом лесу:

«Там стало совсем непривычно тихо. Просидели мы еще сутки, подобрали своих советских раненых, покормили припрятанными продуктами. Раненых было немного. Все больше попадались убитые — это там, где партизаны прорывались. Немцев ужас как много осталось в лесу: почти все были сложены рядами и в кучи. Знать, их хотели похоронить, но не успели, уехали догонять партизан.

Через день немцы из нашей деревни выехали все. Тогда еще не сожгли ее. Люди пошли домой, мы со своей тетей тоже. А у самих на ногах одни онучи, все подтрепалось, и холод жуткий. Пожалели, что не сняли сапоги с убитых немцев.

Подходим это мы к дороге, что идет через лес на нашу деревню, а из куста торчат сапоги. Глядим, немец убитый лежит и винтовка рядом. Я схватила и давай стаскивать с него сапоги. Один сняла, а за другим только нагнулась, а он как вскочит да как залегочит, а сам винтовку наставляет. Я бросилась бежать, а он ничего, стрелять не стал».

По всей вероятности, этот немец был из батальона, на участке которого совершался прорыв. Отбившись от своих и не зная обстановки, он, как многие другие уцелевшие, спрятался в лесу и уснул, а Суклита из Добужья приняла его за убитого.

Утренняя удача при разгроме фашистов, встреча с Гришиным и однополчанами — все это произошло накануне великого праздника Октября. А вечером с трудом восстановленная Виктором Коротковым и Данилой Ершовым, пробитая пулями радиостанция принесла первую после долгого перерыва радостную весть: наши войска перешли Днепр и овладели городом Киевом.

Какая была радость! Пусть на нашем участке фронт стоял неподвижно, пусть мы пережили невероятные трудности, но сейчас, пренебрегая осторожностью, партизаны кричали «ура». Победа Красной Армии была и нашей партизанской победой.

Вечером 9 ноября подразделения полка, за исключением третьего и пятого батальонов, двинулись к Днепру. На этом участке он все еще оставался в руках врага.

Мы сделали небольшой переход и остановились в полусухом болоте, поросшем редким кустарником, с одиночно стоящими оголенными соснами. До шоссе Орша — Довск оставалось не более двух километров. Оно тут тянется почти вдоль берега. Там гудели моторы, а в лесу было необычно тихо. Темные тучи, нависшие над головой, обещали разразиться холодным дождем или снегом.

Расположившись в привычную круговую оборону, подстелив под себя ветки и пожухлую траву, партизаны устраивались на ночлег.

Давно уже ночевки под открытым небом стали нашим повседневным бытом, а вот теперь, сегодня, невозможно себе представить, как люди могли жить в этих условиях, не жаловаться на болезни, не скулить, не хныкать, а мечтать о предельном «комфорте» — ночлеге с крышей над головой!

Убедившись, что боевые дозоры несут свою службу, я пришел под чахлую сосну, где Федей Левченко была приготовлена роскошная постель из веток. Завернулись мы с ним в плащ-палатку и, согревая друг друга, быстро уснули.

Среди ночи я проснулся, почувствовав какую-то давящую тяжесть сверху. Отвернул уголок плащ-палатки: кругом белым-бело. Крупные хлопья пушистого снега продолжали укрывать землю толстым слоем. В лесу стояла удивительная тишина: ни дуновения ветерка, ни хруста сучка — ничего, кроме едва уловимого шепота падающего снега, не было слышно. Потихоньку, чтобы не разбудить ординарца, выбрался я наружу и немало изумился: там, где по кругу устраивались на ночь партизаны, никого не было. На лапах сосен лежали белые с голубоватым оттенком сугробы, низенькие кусты покрылись снежными шапками и напоминали каких-то древних идолов.

Спросонья, не соображая еще, что произошло, я стоял среди этого белого безмолвия и никак не мог понять, куда же делись люди? Почему не разбудили меня мои помощники да и командир полка, который вечером где-то поблизости располагался со своими ординарцами?

Я сделал несколько робких шагов по снегу, ощущая в душе ужас первобытного одиночества. Не страшно остаться в лесу одному, но страшно быть оставленным!

Больное воображение разыгрывалось, сказывалось постоянное нервное напряжение.

— Вот, товарищ комбат, маскировка! Никакому фрицу не придет в голову, под какой шубой зима запрятала партизан!

Я обернулся на голос. У ствола сосны стоял покрытый снегом часовой, пулеметчик Николай Семенов. Только теперь глаза различили неодинаковой формы снежные бугры, уходящие полуовалом в глубь леса.

Действительно, снежная шуба, укрывшая партизан, была так пушиста, что скрыла малейшие признаки присутствия людей. Красота была поразительная, но так ли уж уютно лежать под этой «шубой»?

Успокоившись, я также осторожно забрался под свое снежное покрывало и улегся на еще не совсем остывшую постель под бочок свернувшегося калачиком Феди.

Этот обильный снегопад мог наделать нам большие неприятности, но к полудню десятого снег растаял, и партизанские тропы вновь почернели.

ЧЕРЕЗ ДНЕПР

обирая батальоны, Гришин беспрерывно вел разведку переправы на правобережье. Несколько пунктов уже было разведано, однако немцы успели создать на правом берегу оборону и заняли ее резервными частями. Таким образом, предстояло не только форсировать реку, но и прорвать линию немецких укреплений.

Однако вскоре после нашей встречи с Гришиным было установлено, что по ту сторону имеется участок, где строительство оборонительной линии еще не закончено,

и что по ночам немцы не охраняют его. Решено было переправляться в этом месте.

Переправу основных сил полка организовала комсомолка из деревни Старая Тросна Аня Легкая. Еще летом она переправляла через Днепр подрывные группы нашего полка. Партизан Василий Павлович Белов вспомнил теперь об этом и взялся установить с Аней связь. Но оказалось, что гитлеровцы перед тем, как окружить партизан в лесу, изъяли у населения все лодки.

У меня хранится письмо Ани Легкой, ныне Анны Касьяновны Халепо¹, в котором она описывает, как доставала лодку для переправы партизан после того, как у нее побывал Белов.

«Утром я сказала маме, что ухожу в Быхов к тете. Сказать правду, зачем я шла, не могла. Мама не отпустила бы меня. Шла вдоль берега Днепра. За деревней Прибор заметила, что трое немцев глушат рыбу на реке. Был смысл поохотиться за их лодкой. Я затаилась в кустах и стала ждать. Фашисты собрали всплывшую рыбу, подъехали к берегу и замкнули лодку перед окнами крайнего дома. Пришлось ожидать темноты. Когда она наступила, я прокралась к лодке и железным прутотом оторвала ее от причала вместе с замком... Прижимаясь к прибрежным кустам, я догнала ее до никоновского луга и затопила у самого берега, где предполагалась переправа. Через день я утащила лодку из Быхова, ночью пригнала ее и также запрятала у берега.

В ночь на 11 ноября ко мне опять пришел Белов и сказал, что подошли люди, надо переправлять. Всю ночь мы работали. Переправлять партизан мне помогали старик Леон Владимирович Столярков, Лазарь Пугачев и

Аня Легкая — одна из организаторов переправы полка через Днепр.

¹ В 1967 году А. К. Халепо награждена медалью «За отвагу».

его сын Сергей. Сергею тогда было лет пятнадцать. Гришин переправлялся последним, и, когда мы причалили к западному берегу, он сказал какому-то товарищу, чтобы меня представили к награде».

Несмотря на близость немецких гарнизонов, переправа прошла без осложнений. Когда загружалась последняя лодка, седой семидесятилетний белорус обратился к командиру полка и выразил сожаление, что ему не пришлось увидеть «самого Гришина». Командир промолчал, и лишь когда лодка причалила к противоположному берегу, обнял старого патриота, назвав свое имя.

Мы миновали широкую днепровскую пойму, прошли две подготовленные, но еще не занятые немцами оборонительные линии, а перед утром остановились в небольшом лесном поселке с внушительным названием Могучий. Население здесь было ограблено немцами до нитки, и все же мы отлично подкрепили свои силы дымящейся, рассыпчатой и необычайно ароматной картошкой, которую, хоть и без соли, сварили для нас женщины. От сытости повеселело на душе, а женщины, видя, с какой жадностью партизаны уписывают бульбу, утирали слезы и причитали:

— Детки, родные, ничего-то у нас больше не осталось, вчера последних коров забрали, сказали, что высылать нас будут, ешьте бульбу, не жалейте, все меньше германцу достанется.

Мы предложили тщательно упрятать картофель и после завтрака вместе с женщинами и стариками быстро выгребли его из подполья и буртов на огородах и тщательно замаскировали.

Кто-то сообщил, якобы в большой деревне Комаричи немцы развернули армейскую колбасную. Над этим следовало подумать, но пока мы упрятавали картофель, в полку случилась большая беда. Обойдя боевые дозоры, я пришел в штабную хату батальона, прилег на лавочке и задремал, а проснулся от плача. Рыдала старушка. Спрашиваю: «Что случилось»? Оказывается, кто-то из партизан украл у нее мешочек сухарей. Такое у нас считалось чрезвычайным происшествием.

На ходу застегивая ремни, я помчался в дом, где случилось ЧП. Ребята отделения были возбуждены. Они только что закончили взаимный обыск, который ничего не дал. Подавленные и возмущенные случившимся, ска-

зали, что во что бы то ни стало найдут преступника. Трое во главе с командиром взвода Иваном Лыхиним побежали в соседний дом, где расположилось отделение другой роты. Через десять минут они возвратились, а вместе с ними командир того отделения и взъерошенный, трясущийся партизан Самуженко¹. В руках у него была сумочка с сухарями. Оставаясь дневальным у хаты, он, пока партизаны переносили с огорода картофель, зашел в соседний дом и стащил из-за печки сухари. Партизаны, видать, уже приложили к нему руки.

За всю мою партизанскую жизнь это был второй такой гнусный случай в полку. Гришинцы беспощадно относились к тем, кто посягал на имущество советских людей, и часто напоминали молодому пополнению о расстреле в октябре 1942 года партизана, похитившего в крестьянском доме мед.

И вот нечто подобное случилось у нас, в первом...

Написано срочное донесение, поднят командир полка, не спавший трое суток. Он отдал приказ о назначении суда. Отдых в батальоне и штабе был сорван на этот раз не по вине немцев. Всем нам было стыдно за поступок подлеца, который так гнусно «отблагодарил» женщин и стариков села за добрый прием, какой они оказали нам, голодным и измученным.

Настоящему солдату дорого чувство собственного достоинства. Он может простить товарищу многое, даже его промахи в бою, даже минутную трусость — с кем не бывает! Но такого никто не прощает. За позор, пятном лежащий на весь коллектив, на его честь, солдаты мстят беспощадно.

Самуженко был расстрелян перед строем, а населению поселка командование принесло извинение. Мы же с Гордиенко получили от Гришина административное взыскание.

На следующий день мы вспомнили о колбасной, и пока велась разведка перехода через железную дорогу Могилев — Жлобин, рота Ивана Шембея и разведчики Василия Агапова совершили налет на Комаричи. Десятка полтора немцев были убраны, после чего в полку оказалось 60 коров, предназначенных на сосиски фри-

¹ По понятным причинам фамилия изменена.

цам. Половину мы тут же раздали населению, которое предусмотрительно увело их в лес.

Еще через сутки мы беспрепятственно совершили большой переход. Загнали охрану в доты и, с шумом перейдя полотно, оказались в царстве белорусских партизан.

Ребята часто вспоминали этот бросок. В сущности, он был заурядным, но отличался какой-то особой удачей, даже весельем. Гришин, например, приказал подойти к дороге тихо и даже коровам запретил мычать. Но этот приказ был нарушен: на полотно дороги мы обрушились довольно шумно, а коровы упирались, боялись идти через рельсы и отчаянно ревели.

Спустя месяц в полковом рукописном журнале, который красочно оформлял пулеметчик Анатолий Савилов, появились стихи его друга, однокурсника по Московскому университету Кирилла Воскресенского. Это была целая лирико-эпическая поэма. Там были такие строчки:

Помнишь? Темь ночей осенних.
Ровный шорох, ветки треск,
Качку мерную винтовок
И ракет далеких блеск...

— Встаты! Железку переходим.—
На ногах. Передний ряд
Дрогнул. Чашею лесною
Пробирается отряд.

Лес порублен. Пни и хворост.
Сучья пробует сапог.
К полотну скользит колонна,
Мягко ставя сотни ног.

Может, ночи напряженье
Вспорет окриком патруль
И из дотов ливнем брызнут
Огневые струйки пуль...

Что же сзади? Крик, удары,
Лязг винтовок, топот, рев.
Кто-то предков вспоминает
Взбунтовавшихся коров!

Недостаток дисциплины,
Иль предчувствие сердец,
Иль во сне одна буренка
Увидала холодец?

Но, забыв про близких немцев,
Та ревет, разинув рот,
Та под хвост разит соседку,
Эта тянет прямо в дот.

В мраке клочья пестрых пятен,
Вьется странный бурный рой,
Шумно, глух и непонятен,
Завихрился клуб живой.

Из него со страшной силой
Через рельсы, вдоль, в кусты,
И мыча и матом лаясь,
Рвутся люди и скоты.

Фрицу жутко — мрак ужасен,
Не защита пулемет,
И руки дрожащий палец
Спусковой крючок не жмет.

«Поэтическая хроника» нашего полка была вообще обширна и разнообразна.

Вести корову на марше — занятие нудное, но выпол-

нять приказ командира приходилось: людей нужно кормить. Если ты бросил корову — или уходи из отряда или за сутки добывай другую. А разве одному человеку легко выкрасть корову из укрепленного гарнизона? Пожалуй, потруднее, чем языка привести! И притом никакой доброй славы не жди.

В деревнях на реке Друть мы встретили батальоны Матяша и Звездаева. Они перешли через Днепр за две недели до нас, провели разведку, связались с белорусскими отрядами и бригадами, которые помогли им продовольствием.

С этих пор началась еще одна полоса в жизни нашего партизанского полка.

За Днепр мы вышли разутые и раздетые, истощенные, многие были больны. Прежде всего надо было пополнить боеприпасы, так как бои в блокаде и последующие схватки с врагом обошлись нам недешево. А о медикаментах и перевязочном материале и говорить нечего — все это было либо на исходе, либо вовсе отсутствовало.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК ГЛАЗАМИ ВРАГА

говорил уже о том, что гитлеровское командование группы армий «Центр» придавало особое значение борьбе с партизанским полком Гришина. Но не преувеличение ли это? Ведь автор — участник описываемых событий, его симпатии — на стороне той части, в которой ему пришлось воевать. Избежал ли он субъективных оценок?

Настоящая книга — не история партизанского полка «Тринадцать» и тем более не история партизанского движения каких-то районов. Это — плод памяти и изучения документов, которые ока-

зались доступными автору. Возможно, исследователи найдут у меня какие-либо упущения, субъективные выводы и оценки. Но, говоря об особом интересе гитлеровцев к партизанскому полку «Тринадцать», я исхожу как из собственного опыта, так и из документов противника.

29 ноября 1942 года уполномоченный шефа полиции безопасности и СД при командующем армейской группой «Центр» докладывал вышестоящему начальству, что «в начале ноября 205-й пехотной дивизией проведена операция «Тетерев» в районе северо-западнее Каспля, где *наконец* внезапно удалось настичь Гришина».

Правда, операция провалилась, так как, по признанию обер-карателя, «партизаны скрылись в направлении русского фронта».

Здесь речь шла о боях в Шуровщине и Авиницкой даче, где полк нанес карателям внушительное поражение, уничтожив только 2 и 12 ноября более двух сотен оккупантов.

В июле 1943 года наши разведчики достали оперативную карту штаба командующего тыловым районом той же группы армий «Центр». На листах карты от Дорогобужа до Минска и от Торопца до Гомеля все было испещрено одним словом: «Гришин». Такие пометки были сделаны не только в пунктах, где полк и его подразделения действительно дислоцировались, но и там, где была потенциальная возможность появления гришинцев. Случалось, что гитлеровцы приписывали полку Гришина операции, которые проводили другие, не связанные с полком партизанские отряды и бригады.

Одно из свидетельств пристального внимания немцев к полку — перехваченное по радио распоряжение командующего 4-й немецкой армией генерал-полковника Буша, в котором соединению, входившему в карательную экспедицию, предлагалось «принудить Гришина к спокойствию, произвести далекий охват и, сжимая кольцо, уничтожить его банду»¹.

Карателям ставилась задача любой ценой уничтожить партизан. Однако тактика боевого рейдирования, обходов и дерзких ударов с флангов и тыла, которую с большим успехом применял командир полка, обрекала

¹ Радиоперехват. Март 1943 г. Партийный архив Смоленской области, ф. 8.

замыслы противника на провалы. Он нес громадные потери при относительно небольших потерях партизан.

Только в районе Бовок врагу удалось достигнуть частичного успеха в результате наших просчетов, связанных с надеждой на скорый подход фронта. Да и тогда выход из, казалось бы, безвыходного положения был найден. А противник вновь понес громадные потери.

Немцы неоднократно назначали большую сумму денег за голову Гришина. Так, например, после рассредоточения полка в Железинском болоте они буквально засыпали территорию окрестных деревень и лесов листовками, в которых обещалось тридцать тысяч марок золотом тому, кто доставит Гришина живого или его голову.

Вначале они приняли за командира полка Кардаша. Уже были заготовлены листовки, в Могилеве и Орше срочно развешаны объявления о победе над «большой бандой». Кардаша повезли по деревням, но никто из населения не узнал в нем Гришина, и объявления пришлось снять.

Не лишено интереса и внимание к действиям партизанского полка «Тринадцать» в Западной Германии и США в послевоенное время.

В 1956 году в ФРГ в военно-историческом журнале «Wehrkunde» опубликован любопытный документ под нахальным названием «Охота на Гришина». Эта большая статья¹ принадлежит перу участника борьбы с советскими партизанами подполковнику в отставке Гельмуту Крайделю. Цель подобных публикаций состоит в обобщении опыта борьбы с партизанами и передаче его союзникам по агрессивным блокам.

«Исследование» Крайделя, как и многие повествования оккупантов о действиях партизан, содержит немало фактических неточностей, допускает хронологическую сдвигку событий, преувеличивает успехи карателей. Но как свидетельство об отношении гитлеровцев к партизанскому полку «Тринадцать» рассуждение гитлеровского недобитка представляет определенный интерес.

Автор статьи говорит: «Борьба с отрядом Гришина проводилась с переменным успехом всеми охранными

¹ Копия ее имеется в партархиве Смоленской области, ф. 1337, оп. 1, д. 107.

дивизиями тылового района группы армий «Центр». На этой основе автор приходит к выводу, что «этот отряд стал одной из *опаснейших и активнейших банд* в тыловом районе фашистских войск. Борьба с ним и его последующий разгром стоили немецкому командованию *больших усилий и огромных жертв*». «Преследование этого сильного отряда, — говорит Крайдель, — шло через всю полосу группы войск с севера на юг, а затем снова на север».

Кто за кем охотился — в этом нас с крайделями рассудила история. Десятки раз «уничтоженный», отряд «Тринадцать» неизменно рос, стал полком, а затем превратился в соединение и постоянно наращивал удары по оккупантам.

Недобитый гитлеровец взялся за перо, чтобы опорочить партизанское движение, но невольно он отдает должное советским партизанам и советским людям вообще:

«Руководство бандой было с самого начала *целестремленным и четким*... Благодаря *ловкости и энергии командира*... долгое время попытки нейтрализовать силы Гришина оставались безуспешными. Он осуществлял прежде всего подрыв железнодорожного полотна на линиях Смоленск — Витебск и Витебск — Полоцк, нападал на расположившиеся вдоль железных дорог опорные пункты, а также на немецкие войска в деревнях, чтобы завоевать на свою сторону симпатии населения. *Благодаря частым успехам отряда пополнение в него поступало в большом количестве*».

Кажется, более определенно не скажешь. В численном росте каратель-историк видит главные трудности и сетует на невозможность справиться с Гришиным, хотя генерал Шенкендорф посылал против него не только 286-ю охранную дивизию, но и помогал ей корпусными частями в виде самокатного полка, бригады Граукорта и танковыми батальонами.

В чем же состояла главная причина неудач гитлеровцев в борьбе с партизанами и, в частности, с полком «Тринадцать»? Крайдель называет три такие причины.

Во-первых, подвижный, рейдирующий характер партизанской тактики, не позволявший немцам предвидеть, где окажутся партизаны завтра и в каком месте они нанесут новые удары.

Во-вторых, «болотистая, труднопроходимая местность была столь же благоприятна для партизан (?!), сколь осложняла положение немецких войск».

О третьей причине говорится мимоходом, но она-то как раз и является определяющей для успехов всего партизанского движения в целом, а именно:

«Ввиду длительного пребывания отряда Гришина в этих местах и успеха его действий банда получала сильную поддержку от местного населения. Подготовка карательных акций и особенно использование агентов-лазутчиков оказывались весьма затруднительными. Ход операций неоднократно доказывал, что *маневры немецких войск не удастся сохранить втайне*, так как противник всегда прорывался, сосредоточив свои главные силы на самом слабом участке кольца окружения».

Как видим, оккупанты знали, в чем секрет успеха партизан, но от этого им не становилось легче. Будучи бессильными разгромить партизан, теряя огромное количество своих солдат, они, по их собственному признанию, ставили временами перед собой лишь ограниченную задачу: атаковать Гришина, нанести ему возможно большие потери и отогнать в другие районы, а затем выместить злобу из-за неудач на мирных жителях. Что же касается результативности карательных мер против гришинцев, то здесь Крайдель очень лаконичен: «Установить потери противника не удавалось, поскольку русские, как часто это бывало, уносили с собой и раненых и убитых».

В незавидном же положении находился противник, если даже не мог знать результатов своих карательных мер! Но гитлеровцы хорошо понимали, что в некоторых боях соотношение потерь оккупантов и партизан было примерно десять к одному.

А вот как Крайдель описывает подготовку и проведение операции по «уничтожению» партизанского полка в районе Бовок.

«В течение сентября (1943 г.) участились донесения о нападениях на шоссе от перекрестка Довск — Кричев до района Пропойска (ныне Славгород.— Н. М.). Засланные агенты скоро донесли, что севернее этого города, к востоку от реки Прони, *появилась новая сильная и очень активная банда*. Вскоре стало известно, что это *снова Гришин...* Появление партизан было особенно не-

приятным, учитывая критическую обстановку, создавшуюся ввиду приближения фронта... Чтобы наконец избавиться от этого опасного противника, командующий прифронтовым районом «Центр» генерал горно-пехотных войск Кюблер приказал... командиру 286-й охранной дивизии во взаимодействии с 203-й охранной дивизией уничтожить отряд Гришина. Для этой цели предполагалось провести крупную операцию. К ней были привлечены части обеих дивизий, резерв командующего группой армий и части полиции в количестве двенадцати-пятнадцати тысяч человек. Удалось окружить Гришина, но полное уничтожение его отряда было сорвано. Дело в том, что в непроезжаемой лесистой местности сплошное блокирование было невозможно, кроме того, Гришин опять узнал заблаговременно о том, что задумало наше командование».

Так, по свидетельству одного из карателей, закончилось окружение гришинцев. Но бывший гитлеровец не был бы похож на себя, если бы поставил на этом точку. Ведь цель его заключалась и в том, чтобы политически реабилитировать гитлеровское командование, оказавшееся беспомощным в борьбе против советских партизан. Поэтому несколькими страницами ниже он возвращается к операции в Городецком урочище и доводит свое повествование до окончательного «разгрома» полка «Тринадцать». На бумаге это, конечно, сделать значительно легче, чем в действительности.

Желая быть «объективным», Крайдель говорит о действиях гришинцев на правом берегу Днепра, но эти события он относит к добовкинскому периоду. Для этого ему понадобилось дважды заставить Гришина переправляться через Днепр в районе Быхова. В своем «исследовании» Крайдель ссылается на другие работы и воспоминания участников борьбы с полком Гришина, опубликованные в ФРГ.

Немало усилий в попытке обобщить боевой опыт советских партизан с той же целью передачи его на вооружение союзникам по агрессивным блокам потратил известный американский разведчик Армстронг. В своей объемистой книге он много места отводит полку «Тринадцать». Но, как и фашистские «историки», он оказался неспособным объяснить неодолимость партизанского движения.

ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ве недели партизаны полка отдыхали, хотя, как известно, безделье — петля на партизанской шее. Обстановка на новом месте была спокойная: громадный район, простиравшийся от Днепра до Березины, полностью контролировался могилевскими партизанами. Гитлеровцы имели крупные гарнизоны только в таких пунктах, как Белыничи, Кличев, Круглое, Березино. Совершенно не действовала железная дорога Могилев — Осиповичи, а на железных дорогах Минск — Орша и Орша — Могилев — Жлобин оккупанты держали мощную охрану.

До блокады в Бовкинском лесу у партизан полка было много героических схваток с противником. Волоковская и Шуровщина, Танцы, Чаусы и Дмыничи, переправа через Ластовку у деревни Волково, Веремейки и Брюханово — все это места напряженных боев, выходивших за пределы партизанских методов и партизанской тактики. Они закаляли силу сопротивления и наступательный порыв людей, подготовили их к более тяжелым сражениям. Но все же доминирующей на этом этапе была чисто партизанская борьба, которая, по образному выражению Дениса Давыдова, сводится к лаконичной формуле: «Убить и уйти». Удары из засад на большаках и магистралях, подрыв поездов, внезапные налеты на гарнизоны, мгновенные стычки на маршах выражают суть этой формулы.

В Бовках обстановка вынудила нас к армейским методам обороны. Наверное, не пережив этой блокады, не испытав на себе небывалого по силе натиска врага, многие партизаны не были бы уверены, что способны противостоять такому напору. Бои в блокаде заставили каждого участника взглянуть на себя как бы со стороны и увидеть, на что он способен. В блокаде проявлялся

повседневный индивидуальный и массовый героизм людей.

В дни, которые я называю «днями отдыха» за Днепром, всем нам предстояло осмыслить только что минувшие события и дать им истинную оценку.

Специальная партийная конференция обсудила вопрос об итогах борьбы в тылу врага с 1 мая по 11 ноября, то есть с момента выхода из Смоленщины в Белоруссию. Теперь в полку было сто сорок семь коммунистов и восемьдесят кандидатов в члены партии.

Доклад командира полка обсуждался бурно. Выступали комбаты, ротные и взводные командиры, пулеметчики и подрывники. Здесь вещи назывались своими именами. Говорили не только о героических усилиях, успехах, но и о просчетах. Несмотря на безусловные боевые заслуги, ряду командиров не хватало выдержки, упорства. Это особенно выявилось, когда они повели батальоны самостоятельно. Из-за того, что командиры второго, четвертого и шестого батальонов после выхода из Железинского болота допустили дальнейшее дробление подразделений, разрешили самостоятельный выход через Днепр по взводам, по отделениям, полк потерял часть замечательных людей. Для каждого командира, говорили коммунисты, мало обладать личным бесстрашием, надо еще в любой обстановке сочетать гражданское мужество с партийной ответственностью за судьбы людей. Иначе нельзя быть командиром.

Секретарь комитета комсомола Дуся Семенова рассказала о подвигах комсомольцев.

Двенадцать партизан-конников, лишившись своих лошадей в блокаде, переправлялись на плоту. Не удержавшись от соблазна, они захватили с собой трофейные седла. Плот оказался перегруженным и на середине реки перевернулся. Партизаны очутились в холодных волнах осеннего ночного Днепра. Один из них плохо плавал и в темноте пошел ко дну, даже не крикнув товарищам о помощи, чтобы не открыть врагу место переправы. Остальные достигли правого берега. Ни один не бросил оружия.

Конференция высоко оценила деятельность командования полка и работу политсостава, отметила мужество и отвагу большинства коммунистов и комсомольцев и беспристрастно указала на промахи, допущенные това-

рищами. Это была настоящая школа партийной закалки командного и политического состава.

Вместо героически погибшего Кардаша секретарем партийного бюро был избран комиссар второго батальона Иван Никитич Шалаев. А учитель со станции Веремейки Андрей Иванович Поляков стал комиссаром второго батальона.

В самые трудные дни боев и больших рейдов в полку не прекращался выпуск многотиражки «Смерть врагам», а также батальонных рукописных журналов и боевых листков. Но еще никогда так активно не работала наша партизанская печать, как в первые дни выхода за Днепр. И никогда не было столько желающих выступить на страницах этих газет и журналов. Рассказы, воспоминания о погибших друзьях, о их подвигах, сатирические куплеты, частушки и множество стихотворных сочинений писалось во всех батальонах. И откуда только они взялись, эти люди, наделенные поэтическим даром, способные к острому сарказму и самобытному народному юмору?!

Партизан Иван Глинкин назвал свою поэму о полке несколько громковато — «Лавовый поток». Политрук третьего батальона Налетов написал цикл стихотворений, песен, поэтических зарисовок; подрывники Елисеев, Серебряков, Волхонский, командир взвода Кирилл Воскресенский, пулеметчик Белкович — каждый по-своему отозвался на многочисленные героические, трагические и порой смешные моменты блокадных дней. Бывший аспирант МГУ, партизанский пулеметчик Анатолий Савилов оказался талантливым художником, подрывник Даут Дарчиев — известным осетинским писателем. Проявились таланты и в художественной самодеятельности, которая вскрывала сущность «нового порядка», зло высмеивала фашистских мракобесов, возомнивших себя сверхчеловеками.

При прорыве окружения из Железинского болота не было вынесено тело погибшего начальника штаба полка Лариона Узлова. Оставшиеся при нем штабные документы попали в руки противника. Это были копии списков личного состава, списки погибших и отправленных в советский тыл партизан, копии приказов, боевых донесений, аттестации и наградные листы на партизан, отличившихся в боях, предшествовавших Бовкинской блокаде.

Нужно отдать должное бывшему начальнику штаба Узлову: «партизанскую канцелярию» он вел исправно, на каждый документ, исходящий из штаба или от командира полка, оставлял не одну, а две копии, и к моменту, когда полк готовился к прорыву блокады, при Узлове был целый чемодан дублирующих бумаг. Основные же документы — подлинники — были зарыты в землю, и место это знали немногие.

За Днепром, когда миновала нависшая над полком угроза уничтожения, командование послало за ними две группы партизан, одну из которых возглавлял опытный разведчик Василий Павлович Белов.

Со своей задачей он справился, но возвратиться в полк ему уже не пришлось. О подробностях операции мы узнали лишь много лет спустя, когда обнаружилось письмо Василия Павловича. Письмо это говорит о том, на что способны были люди, прошедшие боевую школу в полку.

«...После двухнедельного маневра первого батальона у самой прифронтовой полосы мы обратно возвратились в тот лес. Тогда сразу столкнулись с большой группой немцев, быстро разогнали их и многих побили. Но и самим отдохнуть не пришлось. Ты помнишь, как мы пошли в глубь леса, совершенно неожиданно встретили там командира полка, как наши товарищи — им тут было жарко — обрадовались приходу такого батальона. Группа у командира была небольшая, и они все время сталкивались с немцами, чесавшими лес, а перед нашим приходом Гришин прикрыл отход и чуть сам не попал в лапы фашистов, которых мы неожиданно расчихвостили.

Да и было чему радоваться: первый батальон пришел неразбитый, численно увеличился. Командир полка в тот же день поставил себе задачу разведать переправу через Днепр. Ты тогда назначил меня и еще двух партизан, но потом командир решил, что старшим пойдет Яков Дулькин.

И вот мы пошли. Болотом мы прошли на деревню Родьково¹, переправились через речушку, потом через дорогу Орша — Довск и оказались у деревни Старая Тросна. Товарищи остались в кустах, а я пошел к крайней хате. Какая-то девушка несла в дом дрова, заметила

¹ Родьковичи

меня и остановилась. Она пристально смотрела, очевидно, размышляла, что я за человек. Ей было подозрительно потому, что я был в немецких брюках.

Я попросил у нее покушать. Она ответила, что спросит у мамы, и сама пошла в хату. Я насторожился. Может, думаю, немцы в квартире есть. Девушка вынесла крынку молока. Поняла, что я партизан по русскому автомату. Я налил и выпил неполную кружку молока. Она предложила пить все; я сказал ей, что тут не один, у меня товарищи, махнул рукой, и к нам подошли ребята. Увидев партизан, девушка осмелела, стала веселее и начала рассказывать, что за Днепром немцы строят оборону. Вскоре мы договорилось. У нее у берега была затоплена одна лодка, сказала: «Немного течет». — «Ничего, — отвечаем, — законопатим».

Передневали в кустах. После того, как поели молока да и человек такой нашелся, на душе стало теплей.

Вечером она нас переправила через Днепр. Сама осталась на правом берегу ожидать, когда вернемся. Ждать пришлось долго. Сильно замерзла и переехала погреться на свою сторону.

Мы долго ходили по пустой немецкой обороне. Затем прошли дальше и зашли в одну хату самой ближней к Днепру деревни. Нам открыли. Жили тут две женщины. Стали с ними беседовать. Они не поймут: то ли мы партизаны, то ли полицаи, и все отнекиваются. Говорят, что ничего не знают. Потом все же сказали, что их гоняют на окопы. У обоих мужья были на фронте. Это нам важно — не полицаи. Скоро мы нашли общий язык, поняли друг друга. Мы получили полные сведения о немцах в окружающих деревнях и какая создается оборона. Женщины просили нас не проговориться, «а то нас завтра же повесят».

Мы вышли из дома и пошли к Днепру. Девушка была уже на месте. Она обратно переправилась к нам и ожидала, продрогла так, что у нее зуб на зуб не попадал. Но была она очень довольна, что мы нашли нужных людей, получили необходимые сведения, выполнили задание.

На рассвете она переправила нас к Старой Тросне. Идти днем было нельзя, поэтому дневали в кустах около большака. Наша перевозчица принесла покушать вареной картошки, и тут мы договорились, что она под-

готовит переправу для большой группы партизан. Сколько нас будет, она ничего не спросила. Дала слово, что о разговоре никому не скажет. «Ведь я рискую своей жизнью, это не шутки», — сказала, и мы ей поверили.

Вечером перешли большак, по которому беспрерывно шла немецкая техника. Нас с нетерпением ожидали. Ты помнишь, как вы обрадовались, как узнали, что переправа возможна.

Потом мы передвинулись поближе к большаку. Дневка прошла спокойно, и снег растаял, фрицам в голову не пришло, что партизаны расположились у них под носом, у самого большака. Я целый день наблюдал за Старой Тросной: немцы в деревню заезжали, но долго в ней не задерживались. Вечером я встретился с девушкой, и она мне сказала, что есть три лодки.

Батальон и штаб пришли на берег Днепра, в установленное место. Мы подогнули лодки, началась переправа. Она управляла одной, я — другой, а третью лодку подогнал к нам какой-то старик и попросил садиться сразу по пять человек. Переправа шла быстро. Меня кто-то сменил на веслах, я поблагодарил перевозчицу и подарил ей отрез шевиота: носил в сумке с тех пор, как разгромили отряд мародеров. Немцы у кого-то из населения украли этот кусок и командир его отдал мне. При случае хотел сделать из него себе штаны, чтобы избавиться от немецких. Мы попрощались, и девушка спросила, как меня зовут. Я назвал себя, и она тоже. Ее звали Аня, фамилию я узнал позже.

События за Днепром все хорошо знают. Нам тогда опять повезло: удачно переправились, прошли оборону, которая немцами еще была не занята, железную дорогу Могилев — Рогачев без боя, схватили у немцев коров в колбасной, бульбы ели вволю, и это подкрепило наши силы, а то все были такие, что от ветра шатались.

На реке Друть, где уже были третий и пятый батальоны, не успели мы еще как следует отдохнуть, как командир полка приказал от первого батальона послать в Бовкинский лес группу за документами и любой ценой принести их в полк или вынести на Большую землю. Это «счастье» выпало на мою долю. Доверие, конечно, было большое, но если бы ты послал кого-то другого, я бы обижаться не стал. Гришин сказал: «Выполните задание — будете представлены к самым высоким награ-

дам». Нас хорошо вооружили, вдоволь дали патронов, и мы пошли.

На подходе к Днепру надо было узнать положение на немецкой обороне. Опять зашли к тем женщинам, у которых мы с Дулькиным были раньше. Узнали меня, нас хорошо приняли, покормили чем бог послал, оставляли ночевать, но нам такое счастье не улыбалось: хотели в эту же ночь переправиться на левый берег. Когда мы попросили помочь, одна из женщин оделась и пошла на деревню к старику, у которого на Днепре была запрятана лодка.

Старик нас повел. Незамеченными прошли окопы, одни, затем другие, потом пойму, и оказались у реки. Туман был такой густой, что наш дед потерял ориентировку, не поймет, где мы находимся. Всю ночь ходили по берегу. Спасибо петухи нам помогли, старик по ним разобрался, где мы находимся. Лодку нашли, вытащили из воды и без происшествий переправились. Дед поплыл обратно, а тут уже наступало утро, а впереди тот же проклятый прифронтной большак.

Я ребят оставил в кустах, а сам стал пробираться в деревню, к Ане. Хотел предупредить, что мы через день-другой вернемся, чтобы она нас переправила. Но в деревне были немцы, чуть не напоролся на них, пришлось вернуться. День мерзли в кустах, вечером подошли к большаку. Он был забит немецким транспортом, пришлось очень долго ждать. Как только образовался разрыв, бегом его перемахнули. Чуть не нарвались на автомашину с солдатами, хорошо, что засветились подфарники. Стояла на обочине.

В Родькове уже оказались немцы, и была у них какая-то суетня. Пришлось обходить стороной, чтобы попасть на кладки через речушку Ухлясть. На нашем пути, за деревней, стояли высокие вербы, целая роща. Все было тихо. Но стоило нам подойти к этим деревьям, как всполошились тысячи грачей, которые нечевали на ветвях. Птицы подняли такой гвалт, что ничего не было слышно. Черт знает, что могли подумать немцы! А нам ведь нельзя было обнаруживать себя.

Но все обошлось. Мы прошли через болото, благополучно добрались до нашей второй блокадной обороны и утром без труда нашли место, где были запрятаны штабные документы. Могу тебе сказать, Николай Ива-

нович, в жизни своей я никогда не видел столько побитых немцев. Они валялись, как чурки, то в одиночку, то группами, то были стасканы и лежали целыми поленищами. Партизан убитых не было видно. Хорошо, что мы их успевали хоронить, а на то место, где проходил прорыв, мы не попали. Там ведь и наших осталось не дай бог. Нам было жутко в лесу с этими убитыми немцами, и в то же время думалось, что не зря погибли наши ребята.

Откопали документы и ушли в болото, там на высоких кочках передневали, было безопаснее, а главное, лес протух неубранными фашистами. Мы заметили, что по краям болота шныряли немцы, временами слышалась недалекая стрельба и вроде бы русские голоса кричали «ура», «ура». Знать, передовая была совсем близко и наши вплотную приблизились к лесу, где так долго мы их ждали. Вот легко было бы овладеть этой местностью теперь, если бы у нас хватило сил удержать оборону до сих пор.

Вечером наступило затишье. Мы пошли по направлению к Днепру. Решили документы нести в полк, хотя очень хотелось соединиться со своими частями, осточертела эта партизанская жизнь, а воевать на фронте, как я убедился после, спокойнее.

Кругом делалось что-то непонятное: нам показалось, что фрицы отступают: куда ни сунемся — всюду они. Даже ночью можно было угодить к ним в лапы. Выходить из лесу стало опасно. Подумали мы и повернули на нашу первую оборону. Надо было подождать, авось наши придут завтра.

Пришли туда, заняли блиндаж какого то батальона, установили дежурство и стали отдыхать. Так прошла ночь. Рано утром опять слышим «ура», «ура» и стрелковый огонь. Что было делать? На руках документы, не для немцев ведь мы за ними пришли! А они здесь сновали по лесным дорожкам. Пошли в болото и опять замаскировались там.

Тошно сидеть, когда не понимаешь, что творится кругом. Оставил ребят с бумагами и ползком стал двигаться к дороге, которая идет через лес на Добужье. Вижу, идет немецкая разведка, два солдата. Я затаился и стал ждать. Так прошло с час. Потом с другой стороны появились трое в маскхалатах. Вроде бы наши, но не

верится. По ним застрочил откуда-то немецкий пулемет. Назад пробежали только двое. Одного, видно, убило. Через несколько времени началась стрельба с двух сторон. Бой разгорался, на дороге и в кустах рвались снаряды. Стало ясно, что мы находимся меж двух огней. Потом стихло, снежок порошит, лес как-то тревожно шумит.

Хотел возвратиться к ребятам и вдруг... показалась колонна с роту! Сердце забилося и подсказало, что это наши, но к ним я не выскочил. Проходят новые группы, и я твердо убеждаюсь, что это наши, советские! Поднимаюсь в полный рост, бегу навстречу бойцам. Они остановились и смотрят на меня. «Здравствуйте, товарищи!» — кричу им, а сам плачу и злюсь на себя — нашел время!

Меня окружили, смотрят подозрительно, сняли с меня автомат, разоружили, значит, забрали пистолет, что был на ремне. Стали расспрашивать: не верят, что говорю им. «Подтверди документами, кто ты». Ну что ж. Сажусь на пенек, разуваю одну ногу, достаю клочок парашютной материи, на нем напечатан мой мандат и подпись: «С. В. Гришин». Лейтенант прочитал и говорит: «Да, это удостоверение, печать есть». И оно пошло по рукам солдат. Они вроде смотрят еще с недоверием, а мне хочется броситься на каждого и обнимать их. И слезы у самого так и текут. Разнюнился, вспомнил все пережитое и лагерь в Красном Бору. Тогда лейтенант взял у ребят оружие и положил рядом со мной. Он приказал звать моих товарищей. Подошли ребята, тоже радостные, хотя и не было нам полного доверия. А, наплевать! К своим попали, разберутся все равно. Мы стали показывать штабные документы, рассказали о положении за Днепром. Видно, нам поверили, стали угощать настоящей махоркой. Я поинтересовался: нет ли среди красноармейцев курян. Не оказалось.

Дали нам проводника и направили в штаб. В деревне нас неласково встретили четверо молодых офицеров. У них погоны, звездочки. Посадили на бревна, а затем говорят: «Сложите оружие!» Вот те, думаем, раз! Мы сказали, что оружие не вы нам давали и не имеете права взять, мы выполняем приказ своего командира и оружия не отдадим. С какой стати! Тогда они вызвали автоматчиков, но в это время подъехал какой-то майор. Он вмешался в наши ссоры и приказал всем разойтись. «Сами

разберемся», — сказал он. Офицеры были строптивыми, они настаивали, чтобы мы передали свои автоматы. Майор сказал: «Идите на передовую, там много автоматов». Короче: он поддержал нас, пригласил в избу, велел накормить и даже не пожалел по сто граммов. За это я подарил ему трофейный, никелем покрытый пистолет «Вальтер», носил его в боковом кармане на всякий случай. Я запомнил этого доброго человека, его фамилия Лебедев, он был из разведки.

Мы покушали из солдатских котелков перловой каши с тушенкой, и майор повез нас в штаб армии¹. Там нас встретили по-человечески, хорошо. Подробно расспросили обстановку за Днестром и каким путем мы переправлялись. Все рассказали, что сами знали. Начальству, видно, это понравилось, и оно предложило мне провести через Днестр радистов ихних. «А как нам быть с документами? — спросил я. Ответили, что все будет в сохранности, хлопцы мои останутся здесь до возвращения.

И вот я повел армейских радистов — получил новую задачу. Снова Старая Тросна. Аня нас переправила. Группу я проводил под самый Рогачев, оставил солдат в лесу, а сам, как было приказано, пошел обратно.

Третий раз я пришел ночью в деревню, где жили две солдатки. Стучу в двери, но никто мне не открывает. Верно, с ними что-то произошло. В какой хате живет водивший нас к Днестру старик, я не знал, заходить в другие избы показалось опасным. Дело было табак. Что предпринять? Подумал вернуться в свой полк. Это было самое легкое. Но что скажу командиру, где оставил документы? Решил без проводника идти к Днестру, думал, что найду место, где старик хоронил свою лодку. На обороне у немцев окопы были пустыми еще, но чуть не нарвался на патрулей, пришлось проутюжить животом с километр земли. Место вроде бы нашел, а лодки не оказалось. Плутал по берегу, споткнулся на немецкий телефонный кабель. Взял и вырезал кусок метров тридцать: хоть чем-нибудь насолить фрицам. Пришла в голову и другая мысль: решил связать плот. Для этого пришлось пройти по берегу до кустов. Там из веток и другого хлама связал плот не плот, просто пук с боль-

¹ Штаб армии генерала Волдина (Н. М.)

шую вязанку, но был он очень легкий и плыть на нем нельзя.

В голову лезли всякие мысли, но думать было некогда. И я разделся донага, сложил свои пожитки на эту вязанку, привязал свой «паром» к руке и сказал сам себе: «Прощай, Родина!» — и полез в воду. Ошпарило, как будто попал в пламя огня, дух захватило, потом отерпелся. Одежда и оружие лежат на пуку, такую тяжесть он выдерживает, а я толкаю его перед собой, работаю ногами и плыву, придерживаюсь попеременно одной рукой за него. И все время думаю: «Окоченею или нет до того берега?». Ведь это было в конце ноября, на земле местами лежал снег.

Оставалось десять, а может быть, пятнадцать метров до берега, когда почувствовал, что окончательно выбиваюсь из сил и судорога сводит правую ногу. Чувствую: последние силы уходят от меня и все же толчками приближаюсь. Вот ноги коснулись дна, и я ползком стал двигаться в воде. Вылез на берег, тяну на себя кабель. Плот легко причалил к песку. Сам зубами колочу, как немецкий пулемет. Сразу кинул на себя телогрейку. Стал одеваться, оказались кальсоны мокрые, не могу надеть брюки: ноги сводит назад. С трудом надел, обул сапог, второй никак не лезет на ногу, какая-то боль страшная; долго бился, плюнул, взял его под мышку и полез на крутой обрыв. Кое-как выбрался и вижу: недалеко лес. Ползу туда, и вдруг что-то хрустнуло в суставе. Через несколько времени стало отходить, попробовал, легко обул сапог.

Не помню, как бежал километра три вдоль Днепра до Тросны. Думал: «Вот бы на теплую печь!». Даже запах горячих кирпичей почуял. Не вышло! Приблизился к деревне, собаки лают. Скоро рассвет, и я не решился.

Нашел у большака пустой окоп, покрытый хвойником, залез туда и не помню, как уснул и сколько проспал. Проснулся — не то утро, не то вечер. Тело горит от брюк, потому что без кальсон: немецкие эрзац-штаны дерут, как наждаком. В вещмешке были трусы. Надел их, а мокрые кальсоны обвязал вокруг себя и пошел в деревню. Чуть опять не напоролся на немцев. Будь они прокляты! Стояли запряженные телеги, и машины на улице виднелись. Вернулся в свой окоп и просидел до вечера. На большаке движение было почти непрерыв-

ным. Вечером перескочил его. Где-то рядом должны быть наши части, думал, в Родькове встречу своих. Не тут-то было! Там опять оказались немцы, знать, отбили деревню сволочи, пока я ходил за Днепр.

Куда было деваться? Придется опять лезть в болото, чтобы выйти на нашу злосчастную партизанскую оборону. Не могли же наши отступить и оттуда.

Ночь просидел, больше пропрыгал от холода у кромки болота, опасно было одному идти, залиться можно было где-нибудь в яме. С утра пошел. Болото было покрыто тонким льдом. Целый день брел, льдом порезал все сапоги, пока добрался до места. Затем по сухому лесу пошел на восток и вышел к могиле Николая Харитонova — ты помнишь его, — из глаз покатались горькие слезы, нервы стали сдавать. Сколько в этом лесу мы оставили друзей!

Кругом леса опять взлетают немецкие ракеты, и никаких наших частей уже здесь нет. Дальше идти не мог, силы были на исходе, четвертые сутки, как ничего не ел. Слышно, вроде моторы где-то недалеко от меня режут, а может, это в ушах такой шум. Нашел окоп, закрылся хвойными ветками, сбитыми с елок, когда нас тут штурмовали, и, не глядя на неприятный запах, уснул. На утро проснулся, смотрю, рука чья-то торчит. Разглядел: под ветвями лежит наш партизан. Видно, был тяжело ранен и умер или убит был здесь. Закрыв труп сухой травой, что была в окопе, и вылез.

Только я отошел, слышу топот. Я метнулся за куст, затаился. Почти рядом прошли два немца. Гляжу, они полезли в землянку рядом. Что, думаю, за черт? Мерещится, что ли? Через несколько минут один немец вылез оттуда с двумя винтовками и направился с ними к болоту. Потом быстро вернулся, но уже без винтовок. Мне было не до них, но похоже, что они готовились сдаваться в плен. На душе вроде стало веселей, видно, припекло!

Немцы остались в землянке, а я пошел к дороге. Вышел и увидел: метрах в трехстах танк стоит. Вижу, что не немецкий, люди в фуфайках гусеницу натягивают. Обрадовался и пошел к ним. Снова меня обезоружили и, что я ни говорю, ничему не желают верить. Тошно и обидно, что после всего пережитого свои не верят и считают тебя подозрительным, а может, предателем. Потом все же стали расспрашивать, есть ли в лесу нем-

цы. Я сказал, что двое рядом сидят, в землянке. Танкисты пошли со мной и взяли немцев в плен, без боя. Офицер показал немцам на меня и спросил их, был ли я с ними? Немцы стали отрицать, они и правда меня не видели. А солдаты злиться стали, один норовил в зубы двинуть — изменника поймали!

Вот ведь судьба партизанская!

Двух немцев и меня, безоружного и самого «опасного» для них, повели два танкиста. Автоматы на взводе, а я идти не могу.

На мое счастье, по дороге встретились разведчики и узнали меня. Я у них ночевал, когда вел группу радистов. Дали закурить, угостили тремя сухарями. Видя такое дело, танкисты махнули рукой: «Иди куда хочешь». И мне здорово повезло: подошла машина, а в кабине сидел майор Лебедев, с которым я встречался: «Почему без оружия?» — спросил он. Я сказал, что отобрали танкисты. «Не горюй, — сказал майор, — садись в машину, едем в штаб армии».

В штабе меня встретил полковник, схватил за плечи, стал благодарить, повел в свою землянку. Там окружили, расспрашивают, а у меня нет сил говорить. А дело уже к ночи. Накормили меня, поместили спать. Не помню, сколько я спал, встал, смотрю: лежит мой автомат и пистолет ТТ. Я все рассказал, что со мной было, и доложил, что приказ выполнил, объяснил, как переправлялся через Днепр. Радисты в тылу уже действовали. Им передали, что проводник вернулся, и они по радио прислали мне привет и благодарность.

Вижу такое хорошее отношение ко мне, набрался смелости и у полковника попросил чистого белья. Быстро пришел старшина и принес мне пару белья и красноармейские брюки. Хотели дать сапоги — на складе не оказалось.

Я спросил у майора, где наши документы и мои товарищи? Сказал, что они в надежном месте, а сам стал связываться с кем-то по рации и узнавать, куда ребят направили с бумагами. Мне предлагали остаться в разведотделе, но я сказал: «Пока не выполню приказа своего командира и не доставлю, куда положено, документы, никуда не могу пойти». Принуждать не стали, посадили в машину и привезли в деревню Любаны, недалеко от станции Веремейки. Здесь выяснилось, что бумаги наши

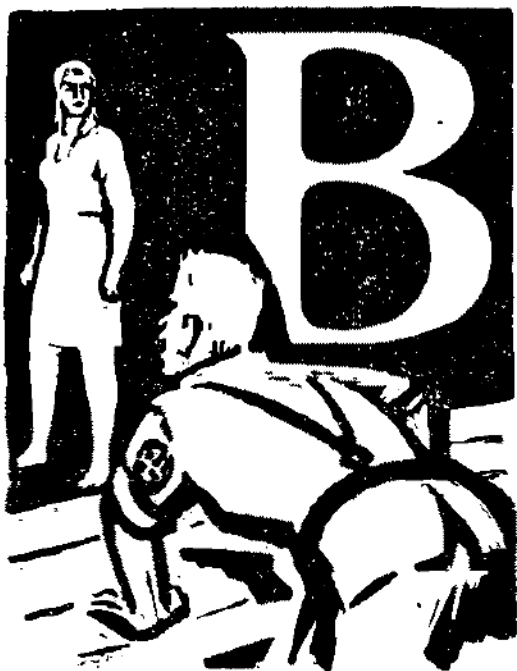
направлены в Смоленск. Я стал сомневаться, попросил связаться со Смоленском. Ждать пришлось долго. К вечеру дали Смоленск. Разговаривал Казубский¹. Он успокоил меня, сказал, что документы принес Володя Курьшев, и приказал мне явиться в Смоленск. Через сутки я был там.

Вот, дорогой Николай Иванович, как нелегка была наша партизанская жизнь. Легче мне потом было дойти до Берлина, чем выполнить последнее ваше с командиром полка задание. Да и письмо это спустя столько лет написать по твоей просьбе было нелегко.

Покуда все. Войну окончил под Берлином, в городе Кюстрин. На фронте получил награды, а партизанские где-то затерялись. Знать, тоже не верят, как те танкисты. Живу хорошо, жизнь становится все лучше, только кости болеть стали, но не сдаюсь. С уважением твой друг В. Белов. 25. 2. 1968 года».

Письмо Василия Павловича длинновато, но зато оно, как говорится, не нуждается в комментариях.

НЕМНОГО О РАЗВЕДКЕ

ыход в новый район потребовал установления новых связей. Хотя в Могилеве оставались наши люди и оттуда мы получали нужные данные, в других гарнизонах у нас агентуры не было. Белорусские товарищи держали нас в курсе событий, происходящих в стане врага, но без людей, работающих с полком, невозможно было проводить успешные диверсии на железных дорогах и в гарнизонах. Нужны были свои глаза и уши всюду, откуда мог-

¹ Казубский В. В. — заместитель начальника Западного штаба партизанского движения.

ла грозить опасность, где могли развернуться боевые действия.

С первых же дней выхода за Днепр начали завязываться эти связи. Как и в каждом новом районе, куда выходил полк, пришлось напряженно поработать.

В борьбе с полком противник не ограничивался посылкой карательных экспедиций. Окупанты прибегали и к другой форме борьбы против партизан — к подрывной деятельности.

С июня 1942 года немецкие разведывательные органы все настойчивее и настойчивее засылали в полк шпионов и террористов, ставя перед ними самые разнообразные задачи: от сведений о численности личного состава, вооружения, дислокации штаба и подразделений до убийства командира полка, отравления командного и политического состава и целых подразделений партизан.

Уже в июле 1942 года немецкая разведка направила в Бакшеево двух своих агентов-«отравителей», однако они были разоблачены и сознались, что в случае удачи им было обещано большое вознаграждение. Нам пришлось усилить охрану внутренней безопасности.

Зимой 1942/43 года в полку были обнаружены листовки с призывом уничтожить Гришина и перейти к немцам. За это обещалось десять тысяч марок.

Особенно массовая заброска лазутчиков в полк происходила летом 1943 года. К этому времени на оккупированной территории работала разветвленная сеть диверсионных и всяких других школ по борьбе с партизанами. Прошедших специальную подготовку предателей посылали в партизанские отряды.

Летом 1943 года к нам был заброшен фашистский агент Иван Герасимов. Он окончил шестимесячную школу в Орше и получил задание уничтожить Гришина во время одного из боев или в любой другой обстановке.

В полку Герасимов появился вместе с группой военнопленных, бежавших из лагеря смерти. В первой беседе он заявил, что всего несколько месяцев назад был захвачен в плен, брошен в могилевский лагерь военнопленных и теперь вместе с другими совершил побег. По легенде, которую ему сочинили немцы, он без запинки называл номера полка, дивизии, всех командиров, населенные пункты, которые освобождал армейский полк.

Он был хорошо осведомлен обо всем, что писали советские газеты о событиях в стране, с «гневом» рассказывал об ужасах, которые ему пришлось испытать в концлагере, и рассказ этот был пронизан показной ненавистью к оккупантам.

Все выглядело на первый взгляд правдоподобно, вызывала сомнение лишь легкость группового пленения немцами советских воинов, в число которых, как говорил Герасимов, попал и он. Ведь сорок третий год — не сорок первый!

Герасимову сказали, что по радио запросят часть, в которой он служил, и только после подтверждения его показаний он останется в полку. А пока в расположении комендантской роты он был взят под строгое наблюдение.

Три дня террорист терпел, разыгрывал равнодушие, но все же нервозность прорывалась. Партизаны, наблюдавшие за ним, заметили, что по ночам он не спит.

Наконец он не выдержал, признался, с какой целью появился в полку. Оказалось, что в Красной Армии он никогда не служил, а был увезен из Сумской области в Германию. Там завербован в разведку и возвращен в Советский Союз, где на оккупированной территории окончил специальную разведывательно-диверсионную школу. В подтверждение своих слов Герасимов указал место в кустах недалеко от деревни, где он запрятал свое оружие.

Спустя немного времени после разоблачения Герасимова в третий батальон пришли муж и жена Сеницыны. Они выдали себя за беженцев из Могилева, и на первых порах им поверили. Затем партизаны заметили, что Сеницына слишком настойчиво просится на кухню. За супругами было установлено наблюдение. Выяснилось, что, оставаясь наедине, они ведут подозрительные споры.

На Могилевском авторемонтном заводе у полка была своя агентура. Мы были связаны и с подпольной организацией. Поскольку Сеницыны выдавали себя за бывших рабочих этого завода, потребовалось всего два дня для наведения нужных справок. Оказалось, что никакие они не супруги, на ремзаводе появились недавно и находились под покровительством какого-то немецкого офицера, не имеющего отношения к заводу, но периодически его посещавшего.

При обыске у Сеницыных были обнаружены сильнодействующие ядовитые вещества. На допросе выяснилось, что «жена» была завербована еще в Смоленске, выполняла задания по разведке партизанских отрядов, а теперь должна была отравить партизан. «Муж» шел с Сеницыной в качестве ее «крыши». Для семейного комплекта немцы готовили еще и ребенка, но потом сочли, что и без него обойдется.

Но случайное разоблачение агентов немецкой разведки не создавало гарантии безопасности. Поэтому наши контрразведчики усиленно работали над тем, чтобы в немецких школах по подготовке шпионов и диверсантов у нас были свои люди.

Нелегко было найти таких, которые могли бы пробраться в змеиные гнезда, созданные оккупантами. В патриотах, готовых рисковать собственной жизнью ради блага Родины, не было недостатка, но слишком частым было решето, на котором немецкая разведка просеивала кандидатов в свои школы. Предпочтение отдавалось тем, кто питал ненависть к советскому строю, к советским людям, поднявшимся на борьбу с фашистскими захватчиками.

Однако нашлись все же и такие, кто, не вызвав подозрения фашистов, проникали в логово врага. Как правило, это были люди, внешне не проявлявшие активности до войны или случайно попавшие под следствие органов Советской власти.

К весне 1943 года особый отдел полка имел своих товарищей в смоленской, катанской, рославльской, а с выходом за Днепр — в оршанской и крупкинской школах. Эти люди сделали для Родины не меньше тех, кто ходил на подрыв поездов к железным дорогам или громил немецкие колонны на большаках.

В Могилеве немцы использовали для переброски агентов разведки в партизанские отряды предприятие, на котором работали наши военнопленные. Подготовленного разведчика они привозили на ремзавод и, как обычного военнопленного, сдавали администрации. Какое-то время он работал и жил вместе с военнопленными, а затем небольшой группе позволяли бежать из лагеря. Так находившийся в этой группе лазутчик, невольно прикрытый честными советскими людьми, оказывался в партизанском отряде.

Наши разведчики, узнав об этом методе, приняли свои контрмеры. Мы не могли отказывать в приеме в партизаны тем, кто бежал из лагеря авторемзавода. Ведь в большинстве это были честные советские люди. Тогда жительница Могилева Майя Смоляк получила задание устроиться на ремзавод в качестве вольнонаемной. Вскоре там было уже немало наших людей. Майя Смоляк организовала подполье. Оно помогало военнопленным устраивать побеги из лагеря, а кроме того, выявляло агентов немецкой разведки, направляемых в партизанские отряды.

К моменту Бовкинской блокады свои люди были у нас не только среди рабочих. Даже в заводууправлении у немцев работал человек, который систематически сообщал в полк о всех разведанных им намерениях фашистов. Группа Майи позволила выловить всех, кого немцы засылали в полк. Фашисты впоследствии отказались от этого канала засылки шпионов в партизанские отряды, видя его ненадежность.

Сама Майя, будучи заподозрена в патриотической деятельности, вынуждена была бежать с завода, пришла в полк, выполняла задания по разведке других объектов и погибла под бомбежкой во время блокады.

Трудности в работе наших разведчиков состояли не только в том, что они повседневно подвергали свою жизнь опасности и могли погибнуть мучительной смертью. Самое тяжелое для патриотов состояло в том, что, работая среди оккупантов, они чувствовали вокруг себя испепеляющее презрение советских людей и переживали большие моральные мучения. А были и трагические случаи физической расправы над теми, кто в действительности выполнял секретные задания партизан.

Так, в марте 1944 года встал вопрос о посылке постоянного агента полка в гарнизон районного центра Круглое, где были размещены охранные части и сформирован карательный отряд по борьбе с партизанами и патриотической деятельностью населения.

Выбор пал на девятнадцатилетнего Якова Яковлевича Березко. Вместе с отцом Яковом Ивановичем и матерью он проживал вблизи райцентра. Молодой Березко взялся за опасное поручение беспрекословно. По нашему заданию он должен был вступить в карательный отряд. Умный, сообразительный, развитой, Яков

сумел быстро войти в доверие к фашистам, установил широкие связи среди гитлеровцев и через них получал очень важные сведения. Благодаря Якову нам удалось обезвредить разветвленную агентурную сеть гестаповцев. Мы всегда были в курсе предпринимаемых гитлеровцами мер против партизан.

Связь с Березко осуществлялась через его отца, к которому он часто наведывался на глазах у жителей деревни. Односельчане, как только Яков ушел в Круглое, стали презирать семью Березко, и, хотя никто из них открыто ничего не говорил Якову Ивановичу, старик видел, как горели ненавистью глаза соседей и знакомых. При встречах с нашими связными он рассказывал об этом, и на глазах у него стояли слезы обиды.

Молодой и старый Березко честно исполняли свой долг. Они оказали полку неоценимую помощь. Но случилось несчастье, и пришло оно оттуда, откуда его меньше всего ожидали. Однажды летней ночью в деревню зашла подрывная группа белорусского отряда. Население сообщило партизанам, что оба Березко предатели, и вся деревня не знает покоя с тех пор, как Яков поступил в карательный отряд.

Командир группы, вместо того чтобы привести «предателя» в отряд, допустил самоуправство, пришел в дом и расстрелял честного патриота. Так трагически оборвалась жизнь преданного человека, а полк потерял связь со своим агентом.

Много советских людей в годы войны бескорыстно работали по заданию партизан и органов советской разведки на самых опасных участках. Немало их погибло мученической смертью от рук фашистских палачей.

Живет сейчас в Иркутске учитель Леонид Иванович Павловец, который с гордостью может рассказать своим ученикам о подвиге и героической смерти его матери Зинаиды Павловец и сестры Александры.

Обе они по заданию полка пошли работать в немецкую столовую. Десятки магнитных мин, полученных от партизан, поставили на станции под вагоны и автомашины, уходившие в рейс. Фашисты бдительно охраняли свой транспорт, но вагоны с боеприпасами дважды летели в воздух.

Мать и дочь были арестованы в один день, при обыске у них обнаружили несколько мин. Фашисты по оче-

реди пытали их. Когда раскаленным железом жгли тело матери, дочь должна была смотреть на ее муки, а когда переходили к Александре, мать отливала водой и делали ее свидетелем мучений дочери.

Спустя несколько часов после ареста патриотов, когда палачи еще изощрялись в изуверских пытках, окрестность потрясли взрывы в гараже. Это взорвались на стоянке мины замедленного действия, поставленные Александрой на машину, привозившую утром картофель на кухню. Вспыхнул большой пожар, воспламенилось горючее. В пламени сгорело более тридцати автомашин. Мать и дочь даже под пытками не проронили ни слова о том, что гараж заминирован.

ПАРТИЗАНСКИЕ ЭСКУЛАПЫ

главе «Маленькая Москва» я коротко рассказывал о том, как лечили пострадавших в боях партизан, но тема эта далеко не исчерпана.

Уже с первых, пока незначительных боевых операций, проведенных отрядом, находившимся еще в стадии формирования, стало ясно, что без медиков воевать так же нельзя, как без боепитания и пищи.

Вначале у нас была лишь медицинская сестра, которая умела перевязать раненого,

ухаживать за больным. Этого, конечно, было мало.

Санитарная служба начала создаваться весной 1942 года, когда переросший свои рамки отряд реорганизовывался в партизанский полк.

Первым врачом был Дмитрий Заболоцкий — студент четвертого курса Смоленского медицинского института. Судя по Дмитрию, институт этот до войны готовил великолепные кадры. Не имея еще диплома врача и опыта

организаторской работы, Заболоцкий успешно справлялся со своими многотрудными обязанностями. Он был терапевтом и хирургом, невропатологом и отоларингологом, а когда кому-то не давала покоя зубная боль, Заболоцкий справлялся и с этим. Правда, здесь его методы лечения были крайними: он просто-напросто удалял больной зуб и тем облегчал страдание человека. Не один партизан, плюя кровью, но широко улыбаясь, уходил от Мити Заболоцкого, благославляя сноровку его быстрых и сильных рук.

Полк рос, в него вливались новые и новые люди, и среди них оказывались квалифицированные медицинские работники. А в октябре 1942 года, когда прекратилась регулярная связь с советским тылом через Слободские «ворота», был создан полковой госпиталь.

С этого времени подавляющее большинство раненых лечилось в условиях, которые можно назвать качущими. Госпиталь представлял собой скрипучий обоз, находящийся в постоянном движении. Операции проводились и в крестьянских избах, и в сараях, а иной раз просто на открытом воздухе. Врачи работали под свист пуль и разрывы снарядов. Но особенно донимала авиация противника. Сплошь и рядом она не позволяла разместить в деревнях обоз с ранеными. И если здоровые партизаны при бомбежках могли покинуть дома и укрыться в заранее подготовленных щелях, то раненые такой возможности не имели, и потому зимой и летом госпиталь приходилось укрывать в лесах, поблизости от батальонов.

Когда раненых накапливалось много, одной из главных забот командования было где-то остановиться, подготовить посадочную площадку и принять самолеты с Большой земли, чтобы разгрузить наш госпиталь. Но иной раз обстановка месяцами не позволяла нам этого.

Вот что написала в своих воспоминаниях наш врач Прасковья Егоровна Данченко:

«Постоянным бичом нашей партизанской медицины была нехватка медицинских средств. Это в высшей степени относилось к медицинскому оборудованию. Вопрос этот был для нас самым насущным, самым главным и самым трудным. Ведь на фронте самая «популярная» отрасль медицины — хирургия, и она-то как раз и требовала более всего городских, цивилизованных условий, т. е. именно того, чего мы были лишены совершенно. Поэтому

самые мои драматические воспоминания связаны с тем, как велась у нас хирургия, к каким ухищрениям приходилось прибегать, делая операции. Иногда к нам поступали настолько серьезно раненные, что, кроме немедленного хирургического вмешательства, их уже ничто не могло спасти. А с другой стороны — ни малейших условий для операции! Не положишь раненого на стол — он неминуемо умрет, потому что рана смертельная. А положишь — тоже почти верная смерть, но уже по твоей вине, так как придется нарушить самые элементарные условия и правила хирургии. Но поскольку другого выхода не было, приходилось идти на риск, закрывая глаза на все, чему учили в медицинских институтах.

Я, честное слово, до сих пор не могу себе представить, как все же не погибали раненые, до которых мы дотрагивались.

Любая операция была сплошным нарушением всех хирургических правил, начиная от антисептики и кончая инструментарием.

Вот пример, как наши медики спасали Павла Яковлева, тяжело раненого в ногу. Во-первых, случись это несчастье в других условиях, Павлу наверняка не пришлось бы сегодня мучиться на протезе. Но у нас не было противостолбнячной сыворотки, поэтому вопрос стоял так: либо ампутация, либо газовая гангрена. Но где, чем и как оперировать? Для операции нужно хорошее освещение, а в землянке темно. Решили оперировать прямо на открытом воздухе, на носилках, привязанных к дереву. Хирургической пилы не было, поэтому отыскивали в нашей мастерской боепитания — страшно подумать! — обыкновенную слесарную пилу, с грехом пополам продезинфицировали ее йодом, стерильного материала не было, пришлось прокипятить марлевые занавески с окон и перевязать оперированного.

Иногда не было условий приготовить физиологический раствор, хотя для этого нужны только соль и вода. Но в то время у нас соль была на вес золота. Тяжелораненому необходимо сделать переливание крови. Ни для определения группы крови, ни для ее переливания не было никаких возможностей. Только ли этого не было? У нас не было ни наркотических средств, ни аппарата для их дозировки, поэтому раненого Павла пришлось «наркоотизировать» с помощью деревенского самогона.

Почти так же «наркотизировали» и меня, когда ампутировали мне правую руку, и тоже, между прочим, развилась газовая гангрена и только потому, что не было противогангренозной сыворотки и антибиотиков. Те же занавески, те же рушники с икон вместо стерильного перевязочного материала и темная деревенская хата вместо светлой операционной.

Мне лично еще «повезло»: в нашем хозяйстве нашлось 30—40 граммов эфира, хотя для такой сложной операции требовалось значительно больше. Я проснулась в момент, когда Тимофей Федорович Левченко, обливаясь потом, производил экзартикуляцию в плечевом суставе. Послеоперационный тяжелый период, по моему настоячивому требованию, я пролежала на сене в прохладной деревенской избе, но оправиться от перенесенного не удалось, так как через восемь-девять часов нас стал преследовать противник и вечером полк должен был совершить очередной марш. Тяжело раненную, послеоперационную, меня положили на носилки. Носилочники должны были пробираться по болоту и канавам, конечно, падали, падала с носилок и я. Это еще больше усугубляло мое и без того тяжелое состояние. Наступила борьба маленькой жизни со смертью. Победила жизнь! Мы с Павлом выжили, несмотря на вопиющие нарушения всех хирургических правил. Я твердо убеждена, что, случись такое несчастье в мирное время, дело кончилось бы неминуемой смертью.

Так в чем же дело?

Я думаю, что Павел, я и многие те раненные, которых постигло такое же несчастье в подобной обстановке, просто заставляли себя выживать. Наше партизанское положение требовало такого напряжения, такой обостренной воли к победе и жизни, которые каким-то образом компенсировали примитивность медицинской помощи. Постоянная борьба вырабатывала в человеке повышенную сопротивляемость, закаляла нервы, и если уж приходилось ложиться под слесарную пилу, что ж, партизан ложился, мобилизуя все душевные силы, и побеждал. А в мирное время подобный эксперимент неизбежно закончился бы смертельным исходом».

В 1943 году, кроме начальника санитарной службы Заболоцкого, в полку работало еще несколько врачей. Особенно большой популярностью и глубоким уважени-

ем партизан пользовались Тимофей Левченко и Борис Александрович Миролюбов.

Тимофей Левченко, хирург первого батальона, прекрасный мастер своего дела, был человеком большого мужества и удивительной души. Выпускник Ленинградской военно-медицинской академии, он в первый день войны в приграничной полосе Западного фронта принял участие в боях с небольшой группой бойцов, оказался в окружении и, пробираясь на восток вслед за отходившими тогда частями Красной Армии, заскочил на зимние квартиры своей части, где у него оставался четырехлетний сын.

Кругом были немцы, каждую минуту молодой майор медицинской службы мог оказаться в их руках. Но, к счастью, этого не произошло. Он разыскал сына, захватил с собой набор хирургических инструментов и, обманув стражу оккупантов, стал догонять группу своих бойцов. В июне 1941 года легко было потерять свое подразделение, но найти его в тылу врага — это почти исключалось. Сотни километров прошел Тимофей Федорович, неся на руках сына, прежде чем оказался в нашем партизанском полку.

Молодые медики проявляли на войне необычайную изобретательность. Когда в полку не было даже элементарных медицинских средств, они вынуждены были прибегать к народной медицине и пользовались ею с большим успехом. Врач Борис Миролюбов однажды рассказал, как на совете врачей полка решили покончить с широко распространенной в годы оккупации среди местных жителей и партизан чесоткой. Кто-то, теперь уже трудно установить, кто именно, предложил мазь, приготовленную из тертых шашек тола и говяжьего жира. И эта мазь оказалась самым радикальным средством в борьбе с чесоткой. Позже ею широко пользовались и против завшивленности, что помогло предотвратить эпидемии сыпного тифа.

Теперь, конечно, многое вспоминается с улыбкой, а ведь бывало, что приходит в походный госпиталь какой-нибудь молодой шутник и, имея в виду прямое назначение тола как разрушительного средства, обращается к врачу:

— Доктор, у меня союзницы Гитлера завелись, подорви, пожалуйста. Беспокоят гады, спасу нет.

И доктор «минировал» и «подрывал», выдавая попавшему в беду партизану завернутую в лист лопуха дозу патентованного партизанского средства против «союзниц Гитлера».

Изобретательности врачей, не имевших настоящих медикаментов, очень обязан и я. Помню, Левченко лечил меня после ранения в шею примочками из свежего березового сока, и рана необычайно скоро затянулась. Конечно, счастье было еще и в том, что тяжело ранен я был именно в апреле, когда этого «лекарства» можно собрать сколько угодно.

Помогла березка и Михаилу Степанову: деревенские женщины вылечили его настоем из березовых почек.

И здесь уместно будет сказать, что одни только врачи наши и сестры далеко не всегда могли бы управиться с больными и ранеными, если бы не помощь со стороны мирных жителей, в первую очередь, конечно, женщин. Где бы ни спрятался наш госпиталь, они находили его и без всяких просьб приносили раненым все, что у самих оставалось: десяток яиц, овощи с огорода, стакан медку, баночку варенья, кусочек сливочного масла, а то и жареную курицу, завернутую в белый платок. И пока угощали пострадавших, тихо беседовали с ними, как с сыновьями, с мужьями, с братьями. А потом, быть может, долгие годы неотступно стояли перед солдатом печальные глаза этих женщин, и руки чувствовали прикосновение их нежных ладоней! Не из этих ли горестных и трогательных встреч рождалось чувство своей неразрывной слитности с народом? Не потому ли выживший солдат готов был до последнего дыхания защищать свою землю и удивительных людей, которые помогли ему встать с носилок?

Так лечили тех, кого не миновал огонь врага. И чаще всего, лечили успешно.

Не считая легких ранений, при которых партизаны, как правило, подлечивались в батальонах, через госпиталь за два года его существования прошло почти 600 раненых. Половина из них вернулась в строй, многие были отправлены в советский тыл, другие умерли после ранений.

В условиях, о которых рассказывала доктор Данченко, врачи госпиталя сделали 136 операций, в том числе и ампутации конечностей, и трепанаций.

Таков итог **БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** врачей и медицинских сестер полка, о которой, к сожалению, не докладывалось ни в сводках, ни в боевых донесениях.

ВРАГУ — НИ МИНУТЫ ПОКОЯ

скоре после перехода Днепра Белорусский штаб партизанского движения, в подчинение которого вошел теперь полк, организовал для нас выброску небольшого груза. Мы получили взрывчатку, патроны к русскому оружию, питание к рации, соль и табак. Все это было крайне необходимо. Однако ни сапогами, ни одеждой, которых мы так ожидали, нас не обеспечили. Пришлось вновь обзаводиться сапожным и портняжным инструментом,

организовать мастерские и латать изношенное обмундирование. Парашюты шли на белье, мешки — на телогрейки, а уж обувь предстояло добывать в боях.

В первых числах декабря 1943 года подрывные группы от всех батальонов вышли на железную дорогу Могилев — Жлобин. Но эффективность предпринятых взрывов была невелика по сравнению с летними крушениями. Поезда ходили с черепашной скоростью. Это объяснялось тем, что белорусские партизаны в течение двух лет «обучали» тут оккупантов, и последние, несмотря на огромное количество войск, брошенных на охрану дороги, вынуждены были водить составы со скоростью телеги, запряженной волами.

Немцы сразу заметили появление гришинцев в новом районе. Тот же Крайдель в той же статье «Охота на Гришина» писал: «Долгое время о Гришине ничего не было слышно. А потом он снова дал о себе знать: внезапно нарушилось спокойствие в районе между Бобруйском и Мо-

гилевом, участились взрывы на железной дороге Рога-чев — Быхов — Могилев... Его банда, видимо, снова стала сильной, хорошо вооруженной и оснащенной...».

К тому времени в Белоруссии существовало несколько оперативных центров по руководству партизанским движением. Они находились на оккупированной территории и координировали действия партизанских отрядов и соединений. Они же и осуществляли фактическое руководство смоленскими партизанами, воевавшими на территории Белоруссии. Но это создавало для нас немало трудностей.

Все еще существовал Западный штаб партизанского движения, но его начальник Д. М. Попов полностью сосредоточился на работе по восстановлению разрушенного хозяйства освобожденной Смоленской области, он был первым секретарем обкома ВКП(б).

Западный штаб уже не располагал возможностью снабжать полк всем необходимым, а Белорусский долго не числил нас в своем распоряжении, и хотя мы воевали на территории Белоруссии и взаимодействовали с ее отрядами, но своевременно не могли ни получить боеприпасы и одежду, ни отправить на самолетах раненых.

Как ни странно, но выведенных из блокады и переправленных через Днепр раненых мы возили с собой до апреля 1944 года, а в боях с противником количество раненых ежедневно увеличивалось. На наши просьбы сбросить груз и забрать раненых мы получали стереотипные радиogramмы: «Ждите самолеты, усильте удары по врагу, активизируйте работу разведки».

Это сказывалось на действиях полка, и лишь сложившаяся привычка «на бога надеяться, а самим не плошать» помогла нам ни на один день не снижать боевой активности.

По рекомендации Могилевского оперцентра, наш полк был передвинут на север, ближе к основной железнодорожной магистрали Минск — Орша.

Мы разместились на границе Бельничского и Березинского районов. Первый батальон и штаб полка заняли деревню Бахань. И сразу начались боевые действия. Уже на следующий день после прихода сюда рота Шембея нанесла удар по большой автоколонне противника на дороге Могилев — Минск, у деревни Коротница.

Может, потому, что оккупанты считали этот участок

наиболее безопасным, результаты боя были великолепными. За какие-то двадцать минут огневого налета были подожжены двадцать две автомашины, перебит водительский состав и сопровождавшие колонну оккупанты. Гарнизон, расположенный в Корытнице, пытался оказать помощь попавшим в беду гитлеровцам, но безрезультатно. Партизаны вернулись в Бахань, имея только одного легкораненого.

Немцы на этот раз очень быстро отреагировали на разгром своей автоколонны. Через два дня, в туманное морозное утро, не проведя разведки, они прямо-таки «по-партизански», внезапно, силами шести средних танков и батальона пехоты нанесли удар по деревне Забавы, где тогда стоял пятый батальон.

Развернувшаяся с большака от Бельничей пехота была задержана усиленным заслоном партизан в деревне Мазки, а танки, стреляя на ходу, ворвались в деревню Забавы, когда партизаны слушали по ротам политинформацию о положении на фронте.

Могла произойти паника и неизбежные в такой обстановке потери. Но Матяш не растерялся. Партизаны успели рассредоточиться, занять оборону за домами. В ход были пущены противотанковые гранаты. Бронбойщик Ермаков поджег из ПТР один танк. Не задерживаясь в Забавах, пять машин на большой скорости двинулись на деревню Бахань. Очевидно, противник имел свою агентуру и рассчитывал разгромить штаб полка.

Матяш тем временем развернул батальон и атаковал пехоту, которая окружила его заслон в Мазках.

От Забав до Бахани не более четырех километров. Внезапно вспыхнувший у Матяша бой заставил меня объявить боевую тревогу батальону.

Когда фашистские танки мчались на Бахань, на окраине деревни уже устанавливались противотанковые ружья. Передовая машина была подбита с третьего выстрела бронбойщиком Черевко. Она загорелась на дороге, не дойдя нескольких десятков метров до крайнего дома. Остальные танки, выкрашенные в белый цвет, шли по глубокому снегу в обход улицы, по огородам. Видимо, они стремились прорваться в центр деревни. Противотанковые ружья стреляли с близкой дистанции. По броне разлетались огненные брызги, но машины, взвихривая снежную пыль, продолжали двигаться и беспорядочно

стрелять. Потом каратели, очевидно, заметив подбитый танк, как по команде развернулись и, описав большой круг, стали удаляться от стреляющих партизан, вышли на дорогу и остановились за дымовой завесой, созданной горящей машиной. Обстреливая из пулеметов крайние дома и стреляя по деревне из пушек, они спасли экипаж подбитого танка и ушли через деревню Техтино в Белыничи.

Пятый батальон, атаковав пехоту карателей, помог своему взводу выйти из окружения. Затем батальон отошел к Забавам и занял оборону. Гитлеровцы, рассчитывавшие на скоротечный бой и немедленную победу над партизанами, потеряв надежду на поддержку танков, вынуждены были отступить и под прикрытием сумерек оставить занятую ими деревню Мазки.

Как потом выяснилось, против нас действовала танковая часть, сосредоточившаяся для ухода на фронт. Ее спешно бросили из Могилева через Белыничи на полк, рассчитывая нанести партизанам удар как возмездие за сожженную колонну автомашин, которая принадлежала той же части. Пехота, подвезенная на тридцати семи автомашинах, оказалась батальоном, входившим в состав знакомой нам 286-й охранной дивизии.

В бою с танками и пехотой у деревни Забавы отличились многие партизаны пятого батальона, в сущности, героем был каждый. И никто из тех, кому пришлось служить в полку «Тринадцать», не опозорил его знамени. Слова партизанской песни «Лучше смерть на поле, чем позор в неволе, лучше злая пуля, чем раба клеймо» были символом нашей веры и нашим непреложным законом. Дрались действительно до последней возможности, приберегая для себя лишь ту пулю, которая в случае безвыходности избавила бы от плена.

Так было с комсомольцем Яковом Матросовым. В тот день он стоял в секрете, то есть скрытно следил за возможностью внезапного появления противника, чтобы вовремя дать знать командиру о численности и намерениях врага. Случилось так, что танки и пехота, двигавшиеся по дороге Могилев — Минск, внезапно развернулись и на больших скоростях устремились на занятую партизанами деревню. Матросов и два его товарища открыли огонь по пехоте, но тройка храбрецов не могла сдержать карателей. Когда двое были накрыты снаря-

дом, Матросов продолжал разить врагов и лишь с последней обоймой в карабине стал отходить к деревне стороной, избегая огня развернувшейся для атаки пехоты. И тут он увидел, как на него несется танк. В открытой башне виднелся танкист. Он хотел, очевидно, быть свидетелем агонии одиночного партизана, или, может, рассчитывал взять его живьем, или раздавить гусеницами. Выстрелив по танку четырьмя патронами, Матросов последний послал в себя. Он предпочел смерть плену. Но и наглый танкист, желавший насладиться кровавым зрелищем, немного успел увидеть: Матросов не промазал, стреляя по танку.

Когда немцы были выбиты из деревни, товарищи подобрали на поле тяжело раненного Матросова. Пуля изуродовала ему лицо, раздвоила нижнюю челюсть, но он чудом остался жив. В обойме его карабина не осталось ни одного патрона.

После этого боя полк сосредоточился севернее шоссе, еще ближе к железнодорожной магистрали. Подрывные группы теперь вышли на участок между Борисовом и Оршей. Штаб полка и пятый батальон разместились в деревне Эсмоны, первый батальон — у деревни с чудным названием Пупсы, остальные — в окружающих селениях.

* * *

Как и всюду, удивительно тепло нас встретило население белорусских деревень. Почти год воевали мы на земле другой республики и потому, сравнивая, убеждались, что в отношениях к партизанам жителей деревень Смоленщины и Белоруссии не было ни малейшей разницы.

Я вспоминаю, например, такие случаи.

По приказанию Гришина Матяш выдвинул из Эсмон одну роту в засаду к самым Бельничам, где стоял большой гарнизон оккупантов. На второй или третий день в соседнюю деревню Мокровичи ворвался карательный отряд. Немцы стали прикладами выгонять из домов стариков, женщин и детей. Они собирали всех в плотную толпу на улице. Одновременно начался грабеж имущества. Каратели выводили скот, забирали домашние вещи, укладывали все это на повозки и стягивали к окраине деревни.

Узнав, что рядом разбойничают гитлеровцы, Матяш немедленно бросил своих людей на спасение мирных жителей. В короткой схватке большинство фашистов было уничтожено. Недобитые грабители и насильники бежали в гарнизон. Подоспевшие партизаны предотвратили расправу над советскими людьми. Со слезами радости на глазах женщины и дети обнимали своих спасителей. На следующий день, когда из Эсмон в Мокровичи прискакала группа конников Матяша, чтобы рассказать крестьянам о положении на фронте, встречать их вышла вся деревня. Пока велась беседа, к месту собрания стали подъезжать какие-то возы. Старик-крестьянин от имени деревни вручил политруку конников целое послание. Этот трогательный документ хранится в Смоленском партархиве. Вот что писали далекие потомки тех мокровических крестьян, которые 14 ноября 1812 года очень тепло встретили отряд смоленского партизана Дениса Давыдова:

«Партизанскому отряду «13».

Граждане деревни Мокровичи видели, як непобедимые партизаны шли и сражались с фашистскими бандитами, обороняли нашу деревню, которая и ранее подвергалась нападению.

Ворвавшиеся фашисты грабили наше имущество, ломали и приводили в негодность наши дома, поджигали, даже обстреливали с артиллерии и разбивали наши будынки, кали мы жили в глубоком тылу и занимались мирным трудом.

За самоотверженность и геройство от имени граждан деревни Мокровичи Тринадцатому партизанскому отряду шлем широкое приветание. Няхай живе победоносная Красная Армия! Няхай живут со своими вожатыми непобедимые партизанские отряды! Павших в боях за Родину мы чтим и долго будем чтить ихнюю память.

Смерть немецким разбойникам!

От имени граждан деревни Мокровичи Тринадцатому партизанскому отряду в знак благодарности даем допологи: ржи — 16 центнеров, картошки — 70 центнеров, сена — 50 центнеров».

Под письмом стояло сорок подписей, заверенные старостой деревни Каменковым.

А вот еще один факт — он относится к более позднему времени. Из хорошо укрепленного гарнизона Бовсе-

вичи немцы и полицейские пытались наступать на деревню Пупсы, где стоял первый батальон. Навстречу им была брошена рота Шембея, в обход послан взвод Зайцева. Партизаны быстро разогнали не в меру смелых гитлеровцев. Много трупов врагов осталось на снегу. Немцы и полицейское охвостье убегали через деревню Хватовку. Жители видели, как бежали оккупанты и их приспешники.

Не успели партизаны возвратиться на базу, как из Хватовки ко мне пришла делегация — две девушки и старый бородатый колхозник. Они благодарили нас за разгром гитлеровцев и сказали, что, пока шел бой, в деревне орудовало несколько фашистов, они собрали продукты, но не успели увезти. От имени жителей они просят партизан взять эти продукты. Мы поблагодарили славных советских людей и послали подводы за их подарком.

Но не только в этом выражалась связь партизан с местным населением Белоруссии. Фашисты разгромили на оккупированной территории все школы и лечебные учреждения. Тяжелые условия жизни порождали массовые заболевания населения инфекционными, особенно желудочными, болезнями. Нередко больные были обречены. Врачи полка Заболоцкий, Левченко, Миролубов и медицинские сестры лечили всех, кто нуждался в помощи. Глубокими ночами, в зимнюю стужу или летний зной посты останавливали и приводили в расположение батальонов убитых горем женщин или стариков, а иногда подростков, которые просили оказать срочную помощь их близким. Тогда запрягались лучшие лошади, и врач, поручив раненых заботам медсестер, под охраной отделения или взвода партизан срочно выезжал, иногда за десятки километров, к больным. Это еще больше поднимало авторитет гришинцев среди жителей-белорусов, крепло узы дружбы.

* * *

*

В конце декабря немцы сколотили-таки новую экспедицию для борьбы с активизировавшим свои действия полком. Нас заранее предупредили об этом свои люди из Могилева. Сведения были подтверждены и разведкой

партизанского полка «Чекист», который стоял в лесу недалеко от занятых нами деревень. Наступление должен был вести французский антикоммунистический легион. Немцы разместили его в Бельничках, Березине, Кличеве и других пунктах. Началось наступление одновременно с трех направлений. Большая колонна противника вышла из Бельничек на Эсмоны и рассчитывала нанести удар по пятому батальону, занять эту деревню и расчленив полк на две группы. Со стороны шоссе и деревни Корытница удар наносился по второму и четвертому батальонам. Третья колонна, до трехсот человек, наносила удар через деревни Бовсевичи и Хватовку по первому батальону.

Противника мы обнаружили на рассвете, и бои завязались почти одновременно на всех направлениях. Не ожидая подхода карателей к Эсмонам, Матяш бросил батальон на путь их движения и навязал противнику неожиданный встречный бой южнее деревни. Каратели не успели развернуться и попали под сосредоточенный огонь батальона. Не приняв боя, они отошли назад и заняли несколько деревень. Оттуда они открыли минометный огонь, а сами перегруппировались.

Первый батальон завязал затяжной бой на подступах к деревне Хватовке. Бой продолжался весь день, но врагу не удалось продвинуться ни на шаг. Второй и четвертый батальоны оборонялись на опушке леса севернее деревни Секерки. Через лесок шла дорога к штабу полка, занимавшему южнее Эсмон дом лесника. Здесь был особенно сильный напор карателей. В течение четырех часов Иванов и Новиков сдерживали нажим противника. Численность его в три раза превосходила количество партизан. С шоссе и опушки вела огонь артиллерия и минометы. Под вечер каратели ворвались в лес. Отстреливаясь, партизаны цепью отходили в глубь леса. Создалась угроза появления большой группы врага в тылу пятого, третьего и первого батальонов. Противник мог выйти и к штабу полка.

Получив донесение о том, что Иванов и Новиков отходят, Гришин приказал Матяшу снять одну роту со своей обороны и ударить во фланг этой очень напористой группировке. Оставив командный пункт, Гришин вскочил в санки и с двумя ординарцами бросился навстречу отходящим подразделениям. В густом лесу ле-

жал глубокий снег, деревья мешали наблюдать и оценивать обстановку. Но, попав на стык двух подразделений, Гришин остановил отходивших партизан и во главе их бросился навстречу наступающим карателям. Дружное «ура» прокатилось по предвечернему заснеженному лесу. Снова лицом к лицу, как в Бовках, встретились партизаны и каратели. Враги, не приняв рукопашной схватки, бежали назад. У самой опушки они залегли, так как дальше начиналось открытое поле. Они бешено сопротивлялись, а у партизан выходили боеприпасы. Каратели могли с минуты на минуту вновь броситься на партизан. В это время подошла рота Матяша и ударила во фланг вдоль цепи залегших на опушке карателей. Вот тут-то они и заметались, как в мышеловке. Впереди них было чистое поле, сзади напирали повернутые Гришиным батальоны, а слева, нанося удар во фланг, стремительно продвигалась рота пятого батальона. Группировка противника была почти полностью уничтожена, захвачены пленные и оружие. Спаслись только те, кто попрятался в чаще кустарника и не был замечен партизанами.

Действительно, каратели оказались французами из антикоммунистического легиона, который предатель французского народа Петен сформировал для Гитлера. В колонне французов было несколько немцев.

Уже после войны, прочитав записки Дениса Давыдова, подумал я о том, как интересно все-таки повторяется иногда история. На этом же самом месте, у деревни Эсмоны, Денис Давыдов добивал французский гарнизон Бельничей в 1812 году. Вот как описывал этот бой наш славный земляк:

«...Они встретили нас, как следует встречать нападающих, когда хочешь защищаться с честью... Я не умею отчаиваться, но было от чего прийти в отчаяние. Тщетно я умножал и усиливал покушения мои, чтобы вытеснить неприятеля из засады, им избранной: люди и лошади наши падали под смертоносным огнем, но ни на шаг вперед не подавались...

Отдавая должную справедливость храбрости противников моих, кипя желанием истребить их... я решился зажечь избы брандкугелями. В самое то время неприятель начал собирать стрелков своих и строиться на улице в колонну, как казалось для ухода... Я немед-

ленно приказал садить в него картечами, что ускорило выступление его из местечка. Он потянулся через мост по дороге к Эсмонам.

Пропустя колонну далее в поле, мы объехали оную со всех сторон, не переставая разрывать ее пушечными выстрелами... Хвост колонны лоском ложился по дороге, но сама она смыкалась и продолжала отступление, отстреливаясь. Наконец, в намерении воспользоваться закрытым местоположением... начальник колонны отделил в стрелки около половины колонны. Едва войска сии успели отделиться, как командовавший отборными казаками брат мой Лев ударил на оных из-за леса, обратил их в бегство, отхватил в плен подполковника, двух капитанов и девяносто шесть рядовых... и запечатлел кровью отважный свой подвиг!».¹

Несмотря на тяжелое ранение брата, Денис Васильевич продолжал преследование. Он еще ранее отрядил казаков сделать засаду у моста через реку Ослик (северо-западнее деревни) и с ними вместе довершил поражение врага.

Так закончились два разделенных большим временем боя смоленских партизан с захватчиками. Через столетие Денис Давыдов мог бы пожать руку Сергею Гришину — своему земляку. А может, и не удержался бы от отеческих упреков потомку — ведь часть врагов в этот день была упущена.

Чтобы покончить с бесславной историей «французского легиона», добавлю несколько строк. Летом 1944 года советские войска осуществили разгром фашистских захватчиков в Белоруссии. Когда фронт фашистских армий затрещал по всем швам, гитлеровское командование бросило в бой все, что имело в тылу, в том числе и «французский легион». Оказавшись в полосе наступления войск 31-й армии, он был полностью разгромлен на подступах к Минску. Лишь немногим legionерам удалось спастись бегством.

Группа, наступавшая на первый батальон, не имела успеха. Рота Шембея и взвод Зайцева, посланные мною в обход, нанесли удар ей во фланг, и каратели, оставив убитых, отошли через реку Ослик на Бовсевичи.

¹ Денис Давыдов. Сочинения. Гослитиздат, 1962 г., стр. 378—379.

У ДЯДИ ФРИЦА СДАЛИ НЕРВЫ

аступил 1944 год. С ним мы связывали свои надежды на окончательное изгнание оккупантов из пределов нашей Родины.

В течение первой недели нового года третий и пятый батальоны разбили несколько мелких гарнизонов, расположенных вдоль железной дороги от Толочина до Бобра. Первый батальон нанес ночной удар по Бовсевичам, ликвидировал гарнизон и ротой Алексева занял эту деревню. Под-

рывные группы между станциями Борисов — Бобр, Славное — Орша и Орша — Шклов пустили под откос четыре эшелона с военной техникой.

В январе оккупанты заменили французов в окружающих гарнизонах немцами и сделали еще одну попытку наступления на полк в более широких масштабах. Полк принял на себя сильный удар карателей и, взаимодействуя с белорусскими партизанами из полка Кerpича и бригады Сергея Жунина, нанес карателям поражение. Они ушли, не добившись никаких успехов. Под Девощицами немцы потеряли отбитый Матяшом обоз с боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

В ходе этих боев самолеты противника, поддерживавшие его наступление, разбросали листовки. Видимо, немцы решили испытать новые приемы борьбы с гришинцами.

«Товарищи партизаны и товарищи офицеры группы Гришина! — писали немцы в листовке. — Немецкое командование умеет ценить воинскую доблесть своих противников. Оно восхищается гибкостью вашей тактики.

Из чувства человечности оно еще раз обращается к Сергею Владимировичу Гришину и его группе: довольно кровопролития! Положение большевистских войск и лесных отрядов, безжалостно брошенных на уничтоже-

ние германской армии коммунистическими правителями, безнадежно. Подумайте о своих семьях, которые ждут вас в послевоенной России живыми, не мучайтесь на холоде, выходите из лесов. Мы гарантируем вам хороший прием, полное прощение. Тем из вас, которые перейдут к нам организованно и добровольно, будет предоставлена возможность разойтись по домам. Пожелавшим повернуть оружие против красного большевизма будет предоставлено право сражаться в «Русской освободительной армии». Всем офицерам, не исключая комиссаров и политруков, будут сохранены чины, холодное оружие и обеспечено хорошее обращение.

Воспользуйтесь этим предложением как пропуском к немецким военным властям.

Командование немецкой армии».

Тон немецкой листовки был новым, и партизаны понимали, что не от хорошей жизни оккупанты сделали попытку сменить штык, пулю и кнут на пряник. Не от успехов ввели немцы в оборот и слово «товарищ».

В тот же день Марк Максимов написал партизанский ответ на немецкую листовку:

«Ответ партизан на немецкую листовку, приглашавшую С. В. Гришина и его полк сдаться на милость фашистам:

С нами немцу в ссоре жить неловко:
За кустом за каждым смерти жди.
И вопит испуганно листовка:
«Партизан, товарищ, приходи!»

То у дяди Фрица сдали нервы,
Он излился в чувствах, черт возьми,
И нежнее самой тонкой стервы
Пишет объяснение в любви.

Пишет: «Я давно о вас наслышан,
Жду вас днем и вижу вас во сне,
Пусть Сергей Владимирович Гришин
С группой своей придет ко мне.

Милые, придите без разбора,
Все, кто мерзнет, спит в бору сейчас».
— Дядя! Мы давно ушли из бора,
Но ответим, раз письмо для нас.

В страхе ты забыл назвать нас бандой
И зовешь к обеду на бегу,
Но неловко нам, ведь за баланду
Многие перед тобой в долгу...

Впрочем, если ты тоскуешь в горе:
Не дождешься ночью, ждешь и днем,
Мы придем, «товарищ немец», вскоре,
И не группой, а ПОЛКОМ ПРИДЕМ.

Принесем закуски мы богатой,
Встертимся опять к лицу лицом,
Как бокалом, чокнемся гранатой
И горячим угостим свинцом.

Командование партизанского полка.

Эта листовка была направлена в Могилев, Оршу, Быхов, Толочин, Березино и другие пункты, где стояли немецкие гарнизоны. Она широко распространялась среди местных жителей и белорусских отрядов. То, что командование партизанского полка разговаривает стихами, никому, кажется, не показалось странным. Впоследствии партизаны Петренко и Лукьянов распевали эти стихи на заливхватский мотив.

Батальоны полка рассредоточились на пространстве более ста километров. Это вызывалось необходимостью приблизиться к противнику.

Первый и пятый батальоны вышли в открытую, безлесную местность под Толочин и Шклов, третий — северо-западнее Березина, второй действовал южнее шоссе Могилев — Минск, а штаб полка с четвертым и шестым батальонами остались в районе северо-западнее Белыничей.

Батальоны действовали на коммуникациях. Подрывали поезда. Через созданную к этому времени агентуру переправляли на железнодорожные станции магнитные мины, которые преданные Родине советские люди устанавливали на паровозах, вагонах, автомашинах. Все это где-то в пути, по истечении срока, определенного установками часовых механизмов, взлетало на воздух. На грунтовых и шоссежных дорогах устраивались засады, из которых уничтожалась живая сила и техника врага.

Новый район был так «обжит» партизанами, что оккупантам не хватало уже сил, чтобы гоняться за каждым батальоном. И пока где-то в штабах противника готовились планы новых карательных экспедиций, подошел день 26-й годовщины Красной Армии. Батальоны в этот день были на большом расстоянии друг от друга, но командир полка, уверенный, что ничего страшного не

произойдет, созвал комбатов к себе. После официальных докладов о деятельности подразделений он пригласил всех в соседнюю хату, где нас ждал довольно приятный в таких условиях сюрприз. На столах, покрытых белыми скатертями, стояли закуски, среди них были не только соленые огурцы, капуста и грибы, но и колбаса, рыба, добрая русская ветчина, польская шинка и рассыпчатая, дымящаяся белорусская бульба. Среди всей этой роскоши совсем уж непривычно светились красивыми этикетками гаванский и венгерский ром, несколько бутылок с французским шампанским. Был и немецкий шнапс, но он не произвел впечатления. Если не обращать внимания на выщербленные разномастные тарелки (от фарфоровых до глиняных и алюминиевых мисок) и выдавшие виды вилки, то сервировка была «царская». Бронебойщик Федор Волынщиков, бывший метрдотель одного из ташкентских ресторанов, развернулся и показал нам свое умение готовить «дипломатические» приемы.

Мы могли только сказать: «Вот это да!» — и поспешили отдать должное гостеприимству командира. На «офицерском приеме» в качестве гостей Гришина присутствовали командиры и комиссары белорусских бригад и отрядов, секретари Бельнического, Крупкинского и Круглянского райкомов партии, которые сами были командирами или комиссарами бригад.

До самого утра продолжался этот вечер. Сколько было произнесено хороших тостов за успехи нашей армии и партизан, за окончательный разгром фашизма, за быстрее освобождение Родины! Немало было спето песен — народных русских и белорусских, советских и партизанских. Пели даже соло — у каждого была своя «коронная» песня. Комиссар восьмого отряда, обладавший приятным баритоном, исполнил «Кармелюка», Гришин — «Я люблю пережитые были», а секретарь Бельнического райкома Гапонов спел песню своего отряда «Мы шли на дело ночью темной громить коварного врага».

За столом у Гришина не только произносили тосты и пели песни, но и договорились об одновременном ударе по гарнизонам и опорным пунктам оккупантов. От Днепра до Березины, от магистрали Москва — Минск до Бобруйска и Жлобина — такова была территория, на

которой командиры наметили нанести в ближайшие дни удар по врагу.

Выполняя свое обещание «встретиться лицом к лицу» с фашистами, батальоны полка, не прекращая ударов по железным дорогам, нанесли сокрушительное поражение ряду вражеских гарнизонов. Две роты первого батальона под командой комиссара Гордиенко разбили немецкую группировку в деревне Большие Липенки, прикрывавшую подходы к железной дороге. Была темная, метельная ночь. Партизаны бесшумно сняли уличных патрулей и вошли в деревню. В домах, из которых выселили жителей, расположились две роты одной из охранных дивизий. Дома были блокированы, в окна полетели гранаты. Завязался бой. Фашисты яростно сопротивлялись. Несколько домов, занятых солдатами противника, оказались вне сферы нанесенного удара. Гитлеровцы пришли на помощь осажденным. Это было упущением разведки. Операция могла сорваться, и партизаны понесли бы большие потери. Тогда командир роты Степанов поднял два взвода и бросился с ними в атаку на немцев, наносивших удар в тыл партизанам. Эта группа фашистов была разбита.

Получив ранение в обе ноги, наспех перевязанный, Степанов приказал партизанам нести его к Гордиенко, который из-за отсутствия гранат все еще не мог подавить оккупантов. Он приказал поджечь дома. Это решило исход боя.

Бой продолжался более трех часов. Противник потерял одну треть своих солдат и офицеров, партизаны сожгли конюшню с тридцатью восьмью кавалерийскими лошадьми, окружную ветеринарную лечебницу и аптеку при ней. В качестве трофеев было взято сорок лошадей, двенадцать винтовок, шесть автоматов. Много вооружения сгорело.

Матяш организовал разгром немецкого гарнизона и разрушение механических мастерских в населенном пункте Подберезье. Участник боя в Подберезье, бывший подрывник пятого батальона Георгий Борисов прислал мне свои воспоминания об этой операции.

«...Воспоминания о бое в Подберезье всегда для меня возникают в связи с образом политрука нашей роты Карла Штраухмана. Ведь это он, как и много раз прежде, вдохновил нашу роту на героический порыв, обеспе-

чивший разгром этого крупного гарнизона. По национальности Штраухман был немец, но истинный антифашист и патриот своей советской Родины.

Он был тяжело ранен в борьбе с фашистами в июле 1941 года. Остался на оккупированной Смоленщине. Русская мать промыла его гноящиеся раны, спрятала от коричневой чумы. Фашисты дорого бы дали, чтобы иметь на своей стороне советского доцента немца Штраухмана, но он в течение года скрывался от них и немедленно пришел к гришинцам, как только они появились в Краснинском районе. С тех пор он всегда был с нами — коммунист, трибун, солдат...

В этот день наш прижимистый старшина расщедрился. Каждый партизан получил дополнительно двести патронов, по гранате и термитной шашке. Щедрость была неспроста — что-то задумал комбат. В середине дня в хату к нам пришел палитрук.

— Я к вам с хорошей вестью, друзья.— Порывшись в планшете, Штраухман извлек оттуда небольшой листок оберточной бумаги.— Только что принята сводка Информбюро.

Мы тесным кружком обступили политрука.

«На винницком направлении,— отчеканивал каждое слово политрук,— наши войска, продолжая развивать наступление, овладели районными центрами Винницкой области, городом и железнодорожным узлом Калиновка, Турбов, Вороновица, Ситковцы, а также с боями заняли более 50 других населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты... Павловка, Холявинцы...»

Пулеметчик Самойленко всплеснул руками:

— Холявинцы! Та цэ ж, товарищ политрук, мое ридное сило! Вот висти, так висти...

— Радуюсь вместе с тобой! — И Штраухман обнял светящегося радостью молодого партизана.

— А в моей Слободке под Чаусами все еще гад-фашист сидит,— с огорчением сказал Захарченко.

— День победы нашей не за горами,— взволнованно произнес политрук.— А чтобы он стал еще ближе, мы должны всеми силами помогать Красной Армии. Сегодня мы пойдем на большое дело, лицом к лицу встретимся с оккупантами. Пусть никто из вас не забывает, что разгромленный гарнизон, спущенный под откос эшелон, сожженный склад и убитый гитлеровец — путь к

долгожданной победе, к встрече с отцом, матерью, женой, любимой девушкой...

Батальон вышел в шесть вечера. Крутила поземка. Насквозь продувало немудреную партизанскую одежду. Шли пять часов с короткими остановками для отдыха. Куда — знали не все. «Большое дело. Лицом к лицу», — сказал политрук.

В трех километрах от гарнизона Подберезье остановились. Комбат объяснил задачу. В Подберезье расквартирован гарнизон из двухсот солдат «охраны порядка», и оборона предприятия составляет человек сто. Гаражи, ремонтные мастерские, склады горючего — каждая тонна на учете у большого командования, ведь румынская нефть перестает быть источником, наполняющим баки самолетов и танков. Обстановка сложная: в поселке за речкой — бронетанковый взвод, вблизи Толочин, рядом железная дорога, автострада Москва — Минск. С нашей стороны — полоса укреплений. В лоб не пойдем. Делаем скрытый обход, сосредоточиваемся у железной дороги. В деревню ворваться незамеченными, блокировать дома, занятые гитлеровцами. Наша цель: живую силу уничтожить, мастерские, гаражи, машины сжечь, оборудование взорвать. Боевым группам действовать стремительно; каждой — своя задача. Бронебойщикам — не пропустить танки, расстрелять цистерны с горючим.

И вот пошли. Издали выступили очертания построек. Как назло, метель утихомирилась, и стало светло, над головами появилась полная луна, каждый проклинал ее. Сделали большой обход по полю. Наконец мы у каких-то овинов, есть за что зацепиться. Отсюда бросок через огороды деревни. Лопаются стекла в окнах, в помещение на головы спящим гитлеровцам летят гранаты. Уцелевшие немцы в нижнем белье, босые мечутся по сугробам. Тут их настигают партизанские пули. «За матерей, за жен, за любимых девушек» — не выходят из головы слова политрука.

За оврагом, отделяющим деревню от гаражей и мастерских, немцы организовали ожесточенное сопротивление. Из спаренных пулеметов они вели бешеный огонь вдоль улицы. Группа партизан во главе со Штраухманом по-пластунски обтекает их с тыла, пулеметы вот-вот замолчат, но уже падают замертво командир отделения Павлов и партизан-украинец Самойленко, так

радовавшийся утром освобождению своей деревни на Винничине.

Уже горели блокированные партизанами дома с оккупантами, поднималось пламя над помещениями мастерских и четырьмя гаражами с машинами, рвались баки в стоящих на улицах автомашинах, и Артем Андреев, раненный у самой цистерны, бросил в нее противотанковую гранату, как к Подберезью подошло подкрепление. По отходившим партизанам ударил бронепоезд. Но спасти немцы уже ничего не могли».

Так, по описанию участника, закончился разгром этого гарнизона. Еще не успел Матяш доложить о результатах боя, как наши люди из Толочина сообщили:

«В Подберезье бой длился три часа. Убито и сожжено в домах 129 и ранено 45 немцев. В четырех гаражах и на улице сожжено 126 автомашин, 20 мотоциклов, два здания автомастерских с оборудованием, складами запчастей, 120 комплектов резины. Подорвано 26 тонн автобензина, склады боеприпасов и вещевого имущества. Сожжено помещение штаба гарнизона с радиостанцией, конюшня с 15 верховыми лошадьми. Уничтожено 45-миллиметровое орудие и одно зенитное орудие».

Во второй половине марта из разных источников начали поступать сведения о том, что готовится новая фашистская карательная экспедиция, ставящая своей целью если не уничтожить полк, то парализовать его активные действия на коммуникациях. Командир полка принял решение стянуть подразделения в одно место.

Вскоре наши данные были подтверждены появлением разведки противника. Над деревнями, где стояли батальоны, летали «рамы» и по целым дням высматривали и обстреливали все, что казалось им похожим на партизан.

В ночь на 20 марта полк снялся из района Эсмоны — Пупсы и вышел южнее шоссе Могилев — Минск. Остановка в Бахани, Забавах и других деревнях намечалась как однодневный привал. У деревни Аксеньковичи находилась партизанская посадочная площадка. Там наконец Западный штаб 21 и 22 марта обещал посадить самолеты с боеприпасами и забрать раненых. Но на следующий день полк вступил в бой с еще одной карательной экспедицией. Уже к полудню до двух тысяч карателей заняли деревни вокруг стоянки полка. Немцы

бросили на партизан шесть легких бомбардировщиков, пехоту и повели наступление.

Дотемна каратели непрерывно атаковали занятые нами деревни. От артобстрела и бомбежки с воздуха мы несли потери, однако деревни не сдали. Вечером стало известно, что немцы захватили посадочную площадку.

Командир полка радировал в штаб об изменении обстановки, и ночью одной колонной полк вышел на юг, в район Кличевских лесов.

В течение недели каратели преследовали партизан. Бои с переменным успехом шли ежедневно. Наученные горьким опытом, оккупанты уже не лезли напролом и очень осторожно сближались с подразделениями полка, больше надеясь на свою артиллерию и удары с воздуха. Это очень изматывало силы партизан, увеличивало число раненых, превращало полк в походный госпиталь.

26 марта, когда мы вышли в зону действия Кличевского партизанского полка, стояла метельная погода. Гришин связался с командованием этого полка, и в лесах северо-восточнее Кличева противнику был нанесен удар объединенными силами. Противник потерял до двухсот человек убитыми и ранеными и вынужден был прекратить преследование полка. Ночью 28 марта на площадке у деревни Точище наконец был сброшен с самолетов большой груз боеприпасов, взрывчатки — всего около десяти тонн. Впервые за войну мы получили более сотни русских автоматов. Впервые после Бовкинской блокады у нас появились мины к батальонным минометам. Шесть месяцев мы таскали на плечах это оружие, не приносящее пользы; теперь партизанская артиллерия опять могла действовать. Учтена была и наша заявка на патроны к немецкому оружию.

Месячный комплект газет был заполнен радостными сообщениями о победах наших войск под Ленинградом, об освобождении городов и сел Украины, об агонии оккупантов в Корсунь-Шевченковском «котле».

На следующую ночь самолеты вновь должны были прилететь, но окончательно испортившаяся погода помешала этому. Боеприпасы и оружие распределили по батальонам. Хотя раненые не были отправлены, настроение было приподнятое, боевое. Решено было повернуть

на север и нанести удар по группировке карателей, которая все еще находилась в этом районе.

Наличие боеприпасов, боевой порыв партизан, ознакомившихся с сообщениями газет, позволяли более энергично атаковать противника. Стоящие на нашем пути подразделения карателей были выбиты из деревень, уничтожены из засад. Под натиском партизан враг отступил к шоссе, теряя живую силу, оружие и оставляя своих раненых.

В этих боях мы действовали совместно с партизанскими отрядами Белоруссии. Подразделения полков и бригад Жунина, Изоха, Керпича постоянно поддерживали с полком связь и общими усилиями громили карателей.

Третьего апреля была получена радиограмма Центрального штаба партизанского движения. Штаб приказывал полку выйти в район юго-восточнее Березины и с действующего там партизанского аэродрома отправить раненых. Командиру полка предлагалось быть готовым к вылету в Москву.

В ночь на 4 апреля полк сделал сорокакилометровый марш и остановился в одном переходе от аэродрома.

ДОШЛА ОЧЕРЕДЬ И ДО МЕНЯ

тром первый батальон занял деревню Стодолище. Другие подразделения и штаб полка расположились в Терешине и близлежащих деревнях. Уже на марше стало известно, что ближайшая от Стодолища деревня Рубеж занята карателями численностью до шестисот человек. Разведка донесла также, что в эту ночь крупный партизанский отряд Могилевской области провел неудачное наступление на Рубеж. Светлая, лунная ночь и снежное

поле, по которому наступали партизаны, не дали им по-

дойти скрытно, они были обнаружены раньше времени. Немцы успели занять оборону и отбить атаку с большими потерями для партизан. Рассказывали, что несколько тяжелораненых не были вынесены с поля боя, попали в руки карателей, подверглись зверским мучениям и казни.

Уставшие люди не успели еще отдохнуть после тяжелого марша, как наблюдатели доложили: со стороны Рубежа развернутым фронтом движутся немцы. Батальон был поднят по тревоге, все три роты брошены навстречу карателям. Когда мы занимали опушку лесочка, через который шла дорога из Рубежа на Стодолище, цепь противника приблизилась к опушке на расстояние восьмисот метров. Из Рубежа начался артиллерийский обстрел нашей деревни. Ночная удача окрылила фашистов, и они стремились развить успех.

Зная, что поблизости нет ни одного нашего подразделения, а силы противника внушительны, я с двумя ротами остался в обороне на опушке. Роту Алексеева и спешенную конную разведку, которой в это время командовал лейтенант Федоров, послал покрытой кустами низиной в обход, чтобы ударить карателей во фланг слева. Одновременно к командиру полка помчался связной с просьбой бросить одно подразделение в обход и нанести удар по правому флангу карателей.

Мы замаскировались в снегу и кустах и ждали. Снаряды рвались в лесу и на опушке. Расстояние между нами и наступавшими фашистами сокращалось. Когда они приблизились на расстояние ста пятидесяти метров, почти пятьдесят пулеметов наших рот открыли огонь. Какое-то время, несмотря на огненный шквал, немцы продолжали бежать по полю к опушке. Но мощный огонь пулеметов прижал их к земле, лишил возможности ответить огнем на наш огонь.

Мне хорошо было видно из-за соснового пенька, как они перебежками начали уходить назад, как вся цепь, кроме тех, кто уже не мог подняться, сдвигалась вправо от нас, к ложине, к кустам, за которыми скрылась рота Алексеева. Вдали, в стороне деревни Рубеж, на фоне белого снега появилось несколько новых групп противника. Они сгруппировались вокруг каких-то темных предметов, и в нашу сторону полетели крупные мины.

Я подал команду к контратаке и двумя сигнальными

ракетами условленного цвета поставил об этом в известность группы Алексеева и Федорова. Роты поднялись и с криком «ура» через разрывы мин бросились на цепь карателей. Увидев, что их атакуют, немцы, бросая оружие, панически побежали назад, все более забирая вправо, к кустам. В это время из кустарника на них выскочили группы Алексеева и Федорова. Огнем с фланга они нанесли сокрушительный удар по деморализованным карателям.

Я бежал по полю. Полы длинной, тяжелой шубы путались в ногах, мешали мне. И вдруг я ощутил сильный удар.словно оглобля была опущена на мою голову руками человека недюжинной силы. Все тело пронзила тупая, сковывающая боль. В следующее мгновение потемнел снег, синяя пелена поднялась откуда-то снизу и заслонила глаза, померкли звуки выстрелов и крики.

Когда я пришел в сознание, надо мной, утонув по колено в снегу, стояла медсестра Зина Кондратович. Крупные слезинки скатывались из-под ее ресниц. Она что-то спрашивала, я это видел по ее шевелящимся губам, но голоса не слышал. Первое, что я почувствовал, вернее, о чем подумал,— это полное отсутствие боли. Но какая-то сила тянула мою голову, руки и ноги к животу. словно жестким обручем стягивало в дугу. Почему-то показалось, что я ранен в грудь и живу последние минуты. Потом наступило полное безразличие, какой-то провал, хотя я находился в сознании и видел, что делается вокруг. Хорошо помню, как Зина, отстегнув крючки моей шубы, ощупывала грудь, живот, отыскивая рану. Хотелось сказать: «Вот и мое время, Зина, пришло», но я не мог говорить, не получалось. Вдруг я услышал ее голос, словно отодвинули толстое стекло, за которым я видел только ее шевелящиеся губы. Я сделал усилие и выпалил: «Вот, Зина, и твой комбат накрылся». И сразу на губах и во рту появилась солоноватая кровь.

— Боже, неужели ранен в рот! — воскликнула Зина и куском ваты стала стирать с лица кровь.

Ранен я был не в рот, а в шею. Пуля прошла, не повредив гортани, в мякоть левой стороны и вышла в области шейного позвонка, задев нервное шейно-плечевое сплетение. По мне стрелял немецкий лейтенант. Он притворился убитым и, когда его миновала основная масса атакующих партизан, почти в упор выпустил очередь

из автомата. Мех шубы и тяжелый воротник, прикрывавший шею, пропитались кровью, и медсестра не могла сразу обнаружить раны. Видимо, выдавливая из себя фразу, я повернул голову, и из раны ударила кровь.

Несмотря на свое ранение, бой под Рубежом я считаю одним из самых удачных боев, в которых мне пришлось участвовать в тылу врага¹. Группировка противника почти полностью была уничтожена. Когда каратели попали под перекрестный огонь всех трех рот батальона и Алексеев практически отрезал им путь бегства, началось в полном смысле слова избиение фашистов. Урон, понесенный противником в этом бою, можно сравнить только с его потерями в бою у деревни Грабалово. Несколько десятков врагов, чудом уцелевших под шквальным огнем семи десятков пулеметов, подняли руки. Но к этому времени среди партизан разнесся слух, что убит комбат. Это определило участь и тех, кто ценою плена пытался спасти жизнь.

Ночная неудача товарищей по оружию — белорусских партизан — была нами отомщена.

Бой у деревень Рубеж и Стодолище был последним боем с карателями. У нас погибли шесть партизан, девять были ранены. Щадя меня, товарищи в течение недели скрывали, что в этот день не стало лейтенанта Петра Федорова, смелого, чудесного человека, одного из бывших адъютантов командующего 33-й армией генерала Ефремова. Федоров прошел через ужасы немецкого плена и вырвался оттуда, чтобы громить врага в рядах партизан. Не стало и двух старых партизан — Петра Федосеева и Ивана Осипенко.

На следующий день первая партия тяжело раненных партизан — пятьдесят четыре человека — была отправлена на аэродром.

Гришину предлагалось с первым самолетом прибыть в Москву для получения ответственного задания. Весть, дошедшая пока только до командного состава, и обрадовала и опечалила многих из нас. Было радостно, что вызов в Москву связан с получением ответственного задания, но каждый волновался: а вдруг не вернется Гришин?

¹ Мне и теперь кажется, что он мог бы войти в учебник партизанской тактики, если бы такой существовал.

Я лежал в Терешине под наблюдением Тимофея Федоровича Левченко. Видимо, предстояло пролежать немало, ибо держалась высокая температура, вспухла шея, малейшее движение головы вызывало адские боли в области позвоночника и в левой руке.

Накануне отъезда на аэродром Гришин вместе с комиссаром полка пришли ко мне. Я думал, что командир решил проститься перед отъездом или просто навестить меня, как он навещал всех раненых.

— Ну, крепись, комбат, — сказал Гришин, поглядывая из-под бровей, — завтра летишь в Москву.

— Как? — встрепенулся я и попытался поднять непослушную голову, но тут же стиснул зубы от пронизывающей боли в руке.

— Поправишься — возвратишься в полк. В таком положении нельзя тебя оставлять. Тем более и возможность хорошая. Первая партия наших раненых уже в Гомеле.

Какое-то двойственное чувство нахлынуло и затопило сознание: Москва, возможность встречи с родными, которые потеряли надежду видеть меня, лечение в нормальных госпитальных условиях; и в то же время здесь остаются товарищи, друзья, может быть, придется навсегда расстаться с ними. Как же крепка была наша дружба! Дружба, возникшая не за веселым столом, а на поле боя, в тяжелых ночных маршах, дружба, сотни раз скрепленная всей напряженной обстановкой в тылу врага. Буду ли я спокоен там, на Большой земле, когда друзья, сверстники, побратимы остаются среди опасностей?

— Что же ты молчишь? — спросил Сергей Владимирович.

— Никуда я не поеду, товарищ командир. В батальоне почти нет партизан, которые не были ранены. Все они здесь лечились и становились в строй.

— Но это не только мой приказ. Есть радиограмма отправить тебя первым. Да ты и сам знаешь, как связывают нас раненые. Надо использовать возможность, а там поправишься, возвратишься — впереди еще много боев.

Наступило тягостное молчание. Гришин раскуривал погасшую трубку. Комиссар сосредоточенно смотрел в одну точку. Левченко вскочил с лавки, прошелся по избе,

подошел ко мне и проверил пульс. Обернувшись к Гришину, он быстро заговорил:

— Надо оставить комбата, товарищ командир полка. Мы поставим его на ноги. Ведь хуже было: по триста раненых возили. Комбату нужен покой, его садануло по нервному узлу. Но ему нужен наш, партизанский покой.

Почувствовав поддержку врача, я обратился к комиссару:

— Что же ты молчишь, Иван Арсентьевич, или не чаешь избавиться?

Я знаю, что это были обидные слова, не заслуженные Стрелковым, но мне было не до подбора подходящих выражений.

— Ну вот, отблагодарил! Я за тебя, голова садовая, целый день агитирую командира, а он... избавиться!

Я был глубоко признателен комиссару, хотелось как-то высказать ему свою благодарность, но Гришин принял решение.

— Ладно, оставайся. Но если будет хуже,— обратился он к Левченко,— без разговоров на аэродром!

Командир полка, по моей просьбе, достал из полевой сумки, висевшей над кроватью, письма к родным, ожидавшие оказии уже не один месяц.

Мы попрощались, и я остался один. Левченко ушел вместе с командиром и комиссаром. Он отправлял в тыл своего сына, шестилетнего Юрку. Мальчуган на спине отца совершил бесконечно долгий путь по партизанскому бездорожью. Страх за него никогда не оставлял Тимофея Федоровича, и все же отцовское сердце сжималось от мысли, что надо его отправлять.

Через некоторое время пришла из первого батальона целая делегация. Ребята ввалились в хату, чтобы проститься со мной, они еще не знали, что я остаюсь.

Медленно потянулось время. В эти дни у меня впервые после 22 июня 1941 года появилась возможность, не торопясь, осмыслить все, что произошло в моей жизни за эти годы. И как только немного полегчало, рука с карандашом потянулась к бумаге.

После войны я прочитал хорошие стихи поэта-солдата: «Когда идешь в снегу по пояс, о битвах не готовишь повесть». Вообще-то, это очень правильно. Но в те дни, в госпитале, я уже не шел «в снегу по пояс» и именно

тогда решил: если доживу до конца войны, напишу о делах и днях моих друзей и о выпавшем мне счастье быть рядом с ними.

На двух страничках маленького блокнота уместились имена и события, которые много лет спустя, тоже в дни невольного досуга, стали канвой для этой книги. Рядом с Трошкой Захаровым было наспех записано: «Подрывник Иван Майоров, третий батальон». Тогда я его почти не знал, но слышал о нем много. А ближе нам пришлось познакомиться уже после войны, по документам и через партизан третьего батальона.

В полку Ивана Майорова считали человеком удивительного везения. Коренной смолянин, земляк и почти сосед героя штурма рейхстага Егорова, Майоров молодым парнем пришел в партизанский полк весной 1942 года. Очень тихий, скромный, немногословный, он за два с небольшим года пустил под откос пятнадцать вражеских эшелонов, за что и получил кличку «главный диспетчер». Пятнадцать воинских эшелонов! Случись подобное не в рейдирующем полку партизан, а в обыкновенной армейской части, быть бы Ивану Ивановичу знаменитостью на всю страну. Он, конечно, награжден, и по праву гордится орденом Отечественной войны 1-й степени — наградой солдат и маршалов. Уничтожить столько гитлеровцев и вражеской боевой техники — редко кому это удавалось.

На протяжении двух с лишним лет в партизанском полку гремела слава Майорова, слава, заслуженная этим молодым партизаном, хотя сам он относился к ней равнодушно.

Не раз Ивана спрашивали, как, мол, удаются ему такие блестящие операции на железных дорогах? Улыбаясь, он отвечал: «Наберитесь терпения — у вас тоже получится».

Ничего не скажешь, терпением и удивительной выдержкой он действительно обладал, по несколько суток просиживал, бывало, словно прибитый к одному месту, и, как охотник выслеживает крупную дичь, выжидал момента, когда заряд был бы послан наверняка. Целыми неделями иной раз дожидался одной-единственной, но самой нужной минуты — и поезд шел под откос.

Но не только выдержкой брал Майоров, а еще и природной смекалкой, и высоким чувством долга. Эти два

качества были органически ему присущи и помогали в самых, казалось бы, безнадежных положениях.

Однажды подрывники сидели в водоотводной канаве у самого полотна дороги. Нескошенная трава маскировала партизан. На рельсах маячили патрули: они проходили то в одну, то в другую сторону, как нарочно, на противоположной кромке невысокой насыпи. Их нужно было взять бесшумно, а расстояние этого не позволяло. Пропуская поезд, охранники перешли на другую, более широкую обочину полотна. Партизаны приготовились взять их под шум колес. Но тут произошло то, чего они не ожидали: поравнявшись с подрывниками, один из немцев шагнул в их сторону и рядом — рукой подать! — уселся справлять нужду. Другой немец громко засмеялся и продолжал шагать по шпалам. «Вот угораздило скотину! Ствол автомата можно достать», — подумали ребята, впервые вышедшие с Майоровым на боевую операцию. Но в это же мгновение Иван по-кошачьи высунулся, своей пилоткой заткнул немцу рот и с силой рванул его в канаву. Тот успел лишь глухо ахнуть и был таков.

Пройдя немного, второй немец вернулся и стал звать товарища. В темноте Майоров тихонько простонал. Немец кинулся на помощь дружку и разделил его участь. Пока возились, едва не пропустили эшелон. Наскоро сунули мину под рельс и побежали, чтоб не погибнуть от взрыва. И все же тугая волна воздуха настигла подрывников, придавила их к земле, оглушила. Спас изгиб дороги: паровоз и вагоны валились в противоположную сторону.

А один из эшелонов группа Майорова пустила под откос днем, как говорят, при всем честном народе. В тот раз партизаны пришли к железной дороге утром. Решили передневать в кустах, оглядеться, дождаться ночи. Двое улеглись спать, третий стоял на посту.

Часов в десять на участок пригнали с полсотни рабочих: меняли шпалы. Это были женщины, пожилые мужчины и молодые ребята. Распоряжался один немец, охраняли два полица. Немец шнырял среди рабочих, а полицейские отошли в сторону и уселись резаться в карты. К куче гравия женщины подкатывали по рельсам тележку, набирали песку и отвозили.

Майоров принял дерзкое решение: выждав, пока у

кучи гравия остались мужчины с лопатами, а немец ушел на дальний конец ремонтируемого участка, двое партизан положили в карманы по гранате и в одних рубашках подошли к мужикам.

— Отдохните, дяди, мы вас сменим,— сказал Иван Иванович.

— Вот добрые люди! Из какой деревни?

— А не все равно? Давайте лопаты да идите домой.

— А палок не заработаем?

— А вы поосторожнее, чтоб не заметили полицаи,— посоветовал Майоров.

Двое мужчин спустились к ручейку, протекавшему через трубу под насыпью, и быстро, никем не замеченные, скрылись в кустах. Партизаны принялись набрасывать гравий на тележку, поданную женщиной по рельсам.

— Какие-то новенькие вроде? — разглядывая ребят, сказала женщина.

— Да вот, попросили сменить. А ты вези да помалкивай.

Пока двое работали, третий держал на прицеле полицаев. Затем Майоров отлучился в кусты и незаметно принес заряд, присыпал продолговатый ящик песком.

К полудню немец разрешил короткий отдых. Все уселись кто где работал, развернули кулечки с едой. А партизаны присели на рельс, закурили. Майоров меж тем охотничьим ножом, а затем руками стал выгребать из-под рельса свежую щебенку. Быстро поставили мину, разровняли песок, замаскировали.

Перерыв скоро окончился, и народ снова приступил к работе. Дело было сделано, можно было уйти так же незаметно, как пришли. Но что-то удерживало Майорова, и он с товарищем продолжал усердно набрасывать песок и гравий на тележки, подкатываемые рабочими.

Наконец послышалась команда: «Нах хауз!».

И тут случилось непредвиденное. Со стороны станции показался паровоз. Он протяжно гудел, распуская по откосам пары. Ребята остолбенели: что делать? Ведь люди были рядом, собирали инструмент, одежду. Снять мину? Но из нее вытащена чека. «Становись здесь и прикрой меня»,— сказал Майоров товарищу, а сам подскочил к рельсу и начал выгребать из-под ящика песок. Мину нужно было опустить ниже, чтобы, прогнувшись под

тяжестью паровоза, рельс не коснулся штыря взрывного механизма. Малейший просчет — и несколько килограммов тола на куски разорвут подрывников — бессмысленная жертва! Обламывая на руках ногти, Майоров спешил. Люди уходили с полотна, машинист подавал протяжные, тревожные гудки.

Наконец ящик ушел на несколько сантиметров ниже. Под рев гудка подрывники соскочили с полотна, помахав руками грозившему машинисту, и плотно прижались к земле. Уверенности в предотвращении взрыва не было. Каждый нерв был чудовищно напряжен. Но паровоз прошел мимо. Наступил не менее опасный в этих условиях нервный спад. Ребята сидели, приходили в себя, пока не подошел немец.

— Ком, ком! — раздался его голос.

Ребята подскочили, взяли лопаты и, указывая на остатки от кучи щебенки, залопотали нечто невнятное.

— Пан дойч, порядок, надо куча!

И заработали лопатами, сгребая щебенку конусом.

«Я, я», — сказал немец, но не уходил. Тогда, указав на разваленные запасные шпалы, Майоров знаками предложил сложить их как следует.

— Гут, гут, рус, — одобрил немец. — Их гее нах хауз. — И пошел в сторону собиравшихся группами людей.

Этого только и ждали подрывники.

Чтобы не трогать мину и не подвергать себя еще раз смертельной опасности, Майоров между рельсами и штырем взрывателя просунул небольшой клинышек и разровнял песок. Теперь малейший прогиб рельса неизбежно вызовет взрыв. Взяв лопаты на плечи, партизаны немного прошли по насыпи и свернули в кусты. На них никто не обратил внимания.

— Так можно с ума спятить, — сказал, поднимаясь им навстречу, их третий товарищ. — Лучше самому делать, чем валяться в кустах, зная, что вам грозит.

Он был прав. Мне тоже не раз приходилось убеждать: в строю и в бою, в непосредственном деле легче, там некогда размышлять, и время течет неизмеримо быстрее, иногда его вовсе не замечаешь.

— А теперь — отдых, — сказал Майоров.

Но отдыхать не пришлось: с запада, вслед за удаляющимися от места работы людьми, с грохотом надвигал-

ся тяжелый состав. Ребята отскочили в глубь леса, замерли... Сработает взрыватель или нет?

Сработал!

Гром, грохот землетрясения, скрежет обвала. Сколько, чего, с чем состав — этого никто не мог видеть. Завтра разведка доложит, а теперь — скорее уходить.

Так работал Иван Майоров. Он именно работал на войне и, конечно, далек был от мысли, что каждая его операция — это героический подвиг. Сказать, что он был рожден для войны, или любил воевать, или искал опасности? Нет! Всем существом своим он ненавидел войну, он тяготился всем, что война навязывала человеку, но нес на своих плечах ее бремя честно, ожесточенно, безропотно, без фразы и без позы. Он никого не призывал следовать своему примеру, но когда просили, охотно делился опытом, давал советы и всегда радовался удачам своих товарищей.

Участникам войны часто в последние годы приходится встречаться с молодежью, со школьниками, и почти всякий раз, когда заканчивается беседа, кто-то просит: «Расскажите что-нибудь о себе», будто самое интересное, самое главное из своей жизни, из своей военной биографии рассказчик приберег под конец. И именно это «главное» даст им возможность судить, насколько он был правдив, когда говорил о минувших событиях и о своих друзьях.

Рассказывать о себе всегда очень трудно, а видеть в собственных поступках что-то исключительное могут только нескромные люди. В жизни ведь не бывает так, что солдат скажет: «Пойду-ка свершу героический подвиг», — пойдет и свершит. Война — это труд, кровавый, изнурительный, и честное каждодневное выполнение воинского долга — это героизм. Мгновение порыва и взлета человеческого духа, называемого подвигом, проявляется в случае, но подготавливается незаметно, исподволь. Но бывает и так, что человеку героической души жизнь не представила случая проявить этот героизм. И человек даже не знает, на что он способен. Молодым это трудно понять. Они жаждут не только услышать о подвиге, но и свершить его.

Говорят, что есть люди, которые и в огне не горят,

и море им по колено, и ничто им не страшно, и неведомо им чувство опасности. Должен признаться, что к таким людям я себя причислить не могу. Более того, думаю, что если каждую минуту жизнь твоя может оборваться, ты не можешь не испытывать страха. Но один умеет силой своей воли подавить это чувство, загнать его куда-то в глубь сознания, отбросить от себя и, стиснув зубы, думать только о необходимости победить врага, чтобы сохранить и себя, и других. А другой поддается страху, особенно в первых серьезных стычках с врагом. В этом, мне кажется, и состоит главная разница между человеком смелым и малодушным.

На войне не считаешь, сколько раз рискуешь жизнью в каждом бою, однако бывают минуты, которые западают в память навечно.

При разгроме немцев в деревне Волоковая был такой эпизод.

Недобитые остатки гарнизона уходили по ржи. Немцы почти все были легко ранены. Некоторые из них уползали, побросав оружие.

Я приказал одному отделению следовать за мной, и мы бросились в поле, стали их догонять. Я бежал за ковыляющей вдали фигурой гитлеровца, рассчитывая взять его как «языка», но неожиданно почувствовал удар по ногам и кубарем полетел на землю. Поняв, что не оступился и не споткнулся, я быстро вскочил на ноги, но, кажется, не успел еще выпрямиться, как получил удар наотмашь по лицу. В следующее мгновение на меня навалилась огромная туша, жесткие пальцы сдавили горло. Силы наши были неравны, фриц оказался явно сильнее. Высокая рожь скрыла нас, и ребята, преследуя немцев, пробежали вперед, ничего не заметив. Я задыхался и, кажется, терял сознание. Трудно сказать, какой бог помог мне сорвать с пояса немца винтовочный тесак. Этим-то тесаком я снизу вспорол ему живот. Руки гитлеровца на моей шее ослабли.

Когда я пришел в себя, то первое, что почувствовал, это резкий, приторный запах крови. Я весь был в крови, кровь была на одежде, на руках, на лице, текла из моих рассеченных губ и десен, смешалась с кровью прирезанного мною немца.

По-разному можно оценить это единоборство, но для меня в нем не было ничего, кроме страстного стремления

во что бы то ни стало уничтожить врага. Правда, не оказись у немца на ремне тесака, поединок кончился бы не в мою пользу.

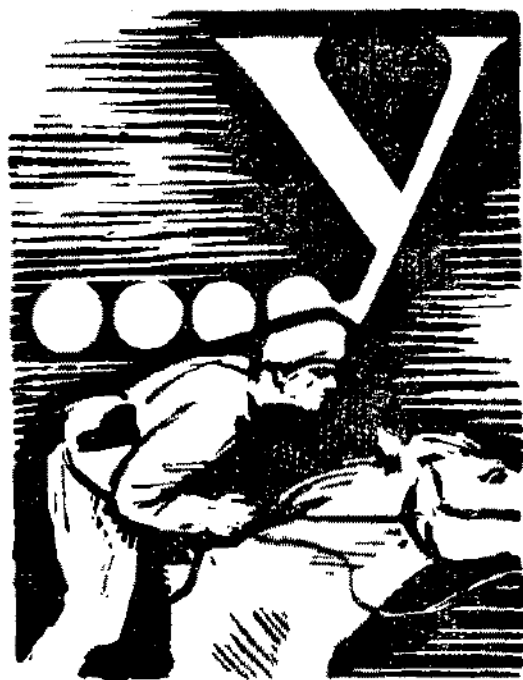
Является ли такое стремление естественным для советского человека, воспитанного на принципах гуманизма? — Безусловно! Нам, советским людям, чужды захватнические интересы, ненависть к народам других наций. Но когда на нашу Родину нападают империалистические разбойники, мы становимся беспощадными. В такое время мы посвящаем свою жизнь решению главной и священной для нас задачи — истребить иноземных захватчиков, навсегда отучить их зариться на нашу Родину. И пусть они пеняют на себя, на тех, кто вовлек их в разбойничий поход против нашего социалистического Отечества.

В бою у деревни Грабалово, где совершено настоящее избиение колонны Полле и Гофгартена, произошел другой запомнившийся мне случай. На поле, где только что гулял шквал нашего прямого, косого и перекрестного огня, валялись десятки вражеских трупов. Среди убитых много было и тяжелораненых. Я проходил среди этих распластанных на мокром лугу тел, когда заметил молодого немца. Он лежал на животе, правая рука была подвернута под туловище, а левую, с оторванной кистью, он держал торчком, опираясь на локоть. Но остановило меня не зрелище кровавого обрубка, остановили какие-то неестественные, горящие злобой и ужасом глаза. Казалось, что, проклиная, немец одновременно молил о помощи.

Я приблизился к нему метров на пять-шесть, услышал ругань на чисто русском языке и увидел, как здоровой рукой немец в упор стреляет в меня из пистолета. Одна из пуль разбила мне колодку маузера, другая прошла через поясной ремень, поцарапав бок. На счастье, парабеллум фрица был заряжен обычными, а не разрывными пулями. «Персональная» смерть прошла очень близко, но пощадила.

Этот случай свидетельствует, что на войне героическое перемежается с нелепым, со случайным. Иногда нелепость приводит к гибели, а иногда к тому, что принято называть счастьем, удачей. Говорят же, что есть люди, «заговоренные от пуль», хотя в природе таких людей, конечно, не существует.

СОЕДИНЕНИЕ «ТРИНАДЦАТЬ»

летел в Москву командир полка. За него остался майор Пахомов. Матяш несколькими днями раньше вышел со своим батальоном под Шклов. Разошлись на боевые задания и другие подразделения. Константин Кустов, переведенный в первый батальон вместо Сергея Скворцова, ставшего к этому времени начальником штаба полка, повел первый батальон в район Белыничи — Крупки — Круглое, ближе к железным дорогам и действующим большакам.

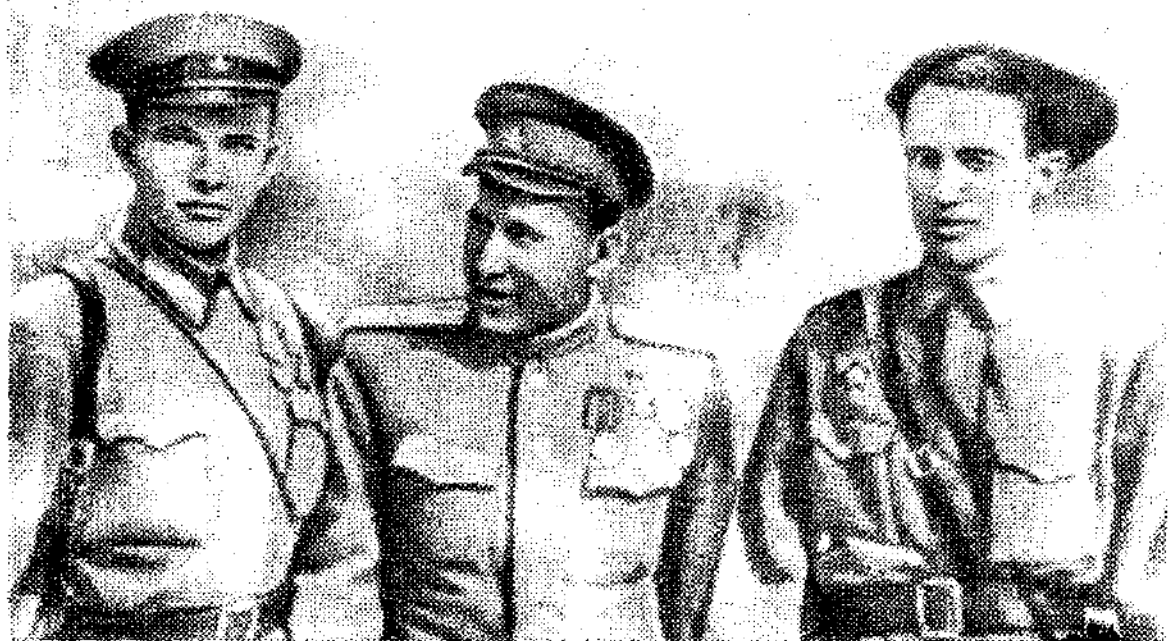
Со штабом полка и опустевшим госпиталем я остался в Терешине. Дни непривычного безделья и одиночества скрашивал лишь радист Данила Ершов. Он часто приходил, читал сводку Советского информбюро, рассказывал о боях, которые продолжали вести наши батальоны. А однажды, радостный, он прибежал от Пахомова и Стрелкова с радиограммой Гришина. Командир из Москвы давал указание приступить к реорганизации полка в партизанское соединение из трех бригад.

Необходимость такой реорганизации диктовалась ростом полка — в нем было теперь три с половиной тысячи человек, — богатым боевым опытом командного состава и, наконец, требованием расширить самостоятельность подразделений в решении предстоящих боевых задач.

Тринадцать боевых отрядов входило в соединение. Случайно или нет, но это совпадало с его названием. Если добавить, что с момента выхода из Дорогобужа этим партизанским формированием совершено было тринадцать боевых рейдов, то «чертова дюжина»¹ — не такое уж несчастливое число.

С тех пор и до соединения с частями Красной Армии

¹ Так полк называли немцы.

Командир соединения «Тринадцать» Герой Советского Союза С. В. Гришин, командир бригады (справа) Н. Москвин, начальник штаба 1-й бригады К. Кустов.

Матяш, Звездаев и я в приказах командования стали именоваться комбригами. Также называли нас при обращении и подчиненные. Возросли требования к нам, большую ответственность и самостоятельность почувствовали и командиры отрядов, хотя и до этого им приходилось самостоятельно решать немало задач.

Уже к концу апреля я мог подниматься и ходить. Рана заживала хорошо, хотя голову стягивало к левому плечу и оставались мучительные боли в руке. Держать руку приходилось на косынке, но пальцы начинали понемногу подчиняться.

В ночь на 1 мая мы с Федей Левченко сговорились, запрягли лошадей и сбежали из пустого госпиталя в свой батальон. Он опять тогда стоял в Пупсах, и, чтобы добраться до него, пришлось одолеть за ночь добрых полсотни километров, перескочить действующую дорогу Могилев — Минск. Утром нас «задержали» у окраины деревни секреты роты Алексеева. К нашей невыразимой радости, мы снова оказались среди своих.

Со дня на день мы ожидали возвращения Гришина, но он задерживался в Москве, утрясая вопросы, связан-

ные с предполагавшимся далеким рейдом и снабжением соединения. В эти дни подготовленная нами посадочная площадка каждую ночь принимала до пятнадцати самолетов. Летчики знаменитого полка Валентины Гризодубовой делали по несколько вылетов, доставляя нам вооружение и боеприпасы.

Немцы тоже не дремали. Они развернули наступление крупных соединений фронтовых частей на партизанскую группировку, действовавшую севернее нашего района, за железной дорогой и автострадой Москва — Минск. В районах Чашники, Лепель, Бегомль, Халопеничи шли тяжелые бои нескольких партизанских бригад Белоруссии с мотомеханизированными частями гитлеровцев. Наземным войскам противника помогала авиация. Фашисты решили любой ценой очистить свой ближайший тыл перед ожидавшимся наступлением советских войск. Особенно напряженной была борьба у болотистых берегов реки Березины и озера Палик. Немецкое командование, окружив партизан, намеревалось полностью уничтожить их. Как потом стало известно, в этой блокаде находились и смоленские партизаны — бригада Шлапакова и полк Садчикова.

Бригадам и отрядам нашего соединения была поставлена задача оказать помощь северной группировке партизан. Мы усилили удары по гарнизонам и железной дороге, партизанские засады били колонны врага на большаках.

Пятая бригада продолжала оставаться в районе Орши и Шклова. Четырьмя своими отрядами Матяш наносил непрерывные удары по железной дороге Могилев — Орша и в районе Толочина. В течение мая и июня партизаны бригады подорвали четырнадцать эшелонов.

В ночь на 16 мая силами всех отрядов Матяш нанес удар по гарнизону в Ново-Прудье. Было сожжено пять казарм, уничтожено сорок шесть оккупантов, а двадцать четыре взяты в плен. Добычей бригады стало большое количество вооружения, боеприпасов и транспортных средств.

В районе действия своей бригады Матяш хорошо организовал разведку. Его агентура работала на каждой станции и в каждом гарнизоне. Это обеспечивало партизанам большой успех в борьбе с оккупантами. Так, удалось установить, что карательный отряд под командо-

ванием белогвардейца Мачульского в составе трех рот и десяти пулеметных тачанок (были и такие попытки оккупантов: воспользоваться опытом буденновских тачанок) выходит на бригаду утром.

Ночью Матяш собрал свои отряды и вышел к деревне Коханово, расположенной у железной дороги. Разместив отряды в засаде на господствующих высотах и по кустам вдоль дороги, он вдребезги разбил немцев, которые рассчитывали лишь во второй половине дня войти в соприкосновение с партизанами, а напоролись на огонь, не пройдя и полутора километров. В руках партизан оказались пулеметные тачанки и другое вооружение.

В это же время в солдатском клубе города Толочин по нашему заданию уборщица подложила под сцену переданную партизанами Матяша мину с часовым механизмом; сюда же предварительно был принесен большой заряд тола. Во время киносеанса произошел взрыв, возник пожар. Погибло сорок четыре гитлеровца.

Марии Мамаевой удалось подцепить магнитную мину под бомбардировщик. Поднявшись в воздух с грузом бомб, фашистский стервятник взорвался.

Матяш наносил удары по оккупантам на берегу Днепра, а третья бригада под командованием Петра Звездаева действовала в ста двадцати километрах от него — на берегу Березины, под Борисовом.

В первых числах июня Звездаев разгромил ремонтные танковые мастерские в лесу южнее станции Бобр. Из строя было выведено все оборудование, подорвано шесть ремонтировавшихся танков, уничтожено до двадцати гитлеровцев из охраны предприятия.

11 июня третья бригада полным составом нанесла удар по не успевшему еще укрепиться новому гарнизону в деревне Заполье вблизи города Борисова. Внезапность нападения определила успех партизан. Оставив двадцать три трупа, гитлеровцы бежали, но на выручку им была брошена рота власовцев из гарнизона Вилятичей¹.

Наткнувшись на партизанскую засаду, изменники вышли из боя и больше не показывались. Однако из де-

¹ Село, тоже связанное с именем Д. Давыдова, нанесшего отсюда удар по арьергарду Наполеона, переправлявшемуся через Березину.

Заместитель командира соединения С. В. Пахомов.

ревни Яблонки противник бросил на партизан до роты пехоты. Она была встречена взводом Щербакова, а посланная в обход группа из отряда Анатолия Матвеева принудила гитлеровцев отказаться от атаки.

Отдельные отряды Иванова, Новикова и Дулькина в течение мая и июня вели бои с противником на шоссе Могилев — Минск, громили его автоколонны. Подрывные группы многих отрядов систематически производили взрывы на железной дороге.

И хотя нам не удалось оттянуть на себя немецкие части, державшие в блокаде партизан Витебщины, оккупанты не могли снять для ее усиления из района южнее дорог ни одного солдата.

Из боевых событий этих дней наиболее ярким эпизодом в первой бригаде была схватка с противником у деревни Кручи, в семи километрах от станции Славное. Круча была дотла выжжена немцами еще в период отхода наших войск, в 1941 году. По рассказам населения соседних деревень, здесь до последнего патрона отбивалась в окружении одна из стрелковых частей Красной Армии.

До 10 июня, находясь в бригаде, я старался не мешать Кустову и Гордиенко самостоятельно решать боевые задачи, а десятого, послав рапорт майору Пахомову о своем вступлении в командование бригадой, поднял отряды Алексеева и Шембея и вышел на северо-восток под станцию Славное. Отряд Степанова был оставлен для охраны аэродрома, куда ежедневно теперь прилетали самолеты. Полуэскадрон конной разведки, сформированной к этому времени, также уходил со мной.

В первый же день нашего появления в новом районе из Ново-Полесья вышло до ста пятидесяти фашистов. Они атаковали один наш отряд. Я оставил Шембея с

двумя взводами в деревне Круче, на которую шел противник, а с остальными силами сделал двусторонний охват выдвинувшихся на Кручу немцев. Они увидели, что попадают в окружение, оставили на поле боя трупы и оружие и поспешно отошли в укрепленный гарнизон.

Мы остановились в деревне Тимоховке, что рядом с Кручей, и боевые группы каждую ночь выходили на железную дорогу. Взвод Зайцева Алексеев послал под Толочин, чтобы связаться с действовавшим там Матяшом и заодно разведать обстановку на случай, если и бригаде придется выйти поближе к Орше. Через два дня он возвратился с трофеями.

По дороге на Могилев партизаны отбили у немцев несколько хороших кавалерийских лошадей. Среди них был чистокровный красавец жеребец под седлом, отделанным бронзой, и цветистым ковром поверх потника. Каким-то образом партизаны разузнали, а может, выдумали сами, что жеребец являлся собственностью генерала Шенкендорфа. Во всяком случае, прекрасный конь и дорогое седло говорили о том, что они принадлежали не рядовому фашисту.

Моя рука все еще болела и лежала на перевязи, но я не удержался и испытал коня. Он мне понравился, и я оставил его себе. Конь был не очень беспокойный, хорошо выездженный и резвый. Разведчик Саша Бирюков, служивший до войны в армии ветеринарным техником, осмотрел коня и одобрил. Мы присвоили ему кличку «Омар». Другие трофейные лошади были переданы разведчикам, а своих они отдали крестьянам.

Остановившись в районе Тимоховка — Круча, мы перерезали пути сообщения между гарнизонами в Ново-Полесье и Славном. Оба они были сильно укреплены, и штурмовать их я не собирался, считая, что сделанная ими попытка атаковать нас была не последней.

Рано утром 16 июня на взмыленных конях прискакали ко мне разведчики Васильев и Корняков, доложили, что по дороге в Ново-Полесье из Славного движется большой обоз и до двух рот немцев. Люди немедленно были подняты по тревоге, отряды выдвинуты на перехват колонны противника, но мы опоздали: колонна спокойно проследовала в гарнизон. Попросту говоря, мы заметили ее слишком поздно.

Я решил рассадить людей в засады и ждать выхода противника из Ново-Полесья. Похоже было, что колонна доставила туда дополнительные боеприпасы.

— Но если колонна вошла в гарнизон, чтобы подкрепить его не только боеприпасами, но и живой силой, мы не дождемся ее выхода и потратим время зря,— возражал Кустов.

— Вот смотрите,— Алексеев вытащил из сумки клочок бумаги.— Наша разведчица Поля из Славного пишет: «240 человек должны повезти боеприпасы в Ново-Полесье, 30 полицаев останутся для подкрепления там, а немцы возвратятся и пойдут на борьбу с партизанами к озерам Лукомля и Палик». Если мы их пропустим, они пойдут уничтожать партизан белорусских отрядов.

Самым удобным местом для встречи немцев была позиция у деревни Кручи. Возвышаясь над широкой ложбиной, по которой протекала река Ослик, сожженная деревня господствовала над местностью. За рекой проходила дорога из Славного на Ново-Полесье. На противоположной стороне за Осликом поднималась возвышенность, покрытая густым кустарником. Дальше на запад начинался болотистый лес. Миновать дорогу у Кручи противник не мог.

Отряд Шембеля в составе ста человек занял Кручу. В высоком бурьяне на месте бывшего пожарища партизаны хорошо замаскировались. Пятьдесят человек во главе с комвзводом Пушкиным заняли край кустарника на высоте за Осликом. Если немцы выйдут из Ново-Полесья на Славное, они попадут под кинжальный огонь двух этих групп. Ближе к Ново-Полесью, в кустах по реке Ослик, с группой в шестьдесят человек расположился Алексеев. В его задачу входило пропустить противника мимо и отрезать ему путь возврата, если он, спасаясь от огня партизан Шембеля и Пушкина, вздумает повернуть в гарнизон. На случай, если бы во время боя из Ново-Полесья вышло подкрепление, Алексеев должен был не дать соединиться двум группам противника. Взвод Михалкина и полуэскадрон конной разведки оставались в моем резерве.

Наши предположения оправдались, хотя пришлось просидеть в засаде не только день, но и всю следующую ночь.

В семь утра противник вышел из Ново-Полесья.

Идущая впереди разведка и вся колонна противника — восемнадцать повозок и сто семьдесят солдат — миновали затаившуюся в кустах засаду Алексеева и оказались под перекрестным огнем групп Шембея и Пушкина.

Противник заметался на открытой местности. Повозки были брошены, и немцы, неся большие потери, кинулись к берегу реки. Как мы и предполагали, они пытались бежать назад к Ново-Полесью. Группа Алексеева ударила им навстречу. Теперь они поняли, что находятся в «котле». Казалось, что уцелевшим ничего не оставалось, как поднять руки и сдаться в плен, но фашисты не использовали этой разумной возможности. Они увидели, что между ними и партизанами Шембея, скатывающимися с обрыва к реке, расстояние предельно сокращается, а по низине наступает группа Алексеева, и бросились в кусты — на взвод Пушкина. Падая под огнем, они с упорством обреченных, стреляя на ходу, бежали к кустам.

Как только немцы вышли из гарнизона, я посадил к каждому коннику по одному партизану резервного взвода и выбросил этот своеобразный десант с пулеметами и ПТР по дороге в сторону Славного. Затем полужэскадрон развернулся, и мы поскакали к месту начавшегося боя. Я стремился усилить взвод Пушкина конницей.

Не зная, что обстановка изменилась, мы не успели спешиться, как столкнулись лицом к лицу с остатками немцев. Я оказался в гуще стреляющих и орущих гитлеровцев. На какое-то мгновение растерялся. Не видя около себя партизан, которые соскочили с коней где-то рядом, за кустами, и поняв, что дела плохи, я рванул повод и с силой вонзил шпоры в бока коня. Он взбесился, поднялся на дыбы, затем шарахнулся в сторону и потащил меня.

Рои пуль пролетали над моей головой, хлесткие ветки секли по лицу. Удерживая правой — здоровой рукой повод, я, прижавшись к испуганному коню, позволил ему закусить удила. Через какое-то мгновение Омар вынес меня из кустов и на бешеном галопе понес по открытому месту. С опушки кустов немцы неистово стреляли мне вслед. Я слышал шелест встречного ветра, который сливался со свистом пронесившихся пуль. Каждую секунду можно было ожидать, что пуля настигнет меня или убьет коня. Вдруг впереди показался окоп. Омар шел на него и, видимо, свободно бы его преодолел, но в горячке у само-

го препятствия я рванул повод: конь сбился с темпа, его передние ноги попали в окоп, и он перевернулся через голову, увлекая меня за собой. Ударив больную руку, я на какое-то время потерял сознание от ужасной боли, а когда пришел в себя и огляделся, умное животное уже стояло в придорожном кювете и дрожало мелкой дрожью.

На место боя я явился как раз вовремя. Оправившись и приняв в кустах боевой порядок, гитлеровцы подняли истошный крик и ожесточенно нажимали на взводы и конников, чтобы прорваться и спастись бегством. Среди партизан, которые заметили мое исчезновение и решили, что я погиб, началось замешательство. Часть наших коней была уже в руках немцев. Оставшиеся без командиров партизаны, отстреливаясь, отходили в глубь кустов. Фашисты вот-вот могли прорвать цепочку.

Мое появление ободрило ребят. Положение было восстановлено. С криком «ура» мы кинулись на противника. В это время Шембель, рассчитывавший захватить противника в плен без жертв, поправляя свою ошибку, преодолел болотистую речушку, ворвался в кусты, и с остатками врага было покончено. Двадцать семь гитлеровцев сдались в плен и остались живы.

Отряд противника был разгромлен полностью. Гарнизон Ново-Полесья не пришел к нему на помощь.

Немецкий комендант станции Славное, заслышав бой, сделал попытку поддержать отряд, вышедший из Ново-Полесья. На трех грузовиках он выехал по дороге на Кручу с шестьюдесятью солдатами. Но брошенная под Славное засада Михалкина встретила их огнем пулеметов и противотанковых ружей, и к 11 часам утра бой был победно завершен. В числе пленных были французы из петеновского легиона. Они выполняли роль обозников, и почти никто из них не сделал ни одного выстрела. Прижавшись к земле и притворившись убитыми, они пролежали до конца боя. Для партизан оставалось загадкой: куда и зачем эти потомки санкюлотов, выродившиеся в жалких прислужников Гитлера, везли десять мешков, набитых живыми кошками. Выпущенные партизанами Шембея на волю, бедные, взъерошенные и полузадохнувшиеся животные, обезумев, подняли невероятный вой и заметались по полю, не зная, куда податься.

Мы потеряли в этом бою шестерых товарищей. Де-

сять партизан были ранены. Погибли Пушкин и Пахомов, пулеметчик Ваня Новоселов, тот Новоселов, который в каждом бою показывал чудеса храбрости и героизма. Среди раненых были командиры взводов Андрей Терещенко и Василий Захарнев.

В бою под Кручей трагично сложилась судьба Василия Ивановича Захарнева. В начале боя он перевязывал раненого товарища. Рядом разорвалась немецкая мина, направленная из-за повозок немцами. Осколок вспорол Василию живот. В горячке он еще пытался втащить товарища в окоп, но силы оставили его, и он потерял сознание.

Молодой, только что пришедший в партизаны боец, считая, что Захарнев погиб, отполз в щель и пролежал там до конца боя. Спустя несколько часов, когда его разыскивали товарищи, он рассказал, что произошло с Захарневым. Но Василия не оказалось. Стали искать и обнаружили его в трехстах метрах от места ранения. Он был живой, но без сознания. На перевязочном пункте Тимофей Левченко обработал вывалившуюся из брюшины часть кишечника, вправил его в полость.

Через несколько часов Вася пришел в сознание. Но при отсутствии сильных антибиотиков нельзя было с уверенностью сказать, что не начнется заражение крови и воспаление брюшины. Спасти Захарнева могла только сложная хирургическая операция в нормальных клинических условиях.

К вечеру раненые, а с ними и Захарнев были отправлены на аэродром в Пупсы. К несчастью, в эту ночь самолеты не сделали посадки. Захарнев попал в тыл только на третий день, когда его состояние резко ухудшилось.

Он умер на освобожденной от немецких захватчиков земле, на аэродроме. Так окончилась жизнь молодого партизана, у которого был феноменальный запас мужества и силы воли.

К вечеру того дня, когда были похоронены товарищи, павшие под Кручей, я почувствовал себя очень плохо. Падение с лошади на больную руку давало о себе знать. Боль в руке и во всем теле, мучительные судороги шеи ни на минуту не давали покоя. Пришлось пересест в повозку. Каждый толчок вызывал боль.

Бригада уже двинулась по направлению к Орше, когда нас догнал связной штаба. Он передал приказ: отправить в Пупсы легкораненых и повозки, а самим двигаться на Бовсевици для получения важного задания.

Стиснув зубы от боли, я вновь пересел с повозки в седло, только уже не на Омара. Он получил три пулевых ранения, потерял много крови, и о спасении коня не могло быть и речи.

Бригада пошла в район Бовсевици, а комиссар Гордиенко под прикрытием двух взводов повез раненых.

Утром в Бовсевицах мы встретили помощника начальника штаба соединения Виктора Васильевича Короткова. Он вручил мне боевой приказ на подрыв железнодорожного полотна и передал повозку, нагруженную взрывчаткой. Через несколько дней предстояло нанести новый удар всеми силами партизанских отрядов по железным дорогам. «Рельсовая война» входила в расчеты Верховного Главнокомандования. Всякий раз, когда наши части на фронте готовы были нанести новые удары по врагу или немцы готовили наступление, как это было на Курской дуге, по дорогам, снабжавшим противника, наносились мощные удары партизан. Приказ выйти на дороги соединенными силами обрадовал нас: с ним мы связывали новое наступление наших войск.

Мы снова были в преддверии соединения с частями Красной Армии. Каждый почувствовал, что остались, может быть, считанные дни до окончания долгого партизанского пути, до того заветного момента, когда мы вольемся в ряды героической Красной Армии, чтобы гнать врага за пределы нашей Родины.

В ночь на 20 июня 1944 года на участке железной дороги восточнее станции Крупки, взаимодействуя с бригадами и отрядами белорусских партизан, мы в короткой схватке сбили с полотна охрану и заложили толловые шашки. Почти два километра пути было разрушено в эту ночь нашей бригадой. Недалеко от нас успешно действовали все подразделения соединения «Тринадцатый».

Это была последняя наша крупная операция во вражеском тылу. Взрывы на всем протяжении магистрали от Орши до Бреста слились с грозной канонадой на фронте, и Красная Армия неудержимой лавиной, сокру-

шая на своем пути глубокоэшелонированную оборону по рекам Проне, Днепру и Друти, устремилась в прорыв. В Белоруссии началась знаменитая наступательная операция 1944 года.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С РОДНОЙ АРМИЕЙ

первый же день наступления наших войск, 23 июня, по всем грунтовым дорогам и большакам, заброшенным с 1941 года в связи с действиями партизан, потянулись длинные обозы и отступающие части противника. Эскадрильи красных самолетов уничтожали врага на шоссе, и фашисты кинулись на глухие большаки. Но здесь хозяевами были партизаны. И вновь для соединения гришинцев повторилась страда осени 1943 года.

Только теперь масштабы наших ударов по врагу были шире и мощнее, мы действовали с большей уверенностью и сноровкой, больше было оружия и боеприпасов.

В день прорыва нашими войсками фронта бригады и отряды получили приказ о взаимодействии с наступающими частями. Пятая бригада должна была не допустить разрушения существовавших и построить новые переправы на реках Друть и Ослик, первая — оседлать старый лесной большак Копысь — Ухвала, третья — удерживать большак в двадцати километрах западнее первой. Отдельные отряды Иванова, Новикова и Дулькина нацеливались на шоссе Могилев — Минск. Им было приказано наносить удары по отступающим колоннам врага, создавать «пробки», чтобы налеты нашей бомбардировочной и штурмовой авиации были более эффективными.

Через три дня отступление гитлеровцев, вошедших в партизанскую зону, превратилось в паническое бегство;

немецко-фашистское командование потеряло управление войсками.

Соединение партизан с Красной Армией происходило по мере подхода наших регулярных частей, на протяжении трех дней. Это объяснялось тем, что отряды действовали на большом пространстве.

Первыми обняли воинов Красной Армии партизаны Матяша. Его бригада находилась километров на шестьдесят восточнее остальных, и советские части, форсировав Днепр, вышли в район действия бригады 26 июня. 27 июня три отряда Матяша соединились с передовыми танковыми частями. Части прошли по подготовленным отрядами переправам через Дзурь, и партизаны вместе с танкистами преследовали и уничтожали врага.

Четвертый отряд этой бригады под командованием лейтенанта Тютюнникова строил переправу на реке Ослик, в пятнадцати километрах западнее Друти. Неожиданно со стороны Мокровичей, тех самых Мокровичей, жители которых когда-то вручали партизанам свое трогательное послание, появилась моторизованная группа противника. Впереди шли четыре мотоцикла, за ними бронемашина и легковая машина. Замыкало эту небольшую группу самоходное орудие «фердинанд». Партизаны быстро приготовились к встрече. С третьего выстрела из ПТР загорелась бронемашина, мотоциклисты были перебиты, а на орудие партизаны бросились с криком «ура!» и захватили его. Когда партизаны подбежали к горящему броневику, из него выскочил немецкий генерал-лейтенант. О чем он думал, трудно сказать, но, увидев окруживших машину партизан, генерал спрятался в ней и закрыл дверь. Вскоре произошел взрыв баков. Из горящей машины партизаны извлекли трупы командующего 4-м армейским корпусом генерал-лейтенанта Фелькерса, майора и обер-лейтенанта. Очевидно, потеряв управление своими войсками, Фелькерс рассчитывал проселочными дорогами спастись бегством. Он предполагал, что броневик и «фердинанд» послужат ему надежной защитой. Не вышло. Захваченная самоходная пушка с комплектом снарядов была выдвинута на большак под Бельнич, и бывший танкист Тютюнников в течение двух дней громил на «фердинанде» отступающие колонны противника.

Отряды Иванова и Новикова на шоссе в районе Серки и Корытницы били по колоннам врага. На дороге

не раз образовывались заторы вражеской техники, над которой немедленно появлялись советские штурмовики, и от нее оставались дымящиеся обломки. Так проявлялось взаимодействие партизан с нашими войсками.

Своеобразная обстановка сложилась на участке первой бригады. Утром 25 июня силой двух отрядов в районе станции Крупки мы нанесли удар по большой колонне тыловой части противника, пробиравшейся на запад по проселочной дороге. Без потерь мы уничтожили около ста гитлеровцев и захватили обоз с продовольствием и обмундированием. 26-го я получил приказ оседлать большак в районе Шепелевичи. К моменту выхода отрядов на большак громадная колонна противника подтянулась к Бовсевичам и остановилась перед разрушенным мостом на Ослике. Саперы спешно строили мост, дававший фашистам возможность двинуться на запад по лесному большаку. Выслав Шембеля с заданием нанести удар по колонне и сорвать строительство моста, я приказал двум отрядам окапываться. К вечеру 27-го мы хорошо закопались в землю, создали круговую оборону на случай обходов. Шембелю не удалось помешать строительству моста. Фашисты выставили мощный заслон на западном берегу реки, и бой не принес положительных результатов. Отряд отошел на ночь к бригаде, а утром отступавшие под натиском советских частей оккупанты, пройдя через восстановленный мост, обрушились на нас, стремясь сбить с большака. Целый день не умолкали пулеметы с обеих сторон. Одна за другой обрывались у наших окопов атаки спешивших удрать от возмездия гитлеровских мерзавцев. Свернуть им было некуда: большак шел по болоту, поросшему негустым лесом, поэтому так настойчиво штурмовали они наши окопы.

Перед вечером, когда гитлеровцы особенно ожесточенно напирала на наш заслон, появилась пятерка советских штурмовиков. Мы впервые за время войны стали свидетелями того, как советские летчики научились уничтожать немецко-фашистских захватчиков. Это было волнующее зрелище. Дух захватывало от радости, и слезы выступали на глазах партизан, не плакавших под немецкой штурмовкой и бомбежкой. И хотя летчики, видимо, не понимали причины затора, образовавшегося в лесу, и пули с «илов» хлестали и по нашим окопам, многие партизаны поднимались во весь рост, бросали вверх фу-

ражки, плясали на окопах, что-то кричали, как будто в реве моторов советские пилоты могли их услышать.

Когда улетели штурмовики, немцы больше не стреляли. В лесу за изгибом большака слышался только треск горящих машин, да клубы черного дыма поднимались над верхушками деревьев.

Через некоторое время атака штурмовой авиации повторилась. Теперь самолеты держались значительно дальше от нас и добивали растянувшуюся на много километров колонну где-то около Бовсевичей. К вечеру от колонны остались рожки да ножки. Уцелевшие немцы побросали машины и болотом ушли по лесу на запад.

На следующий день часов до двенадцати в лесу было тихо. На востоке слышалась канонада. Где-то по сторонам, у железной дороги — с севера и на шоссе — с юга, время от времени рвались бомбы. Я собирался снять бригаду, чтобы идти к месту сбора соединения, когда разведчики донесли, что по большаку в двух километрах от нас обнаружена очень большая колонна вражеской пехоты. Она движется в направлении нашей засады.

Через час немцы напоролись на нас, и бой закипел с новой силой. Однако он не был продолжительным. Чувствовалось, что противник деморализован. Постепенно, не сближаясь с партизанами, он начал обтекать по кустам и болоту нашу оборону, сделал попытку прорвать ее с противоположной, западной стороны, но и там была наша засада. Годы партизанской войны научили нас многому, привычка окружать себя огневыми позициями и на этот раз не подвела. Куда бы ни сунулись из болота фашисты, их встречали наши пулеметы. Оставив намерение сломить нас и очистить дорогу, они стали просачиваться через лес, обходя нашу засаду.

Не снимая обороны, я выделил по одному взводу автоматчиков от каждого отряда и послал их в разные стороны болота перехватывать и уничтожать пробирающиеся через него группы врагов.

Вскоре в разных местах леса стали возникать короткие перестрелки. К вечеру появились первые пленные — обросшие, грязные, голодные, брошенные своими командирами. Они жалобно скулили: «Гитлер капут, партизан гут» — и просили сохранить им жизнь. Сокрушительный удар советских войск полностью деморализовал «завоевателей восточного пространства», и они представляли

собой жалкое зрелище. Их настроение ярко передал командир роты одной из немецких частей, дневник которого попал в руки наших войск:

«27. VI. Все катится вспять. Последние силы еще ведут тяжелые бои... Все отступают. Машины увешаны людьми. Дикое бегство!

28. VI. Русские все время стараются обогнать параллельным преследованием. Величайшее напряжение. Партизанами разрушены все мосты.

30. VI. Невыносимая жара. Начался путь ужасов. Все встало против нас. Мы проходим через этот хаос.

1. VII. Все совершенно выдохлись. Двигаемся по шоссе на Минск. Дикие пробки и заторы. Часто обстрел справа и слева. Все бежит. Паническое отступление. Много остается на дороге.

2. VII. Русские заняли шоссе, и больше никто не пройдет. Такого отступления еще не бывало! Можно сойти с ума».

Утром 29 июня лес в районе Заозерье — Шепелевичи наполнился немцами, но они уже не вели организованного сопротивления, а, нарываясь на нашу засаду, стремились уйти в болото, но и там их встречали наши взводы, и почти без сопротивления они сдавались в плен. А где-то вдали по всем направлениям шли жаркие бои. Советские самолеты с воем проносились над нашими головами на запад, не обращая внимания ни на нас, ни на бродящих по лесам гитлеровцев. И мы поняли, что немцы находятся в окружении наших войск, а мы — в «окружении» разбитых немецких частей. Теперь не было смысла держать большак. Мы снялись и пошли на юг, уничтожая по пути тех гитлеровцев, которые не сдавались. Основной «котел», в котором Красная Армия окружила сто пять тысяч немецких войск, был западнее нас, он дольше сопротивлялся, на нашем же участке 30 июня бои прекратились. Партизаны, охраняя мирное население от бродячих шаяк разбитых оккупантов, вылавливали их, разоружали и конвоировали на сборные пункты.

Во второй половине дня 30 июня мы вышли из леса и встретились с моторизованной частью советских войск. Чем было измерить радость нашу при виде грозных бронированных машин, новой техники, незнакомой нам, созданной за годы войны! И казалось, не будет конца

объятиям партизан и воинов армии, и никто не стыдился слез радости, струившихся по лицам, опаленным ветром и солнцем.

Мы радовались встрече с теми, в рядах которых мечтали быть, которым помогали громить врага на временно захваченной им советской земле, отвлекая на себя с фронта значительные силы фашистской армии, пуская под откос поезда с живой силой и боевой техникой оккупантов. Мы гордились тем, что оказали советским войскам большую помощь в разгроме гитлеровских орд на белорусской земле. И кто измерит силу этой помощи? Сбитые с автострады Москва—Минск мощными ударами советских войск, гитлеровцы надеялись избежать окончательного разгрома, отступая по лесным дорогам. Но партизаны сделали все необходимое для того, чтобы эти дороги превратились для оккупантов в непроходимые.

На протяжении долгих месяцев борьбы в тылу врага ждали мы этого часа, верили в эту встречу. И вот она наступила. Дождались, выстояли и готовы к новым боям!

Мы шли на сборный пункт в радостном возбуждении. Навстречу бесконечным потоком двигалась армия. Мчались к перекатившемуся через нас фронту автомашины с людьми и грузами, грохотали танки и самоходные орудия. Бойцы и командиры улыбками встречали партизан, махали руками, фуражками, пока не скрывались в густой пыли дороги. За кюветами большака целыми подразделениями сидели отдыхающие пехотинцы, только что вышедшие из боя по ликвидации остатков окруженной группировки. В сторону партизан неслись приветствия, восклицания.

— Сибиряки есть? — кричал кто-то из колонны партизан, обращаясь к группе воинов, устроившихся под придорожной березой.

— Есть! Есть, земляк! — отвечал голос под березой, и к нашей колонне уже бежал высокий, широкоплечий старшина с лихими усами.

— Откуда, браток?

— Камень-на-Оби знаешь?

— Как не знать. Соседи. Мы из Кулунды.

— А я из Баево, на одной речке жили.

И старшину окружал десяток вышедших из строя

партизан. Здесь были алтайцы и новосибирцы, красноярцы и забайкальцы.

В стороне от дороги стояла девушка и всматривалась в лица партизан. На плечах у нее санитарная сумка, на погонах две звездочки. И вдруг, когда с девушкой поравнялся отряд Шембея, она бросилась к колонне партизан.

— Папочка, дорогой мой, живой!

И я увидел, как навстречу девушке в военном кинулся и заключил ее в объятия пулеметчик Василий Иванович Быков. Отец и дочь встретились на дорогах войны. И это была не единственная такая встреча. Встречались отцы и дети, братья и сестры.

На сборном пункте нас ожидал командир соединения Сергей Владимирович Гришин, в военном кителе, с погонами подполковника, на груди орден Ленина и Звезда Героя. В день прорыва нашими войсками немецкого фронта он прибыл из советского тыла, руководил последними операциями взаимодействовавших с войсками бригад и отрядов. В связи с изменением обстановки предполагаемый далекий рейд на запад откладывался. Гришинцам предписывалось передать две тысячи человек в армию, а партизанам, провоевавшим в тылу полтора-два года, идти в Смоленск. Там нас ждали благодарные смоляне, отпуска и возможность встретиться с близкими.

Последний рейд на освобожденной земле — без боев, без разведки, без бокового охранения, без головных и арьергардных походных застав! Непривычно! И как-то не верится, что вот так, без нервного напряжения, без постоянной готовности ответить на удар ударом можно ходить по этой дымящейся от пожаров и развороченной снарядами и авиабомбами, перерытой окопами и опутанной колючей проволокой земле. Всюду по дорогам и кругом, насколько охватывают глаза, — разбитая вражеская техника: искореженные танки, пушки, остовы автомашин. Вместо деревень — закопченные трубы печей да обгорелые ракиты и тополя. Пашня запущена, на ней поднимается поросль ольхи, ивняка, березы. В такую зону пустыни фашистские варвары превращали нашу богатую Землю.

Война ушла на запад, но какой титанический труд предстоял впереди, чтобы восстановить все, что разрушено врагом!

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД РУССКОЙ СЛАВЫ!

а подходе к Смоленску редакция газеты, в которой последнее полугодие, кроме Веры Козловской-Звездаевой, работали Максимов, Рекрут, Савилов, Дарчиев и Воскресенский, выпустила последний номер нашей газеты «Смерть врагам». На передней полосе открытое письмо к партизанам командира С. В. Гришина:

«Друзья мои! Долгожданный день настал... Сегодня мы впервые можем взглянуть при свете дня на наши ночные пар-

тизанские дороги. Сколько исходили мы, товарищи! Сколько боев с проклятым фашизмом выдержали на них! Пути наши змеились между вражескими гарнизонами, бежали вброд через реки, вели по лесам, полям и болотам. Приходилось нам трудно, бывало и жарко, но никто из нас не терял веры в победу, и победа всегда сопутствовала нам.

Залогом наших успехов было великое знамя Ленина, которое мы несли честно, гордо, непреклонно. Под этим непобедимым знаменем мы шли в бой, мстили проклятым чужеземным варварам за наши сожженные гнездовья, за кровь, за слезы наших близких.

Партизанский путь окончен, но еще не окончена Великая Отечественная война, а мы ее солдаты!

Я верю, что, когда нам придется расстаться, все мы будем свято беречь боевые традиции нашего соединения. Разве может быть иначе? Ведь, держась друг за дружку, шли мы непроглядными лесами, телами согревали друг друга на ночевках, по колено в болоте выносили раненых, оружием выручали товарищей в беде. Вместе жили, вместе дрались и плясали вместе...

Я верю, что память о славных пережитых днях и суровая школа жизни, пройденная нами, будут вести вас вперед по любым дорогам жизни и борьбы, что эта шко-

ла пригодится каждому из вас в дальнейшем, что каждый партизан будет работать или воевать с тем же ожесточением, с которым он сражался с ненавистными захватчиками.

Я верю, что каждый на своем участке дальнейшей деятельности приложит все силы, чтобы помочь Родине скорее добить врага.

Я верю, что если одним из вас предстоит вырастить хлеб или добыть пятьсот центнеров свеклы с гектара,— они их добудут, и если другим прикажут достичь стен Берлина,— они их достигнут.

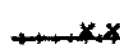

Так вперед, товарищи! Желаю всем вам успехов!

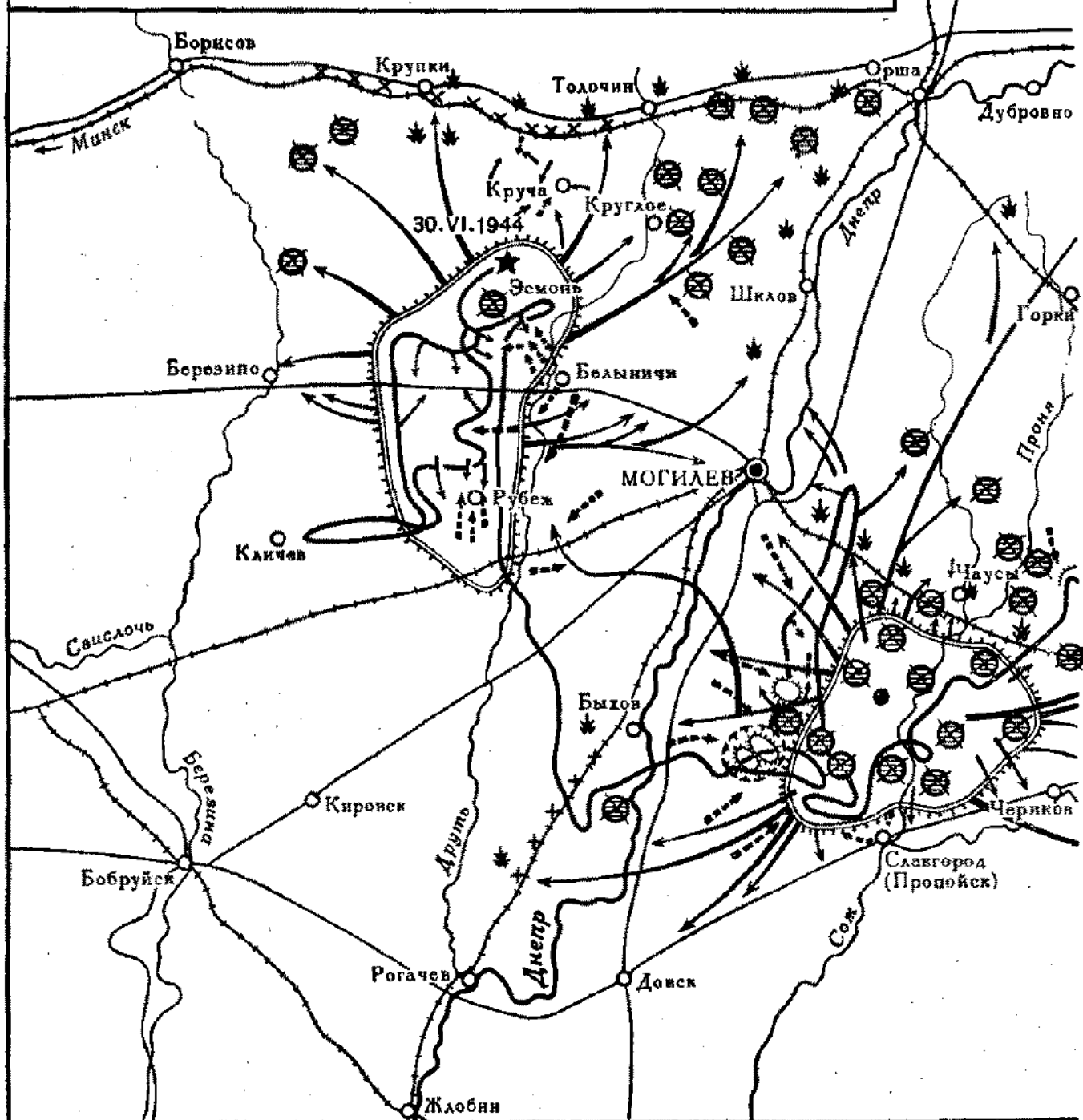
Ваш С. В. Гришин».

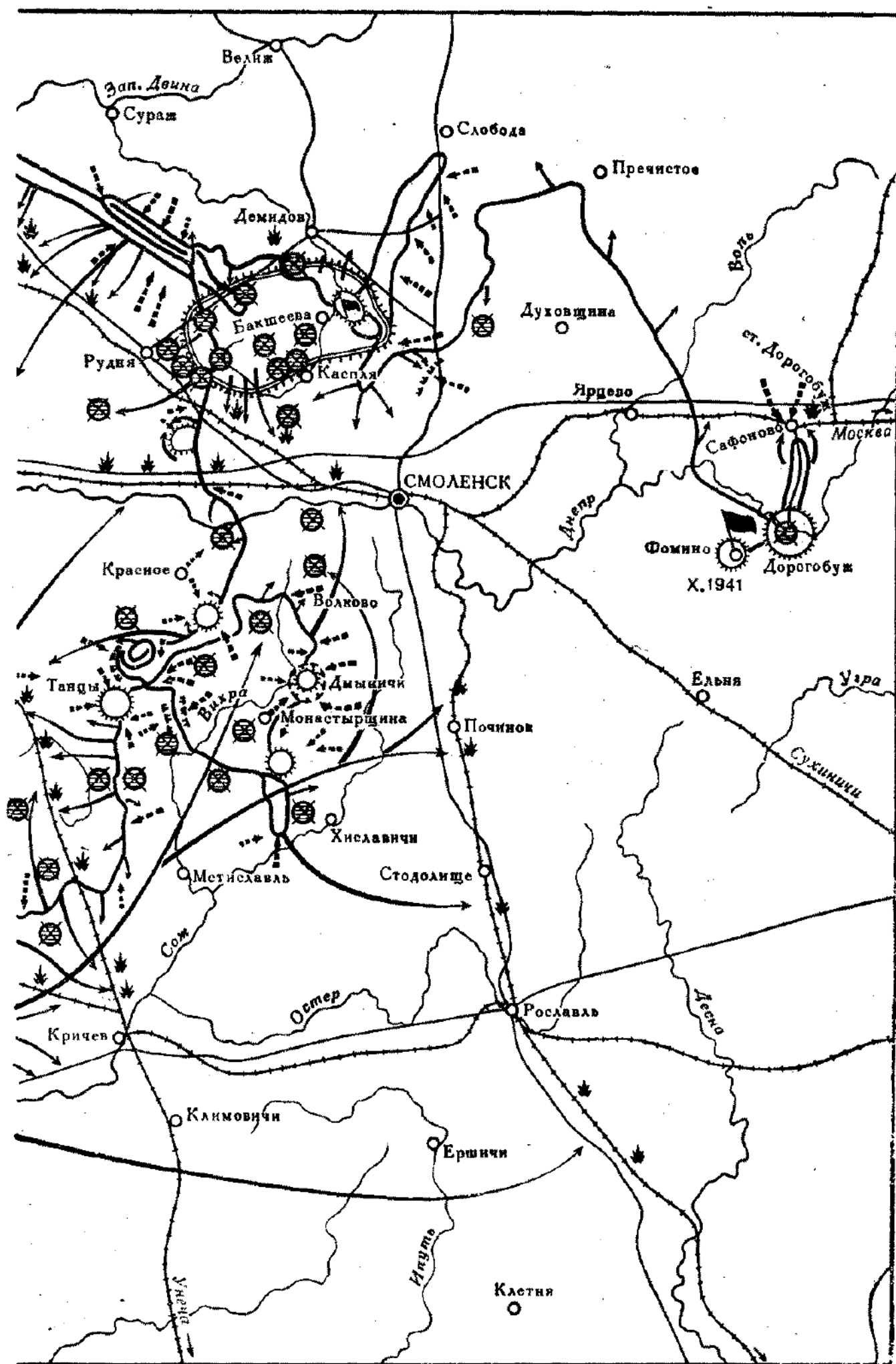
23 июля 1944 года мы были в Смоленске. Он лежал в руинах. Только древняя крепостная стена, как золотое ожерелье, опоясывала груды щебня. Но город уже жил суровой, кипящей жизнью: откуда-то дымили трубами заводские цехи; жители расчищали улицы от щебенки; свежей штукатуркой среди обгорелых остовов зданий выделялись отремонтированные дома. Люди жили в подвалах, в землянках, в бойницах крепостной стены. Смоляне любят свой город, и свидетельством этой любви было то, что эвакуированные на восток страны горожане оставляли удобные квартиры где-нибудь в Новосибирске или Красноярске и спешили в Смоленск, переживали невероятные жилищные лишения, но без устали трудились, поднимая свой город.

Более десяти тысяч смолян собрались на стадионе, чтобы приветствовать гришинцев. Откуда только взялись в то тяжелое время цветы. Но партизанам их дарили очень много, рассыпали перед колоннами марширующих среди развалин к центру города отрядов. Светились улыбками лица, из рук в руки передавалась газета — специальный выпуск «Рабочего пути», посвященный встрече с нами. Этого дня и этой встречи никогда не забудут пришедшие в Смоленск гришинцы.

У памятника героям Отечественной войны 1812 года, там, где теперь летом буйно шумят листвою молодые липы и тополя, состоялся митинг. В выступлении Д. М. Попова, бывшего начальника Западного штаба партизанского движения и первого секретаря обкома партии, были названы цифры. Соединение «Тринадцать» уничтожило: 333 железнодорожных эшелона, 2 броне-

- Рейд партизанского Соединения „13“ по тылам противника
- Направление основных ударов партизан Соединения
- Партизанские районы
- Полное или частичное окружение полка противником
- Основные районы подрыва вражеских эшелонов, складов, мостов
- Массовый подрыв железнодорожного полотна — „Рельсовая война“
- Разгромленные немецко-фашистские гарнизоны
- Направление главных ударов противника
- Железные дороги
- Магистральные шоссейные дороги

поезда, 1057 бронемашин, тракторов и автомашин, 36 складов с боеприпасами, 1591 платформу с техникой, 7 дрезин, 51 цистерну с горючим, 6 танков, 97 мостов, 19 промышленных зданий, 48 складов с продовольствием, фуражом и обмундированием, десятки километров железнодорожного пути, 6 штабов, 5 немецких комендатур, 25 немецких гарнизонов¹, 18 полицейских участков, много километров линий телефонно-телеграфной связи, десятки тысяч немецко-фашистских солдат, офицеров и власовцев.

После выступления представителей города и армейских частей начался парад партизан. Многим из нас выпало счастье видеть прославленные парады в Москве, некоторые были на параде Победы в 1945 году. А это был наш, партизанский парад, и мы его никогда не забудем!

Совершившее тринадцать боевых рейдов, участвовавшее в сотнях боев, тринадцать раз «уничтоженное» в рапортах фашистских военачальников и других гитлеровских вояк, смоленское партизанское соединение «Тринадцать», живое, боевое, вооруженное до зубов, проходило по древнему, залитому солнцем городу. Мимо старого памятника героическим предкам и перед лицом современников шли бригады и отряды, гордые сознанием исполненного долга.

«Шли люди, одетые во что попало, но так лихо держали равнение, что казалось, на них сверкали золотом парадные мундиры академий. Да, это шла народная военная академия преданности Родине и партизанского мастерства. Шла плечом к плечу испытанная маршами и боями, пулями и голодом, холодом и лишениями необоримая сила, могущественней и прекрасней которой, пока живет человечество, никогда ничего не было, нет и не будет и которую громко называют — сплоченность.»²

В строю не доставало многих боевых товарищей, не было здесь белоруса Петра Галецкого, москвичей Николая Шерстнева и Афанасия Кардаша, смолян Степана Гапеева, Лариона Узлова, Сережи Луппова, Василия

¹ Имеются в виду крупные, вроде тех, что стояли в Волоковой, Рясны, Чаусы, Подберезье и др.

² «Люди легенд». Политиздат. Выпуск первый, 1965 г., стр. 321.

Захарнева, Михаила Громакова, сибиряков Александра Шамова и Михаила Ракина, украинцев Николая Мельника и Николая Баличева, узбека Гульмирзо Фаязова, калужанина Алексея Макарова, ивановца Алексея Баделина, немца Фридриха Браунгольца. Не было в этом строю дочерей Смоленской земли Татьяны Кошелевой, Доры Давыденковой, Ольги Каптуровой, Сони Кирпиченковой и многих, многих других. Мы отомстили за их смерть и были уверены, что смоляне, свято хранящие память о прошлом, сохранят их имена для далеких потомков. Они заслужили это, отдав свою жизнь за свободу советских людей.

СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

от и кончилось мое повествование, как некогда окончились партизанские дороги гришинцев. Прошло два десятка лет. По всей великой Родине нашей после войны разъехались партизаны из соединения «Тринадцать». Большинство из них завершили войну в Германии. И хотя не прошел всего пути с гришинцами Михаил Егоров, но они гордятся тем, что знамя над рейхстагом водрузил смолянин и партизан, с которым многие из нас в одном

строю ходили на боевые операции, громили на «железках» гитлеровских захватчиков. Были наши партизаны в Берлине, Вене, штурмовали в составе советских частей Кенигсберг, освобождали Варшаву и Прагу. Кому-то не было суждено возвратиться на Родину, и прах их остался в братских могилах, в освобожденных от фашизма странах. Командир третьей бригады Петр Звездаев — участник разгрома милитаристской Японии, дошел до Харбина. Другие после выхода в Смоленск остались в области, восстанавливали разрушенное хозяйство.

Многие из них в самые тяжелые для сельского хозяйства страны годы работали председателями колхозов, в их числе бывшие начальники штабов бригад К. Кустов и В. Прокопенко, комиссар бригады М. Гордиенко, командир отряда А. Алексеев, А. Денисов и другие. Шестнадцать лет беспрерывно работает председателем колхоза, а затем директором совхоза командир пятой бригады Иван Трофимович Матяш. Михаил Степанов, вышедший из немецкого тыла инвалидом, работает в банке, в городе Горьком, Михаил Чередников — в Ростове-на-Дону, а Михаил Шкарин — в Ташкенте. Василий Агапов трудится на Урале, там же работает бывший разведчик Федор Васильев; оба они инженеры-металлурги. На заводах Украины работают Виктор Петренко и Евгений Болотов, а беспрерывный наш радист Данила Ершов — в торговом флоте на Каспии. Заслуженным строителем химических заводов стал Иван Константинович Шембель. Командир взвода Федор Буслаев и разведчик Михаил Чапаев трудятся в совхозах Свердловской области. В родной Северной Осетии живет и плодотворно работает писатель Даут Дарчиев, а бывшие аспиранты МГУ Анатолий Савилов и Кирилл Воскресенский стали учеными. Марк Максимов, описавший почти всю историю гришинцев в поэтических произведениях, поэт, писатель, киносценарист. Его кинокартина «Лично известен» о легендарном большевике Камо обошла экраны не только нашей страны, но и многих стран мира.

Лечат советских людей врачи Тимофей Левченко — на Смоленщине, Борис Миролюбов — в Могилевской области, Прасковья Данченко — в Вильнюсе, Роман Буянов — тот, что ходил в разведку к фронту, был тяжело ранен и, истекая кровью, все же пришел в полк и предупредил нас о замыслах врага, — теперь ведущий инженер одного московского завода. А Аня Легкая, переправлявшая на утлых лодчонках полк через Днепр, живет и работает в Орше.

Живут гришинцы на Крайнем Севере и на знойном юге, на Дальнем Востоке и в Прибалтике. И где бы они ни жили, каждый из них, бывая в Москве, навещает мирную партизанскую «явку», где постоянно открыты двери, — квартиру С. В. Гришина. Окончивший две военные академии полковник Гришин сам обучает теперь командиров Советской Армии.

Весна 1965 года была для нас весной воспоминаний. Пропела полковая труба... По проводам, на поездах и самолетах полетел к живущим в разных уголках партизанам-гришинцам призыв: на партизанский костер!

18 июля 1965 года — снова Смоленщина, Дмыничи. Почему именно эта деревня стала местом сбора ветеранов? Об этом знают гришинцы и население деревни. Два генерала и немецкая дивизия — на полк партизан; весенняя распутица, триста раненых, шестиствольные минометы, задворки штаба 4-й немецкой армии — март 1943 года. Полк спасает Гавриил Лазаревич Савченков. Много на счету у гришинцев памятных мест. Но Дмыничи и Бовки для них особенно памятны.

Какая встреча! Объятия, восклицания, воспоминания, невольные слезы.

Смоленская газета «Рабочий путь», газета, которую мы двадцать два года назад ждали с каждым самолетом и которая зачитывалась до дыр, дала полосу о встрече: «Тринадцать» — это отвага и дружба!»

Мне хочется привести слова корреспондента газеты, который писал об этой встрече.

«Мужчинам не пристало плакать. Но, честное слово, бывают моменты, когда, сдерживай не сдерживай, слезы сами выступают и делают глаза предательски влажными. А впрочем, кого стесняться? Товарищей по грозным партизанским годам, с которыми не раз приходилось делить пополам последнюю щепотку махорки? Или этих мальчишек и девчонок с аккуратно повязанными пионерскими галстуками? Так их и на свете не было, когда гришинцы повседневно рисковали своей жизнью. Или вот этих скромно одетых и тоже плачущих пожилых женщин, которые делились с ними последним куском хлеба, согревали и обстирывали их? Нет, этих слез не следовало стесняться, их не следовало и сдерживать. Они были естественными, как и улыбки на лицах встречающихся друзей. Вот так — слезами радости и улыбками, бравурными маршами и цветами встретила деревня Дмыничи бывших партизан соединения «Тринадцать», собравшихся спустя двадцать два года на месте бывших боев.

Из толпы встречающих навстречу Гришину выходит Ефросинья Максимовна Нестерова, семидесятивосьмилетняя пенсионерка. Это в ее доме останавливался в со-

рок третьем командир полка, из ее дома руководил обороной. Коренастый офицер с Золотой Звездой Героя на армейском мундире снимает фуражку и нежно обнимает женщину. Женщина вытирает платком слезы. Слезы радости и счастья.

— Сынок ты мой родной...

Дмыничане быстро узнают своих бывших постояльцев. И как двадцать с лишним лет назад, полк располагается на прежних квартирах.

...Прошли годы. Мальчишки стали мужчинами, а тогдашние юноши — солидными отцами семейств. Однако узнают друг друга сразу. И слышно то тут, то там: «А помнишь?..»

«А помнишь?» Бывший начальник партизанского госпиталя, ныне главный врач ярцевской больницы Тимофей Федорович Левченко беседует с врачом из Вильнюса Прасковьей Егоровной Данченко. Разве забыть им ту редкостную и страшную операцию! У Паши началась гангрена, если не отнять руку — смерть. Медикаментов почти никаких, инструмента вовсе нет. Только пила, обыкновенная пила. Оба — и врач и партизанка — были мужественны. Он ампутировал ей руку пилой. Он спас ей жизнь, а сам поседел.

«А помнишь?» Лихая разведчица, ныне директор магазина в Краснодаре Мария Афанасьевна Ермакова вспоминает со Степаном Бубелем, как угнала с немецкого аэродрома грузовой автомобиль с несколькими рабочими, в числе которых был и он...

«А помнишь?»

Конечно, помнят. Никто не забыт, ничто не забыто. Они дрались храбро, жили дружно.

Коротки летние ночи. Да и до сна ли, если многие не виделись два десятилетия. Проснулась деревня на рассвете. Зазвенели на лугу косы. Партизаны с косами прошли по сочной траве. И как ни противились колхозники, боясь утомить гостей, те оставались непреклонными. На лугу завязалось соревнование. Это была волнующая картина — партизанский сенокос.

Официальная часть встречи гришинцев открылась позже шествием к могиле, где захоронены партизаны, погибшие в марте сорок третьего года. Гришинцы возложили венки, почтили память товарищей по оружию молчанием. А в роще, на другом конце деревни, их ждала

торжественная встреча с тружениками Монастырщинского района.

И снова встречи, объятия, поцелуи, слезы. То и дело щелкают фотоаппараты. Идет обмен адресами. Едва ли не самый распространенный адрес — Смоленская область.

Из трех тысяч партизан соединения, встретивших в Белоруссии в 1944 году Красную Армию, и одной тысячи, прошедшей парадом по улицам разрушенного Смоленска, на встречу ветеранов могли приехать только двести человек. Многих не стало, адреса других не удалось узнать, и они не знали о партизанском костре. Большинство, конечно, было смолян, но, пожалуй, не было ни одной республики, откуда бы не приехали ветераны партизанского соединения.

На митинге принято волнующее письмо ЦК партии и Смоленскому обкому, в нем говорилось: «Ветераны партизанского движения рассматривают свою встречу как естественную тягу друг к другу людей одной судьбы, общих лишений и побед, а также как выражение стремления бывших партизан никогда не забывать, что порох всегда должен быть сухим, глаз зорким, нервы крепкими, а руки твердыми».

По окончании митинга послышалась команда:

— На партизанский костер стройся!

Совсем как двадцать два года назад. И люди засуетились. Минуты, нет, секунды — и все в сборе. Строй двигается к месту партизанского костра. Кто-то запекает песню о полке «Тринадцать», ее подхватывают, лес разносит по округе дружную партизанскую песню.

Поздно ночью закончилась эта встреча партизан друг с другом и с местными жителями деревни Дмыничи. Перед утром автобусы уходили к поездам, самолетам. Друзья опаленной войной юности спешили к работе, к службе, к труду.

До следующего партизанского свидания!

Прошел еще один год. Тридцати гришинцам во главе с их бывшим командиром совершенно неожиданно пришлось побывать на местах былых сражений, в Бовкинском лесу. Неожиданно, потому что в Дмыничах партизаны условились встретиться вновь в год пятидесятилетия Октябрьской революции и обязательно побывать в Бовкинском лесу. Еще раз вспомнить боевые дни своей

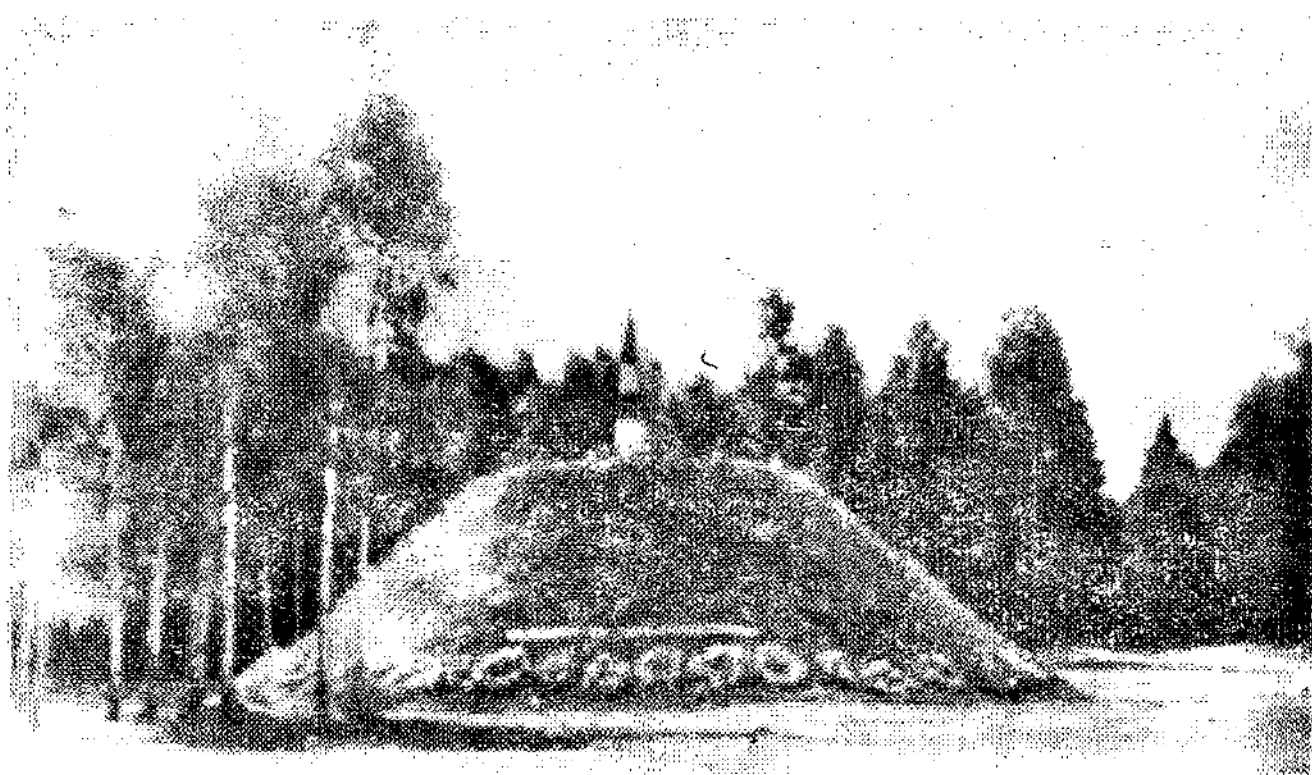
молодости, поклониться праху погибших там боевых друзей, поблагодарить местных жителей за все хорошее, что они сделали для партизан полка.

И вдруг группа партизан и партизанок получила приглашение Быховского райкома партии Белоруссии и исполкома райсовета принять участие в открытии памятника героям Бовкинской обороны.

Девятого мая 1966 года мы снова были на земле Могилевщины. Деревня Дабужье, колхоз «Перемога». На опушке леса, там, где двадцать три года назад батальон Ивана Матяша принял на себя удар немецкого гренадерского полка, руками жителей района насыпан величественный холм бессмертия. На его вершине возвышается семиметровый мраморный обелиск.

Десятки тысяч колхозников, рабочих совхозов, молодежи, пионеров и школьников Быховского, Чаусского и Славгородского районов заполнили обширную площадку перед Зеленым холмом. Здесь бывшие командиры и комиссары прославленных белорусских бригад и отрядов. Молодые воины Советской Армии в почетном карауле у знамен, склоненных к подножию закрытого полотном обелиска.

Звучит команда. Под Гимн Советского Союза мед-

Памятник-obelisk в честь героического подвига партизан полка «Тринадцать».

ленно сползает с обелиска белое шелковое полотно, а на флагштоке поднимается национальный флаг республики. На постаменте надпись:

«В этом прифронтовом лесу в октябре 1943 года особый партизанский полк «Тринадцать» под командованием Героя Советского Союза Сергея Владимировича Гришина героически сражался с отборными частями 4-й немецкой армии. Вечная память героям, погибшим за честь и независимость нашей Родины!»

На другой стороне высечены слова из песни пятого батальона:

Наши гнезда враг развеял пылью,
Чтобы пали мы к его ногам,
Но не пали, а раскрыли крылья
И поднялись мы на месть врагам.

Над лесом, где свинцовой вьюгой бушевала смерть, торжественно звучит «Интернационал». Под эти звуки к подножию холма и на его вершине, у обелиска, возлагаются живые цветы. Их так много, что они венком опоясывают курган.

Да, советские люди не забывают подвиги своих сынов и дочерей. Тысячи людей поклялись над прахом погибших за Родину партизан в верности своей социалистической Отчизне, Коммунистической партии, народу. Вот слова из этой клятвы:

«Мы, участники митинга, посвященного открытию памятника-обелиска в честь героического подвига партизан полка «Тринадцать», которые в годы Великой Отечественной войны, не щадя своей жизни, боролись за свободу и независимость нашей великой Родины, в этот торжественный для нас день

КЛЯНЕМСЯ! Беречь революционные и боевые традиции советского народа, воспитывать на них подрастающее поколение, крепить оборонную мощь любимой Родины. Работать так, как воевали!

КЛЯНЕМСЯ! Сделать все, чтобы никогда нога врага не топтала нашу священную землю, обогренную кровью отцов, матерей, братьев и сестер, обогренную нашей кровью.

КЛЯНЕМСЯ! Чтобы всегда было солнце, чистое небо, чтобы звонко смеялись дети...

КЛЯНЕМСЯ! Не забывать тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и независимость Родины-матери.

КЛЯНЕМСЯ!
КЛЯНЕМСЯ!
КЛЯНЕМСЯ!»

Со словами большой благодарности к белорусскому народу обратился Сергей Владимирович Гришин. А Дмитрий Герасимович Комар сказал:

— Дорогие товарищи! Быховский районный комитет партии и исполком районного Совета депутатов трудящихся Могилевской области в торжественный день открытия памятника-обелиска в честь героического подвига особого партизанского полка «Тринадцать» на территории нашего района в октябре 1943 года вручают командиру полка Герою Советского Союза Сергею Владимировичу Гришину национальный флаг Белорусской ССР, поднятый 9 мая 1966 года на Кургане памятника-обелиска, для передачи на хранение в один из музеев Смоленской области. Пусть этот флаг служит символом вечной и нерушимой дружбы русского и белорусского народов!

Окончен митинг. Гришинцы снова «попадают в окружение», в радостное окружение своих, дорогих, советских людей. Среди них наши давние знакомые, теперь пожилые мужчины и женщины, те, что помогали нам громить фашистов в далеком 1943 году. Объятия, поцелуи, опять невольные слезы. Юные пионеры берут у приехавших партизан интервью для своих школьных газет, фотографируют партизан для комнат боевой славы, рассказывают об открытых красными следопытами неизвестных или полузабытых подвигах партизан и местных жителей.

Здесь на поляне всюду сохранились следы войны. Вот обвалившиеся окопы, воронки, оставленные немецкими бомбами. Поросшие молодыми деревьями, они говорят нам о многом.

Спустя немного времени на поляне, вблизи памятника, мощно, как гимн, звучит «Лесная песня». Голоса тысяч людей разносят по весеннему лесу слова, напоминающие пережитое:

Ой, бярозы ды сосны —
Мае родныя сёстры,
Ой, шумлівы ты, лес малады.
Толькі сэрцам пачую
Тваю песню лясную
Ды успомню былыя гады.
Ды успомню пажары,

І варожыя хмары,
І завеі халодных снягоў,
І слату, і нягоды,
І начныя паходы,
І агні партызанскіх кастроў.
Край любімы мой, родны,
Ты на свеце свабодны,
За цябе я на бітву хадзіў,
Каб ніколі, ніколі
Ты не быў у няволі,
Каб заўсёды ў шчасці ты жыў.
Адышлі твая годы,
Адгрымелі паходы,
Толькі пушча за полем шуміць.
Ой, бярозы ды сосны —
Партызанскія сёстры,
Вас ніколі ў жыцці не забыць.

Ничто не забыто и никто не забыт. Память народа не знает сроков давности. Память о героическом прошлом помогает советским людям жить, бороться за коммунистические идеалы. Об этой памяти и о решимости не допустить повторения того, что было совершено фашизмом, и пели живые на могилах погибших.

Спозаранку 10 мая мы побывали в лесу, на первой и второй обороне. Каждому хотелось своими глазами посмотреть на эти места, хотелось найти свой окоп, или блиндаж, или тропинку, по которой под обстрелом выносил из боя раненого товарища...

Лес был неузнаваем: в утренней задумчивости над морем молодой поросли возвышались старые сосны — молчаливые свидетели отгремевших под ними боев. Они приносят семена и дают жизнь молодому лесу. Тихо шепчутся молодые березы. Под кронами их пробиваются к свету ершистые сосенки и елочки. К лучам ласкового майского солнца, словно вздрагивая от пробуждения, тянутся белые цветы черемухи.

Лес полон жизни. С ветки на ветку перелетают и щебечут птицы. Где-то за молодой березовой рощей, в кустах на Ухлясти в самозабвенном состязании поют соловьи. Из каждого ростка струится мир и радость жизни. И просто не верится, что это тот самый Бовкинский лес.

И все же это тот, тот самый лес, где бушевал огонь и смертоносный металл. Немцы тогда называли его «Рощей смерти». У них было достаточно к этому оснований.

На каждом шагу попадаются воронки от бомб и снарядов, обвалившиеся окопы и осыпавшиеся блиндажи. На стволах старых деревьев, вспоротых осколками, как плохо зарубцевавшиеся раны, — уродливые наросты. Изпод них, словно кровь, сочится красноватая ржавь железа. Это от металла, засевшего в живых деревьях.

И как бы в тон настроению партизан-ветеранов, сопровождавший их молодой лесник из деревни Дабужье Василий Максимцев, ребенком переживший блокаду в этом лесу, сказал:

— Старые деревья из этих участков леса идут только на дрова. Уж очень они начинены осколками, ломаются пилы и топоры при обработке.

— Да, это было бы трагедией леса, если бы он не сослужил людям службу, для которой не предназначался, — заметил кто-то из участников встречи, имея в виду, что только под защитой леса мы и могли выстоять.

Вот выбеленные дождем и солнцем конские кости. Они могли принадлежать боевому коню одного из партизанских разведчиков. А может быть, ездовому, который в походном госпитале бережно возил раненых товарищей. Пережил ли войну его хозяин и где он теперь? Дальше, за окопами третьего батальона, внутри обороны, на сухой полянке, группка еле заметных холмиков. Петр Звездаев припоминает, кто из его бойцов, не вернувшихся из этого леса, похоронен здесь боевыми друзьями.

Может, под ними лежат командиры взводов — подвижной как ртуть Саша Казак, и рассудительный Павел Елкин, и вечно озабоченный нуждами бойцов старшина Андрей Коршунков? А возможно, здесь похоронен накрытый бомбой пулеметный расчет белоруса Ивана Степанова. Рядом большая, залитая водой воронка.

Вот, наконец, обвалившиеся штабные землянки. Землянка командира. Сколько раз сотрясаемая близкими разрывами сыпала она на голову Гришина песок и щебень! Немцы били по этим землянкам прицельно и ожесточенно, но на войне встречаются обстоятельства, не подвластные расчетам.

...Идут и идут по обновленному мирному весеннему лесу боевые друзья из бывшего соединения «Тринадцать». Память нанизывает факты и эпизоды из тех далеких, жестоких и незабываемых дней. Вот, наконец, и опушка.

Перед ней деревня Ветренка, где под скромным обелиском покоится не одна тысяча воинов Советской Армии, партизан...

Но что это?

В соседстве совсем еще с маленькими елочками на поляне — высокая, слегка изогнутая, как бы безвременно стареющая березка. Молодая трава не скрыла еще поржавевшую солдатскую каску, через которую проросло хилое деревце. Какой памятник! Нерукотворный памятник неизвестному солдату. Нашему сверстнику. Как Родина, как Россия, поднялась березка над прахом воина; гордая и печальная, она напоминает о поколении, спасшем человечество, о земле, познавшей буйство огня и благородство пролитой во имя справедливости крови. Но кто же был тот солдат, которого не спасла тонкая броня каски? И где его мать, и знает ли она, что здесь покоится прах ее сына?

Друзья пошли дальше, присматриваясь и узнавая следы и приметы бушевавшей здесь войны. Наедине с березой остался лишь поэт. Ему нужно было побыть одному. А вечером, в поезде, Марк Максимов прочтет нам стихи, которые вместе со снимком березки станут потом известны очень многим.

Догорал вечер. Бывшие партизаны вышли к Ухлясти,

Здесь отгремели жестокие бои.

лесной заболоченной речушке, отмеченной только на военных картах. Но где же болото? По обе стороны ее — крутые берега, ровные зеленеющие луга. Человек прошел здесь могучим экскаватором, прорыл русло, опустил дно — и болота не стало. Трясина превращена в плодородный луг. Это тоже след истории, но уже послевоенной. Прошлое и настоящее переплетается на каждом шагу. И даже «горбатого моста» через Ухлясть нет на прежнем месте. Через канал, по которому теперь течет речка, перекинут железобетонный мостик. А сожженная дотла деревня Хочинка застроена хорошими домами.

Всюду приметы нового. Ничего не осталось от Белоруссии военных лет, кроме ее замечательных людей — патриотов, гостеприимных и радушных как в горе, так и в радости.

И вот уже партизаны, повстречавшиеся в Бовкинском лесу со своей боевой молодостью, едут домой. У каждого, кто побывал на открытии памятника и встретился с людьми, которых когда-то защищал и помощь которых принимал в самые тяжелые дни, — глубокая благодарность к ним.

Память заставила пережить все сначала. И было грустно оттого, что в лесу остались лежать наши друзья. И грустно, что ушла молодость... Но это была светлая грусть. Жизнь прожита не даром, а впереди еще будут и трудности, и радости.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Время беспощадно. Уже три десятилетия отделяют нас от тех дней, когда советский народ поднялся на священную борьбу с фашизмом.

Для многих, пожалуй, для большинства читателей этой книги, то героическое время теперь является историей. Нам же, участникам Великой Отечественной войны, по законам человеческой памяти, по-прежнему кажется, что все это было только вчера. Книга бывшего партизана, моего однополчанина, Николая Москвина дышит дорогой для нас свежестью воспоминаний. На страницах, овеянных дымом партизанских костров, озаренных отсветом тех далеких пожаров, проступают лица обычных людей, которые в тяжкую для Отечества годину стали подлинными героями, а из этих лиц как бы складывается общий облик советского патриотизма.

Партизанские тропы. Они проходили среди лесов и болот Смоленщины и Белоруссии, Прибалтики и Карелии, шли по землям московским, орловским, калининским и ленинградским, змеились по взгорьям Кавказа и Карпат, опускались в катакомбы Крыма, прорезали массивы брянских лесов и украинские степи. И повсюду пылали фашистские комендатуры, летели под откос эшелоны с живой силой и техникой врага, взлетали на воздух мосты, рельсы, автомашины, гремели открытые бои.

То была воистину народная война. Ее организовывала и направляла наша Коммунистическая партия.

На Смоленщине в годы войны действовали 119 партизанских отрядов и соединений, насчитывавших более 60 тысяч вооруженных, народных мстителей.

Мы сражались на дорогах и тропах, осененных русской партизанской славой, в тех самых местах, где некогда, еще в начале XVII века, отряды «охочих людей» брали на вилы польских и литовских захватчиков, а в 1812 году партизаны Дениса Давыдова показывали почем пуд соли зарвавшимся гренадерам Наполеона.

В годы Великой Отечественной войны эти места стали ареной действий фашистской группы армий «Центр», наносившей удар на столицу первой и тогда еще единственной в мире страны социализма — Москву.

В октябре 1941 года гитлеровское командование начало так называемое генеральное наступление на Москву, в ходе которого Смоленщина была буквально заполонена войсками оккупантов. Захватчики разрушили древние города, сожгли до тла сотни деревень, установили землю виселицами, облепили уцелевшие заборы, стены домов и даже телеграфные столбы приказами, навязывавшими советским

людям рабское существование. Начался разгул невиданного в истории человечества террора.

После освобождения Смоленщины Чрезвычайная государственная комиссия по расследованиям фашистских злодеяний обнаружила только в самом Смоленске и его окрестностях 67 массовых захоронений, в которых было погребено более 135 тысяч замученных и расстрелянных людей. 81 682 жителя Смоленщины, самых молодых и здоровых, хозяева «нового порядка» угнали на каторгу в Германию.

Рядом с этим мрачным свидетельством истории существует другое, гордое: никакой безудержный террор не мог поставить наш народ на колени.

Партизан справедливо называют народными мстителями. Но было бы неверным, ограниченным сводить роль советского партизанского движения и, в частности, партизанской борьбы на Смоленщине только к сопротивлению террору.

Эта книга рассказывает о партизанах Особого полка «Тринадцать».

Конечно же, громя фашистские комендатуры, ведя открытые бои с карателями, партизаны полка помогали дезорганизовать гитлеровскую военную машину, сковали в тылу крупные силы врага, рвавшиеся к советской столице.

Но задача наша была еще шире, а сопротивление наше являлось наступательным. Смоленщина в то время стала оперативным тылом группы фашистских армий «Центр». А это значит, что здесь проходили коммуникации, питавшие все участки Центрального фронта, располагались аэродромы, узлы и линии связи, армейские тылы и фронтовые резервы вражеского командования. Вот против них и был направлен основной огонь активного партизанского оружия.

Одним из достоинств книги Николая Москвина и является то, что она вносит ясность в этот вопрос.

Каждый партизан полка знал, что партия рассматривает партизанскую борьбу как массовое патриотическое движение, а партизан — как активных боевых помощников Советской Армии.

Полк был рейдовым, он вел боевые действия в оперативном тылу группы армий «Центр» в непосредственной близости от линии фронта, а иногда вклинивался и в боевые порядки фашистских войск.

Взаимодействие партизан с командованием сопредельных фронтов и частями Советской Армии было четко налаженным и постоянным. Связь осуществлялась через созданный в мае 1942 года при Ставке Верховного командования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) и работавший со середины июня 1942 года Западный штаб партизанского движения (ЗШПД). Этими же штабами партизанским отрядам и соединениям, в том числе и нашему, ставились оперативные задачи, продиктованные нуждами фронта.

З Ш П Д были приданы два авиаполка. Летчики перебросили к смоленским партизанам 410 партийных и советских активистов, вывезли из вражеского тыла 1106 раненых бойцов. Партизаны получили от армии по воздуху 7685 винтовок и автоматов, 266 противотанковых ружей, 45 480 гранат, 47,5 тонны взрывчатки, около 3 миллионов винтовочных и 3,5 миллиона автоматных патронов, одежду, белье, медикаменты.

В книге Н. Москвина хорошо рассказано, как это богатство, по-

полненное за счет партизанской изобретательности и трофеев, делало наши партизанские подразделения боееспособными.

Партизаны, в свою очередь, снабжали армию ценной развединформацией, иногда вступали в непосредственное боевое взаимодействие с армейскими частями, а главное, как уже сказано, помогали им с тыла в решении оперативных задач.

Одним из ярких примеров такой боевой помощи может служить проведенная накануне наступления Советской Армии и описанная в этой книге «рельсовая война».

Разговор на тему «Советская Армия — партизаны» был бы неполным, если бы умолчать о той большой роли, которую сыграли в партизанском движении советские военнослужащие, солдаты и офицеры, по превратностям войны оказавшиеся во вражеском тылу. Тысячи бойцов, сброшенные гитлеровским командованием со счета, как выведенные из боевого строя, что называется, подвели гитлеровскую статистику. Где уж было фашистским воякам и идеологам понять, что советские патриоты, попавшие в окружение и «котлы», на самом деле не отвоевались. Верные Родине, воспитанные партией, они по ее призыву связывались с партийным подпольем, вливались в партизанские отряды, внося в них военную выучку и армейскую дисциплинированность.

В Особом партизанском полку «Тринадцать» таких людей было много. Изнуренные, пришедшие из окружения или героически бежавшие из плена, они начинали свою воинскую службу сначала, и часто именно из них в полку вырастали выдающиеся партизанские вожаки.

Плечом к плечу с присланными из советского тыла коммунистами и комсомольцами, такими как парторг полка старший политрук Кардаш, начальник особого отдела А. Милехин, комсорг Е. Семенова и другие, партизан водили в бои и пришедшие в полк патриоты-смоляне, такие как комиссар полка И. Стрелков, И. Шалаев, М. Гордиенко, начальник штаба И. Узлов и сменивший его после гибели С. Скворцов, и уроженцы близких и далеких от Смоленска мест. Комбатами в смоленском партизанском полку становились москвич Н. Шерстнев и сибиряк А. Шамов, ленинградец С. Иванов, краснодарец М. Звездаев, украинец И. Матяш, а комиссарами батальонов — ленинградец Самсонов, украинец П. Шевчук и многие другие.

Все они, каждый в свое время, пришли в полк, имея за спиной армейский опыт боев, все были комсомольцами в возрасте 19—23 лет, все начинали партизанскую дорогу рядовыми бойцами и выдвинулись благодаря незаурядным личным качествам.

Автор этой книги в прошлом сибиряк, воин-артиллерист Николай Иванович Москвин — человек общей с ними судьбы. С глубоким интересом и волнением будут прочитаны страницы, относящиеся к допартизанской военной биографии самого автора.

Выдержав выпавшие на его долю суровые испытания с честью, достойной подлинного патриота и человека высокого мужества, Николай Москвин пришел в полк уже закаленным воином, не раз глядевшим смерти в глаза. Здесь он прошел партизанскую школу новых испытаний и побед, проявил незаурядную личную храбрость бойца, мудрость и горячий темперамент политработника, волевые и организаторские качества боевого командира. Он вырос до комбата,

затем комбрига 1-й бригады и был в нашем соединении одним из самых уважаемых и любимых партизанами командиров.

Считаю необходимым сказать об этом не только для того, чтобы представить читателю автора книги, но и потому, что сам Н. И. Москвин пишет о себе с большой скромностью.

В послевоенное время Николай Иванович Москвин, как и многие наши «иногородние» однополчане, обрел на родной Смоленщине новую родину, находясь на партийной и советской работе. Сейчас он — секретарь Смоленского обкома КПСС.

О послевоенных биографиях бывших участников Великой Отечественной войны хорошо сказал ныне известный поэт, в прошлом партизан нашего полка Марк Максимов:

Проверка смертью шла четыре года,
Проверка жизнью длится много лет.

Автор книги с честью выдержал и эту длительную проверку жизнью. Потому с такой гордостью в конце книги он сообщает о послевоенных судьбах своих однополчан — ныне активных строителей коммунизма:

«Василий Агапов трудится на Урале, там же работает бывший разведчик Федор Васильев, оба они инженеры-металлурги... Командир взвода Федор Буслаев и разведчик Михаил Чапаев трудятся в совхозах Тюменской области...»

И не только в промышленности и сельском хозяйстве работают ныне те, кто в свои двадцать лет были подрывниками-разведчиками, партизанскими командирами и политработниками. Нет такой сферы хозяйственной и культурной жизни, где бы не приложили своих рук живущие по всей стране, но по-прежнему дружные бывшие однополчане. На Смоленщине, в Латвии, в Белоруссии трудятся славные партизанские врачи Т. Левченко, П. Данченкова, Б. Миролубов; в Смоленске и в столице Осетии — городе Орджоникидзе на ниве художественной литературы преуспевают члены Союза писателей СССР Вера Звездаева и Даут Дарчиев; Каспийский торговый флот слышит позывные бывшего нашего радиста Данилы Ершова; в городе Горьком работает в госбанке бывший подрывник фашистских эшелонов Михаил Степанов, а в большом и дружном Московском землячестве наших партизан есть и начальник цеха Роман Буянов, и подполковник милиции Александр Жуков, и работник Мосгорисполкома Вячеслав Щербаков, и бригадир строителей Н. Кутузов, и партийный работник Федор Репнев, и офицер Советской Армии Юрий Ефимов, и начальник гаража Сергей Кочетов, и люди науки Кирилл Воскресенский и Федор Кеменев и певец партизанского подвига поэт Марк Максимов.

В этом славном перечне мне трудно остановиться, но читатель узнает о послевоенных делах многих бывших героев партизан из самой книги.

Книга «Партизанскими тропами» не имеет определенного адреса. Но, конечно же, по всей своей сути и содержанию, по горячей манере изложения и потому что ее герои в своем большинстве совсем молодые люди — полк был молодежным — эта книга адресована в первую очередь нынешней молодежи, молодым советским людям — приемникам ратной славы отцов.

В книге изложены только реальные факты, в ней нет вымышлен-

ных лиц и выдуманных событий, но за этими фактами и событиями встают большие судьбы советских патриотов, раскрываются недюжинные характеры и моральная глубина народного подвига, достойного подражания молодежи. Книга Н. Москвина «Партизанскими тропами» является большим вкладом в дело патриотического воспитания нашего молодого поколения.

*СЕРГЕЙ ГРИШИН,
Герой Советского Союза,
кандидат военных наук,
бывший командир Особого
партизанского полка
«Тринадцать».*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 3

На Западном фронте 7

Отряд «Тринадцать» 37

Первый рейд 45

Полк «Тринадцать» 47

Операция «Желтый слон» 82

Будни «Маленькой Москвы» 100

Снова в рейд 114

«Язык» явился сам 131

Генералов преследуют неудачи 147

Мосты жизни и смерти 160

Антифашист Фридрих Браунгольц 166

Возмездие 171

Судьбы людские 187

Война на рельсах. Чаусы 209

Партизанская помощь армии 228

Смоленск освобожден! 236

Блокада 240

Прорыв 271

Из огня — да в полымя 282

В облаве 292

И снова в Бовкинском лесу 300

Через Днепр 306

Партизанский полк глазами врага 311

Партийная конференция 317

Немного о разведке 330

Партизанские эскулапы 336

Врагу — ни минуты покоя 342

У дяди Фрица сдали нервы 352

Дошла очередь и до меня 361

Соединение «Тринадцать» 374

Плечом к плечу с родной армией 385

Здравствуй, город русской славы! 392

Спустя двадцать лет 397

Послесловие 409

75 к.